

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Арчибальд
Кронин

ЦИТАДЕЛЬ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Замок Броуди
Звезды смотрят вниз
Ключи Царства
Цитадель

Арчибальд
Кронин

ЦИТАДЕЛЬ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 83

A. J. Cronin
THE CITADEL
Copyright © A. J. Cronin, 1937
All rights reserved

Перевод с английского Марии Абкиной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-13428-7

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2017
Издательство Иностранка®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В конце одного октябрьского дня в 1924 году бедно одетый молодой человек с жадным вниманием глядел в окно вагона третьего класса в почти пустом поезде, медленно тащившемся из Суонси в Пеноуэльскую долину.

Мэнсон, ехавший с севера, был в дороге целый день и два раза пересаживался — в Карлайле и в Шрусбери. Тем не менее и теперь, к концу утомительного путешествия в Южный Уэльс, его возбуждение не только не улеглось, но и еще усилилось, подогреваемое мыслями о начале его врачебной деятельности, о первом в его жизни месте врача в этой незнакомой и некрасивой части страны.

Снаружи, между горами, высившимися по обе стороны однопутного железнодорожного пути, лил сильный дождь, все затемняя сплошными водяными потоками. Вершины гор тонули в сером небе, но их склоны, изрезанные рудниками, были видны — черные, пустынные, обезображенные большими кучами шлака, по которым в тщетных поисках корма кое-где бродили грязные овцы. Нигде ни куста, ни травинки. Деревья, хилые, скелетообразные, в сумеречном свете походили на привидения. На повороте дороги сверкнул красный огонь литейни, осветив группу рабочих, голых до пояса. В их обнаженных торсах чувствовалось напряжение, руки были подняты для удара. Как быстро ни промелькнула эта картина, заслоненная надшахтными сооружениями, которые теснились за поворотом, она оставила по себе впечатление мощи, живое и бодрое. Мэнсон вдохнул

полной грудью. Он ощутил прилив сил, внезапно захватывающее воодушевление, рожденное надеждами на будущее.

Вечерний мрак упал на землю, придавая всему окружающему еще более пустынный и неприветливый вид, и полчаса спустя поезд, шумно пыхтя, подошел к Блэнелли, конечной станции и последнему городу в Пеноуэльской долине. Путешествие Мэнсона наконец закончилось. Взяв свой дорожный мешок, он соскочил с подножки вагона и пошел по перрону, напряженно высматривая, не встречает ли его кто-нибудь. У выхода, под фонарем, задуваемым ветром, стоял в ожидании старик с желтым лицом, в четырехугольной шапке и макинтоше, длинном, как ночная сорочка. Он с желчным видом осмотрел Мэнсона и наконец сказал как-то неохотно:

— Вы новый помощник доктора Пейджа?

— Совершенно верно, Мэнсон. Мое имя — Эндрю Мэнсон.

— Угу, — промычал старик. — А мое — Томас, Старый Томас, как чаще всего величают меня эти бездельники. Я приехал в двуколке. Садитесь, коли не хотите добираться вплавь.

Мэнсон, таща свой мешок, влез в расхлябанную двуколку, запряженную крупной костлявой черной лошастью. За ним влез и Томас, натянул поводья и обратился к лошади:

— Ну, пошла, Тэффи!

Они ехали по городу, который, как ни старался Эндрю разглядеть его получше, казался сквозь хлеставший дождь просто беспорядочной кучей низеньких серых домишек, приютившихся у подножия высоких гор. Первые несколько минут старый кучер, не вступая в разговор, мрачно поглядывал на Эндрю из-под полей своей шляпы, с которых ручьями текла вода. Высохший и сморщенный, неряшливо одетый, он ничуть не походил на щеголеватого кучера преуспевающего доктора, и от него исходил сильный и специфический застарелый запах кухонного сала. Наконец он заговорил:

— Наверное, только что окончили учение, а? — (Эндрю утвердительно кивнул.) — Так я и думал! — Старый Томас сплюнул в сторону. Довольный своей догадливостью, он стал общительнее. — Последний помощник уехал десять дней тому назад. Здесь редко кто остается долго.

— А почему? — улыбнулся Эндрю, несмотря на нервное волнение.

— Во-первых, я думаю, оттого, что работа слишком тяжела...

— А во-вторых?

— Сами увидите!

Некоторое время спустя Томас с таким видом, с каким гид показывает туристам какой-нибудь величественный собор, поднял кнут и указал на один из последних в ряду домиков, из освещенной двери которого выходило облако чада.

— Видите? Тут моя хозяйка и я торгуем жареной картошкой. Жарим два раза в неделю. И рыба бывает свежая. — Его длинная верхняя губа задергалась скрытой усмешкой. — Я думаю, вам это не мешает знать, скоро пригодится.

Тем временем они проехали до конца главной улицы, свернули на боковую, короткую и неровную, затем двуколка протряслась по какому-то пустырю и узкой аллее, которая вела к дому, стоявшему как-то на отлете, отдельно от других, за тремя араукариями. На воротах красовалась надпись: «Брингоуэр».

— Вот мы и приехали, — сказал Томас, останавливая лошадь.

Эндрю вылез из двуколки. Пока он собирался с духом перед церемонией представления, дверь распахнулась, и через минуту он очутился в освещенной передней, где его приветствовала потоком слов низенькая, кругленькая, улыбающаяся женщина лет сорока с лоснившимся лицом и блестящими бойкими глазами.

— Ага, вы, конечно, доктор Мэнсон. Входите, мой дорогой, входите. Я жена доктора, миссис Пейдж. Надеюсь, вас

не утомила поездка? Очень рада, что вы приехали. Я чуть с ума не сошла после того, как уехал тот ужасный субъект, что последним служил у нас. Жаль, что вы его не видели! И вот же, скажу я вам! В жизни такого не встречала. Ну, теперь, когда вы здесь, все будет в порядке. Пойдемте, я сама провожу вас в вашу комнату.

Комната Эндрю наверху оказалась маленькой каморкой, в которой стояли латунная кровать, желтый лакированный комод и бамбуковый столик с кувшином и тазом для умывания. Оглядывая комнату, в то время как круглые черные глаза хозяйки испытующе следили за выражением его лица, Эндрю сказал с натянутой вежливостью:

— Что ж, здесь очень уютно, миссис Пейдж.

— Да, разумеется. — Она улыбнулась и матерински погладила его по плечу. — Вы здесь отлично устроитесь, мой милый. Относитесь ко мне хорошо, и тогда я к вам буду относиться хорошо. Честно сказано, не так ли? Ну а теперь пойдемте, я вас сию же минуту познакомлю с доктором Пейджем. — Она остановилась, все так же испытующе глядя ему в глаза, но стараясь говорить непринужденно. — Не помню, писала ли я вам, что доктор... в последнее время не совсем здоров.

Эндрю с внезапным удивлением посмотрел на нее.

— О, ничего серьезного, — продолжала она поспешно, прежде чем он успел вставить слово. — Он слег неделю-другую тому назад. Но скоро совсем поправится. Можете в этом не сомневаться.

Озадаченный Эндрю шел за ней до конца коридора. Здесь она открыла одну из дверей и весело воскликнула:

— Эдвард, вот доктор Мэнсон, наш новый помощник! Он пришел с тобой поздороваться.

Когда Эндрю вошел в комнату — длинную, обставленную по-старомодному спальню с наглухо закрывавшими окна синелевыми портъерами и скудным огнем в камине, — Эдвард Пейдж медленно повернулся на постели. Видно было,

что это стоило ему больших усилий. То был высокий костлявый человек лет шестидесяти, с лицом, изрезанным суровыми морщинами, с утомленными светлыми глазами. Лицо его носило отпечаток страдания и какого-то терпеливого изнеможения. Но это было еще не все. При свете керосиновой лампы, падавшем на подушку, видно было, что половина лица неподвижна и желта, как воск. Вся левая половина тела также была парализована, а левая рука, лежавшая на лоскутном одеяле, скрючена так, что походила на какую-то желтую шишку. Заметив все эти признаки тяжелого и далеко не недавнего паралича, Эндрю ощутил внезапный ужас. Наступило неловкое молчание.

— Надеюсь, вам здесь у нас понравится, — наконец сказал доктор Пейдж. Он говорил медленно, с трудом, глотая слова. — И надеюсь, работа окажется вам по силам. Вы еще очень молоды.

— Мне двадцать четыре года, сэр, — натянуто возразил Эндрю. — Конечно, это первая моя служба... но я работы не боюсь.

— Вот видишь, Эдвард! — подхватила, сияя, миссис Пейдж. — Ну не говорила ли я тебе, что со следующим помощником нам повезет!

Лицо Пейджа еще больше застыло. Некоторое время он смотрел на Эндрю. Но потом как будто утратил интерес к нему и сказал устало:

— Надеюсь, вы от нас не сбежите.

— Господи Боже мой! — воскликнула миссис Пейдж. — Что это за разговоры! — Она повернулась к Эндрю, улыбкой прося извинения. — Это оттого, что он сегодня чуточку не в духе. Но он скоро встанет и опять примется за дело. Не правда ли, милый? — Она наклонилась и крепко поцеловала мужа. — Ну, отдыхай. Как только мы поедем, Энни принесет и тебе поужинать.

Пейдж ничего не ответил. От каменной неподвижности половины его лица рот казался искривленным. Здоровая

рука протянулась к книге, лежавшей на столике у кровати. Эндрю заметил ее заглавие: «Дикие птицы Европы». Еще раньше, чем больной принялся за чтение, новый помощник почувствовал, что пора уходить.

К ужину Эндрю сошел вниз в ужаснейшем смятении. Он получил это место помощника врача, откликнувшись на объявление в «Ланцете». Но в переписке миссис Пейдж ни словом не упоминала о болезни доктора Пейджа. А между тем Пейдж, несомненно, тяжело болен: налицо все признаки кровоизлияния в мозг, лишившего его трудоспособности. Пройдет немало месяцев, прежде чем он опять будет в состоянии работать, если это вообще когда-нибудь будет.

Но, сделав над собой усилие, Эндрю перестал думать об этой неприятности. В конце концов, он молод, здоров, ничего не имеет против лишней работы, которая достанется на его долю из-за болезни Пейджа. В своем энтузиазме новичка он жаждал целой лавины пациентов.

— Вам повезло, дорогой мой, — весело объявила миссис Пейдж, суетливо влетая в столовую. — Сегодня вы можете сразу ужинать. Амбулаторного приема не будет. Дэй Дженкинс проделал все вместо вас.

— Дэй Дженкинс?

— Да, это наш аптекарь, — небрежно пояснила миссис Пейдж. — Он у нас мастер на все руки. И услужливый малый. Некоторые даже называют его «доктор Дженкинс», хотя, конечно, его ни в коем случае нельзя равнять с доктором Пейджем. Он последние десять дней принимал больных в амбулатории и делал все визиты тоже.

Эндрю, в новом приливе замешательства, уставился на нее. Мелькнуло в памяти все то, что ему говорили, предупреждения относительно весьма сомнительной постановки врачебного дела в этих глухих уголках Уэльса. Ему снова пришлось сделать над собой усилие, чтобы промолчать.

Миссис Пейдж села во главе стола, спиной к огню. Удобно примостившись в своем кресле с подушкой, она бла-

женно вздохнула в предвкушении ужина и позвонила в стоящий перед ней колокольчик. Ужин подала немолодая служанка с бледным, тщательно умытым лицом, которая, войдя, бросила украдкой взгляд на Эндрю.

— Вот, Энни, это — доктор Мэнсон! — воскликнула миссис Пейдж, намазав маслом кусок мягкой булки и запихивая его в рот.

Энни ничего не ответила. Сдержанно и молча подала Эндрю тонкий ломтик холодной вареной грудинки. А между тем ужин миссис Пейдж состоял из горячего бифштекса с луком и пинты портера. Подняв крышку с поданного ей отдельного блюда и разрезая сочное мясо, она, облизываясь от нетерпения, сочла нужным пояснить:

— Я сегодня плохо завтракала, доктор. Кроме того, я на особой диете. Это из-за малокровия. Из-за него приходится за едой выпивать и каплю портера.

Эндрю решительно принялся жевать жесткую, волокнистую грудинку, запивая ее холодной водой. После первого минутного возмущения в нем заговорило присущее ему чувство юмора. Жалоба миссис Пейдж на слабое здоровье звучала таким вопиющим противоречием ее наружности, что Эндрю с трудом подавил неудержимую потребность засмеяться.

Во время ужина миссис Пейдж усердно ела и говорила мало. Но наконец, управившись с бифштексом и подобрав кусочком хлеба весь соус с тарелки, она смачно облизала губы после остатков портера и откинулась на спинку кресла. Она немного задыхалась. Ее круглые щеки лоснились и пылали румянцем. Она, видимо, склонна была еще посидеть за столом, пуститься в излияния, а может быть, и рассчитывать с присущей ей наглостью выпытать у Мэнсона все, что ей хотелось о нем знать.

Перед ней сидел худой, нескладный, но энергичный и подтянутый молодой человек, черноволосый, с высокими

скулами, с красиво очерченным ртом и синими глазами. Когда он поднимал эти глаза, их твердое, спокойно-пытливое выражение составляло разительный контраст с нервной напряженностью лица. Ничего не зная об этом, Блодуэн Пейдж видела перед собой чистый тип кельта. Оценив энергию и живой ум, выразившиеся в лице Эндрю, она, однако, больше всего была довольна той безропотностью, с какой он принял поданную ему скудную порцию пролежавшего три дня и жесткого, как подошва, мяса. Миссис Пейдж решила про себя, что, хотя новый помощник имеет вид человека изголодавшегося, прокормить его будет не трудно.

— Уверена, мы с вами отлично поладим, — весело объявила она, ковыряя в зубах головной шпилькой. — Пора уже, чтобы мне, для разнообразия, немножко повезло.

И, расчувствовавшись, она принялась поверять Эндрю свои заботы и огорчения, попутно сообщая некоторые сведения об условиях здешней врачебной практики.

— Это было ужас что такое, дорогой мой! Вы и вообразить себе не можете... Болезнь доктора Пейджа, помощники один отвратительнее другого, никаких доходов, все только одни расходы... Вы не поверите, что я пережила!.. А тут еще приходилось умасливать директора и начальство на руднике, ведь через них мы получаем плату за лечение рабочих... Сущие гроши!.. — добавила она поспешно. — Видите ли, здесь, в Блэнелли, вот какой порядок. Правление рудника зачислило в штат трех докторов, но имейте в виду, что доктор Пейдж безусловно самый лучший из них. И ведь он так давно уже работает здесь! Больше тридцати лет — шутка сказать! Да, так вот эти три доктора могут нанимать себе сколько угодно помощников: у доктора Пейджа — вы, у доктора Льюиса имеется какой-то малый, по фамилии Денни, который бог знает что о себе мнит. Но помощники на службе в руднике не состоят, их в списки не заносят. Как я вам уже говорила, правление делает вычеты за лечение из заработка каждого рабочего в руднике и каменоломнях и выпла-

чивает эти деньги штатным врачам, смотря по тому, сколько у них пациентов.

Она остановилась: эти пространные объяснения слишком утомили ее невежественный ум и перегруженный желудок.

— Теперь я, кажется, уже разобрался во всех ваших порядках тут, миссис Пейдж.

— Вот и хорошо! — Она весело засмеялась. — И больше вам ни о чем не надо беспокоиться. Единственное, что вы должны помнить, — это то, что вы работаете для доктора Пейджа. Это главное. Помните только, что вы работаете для доктора Пейджа, — и вы уживетесь отлично с его бедной женошкой!

Мэнсону, молча наблюдавшему за ней, казалось, что миссис Пейдж старается вызвать в нем сочувствие и в то же время подчинить его своему влиянию, все это под маской беспечной ласковости. Быть может, она почувствовала, что зашла слишком далеко, так как вдруг взглянула на часы, выпрямилась и воткнула шпильку, служившую ей зубочисткой, обратно в жирные черные волосы. Затем она поднялась. Голос ее прозвучал уже по-иному, чуть ли не повелительно:

— Кстати, нужно сходить к больному на Глайдер-плейс, номер семь. Вызов поступил после пяти часов. Лучше всего идти туда сейчас же.

II

С чувством, похожим на облегчение, Эндрю тотчас же отправился к больному. Он рад был возможности отделаться на время от странных и противоречивых ощущений, вызванных приездом в «Брингоуэр». У него уже мелькали смутные подозрения относительно того, как здесь в действительности обстоят дела и как Блодуэн Пейдж намерена его использовать, взвалив на него практику больного мужа. Положение создалось неожиданное и совсем не похожее на те романтические картины, которые некогда рисовало ему воображение. Но в конце концов, для него главное — его работа, остальное — пустяки. Он жаждал приступить к этой работе. Сам того не замечая, он ускорял шаги, все в нем было натянуто, как струна, все ликовало от сознания, что вот наконец-то начало — первый визит к больному.

Дождь все еще лил, когда Мэнсон, пройдя грязный неосвещенный пустырь, пошел по Чэпел-стрит в направлении, довольно неопределенно указанном ему миссис Пейдж. Город, по которому он проходил, смутно вырисовывался перед ним в темноте. Лавки, различные церкви и молельные дома — он насчитал их добрую дюжину, — затем большой кооперативный универсальный магазин, отделение Банка западных графств. Все это тянулось вдоль одной главной улицы, лежавшей на самом дне долины. В мысли, что город погребен на дне горной расселины, было что-то крайне угнетающее.

На улице встречалось очень мало людей. От Чэпел-стрит с обеих сторон отходили под прямым углом бесконечные

ряды домиков с синими крышами — жилища рабочих. Вдалеке, у входа в ущелье, виднелись гематитовые рудники и заводы, а над ними громадным веером рассыпались по темному небу отблески пламени.

Мэнсон дошел до дома номер 7 на Глайдер-плейс и, задыхаясь, постучал в дверь. Его тотчас впустили и провели на кухню, где в алькове на кровати лежала больная. Это была молодая женщина, жена пудлинговщика Уильямса. С бурно колотившимся сердцем Мэнсон подошел к постели, изнемогая от волнения при мысли, что наступил наконец решающий момент его жизни. Как часто представлял он его себе, когда в толпе студентов слушал профессора Лэмплоу, демонстрировавшего им больных в своей палате. Сейчас не было вокруг толпы, в которой он ощущал бы поддержку, никто не давал разъяснений. Он был один лицом к лицу с необходимостью самому поставить диагноз и без чьей-либо помощи вылечить больную. И вдруг мгновенным острым испугом пришло сознание своей неопытности, нервности, полной неподготовленности к такой задаче.

В присутствии мужа, стоявшего тут же, в тесной, скудно освещенной кухоньке с каменным полом, он с добросовестной тщательностью осмотрел больную. Не оставалось никакого сомнения в том, что случай серьезный. Женщина жаловалась на невыносимую головную боль. Температура, пульс, язык — все указывало на тяжелое заболевание. Но какое? Вторично осматривая больную, Эндрю с напряженной сосредоточенностью задавал себе этот вопрос. Первая пациентка! Он, конечно, приложит все усилия... но что, если он ошибется, сделает грубый промах? А еще хуже — если не сумеет поставить диагноз? Он ничего не упустил при осмотре больной. Ничего решительно. А все-таки решение этой задачи еще не давалось ему. Мысленно собирая воедино все симптомы, он пытался отнести их к какой-нибудь из известных болезней. Наконец, чувствуя, что невозможно дальше затягивать осмотр, он медленно выпрямился, разобрал и спрятал свой стетоскоп, все время ища, что сказать.

— Она, видно, простудилась? — спросил он, глядя в пол.

— Да, совершенно верно, доктор, — стремительно подтвердил Уильямс, который все время, пока длился осмотр, имел испуганный вид. — Три-четыре дня тому назад. Я был уверен, что это простуда, доктор.

Эндрю кивнул, мучительно силясь внушить этому человеку уверенность, которой сам не ощущал. Он пробормотал:

— Мы скоро поставим ее на ноги. Приходите через полчаса в амбулаторию, я дам вам для нее лекарство.

Он простился с ними и, опустив голову, усиленно размышляя, поплелся в амбулаторию — полуразвалившееся деревянное строение, стоявшее у самого въезда в аллею, которая вела к дому Пейджа.

Войдя туда, Эндрю зажег газ и принялся шагать из угла в угол между пыльными полками, заставленными синими и зелеными бутылками, ломая голову все над той же задачей, ощупью доискиваясь правильного решения. В картине болезни не было ничего симптоматического. Да, это, должно быть, простуда.

Но в глубине души Эндрю знал, что это не простуда. Он застонал от отчаяния, испуганный, сердясь на себя за беспомощность. Он видел, что придется отложить пока постановку диагноза, выждать некоторое время. В клинике профессора Лэмплоу для таких темных случаев имелись изящные карточки с тактичной надписью: «Rugexia¹ неизвестного происхождения». Такой диагноз был и точен, и вместе с тем уклончив, ни к чему не обязывал и при этом звучал замечательно научно!

В полном унынии Эндрю достал из ящика под аптечной стойкой шестиунцевую склянку и, озабоченно хмурясь, начал составлять жаропонижающую микстуру. Spiritus aetheris nitrosi, салициловый натр — куда это запропастилась салицилка, черт бы ее побрал? Ага, вот она где! Он пытался уте-

¹ Лихорадочное состояние. — *Здесь и далее примеч. перев.*

шить себя тем, что все это превосходные средства, которые непременно должны снизить температуру и принести большой пользу. Профессор Лэмплоу часто говорил, что нет другого такого ценного лекарства, как салициловый натр.

Он только что успел приготовить микстуру и с чувством некоторого удовлетворения надписывал сигнатурку, когда звякнул колокольчик, дверь с улицы отворилась, и в амбулаторию вошел невысокий, коренастый, весьма плотный и краснолицый мужчина лет тридцати, а за ним собака. Некоторое время никто не нарушал молчания. Пес, черно-рыжий, какой-то смешанной породы, присел на испачканные грязью задние лапы, а его хозяин, в накинутом на плечи мокрым клеенчатом плаще, из-под которого виднелись поношенный костюм бумажного бархата, длинные чулки шахтера и подбитые гвоздями башмаки, разглядывал Эндрю с головы до пят. Когда он заговорил, в тоне его звучали вежливая ирония и раздражающая благовоспитанность.

— Я, проходя мимо, увидел свет в окне. И решил заглянуть к вам и познакомиться. Я Денни, помощник почтенного доктора Льюиса Л. О. А. Это означает, если вы этого не знаете, «лицензиат Общества аптекарей» — самое высокое из званий, известных Богу и людям.

Эндрю посмотрел на него несколько недоверчиво. Филипп Денни закурил сигарету, вынутую из смятой бумажной пачки, бросил спичку на пол и без церемонии подошел ближе. Он взял в руки бутылку с лекарством, прочитал рецепт и указание насчет способа употребления, откупорил, понюхал, потом опять закрыл бутылку пробкой и поставил ее на место. Его угрюмое красное лицо смягчилось и выразило одобрение.

— Превосходно! Вы уже приступили к работе! «Через три часа по столовой ложке». Боже милостивый, как приятно встретить опять эту излюбленную стряпню, этот кумир всех докторов! Но, доктор, почему через три часа, а не три раза в день? Разве вам не известно, что по строго ортодоксальным правилам столовая ложка лекарства должна

проходить через пищевод три раза в день? — Он сделал паузу, в его напускной серьезности еще сильнее чувствовалась мягкая насмешка. — Теперь скажите мне, доктор, что сюда входит? Spiritus aetheris nitrosi, судя по запаху. Замечательная вещь! Прекрасно, мой милый доктор, прекрасно. Это и мочегонное, и ветрогонное, и укрепляющее, и его можно хлебать хоть целыми ушатами. Помните, что сказано в красной книжечке? В сомнительных случаях прописывайте Spiritus nitrosi. Или это говорится о йодистом калии? Ба, да я, кажется, забыл некоторые очень важные вещи!

В деревянном сарае снова наступило молчание, нарушаемое только стуком дождя, барабанившего по железной крыше. Неожиданно Денни рассмеялся, забавляясь растерянным лицом Эндрю, и сказал насмешливо:

— Ну, оставим в покое науку, доктор. Теперь вы должны удовлетворить мое любопытство. Для чего вы сюда приехали?

Раздражение начинало все сильнее овладевать Эндрю. Он ответил мрачно:

— Я рассчитывал превратить Блэнелли в курорт — что-то вроде курорта с минеральными водами, понимаете.

Денни снова захохотал. Этот смех оскорблял Эндрю, вызывая в нем желание ударить Денни.

— Остроумно, остроумно, мой милый доктор. Настоящий шотландский юмор, легкий, как паровой каток. К сожалению, не могу вам рекомендовать здешнюю воду как вполне подходящую для курорта. Что же касается медиков, так в нашей долине, милый доктор, эти представители славной и поистине благородной профессии — просто сброд.

— И вы в том числе?

— Совершенно верно, — кивнул Денни.

Он молчал с минуту, поглядывая на Эндрю из-под рыжеватых бровей. Затем ироническое выражение исчезло с его некрасивого лица, сменившись прежней угрюмостью. Тон его был горек и серьезен.

— Слушайте, Мэнсон! Я полагаю, что Блэнелли для вас — только этап на пути к Харли-стрит, но, пока вы здесь, вам не мешает знать несколько вещей насчет этого местечка. Вы увидите, что оно не отвечает лучшим романтическим традициям. Здесь нет ни больницы, ни кареты «скорой помощи», ни рентгеновских лучей — ничего. Когда больному нужна операция, ее делают на кухонном столе, а потом моют руки в раковине. Санитарные условия ниже всякой критики. В сухое лето ребятишки мрут как мухи от детской холеры. Пейдж, ваш патрон, был чертовски опытный старый врач, но теперь он человек конченный, его сожрала Блoduэн, и он уже никогда больше не сможет работать. Мой патрон, Льюис, не врач, а просто жадная и скупая повитуха. Брамвелл, Серебряный Король, не знает ничего, кроме нескольких сентиментальных изречений да Соломоновой Песни песней. Ну а я... я в ожидании лучших времен пью запоем. Да, еще имеется Дженкинс, ваш безответный аптекарь. Он делает блестящие дела, торгуя на стороне свинцовыми пилюльками от женских болезней. Вот как будто и все. Ну, пойдём, Гоукинс! — кликнул он собаку и, тяжело ступая, пошел к двери. На пороге остановился и посмотрел сначала на бутылку на стойке, потом на Мэнсона. Голос его звучал вяло, совершенно безучастно, когда он сказал: — Между прочим, я бы на вашем месте проверил, не брюшной ли это тиф у вашей больной на Глайдер-плейс. Бывают случаи не слишком типичные.

«Дзинь!» — звякнул опять колокольчик у двери. И прежде чем Эндрю успел сказать что-нибудь, доктор Филип Денни и Гоукинс скрылись в сыром мраке.

III

Не жесткий матрац, в котором шерсть сбилась комьями, мешал Эндрю спать в эту ночь, а все растущее беспокойство относительно больной на Глайдер-плейс.

Был ли это тиф? Прощальное замечание Денни вызвало в его уже встревоженной душе новую вереницу сомнений и дурных предчувствий. Боясь, что он упустил какой-нибудь важный симптом, он с трудом удерживался от того, чтобы встать и отправиться снова к больной в такой невыносимо ранний час. Беспокойно ворочаясь всю долгую бессонную ночь напролет, он дошел уже до того, что спрашивал себя, понимает ли он вообще хоть что-нибудь в медицине.

У Мэнсона была бурная натура, склонная к исключительной напряженности переживаний. Вероятно, он унаследовал ее от матери, уроженки горной Шотландии, которая на своей родине, в Аллапуле, в детстве наблюдала, как северное сияние мечется по седому небу. Отец Эндрю, Джон Мэнсон, мелкий файфширский фермер, был человек уравновешенный, степенный и трудолюбивый. Но хозяйничал он на своей земле не слишком удачно, и когда, в последний год Мировой войны, он был убит на фронте, дела его остались в крайне запутанном и плачевном состоянии. Целый год Джесси Мэнсон усердно старалась сохранить ферму, завела молочное хозяйство и даже сама развозила в фургоне молоко, когда видела, что Эндрю слишком занят своими книгами, чтобы сделать это за нее. Но вскоре кашель, на который она в течение ряда лет не обращала никакого внимания, начал все сильнее мучить ее, и она неожиданно забо-

лела чахоткой, от которой так часто гибнут тонкокожие, темноволосые жители гор.

В восемнадцать лет Эндрю оказался один на свете. Он учился тогда на первом курсе Университета Сент-Эндрю и получал стипендию — сорок фунтов в год, не имея, кроме нее, ни единого гроша за душой. Спасал его «Гленовский фонд», это типично шотландское учреждение, которое (употребляя наивную терминологию покойного сэра Эндрю Глена, его основателя) «приглашает достойных и нуждающихся студентов, получивших при крещении имя Эндрю, брать ссуды не свыше пятидесяти фунтов в год в течение пяти лет, при условии, если они готовы добросовестно погасить эти ссуды по окончании учения».

«Гленовский фонд» и способность весело голодать помогли Эндрю пройти весь курс в Университете Сент-Эндрю, а затем окончить медицинский факультет в городе Данди. А благодарность фонду и несносная честность заставили его тотчас по получении диплома спешно взять место в Южном Уэльсе, где только что окончившие врачи могли рассчитывать на большой заработок, нежели во всех других местах, с жалованьем 250 фунтов в год, хотя он, конечно, предпочел бы работать в Королевской больнице Эдинбурга и получать в десять раз меньше.

И вот он в Блэнелли. Встает, бреется, одевается, все это с лихорадочной быстротой, вызванной беспокойством о первой пациентке. Он торопливо позавтракал и побежал обратно в свою комнату. Здесь отпер чемодан и достал оттуда маленький футляр синей кожи. Открыл его и с серьезным выражением смотрел некоторое время на лежавшую внутри медаль, гунтеровскую¹ золотую медаль, которую ежегодно присуждали в Университете Сент-Эндрю студенту, сделавшему наибольшие успехи в клинической медицине. И он, Эндрю Мэнсон, получил эту медаль! Он ценил ее выше всего, привык смотреть на нее как на талисман, залог

¹ *Гунтер* — знаменитый шотландский хирург.

счастливого будущего. Но в это утро он взирал на нее с гордостью, с какой-то странной тайной мольбой, словно стремясь вновь обрести веру в себя. Потом, спрятав футляр, поспешил в амбулаторию на утренний прием больных.

Когда Эндрю вошел в эту лачугу, он уже застал там Дэя Дженкинса, наливавшего воду из крана в большой глиняный горшок. Это был проворный вертлявый человечек, с впалыми щеками в красных жилках, с глазами, шнырявшими одновременно во все стороны, и худыми ногами в таких тесных брюках, каких Эндрю ни на ком еще не видывал. Дженкинс поздоровался с ним и сказал заискивающе:

— Вам нет надобности приходить так рано, доктор. Я могу до вашего прихода отпустить все повторные лекарства и выдать, кому нужно, удостоверения. Миссис Пейдж заказала резиновый штамп с подписью доктора Пейджа, когда он заболел.

— Благодарю вас, — возразил Эндрю, — но я хочу сам принять всех больных. — Он остановился, забыв на время о своей тревоге, пораженный тем, что делал аптекарь. — А что это вы делаете?

Дженкинс вместо ответа подмигнул ему:

— Из этого горшка вода покажется им вкуснее. Мы с вами знаем, что значит добрая старая «аqua»¹, не так ли, доктор? Ну а пациенты этого не знают. Дурак был бы я, если бы при них наливал воду в их бутылки прямо из крана!

Маленький аптекарь обнаруживал явное желание пускаться в откровенности, но из задней двери дома, за сорок ярдов от амбулатории, вдруг раздался громкий крик:

— Дженкинс! Дженкинс! Вы мне нужны — *сию же минуту!*

Дженкинс подскочил, как строго вымуштрованный пес при щелканье бича погонщика, и пробормотал дрожащим голосом:

¹ Вода (лат.).

— Извините, доктор. Меня зовет миссис Пейдж. Я... я должен бежать туда.

К счастью, на утренний прием пришло всего несколько человек, к половине одиннадцатого Эндрю всех отпустил и, получив от Дженкинса список больных, которых следовало посетить на дому, тотчас выехал в двуколке Томаса. В почти мучительном нетерпении он велел старому кучеру ехать прямо на Глайдер-плейс.

Через двадцать минут он вышел из дома номер 7 бледный, крепко сжав губы, со странным выражением лица. Пройдя два дома, вошел в 11-й, который тоже числился у него в списке. Из 11-го, перейдя улицу, — в 18-й. Из 18-го, завернув за угол, направился на Рэднор-плейс, где еще два адреса было записано Дженкинсом с указанием, что он уже побывал там вчера. Всего он за час сделал семь визитов в дома, расположенные очень близко друг от друга. В пяти случаях из семи, включая и пациентку из дома номер 7 на Глайдер-плейс, у которой уже появилась характерная сыпь, он обнаружил типичные признаки брюшного тифа. Последние десять дней Дженкинс лечил их мелом и опиумом. После вчерашней неудачной попытки поставить диагноз Эндрю теперь с ужасом убедился, что имеет дело с вспышкой эпидемии тифа.

Остальные визиты он проделал как можно быстрее, в состоянии, близком к панике.

За ланчем, во время которого миссис Пейдж была всецело занята отлично подрумяненным сладким мясом (которое, как она весело пояснила Мэнсону, «было приготовлено для доктора Пейджа, но почему-то ему не понравилось»), он хранил ледяное молчание, обдумывая этот вопрос. Он понимал, что от миссис Пейдж узнает очень мало и помощи от нее ждать нечего. И решил, что следует поговорить с самим Пейджем.

Но когда он вошел в комнату доктора, шторы там были опущены и Эдвард лежал пластом на кровати с сильной

головной болью. Лицо его было очень красно и сморщено от боли. Хотя он знаком попросил гостя присесть, Эндрю почувствовал, что было бы жестоко сейчас расстраивать больного новой неприятностью. Посидев несколько минут у кровати, он встал, собираясь уйти, и ограничился лишь следующим вопросом:

— Скажите, доктор Пейдж, что надо первым делом предпринять, когда имеются случаи заразных болезней?

Пауза. Потом Пейдж, не открывая глаз и не двигаясь, ответил с таким видом, как будто уже от одного того, что он заговорил, его мигрень усилилась:

— В таких случаях всегда бывают затруднения. У нас нет даже и больницы, не говоря уже об изоляционных бараках. Если вы натолкнетесь на что-нибудь очень серьезное, позвоните Гриффитсу в Тониглен. Это в пятнадцати милях отсюда, ниже Блэнелли. Гриффитс — окружной врачевный инспектор. — Снова пауза, длиннее предыдущей. — Но боюсь, что от этого мало будет пользы.

Утешенный такими сведениями, Эндрю помчался вниз, в переднюю, и позвонил в Тониглен. Стоя у телефона с трубкой у уха, он заметил Энни, служанку, смотревшую на него из-за двери кухни.

— Алло! Алло! Это доктор Гриффитс? — Он наконец добился соединения.

Мужской голос ответил очень сдержанно и осторожно:

— А кто его спрашивает?

— Говорит Мэнсон из Блэнелли, ассистент доктора Пейджа. — Голос Эндрю достиг высшей степени напряжения. — У меня здесь пять случаев тифа. Я прошу доктора Гриффитса немедленно приехать.

Откровеннейшая пауза и затем стремительный ответ монотонной заискивающей скороговоркой, с сильным уэльским акцентом:

— Ужасно сожалею, доктор, ужасно сожалею, но доктор Гриффитс уехал в Суонси. По важному служебному делу.

— А когда он вернется? — крикнул Мэнсон во весь голос (телефон был в неисправности).

— Право, доктор, не могу сказать наверное.

— Но послушайте...

На другом конце провода что-то шелкнуло. Говоривший совершенно хладнокровно повесил трубку. Мэнсон в гневном раздражении громко выругался:

— Ах, черт побери, я уверен, что это был сам Гриффитс!

Он позвонил снова, но его не соединяли. Он с упорной настойчивостью собирался звонить в третий раз, когда, обернувшись, увидел, что Энни вышла в переднюю и стоит, сложив на фартуке руки, спокойно и степенно глядя на него.

Это была женщина лет сорока пяти, очень опрятная, с серьезным и неизменно ясным выражением лица.

— Я нечаянно слышала ваш разговор, доктор, — сказала она. — Доктора Гриффитса никогда не застанете в Тониглене в этот час. Он чаще всего днем уезжает в Суонси играть в гольф.

Сияясь проглотить клубок, подкатившийся к горлу, Мэнсон сердито возразил:

— Но мне кажется, что со мной говорил именно он.

— Возможно. — Энни слабо усмехнулась. — Я слышала, что, когда он и не уезжает в Суонси, то отвечает, что уехал. — Она дружелюбно и спокойно посмотрела на Эндрю, затем повернулась к двери и заключила: — Я бы на вашем месте не стала терять время на разговор с ним.

Эндрю повесил трубку и со все возрастающим негодованием и тревогой, бормоча проклятия, вышел из дому и вторично обошел своих больных. Когда он воротился, пора было начинать вечерний прием. Полтора часа просидел он за перегородкой, в тесной каморке, изображавшей кабинет врача, осматривая больных, которыми была битком набита приемная, до тех пор, пока не запотели стены и в комнате можно было задохнуться от испарений, выделяемых мокрыми телами. Рудокопы с порезанными пальцами,

с профессиональными болезнями глаз и коленных связок, с хроническим ревматизмом. Их жены и дети — кашляющие, простуженные, с каким-нибудь растяжением или вывихом, со всякими другими мелкими человеческими недугами. При иных обстоятельствах Эндрю эта работа доставила бы удовольствие, ему приятно было бы даже спокойно-оценивающее наблюдение за ним этих хмурых людей с землистыми лицами, перед которыми он чувствовал себя как на экзамене. Но сегодня он был всецело поглощен более важным вопросом и голова у него шла кругом от сыпавшегося на него града пустячных жалоб. И все время, пока он писал рецепты, выстукивал груди и давал советы, в нем зрело решение, которое он мысленно выражал следующими словами: «Это он меня надоумил. Я его ненавижу, да, он мне противен, этот высокомерный дьявол, но ничего не поделаешь, придется идти к нему».

В половине десятого, когда из амбулатории ушел последний пациент, Эндрю с решительным видом вышел из своей каморки.

— Дженкинс, где живет доктор Денни?

Маленький аптекарь, который в эту минуту спешно закрывал на засов наружную дверь, опасаясь, чтобы в амбулаторию не забрел еще какой-нибудь запоздалый посетитель, повернулся к Эндрю с почти комичным выражением ужаса на лице.

— Ведь вы же не станете связываться с этим человеком, доктор? Миссис Пейдж... Она его не любит.

Эндрю спросил угрюмо:

— А почему это она его не любит?

— Да потому же, почему и все. Он был так безобразно груб с ней. — Дженкинс замолчал, но затем, всмотревшись в лицо Мэнсона, добавил неохотно: — Что ж, если вы непременно желаете знать, — он живет у миссис Сиджер, Чэпел-стрит, номер сорок девять.

Снова в путь. Эндрю целый день был на ногах, но не чувствовал усталости, поглощенный сознанием своей ответ-

ственности, озабоченный эпидемией тифа, тяжелым грузом легшей ему на плечи. Он испытал большое облегчение, когда, придя на Чэпел-стрит, 49, узнал, что Денни дома. Хозяйка проводила его к нему.

Если Денни и удивился его приходу, то ничем этого не показал. Он только спросил после долгого и невыносимого для Эндрю разглядывания его в упор:

— Что, уже отправили кого-нибудь на тот свет?

Эндрю, все еще стоявший на пороге теплой неприбранной гостиной, покраснел, но, сделав над собой громадное усилие, подавил гнев и обиду. Он сказал отрывисто:

— Вы были правы. Это брюшной тиф. Меня убить мало за то, что я сразу не распознал его. Уже пять случаев. Я не в большом восторге, что приехал сюда. Но надо что-то делать, а я здесь новый человек и не знаю что. Я звонил врачебному инспектору, да ничего от него не добился. И пришел к вам за советом.

Денни, в своем кресле у камина, полуобернувшись, слушал с трубкой в зубах и наконец сказал ворчливо:

— Вы бы лучше вошли. — Затем, с внезапным раздражением: — Ох, да садитесь же, ради бога! Не стойте, как пресвитерианский священник, который готовится предать кого-нибудь анафеме. Выпить чего-нибудь хотите? Нет? Ну конечно, я так и думал, что не захотите.

Но даже и тогда, когда Эндрю, неохотно уступая его настояниям, сел с оборонительным видом и даже закурил сигарету, Денни не торопился начинать разговор. Он сидел, тыкая своего пса Гоукинса носком рваной домашней туфли. Наконец, когда Мэнсон докурил сигарету, он сказал, кивком указывая на стол:

— Взгляните, пожалуйста, на это!

На столе стоял прекрасный цейссовский микроскоп и лежало несколько препаратов. Эндрю поместил один из них под микроскоп и сразу различил характерные палочки — группы тифозных бактерий.

— Сделано, конечно, очень неумело, — небрежно, скороговоркой заметил Денни, как бы торопясь предупредить критику. — Просто сварганил кое-как. Я, слава богу, не лабораторная крыса. Я хирург. Но при наших проклятых порядках приходится быть мастером на все руки. Впрочем, как ни плохо сделаны препараты, ошибиться нельзя, видно даже невооруженным глазом. Я их приготовил на агаре в моей печке.

— Значит, и у вас были случаи тифа? — спросил Эндрю с жадным интересом.

— Четыре. Все на том же участке, где ваши. — Денни замолчал. — И эти клопики, что вы тут видите, — из колодца на Глайдер-плейс.

Эндрю смотрел на него, оживившись, сгорая от желания задать десятки вопросов, начиная понимать, как серьезно относится к своей работе этот человек, а главное — безмерно обрадованный тем, что ему указали источник заразы.

— Видите ли, — заключил Денни все с той же холодной, горькой иронией, — паратиф здесь более или менее обычное явление. Но когда-нибудь — скоро, очень скоро! — мыждемся хорошенькой вспышки эпидемии. Виновата в этом главная канализационная труба. Она вся дырявая, и нечистоты просачиваются из нее, отравляя половину подземных источников в городе. Я вдалбливал это Гриффитсу, пока не измучился. Но он ленивая, увертливая, ни на что не годная благочестивая скотина. Во время нашего последнего разговора по телефону я пригрозил, что при встрече проломлю ему башку. Наверное, оттого он и увильнул от вас сегодня.

— Это черт знает что! Позор! — крикнул Эндрю, увлеченный внезапным порывом возмущения.

Денни пожал плечами:

— Он не хочет требовать ничего от городского управления, боясь, как бы ему не урезали жалованье, чтобы оплатить необходимые расходы.

Наступило молчание. Эндрю горячо желал продолжения разговора. Несмотря на неприязненное чувство к Денни,

в нем странным образом возбуждали энергию пессимизм этого скептика, его хладнокровный и обдуманый цинизм. Но он не находил предлога оставаться здесь дольше. Поэтому он встал из-за стола и направился к двери, скрывая свои истинные чувства и решив просто вежливо поблагодарить Денни, показать ему, какое облегчение он теперь испытывает.

— Очень вам признателен за сведения. Благодаря вам мне теперь все ясно. Меня беспокоила причина эпидемии, я думал, тут имеется какой-то носитель заразы, но раз вы установили, что все дело в колодце, тогда это гораздо проще. Отныне на Глайдер-плейс должны будут кипятить каждую каплю воды.

Денни поднялся тоже.

— Это Гриффитса следовало бы прокипятить! — проворчал он, затем с прежним сарказмом добавил: — Пожалуйста, без трогательных выражений благодарности, доктор! Нам с вами, вероятно, придется еще не раз терпеть общество друг друга, пока вся эта история не закончится. Приходите ко мне когда захочется. Мы здесь не слишком избалованы общением с людьми. — Он посмотрел на свою собаку и закончил грубо: — Даже доктору-шотландцу будем рады. Не так ли, сэр Джон?

Сэр Джон Гоукинс ударил хвостом по ковру и, словно дразня Мэнсона, высунул красный язык.

Тем не менее, возвращаясь домой через Глайдер-плейс, где он по пути дал строгий наказ относительно кипячения воды, Эндрю чувствовал, что Денни теперь вовсе не так уж ему противен, как казалось раньше.

IV

Эндрю ринулся на борьбу с тифом со всем пылом энергичной и стремительной натуры. Он любил свое дело и считал удачей то, что ему в самом начале карьеры представился такой случай. Эти первые недели он работал как вол, и работал с наслаждением. На нем лежала вся повседневная практика, а справившись с ней, он с увлечением занимался своими тифозными больными.

Пожалуй, ему везло в этой первой борьбе. К концу месяца все его пациенты стали поправляться, и можно было думать, что вспышка эпидемии подавлена. Когда он размышлял обо всех принятых им мерах, которые проводил с неумолимой строгостью: кипячении воды, дезинфекции, изоляции больных, о пропитанных карболкой простынях на каждой двери, хлорной извести, которую он целыми фунтами заказывал за счет миссис Пейдж и собственноручно насыпал ею сточные канавы на Глайдер-плейс, — он говорил себе в упоении: «Помогло! Я не стою такого счастья. Но, видит Бог, это сделал я!»

Он испытывал тайную, постыдную радость оттого, что его пациенты выздоравливают быстрее, чем пациенты Денни.

Денни по-прежнему оставался для него загадкой, раздражал его. Они теперь, естественно, встречались часто, навещая больных на одном и том же участке. Денни нравилось обрушивать всю силу своей иронии на дело, которое делали они оба. Он называл себя и Мэнсона «грозными истребите-

лями эпидемии» и смаковал эту избитую фразу с каким-то злорадным удовлетворением. Но весь его сарказм, все его насмешливые замечания вроде «не забывайте, доктор, что мы поддерживаем честь поистине славной профессии» не мешали ему проводить часы в комнатах больных, сидеть у их постелей, касаться их руками, не думая о заразе.

Временами Эндрю готов был полюбить его за проблемски стыдливо-сдержанной сердечности и простоты, но затем какое-нибудь злое, хлесткое слово опять портило все. Как-то раз Эндрю, огорченный и задетый, прибегнул к «Врачебному адрес-календарю» в надежде узнать что-нибудь о Денни. Это был старый, изданный пять лет тому назад справочник, найденный им на полке у доктора Пейджа, но в нем оказались потрясающие сведения о Филипе Денни. Оказалось, что он окончил с отличием Кембриджский университет, имеет звание магистра хирургии и занимал должность старшего хирурга в городе Либоро.

Десятого ноября Денни неожиданно позвонил ему по телефону:

— Мэнсон, мне бы надо вас повидать, не можете ли вы прийти ко мне в три часа? Очень важное дело.

— Хорошо, приду.

За завтраком Эндрю был задумчив. Доедая деревенский пирог, который ему сегодня подали, он почувствовал на себе упорный взгляд Блодуэн — игривый, но вместе с тем повелительный.

— Кто это говорил с вами по телефону? Денни, да? Вам не следует якшаться с таким субъектом. Никакой пользы от него не будет.

Эндрю холодно посмотрел ей в глаза:

— Напротив, он мне был очень полезен.

— Да полноте, доктор! — злобно окрысилась Блодуэн, как всегда, когда ей перечили. — Он самый настоящий сумасброд. Лекарств он обычно совсем не прописывает. Да вот,

например, когда пришла к нему Рис Морган, которую всю жизнь врачи лечили разными лекарствами, он посоветовал ей ходить каждый день две мили в гору и перестать «заливать себя всяким свиным пойлом». Это его подлинные слова. Тогда она от него ушла к нам и получала от Дженкинса бутылку за бутылкой отличные микстуры. Этот Денни просто мерзкий грубиян. Все говорят, что у него где-то имеется жена, которая с ним не живет. Вот какой это человек! К тому же он почти всегда пьян. Лучше не связывайтесь с ним, доктор, и помните, что вы работаете для доктора Пейджа.

При этом уже не раз слышанном наказе Эндрю ощутил бурный прилив раздражения. Он делал все, что мог, чтобы угодить миссис Пейдж, но ее требовательности не было границ. Под ее подозрительностью и шумной веселостью, сменявшимися друг друга, всегда чувствовалось намерение использовать его до последней возможности и дать в обмен как можно меньше. Жалованье за первый месяц она уже задержала на три дня. Может быть, это с ее стороны было просто забывчивостью, но такая забывчивость очень беспокоила и злила Мэнсона. И сейчас вид этой цепко оберегавшей свое благополучие жирной, цветущей женщины, которая посмела критиковать Денни, вывел его из себя. Он сказал в сердцах:

— Я бы лучше помнил, что работаю на доктора Пейджа, если бы вовремя получал свое жалованье, миссис Пейдж.

Она сразу покраснела, вызываясь вздернула голову, и Мэнсону стало ясно, что она отлично помнила об этом все время.

— Полúчите! Эка важность, подумаешь!

До конца завтрака она сидела надутая, не глядя на Эндрю, как будто он ее чем-нибудь оскорбил. Но когда он после завтрака был призван в гостиную, она встретила его уже в другом настроении — слащаво-любезная, веселая, улыбающаяся.

— Вот ваши деньги, доктор. Присаживайтесь и будьте пообходительнее. Нам с вами надо жить дружно, иначе ничего у нас не выйдет.

Она сидела в зеленом плюшевом кресле, и на ее полных коленях лежало двадцать фунтовых бумажек и черный кожаный кошелек. Взяв в руки ассигнации, она принялась медленно отсчитывать их, передавая Мэнсону: «Один, два, три, четыре». Чем меньше становилась пачка, тем медленнее она считала, ее хитрые черные глазки вкрадчиво мигали, и, дойдя до восемнадцати, она остановилась с легким вздохом сожаления:

— Ох, доктор, это большие деньги в наше трудное время! Не правда ли? «Давай и бери» — вот мой девиз. Можно оставить себе на счастье остальные два фунта?

Мэнсон молчал. Она своей мелочной жадностью ставила себя в унижительное положение. Ему было известно, что врачебная практика приносит ей солидный доход. Долгую минуту она сидела так, сверля глазами его лицо, затем, не встретив в ответ на свою просьбу ничего, кроме ледяного бесстрастия, сердитым жестом швырнула ему последние две бумажки и сказала резко:

— Смотрите же, заслужите эти деньги!

Затем рывком поднялась и уже хотела выйти из комнаты, но Эндрю остановил ее на пути к дверям:

— Одну минуту, миссис Пейдж.

В голосе его звучала нервная решительность. Как ни противно ему было, он решил не давать потачки этой жадной особе.

— Вы уплатили мне за месяц только двадцать фунтов, это составляет в год двести сорок, а мы с вами договорились, что я буду получать двести пятьдесят. Значит, мне следует еще шестнадцать шиллингов восемь пенсов, миссис Пейдж.

Она мертвенно побледнела от ярости и разочарования.

— Ах так! — прошипела она, задыхаясь. — Вы хотите ссориться из-за какой-то мелочи. Мне всегда говорили, что шотландцы скупы. Теперь я в этом убедилась. Нате! Возьмите свои грязные шиллинги и медяки тоже!

Она отсчитала деньги из туго набитого кошелька, пальцы ее тряслись, глаза так и кололи Эндрю. Наконец, бросив на него последний злобный взгляд, она выскочила из гостиной, хлопнув дверь.

Пылая гневом, Эндрю вышел из дому. Колкости Блодун тем сильнее задели его за живое, что он сознавал их несправедливость. Как она не понимала, что здесь дело шло не о пустячной сумме, а о принципе справедливости? Впрочем, независимо от требований высшей морали, у него это было врожденной чертой характера, отличающей северян, — решимость никогда никому в жизни не позволять себя дурачить и надувать.

Только когда он уже дошел до почты, купил конверт и отослал полученные двадцать фунтов по адресу «Гленовского фонда» (серебро он оставил себе на карманные расходы), он немного успокоился. Стоя на крыльце почтовой конторы, он увидел подходившего доктора Браммуэлла, и лицо его еще больше прояснилось. Браммуэлл шел медленно, его большие ступни величественно попирали мостовую, жалкая потрепанная черная фигура держалась прямо, нестриженные серые волосы падали на засаленный воротник, а глаза были устремлены в книгу, которую он держал в вытянутой вперед руке. Когда он дошел до Эндрю, которого заметил еще издали, с середины улицы, он театрально вздрогнул, изображая удивление:

— А, Мэнсон, милейший! Я так зачитался, что чуть не прошел, не заметив вас.

Эндрю усмехнулся. Он был в хороших отношениях с доктором Браммуэллом, который, не в пример Льюису, второму «штатному» врачу, очень сердечно отнесся к нему

с первой же встречи. Практика у Браммуэлла была небольшая, и он не мог позволить себе роскошь держать помощника, но у него были величественные манеры и некоторые замашки знаменитости.

Он закрыл книгу, старательно отметив в ней грязным ногтем указательного пальца место, где остановился, затем картинно заложил свободную руку за борт потрепанного пальто. Он имел такой театральный вид, что казался почти фантастическим призраком на главной улице Блэнелли. Недаром Денни дал ему прозвище Серебряный Король.

— Ну что, дорогой мой, как вам понравилось наше маленькое общество? Я уже говорил вам, когда вы посетили мою дорогую жену и меня в нашем уголке, что оно не так скверно, как может показаться на первый взгляд! У нас тут имеются свои таланты. Моя дорогая жена и я стараемся их поощрять. Мы и в этой глуши высоко несем светоч культуры. Мэнсон, вы должны прийти к нам как-нибудь вечером. Вы не поете?

Эндрю ужасно хотелось расхохотаться. Браммуэлл елейным тоном продолжал:

— Все мы, разумеется, слышали о вашей борьбе с тифом. Блэнелли гордится вами, мой дорогой мальчик. Я только сожалею, что такой случай не выпал на мою долю. Если могу быть вам полезен при каком-нибудь затруднении, загляните ко мне!

Чувство раскаяния — кто он такой, чтобы потешаться над старым человеком? — побудило Эндрю ответить:

— Вот, кстати, доктор Браммуэлл, — я натолкнулся на прелюбопытный случай вторичного медиастинита¹, который очень редко встречается. Если у вас есть время, не хотите ли зайти со мной посмотреть его?

— Да? — сказал Браммуэлл уже с несколько меньшим энтузиазмом. — Но я не желал бы вас затруднять.

¹ Воспаление грудного средостения.

— Это тут сейчас за углом, — возразил с готовностью Эндрю. — И у меня остается свободных полчаса до встречи с доктором Денни. Мы будем там через одну секунду.

Брамуэлл колебался, в первый момент как будто хотел отказаться, но затем сделал нерешительный жест согласия. Они дошли до Глайдер-плейс и вошли в дом больного.

Заболевание, как уже говорил Мэнсон, представляло чрезвычайный интерес для врача — редкий случай сохранения зубной железы. Эндрю искренно гордился тем, что обнаружил это, и, испытывая горячую потребность товарищеского общения, надеялся, что Брамуэлл разделит его восторг по поводу сделанного открытия.

Но доктор Брамуэлл, несмотря на все его торжественные заявления, ничуть не казался заинтересованным. Он неохотно последовал за Эндрю в комнату больного, дыша через нос, и с манерностью важной дамы подошел к постели. Стараясь держаться на безопасном расстоянии от больного, он поверхностно осмотрел его. Он, видимо, вовсе не был склонен задерживаться здесь. И только когда они вышли из дома и он полной грудью вдохнул в себя чистый и прохладный воздух, к нему вернулось обычное красноречие. Он оживленно заговорил с Эндрю:

— Я очень доволен, что вместе с вами побывал у вашего больного, мой друг, во-первых, потому, что считаю профессиональным долгом никогда не останавливаться перед опасностью заражения, во-вторых, потому, что радуюсь всякой возможности двигать науку. *Поверьте ли, это наиболее характерный из всех когда-либо мною виденных случаев воспаления поджелудочной железы!*

Он пожал руку Эндрю и торопливо ушел, оставив того в полном недоумении. «Поджелудочной железы», — твердил про себя пораженный Эндрю. И то была не просто обмолвка со стороны Брамуэлла, а грубейшая ошибка. Все его поведение при осмотре выдавало его невежество. Он был просто неуч. Эндрю потер лоб. Подумать только, что

врач, имеющий диплом и практику, врач, в чьих руках жизнь сотен людей, путает поджелудочную железу с зубной, когда одна находится в брюшной полости, а другая — в груди. «Нет, это что-то потрясающее!»

Медленно направился он к дому, где жил Денни, опять чувствуя, что жизнь опрокидывает его прежние представления о работе врачей. Он знал, что еще новичок, недостаточно подготовленный, и по неопытности вполне способен делать ошибки. Но Браммуэлл не мог сослаться на отсутствие опыта, и, следовательно, его невежество ничем оправдать нельзя.

Незаметно для него самого мысли Эндрю перешли к Денни, никогда не упускавшему случая подтрунить над их общей профессией. Денни вначале сильно возмущал его, лениво доказывая, что по всей стране имеются тысячи нигде не годных врачей, которые замечательны лишь своим полнейшим невежеством да благоприобретенной способностью водить за нос пациентов. Теперь Эндрю задавал себе вопрос, нет ли доли истины в том, что говорил Денни. Он решил сегодня же снова поговорить с ним на эту тему.

Но, войдя в комнату Денни, он сразу увидел, что для академических споров момент сейчас неподходящий: Филип встретил его мрачным молчанием, лицо его было пасмурно, глаза смотрели угрюмо. Через некоторое время он сказал:

— Сын Джонса умер сегодня утром, в семь часов. Прободение кишок. — Он говорил тихо, с холодной, сдержанной яростью. — И у меня два новых случая тифа на Ист-ред-роу.

Эндрю опустил глаза, сочувствуя ему, но не зная, что сказать.

— Однако не будьте слишком самоуверенны, — продолжал Денни с горечью. — Вам приятно, что мои больные умирают, а ваши поправляются. Но будет уже менее приятно, когда эта проклятая канализационная труба даст течь на *вашем* участке.

— Да нет же, нет, честное слово, я огорчен за вас! — горячо произнес Эндрю. — Надо нам что-нибудь предпринять. Давайте напишем в Санитарное управление.

— Мы можем написать дюжину заявлений, — ответил Филип все с тем же сдержанным озлоблением. — И добьемся мы разве только того, что через полгода сюда приедет какой-нибудь бездельник-ревизор. Нет, я уже все обдумал. Есть только один способ заставить их проложить новую трубу.

— Какой?

— Взорвать старую.

Первую секунду Эндрю спрашивал себя, не сошел ли Денни с ума. Но уже в следующую он понял, что Денни принял твердое решение, и растерянно уставился на него.

Он только что собирался начать перестраивать свои прежние понятия, а Денни уже разрушил их. Эндрю пробормотал:

— Если об этом узнают, неприятностей не оберешься.

Денни высокомерно посмотрел на него:

— Можете не ходить со мной, если не хотите.

— Нет, я пойду, — медленно возразил Эндрю. — Но один Бог знает, почему я это делаю.

Весь день Мэнсон, занимаясь обычным делом, с неудовольствием и сожалением думал о данном им обещании. Он сумасшедший, этот Денни, и рано или поздно впутает его в серьезные неприятности. И то, что он собирается сделать, — ужасно, это нарушение закона, которое, если откроется, приведет их обоих на скамью подсудимых. А может быть, их даже исключат из сословия врачей. Дрожь настоящего ужаса пронизала Эндрю при мысли о том, что открытая перед ним прекрасная, блестящая карьера будет неожиданно пресечена, разрушена в самом начале. Он яростно проклинал Филипа и двадцать раз давал себе мысленно клятву не идти с ним.

Тем не менее по какой-то непонятной ему и сложной причине он не мог и не хотел отступить.

В одиннадцать часов Денни и Эндрю, в компании Гоукинса, отправились в самый конец Чэпел-стрит. Вечер был очень темный, дул сильный ветер, который порывами швырял им в лицо мелкие брызги дождя. Денни заранее выработал план действий и все точно рассчитал. Последняя смена спустилась в рудник час тому назад. Кроме нескольких мальчишек, болтавшихся у рыбной лавки старого Томаса, на улице не было никого. Двое мужчин и собака шли тихо. В кармане своего толстого пальто Денни нес шесть палочек динамита, стащенных сегодня специально для него из порохового склада каменоломни Томом Сиджером, сыном его квартирной хозяйки. Эндрю нес шесть жестянок из-под какао с просверленными в крышках дырками, электрический фонарик и кусок фитиля. Надвинув шляпу на лоб, подняв воротник, опустив голову и одним глазом опасно поглядывая через плечо, он давал только односложные ответы на отрывистые замечания Денни, а в душе у него бушевал вихрь противоречивых ощущений. Он свирепо спрашивал себя, что подумал бы Лэмплоу, благодушный профессор-ортодокс, о его участии в этом из ряда вон выходящем ночном приключении.

Сразу за Глайдер-плейс они добрались до главного уличного люка канализационной трубы — ржавой железной крышки в разрушенном бетоне — и принялись за работу. Эта таившая в себе заразу крышка не открывалась уже много лет, но после некоторых усилий они подняли ее. Затем Эндрю осторожно осветил фонариком в вонючую глубину, где на искрошившейся каменной кладке протекал поток вязкой грязи.

— Красота, не правда ли? — сказал Денни резким шепотом. — Посмотрите, Мэнсон, какие трещины в этом канале. Посмотрите *в последний раз!*

Больше не было сказано ни слова. Настроение Эндрю непонятным образом изменилось: он испытывал теперь сильный подъем духа и был полон решимости не меньше самого Денни. Из-за этой гниющей здесь мерзости умирают люди, а чиновники ничего не хотят предпринять! Так не время теперь вздохнуть, сидя у кровати больного, и пичкать его бесполезными микстурами.

Они принялись быстро вкладывать в каждую жестянку по палочке динамита. Разрезали фитиль на куски разной длины и прикрепили их. Спичка вспыхнула во мраке, резко осветив бледное, суровое лицо Денни, трясущиеся руки Эндрю. Затем зашипел первый фитиль. Одна за другой начиненные жестянки были спущены в медленно текущий поток, первыми — те, у которых были самые длинные фитили. Эндрю плохо различал все вокруг. Сердце его возбужденно билось. Это, пожалуй, не походило на занятия чистой медициной, но зато была лучшая минута в его жизни. Когда последняя жестянка упала внутрь и ее короткий фитиль зашипел, Гоукинсу вдруг вздумалось погнаться за крысой. Произошел временный переполох, интермедия, во время которой собака тявкала, а им грозила ужасная возможность взрыва под ногами, пока они гонялись за ней, пытаясь ее изловить. Потом крышка люка была водружена на место, и Эндрю и Денни, как бешеные, пробежали тридцать ярдов вверх по улице.

Только они домчались до угла Рэднор-плейс и остановились, чтобы оглянуться, как — бах! — взорвалась первая жестянка.

— Честное слово, мы таки сделали это, Денни! — восторженно ахнул Эндрю. Он испытывал теперь к Денни товарищеское чувство, хотелось схватить его за руку, закричать что-то громко.

Затем быстро, с великолепной точностью последовали новые глухие взрывы — второй, третий, четвертый, пятый — и наконец последний, самый эффектный, — должно быть, не ближе чем за четверть мили, в глубине долины.

— Ну вот, — сказал, понизив голос, Денни, и, казалось, вся тайная горечь его жизни вылилась в одном этом слове, — с одним безобразием покончено!

Только он успел это сказать, как началась суматоха. Распахивались окна и двери, и из них лился свет на темную улицу. Люди выбегали из домов. В одну минуту улица закишела народом. Сначала поднялся крик, что произошел взрыв на руднике. Но из толпы сразу раздались возражения, что взрывы слышны были внизу, из долины. Начались споры, все выкрикивали свои соображения. Группа мужчин отправилась с фонарями на разведку. Ночь так и гудела встревоженными голосами. Под покровом мрака и шума Денни и Мэнсон улизнули домой окольными путями. В крови Эндрю пела победа.

На другое утро, еще до восьми, на сцене появился прибывший в автомобиле доктор Гриффитс, тучный, с лицом, напоминавшим сырую телятину, склонный к панике. Его с ужасными проклятиями извлек из теплой постели член муниципального совета Глин Морган. Гриффитс мог не отвечать по телефону на вызовы местных врачей, но сердитой команде Глина Моргану нельзя было не повиноваться. А сердиться Глину Моргану было на что: новая вилла этого члена совета, расположенная в полумиле от города, в долине, за эту ночь оказалась окруженной рвом, наполненным прямо-таки средневековой грязью. В течение получаса член совета и его сторонники, Хеймар Дэвис и Дэн Робертс, настолько громогласно, что их слышали многие, высказывали врачу-инспектору совершенно откровенно то, что они о нем думали.

Когда это закончилось, Гриффитс, утирая лоб, поплелся к Денни, который вместе с Мэнсоном стоял среди заинтересованной и довольной толпы. Эндрю, увидя направлявшегося к ним инспектора, почувствовал внезапное беспокойство. После тревожной и бессонной ночи он уже был настроен менее восторженно. В холодном свете утра, смущенный картиной развороченной дороги, он снова чувствовал себя

не в своей тарелке, испытывал нервное замешательство. Но Гриффитсу было не до подозрений.

— Ну, дружище, — обратился он жалобным голосом к Филипу, — придется-таки немедленно поставить вам новую сточную трубу.

Лицо Денни осталось безучастным.

— Я предупреждал вас об этом много месяцев тому назад, — отозвался он ледяным тоном. — Помните?

— Да-да, разумеется! Но мог ли я предвидеть, что эта проклятая штука вдруг взорвется? Как все это случилось — для меня загадка.

Денни холодно посмотрел на него:

— А где же ваши знания по санитарии, доктор? Разве вам не известно, что газы в канализационных трубах очень легко воспламеняются?

Прокладка новой трубы началась в следующий же понедельник.

V

Прошло три месяца.

Был прекрасный мартовский день. Близость весны чувствовалась в теплом ветре, дувшем с гор, на которых первые, едва намечавшиеся полосы зелени бросали вызов царившему здесь безобразию каменоломен и куч шлака. На фоне нарядного, точно хрустящего голубого неба даже Блэнелли казался прекрасным.

Выйдя из дому, чтобы навестить на Рискин-стрит больного, к которому его только что вызвали, Эндрю почувствовал, что сердце его забилося сильнее от красоты этого весеннего дня. Он успел уже освоиться здесь, постепенно привык к этому своеобразному городу, примитивному, как будто оторванному от остального мира, погребенному среди гор. Городу, где не было никаких развлечений, даже кино, — ничего, кроме мрачных копей, каменоломен, заводов, обрабатывавших руду, вереницы церквей да мрачных домов. Станный, тихий, точно замкнувшийся в себе город. Да и люди здесь тоже были какие-то чужие и непонятные, но, несмотря на то что чуждались его, они порою вызывали в Эндрю невольное теплое чувство: за исключением торговцев, пасторов и небольшой группы ремесленников, все это были рабочие и служащие компании, которой принадлежали копи. К началу и концу каждой смены тихие улицы городка внезапно просыпались, звонко вторя стуку подбитых железом башмаков и неожиданно оживая под натиском армии людей. Платье, обувь, руки, даже лица тех, кто работал

на гематитовом руднике, были напудрены ярко-красной рудной пылью. Рабочие каменоломен носили молескиновые комбинезоны, подбитые ватой и в коленях перехваченные подвязками. Пудлинговщиков легко было узнать по ярко-синим штанам из бумажной рубчатой ткани.

Говорили они мало и большей частью на валлийском языке. В своей замкнутости и обособленности они казались представителями другой расы. Но это были славные люди. Они удовлетворялись простыми развлечениями дома, в церковных залах, на футбольной площадке в верхней части города. Но больше всего они любили музыку — не пошлые модные песенки, а музыку серьезную, классическую. Нередко Эндрю, проходя ночью по улицам, слышал звуки фортепиано, доносившиеся из этих бедных жилищ, — сонату Бетховена или прелюдию Шопена, прекрасно исполняемую, летевшую сквозь тишину ночи вверх, к недоступным горам и еще выше.

Эндрю было теперь уже совершенно ясно, как обстоит дело с практикой доктора Пейджа. Эдвард Пейдж никогда уже не сможет принять ни единого пациента. Но рабочие не хотели «выдавать» своего доктора, который честно обслуживал их в течение тридцати лет. А наглая Блодуэн сумела с помощью хитрой лести и обмана обойти Уоткинса, управляющего рудником, через руки которого проходили все вычеты с рабочих за лечение, устроить так, чтобы Пейдж продолжал числиться в штате, и таким образом получала изрядный доход, а Мэнсону, выполнявшему за Пейджа всю работу, платила едва ли шестую часть этого дохода.

Эндрю было от души жаль Эдварда Пейджа. Этот простодушный и благородный человек женился на задорной, смазливой толстушке Блодуэн из кафе в Аберистуите, не подозревая, что скрывается за бойкими черными, как ягоды терновника, глазами. Теперь, разбитый параличом и прикованный к постели, он всецело зависел от этой женщины,

обращавшейся с ним ласково, но с какой-то веселой деспотичностью. Нельзя сказать, что Блoduэн его не любила. Она питала к нему своеобразную привязанность. Он, доктор Пейдж, был ее собственностью. Застав в комнате больного Эндрю, она подходила с улыбкой на губах, но с ревнивым чувством человека, которого отстраняют, и восклицала:

— О чем это вы тут толкуете вдвоем?

Эдварда Пейджа нельзя было не полюбить за его явную безропотность и самоотверженность. Старый, беспомощный, прикованный к постели, он покорялся шумным заботам этой наглой, смуглолицей, нетерпеливой женщины, его жены, был жертвой ее жадности, упрямой и беззастенчивой назойливости.

Ему не было больше надобности оставаться в Блэнелли, и он жаждал уехать куда-нибудь, где теплее и где условия жизни благоприятнее. Как-то раз, когда Эндрю спросил у него: «Чего бы вам хотелось, сэр?» — он сказал со вздохом:

— Мне хотелось бы выбраться отсюда, мой друг. Я читал сегодня об острове Капри... Там думают устроить птичий заповедник... — И, сказав это, он спрятал лицо в подушку. В голосе его звучала глубокая тоска.

Он никогда не говорил о своей работе врача, разве только иногда вскользь произнесет утомленным голосом: «По правде говоря, я не обладал большими знаниями, но старался делать что мог». Он способен был целыми часами лежать не шелохнувшись, глядя на подоконник, где Энни каждое утро с благоговейной заботливостью насыпала для птиц крошек, корочек сала и толченых кокосовых орехов. По воскресеньям утром приходил посидеть с больным старый шахтер Энох Дэвис, неуклюже торжественный в своей порыжелой черной паре и целлулоидовой манишке. Оба — гость и хозяин — молча наблюдали за прилетавшими на подоконник птицами. Раз Эндрю встретил Эноха, когда он в волнении спускался вниз. «Доктор, — кричал старый шахтер, —

сегодня у нас редкая удача! Чуть не целый час на подоконнике сидели две прехорошенькие синички!»

Энох был единственным приятелем Пейджа. Среди шахтеров пользовался большим влиянием. И он поклялся, что, пока он жив, из списка пациентов доктора Пейджа не будет вычеркнут ни один человек. Он не подозревал, какую медвежью услугу оказывает этой своей преданностью несчастному Эдварду Пейджу.

Другим частым посетителем дома был директор Банка западных графств Эньюрин Рис, долговязый, худой и лысый мужчина, к которому Эндрю с первого же взгляда почувствовал недоверие. Этот весьма уважаемый в городе человек никогда никому не смотрел прямо в глаза. Явившись в «Брингоуэр», он только приличия ради проводил пять минут у доктора Пейджа, потом запирался на целый час с миссис Пейдж. Эти свидания были вполне невинны: они посвящались денежным делам. Эндрю подозревал, что у Блoduэн имеется в банке, на ее личном счету, порядочная сумма и что под компетентным руководством Эньюрина Риса она ловко умножает свои вклады. В этот период его жизни деньги не имели для Эндрю никакого значения. Ему было достаточно того, что он мог аккуратно выплачивать свой долг «Гленовскому фонду». У него всегда оставалось в кармане еще несколько шиллингов на сигареты. И главное — у него было любимое дело.

Никогда еще до сих пор он так ясно не сознавал, как ему дорога и интересна клиническая работа. Это сознание, постоянно жившее в нем, было как огонь, у которого он отогревался, когда бывал утомлен, подавлен, расстроен. В последнее время возникали затруднения еще более необычные, и они еще сильнее волновали его. Но как врач он начинал мыслить самостоятельно. Может быть, этим он больше всего был обязан Денни, его разрушительно-радикальным взглядам. Миросозерцание Денни было диаметрально про-

тивоположно всему тому, что внушали до сих пор Мэнсону. Это мирозерцание можно было бы сформулировать в одном догмате и повесить его, наподобие библейского текста, над кроватью Денни: «Я не верю».

Получив обычную подготовку на медицинском факультете, Мэнсон вышел навстречу будущему с верой во все, что говорили солидные учебники в добротных переплетах. Его начиняли поверхностными знаниями по физике, химии, биологии, — во всяком случае он препарировал и изучал земляных червей. Затем ему авторитетно преподали, как догматы, общепринятые теории. Ему были известны все болезни с их установленными симптомами и средства против них. Взять хотя бы подагру. Ее можно лечить шафранной настойкой. Эндрю еще живо помнил, как профессор Лэмплоу кротко мурлыкал аудитории: «*Vinum colchici*, господа, в дозах от двадцати до тридцати капель — это специфическое средство при подагре». А так ли это на самом деле? — вот какой вопрос задавал себе сейчас Эндрю. Месяц тому назад он испробовал это средство в предельных дозах при *настоящем* случае подагры — жестокой и мучительной «подагры бедняков», — и результат был плачевно неудачен.

А что сказать о половине, нет, о трех четвертях остальных «целебных» средств фармакопей? На этот раз в памяти Эндрю прозвучал голос доктора Элиота, читавшего им *Materia medica*: «Теперь, господа, мы переходим к элему — твердому смолистому веществу, ботаническое происхождение которого точно не установлено, но, вероятнее всего, оно выделяется растением *Sapagium comphire*. Импортируется из Манилы и применяется в виде мази, пропорция — один к пяти. Превосходное тоническое и дезинфицирующее средство при язвах и кровотечениях».

Чепуха! Да, совершенная чепуха! Теперь он это видел ясно. Пробовал ли Элиот когда-нибудь применять мазь *unguentum elemi*? Эндрю был убежден, что нет. Вся эта

премудрость вычитана им из книги, а сюда она, в свою очередь, попала из другой книги и так далее. Если проследить ее происхождение, то, пожалуй, дойдешь до Средних веков. Доказательством этому могут служить и архаические термины.

Денни в первый же вечер посмеялся над ним за наивную веру, с которой он составлял микстуру. Денни постоянно подсмеивался над врачами, пичкавшими больных всяким «пойлом». Денни утверждал, что только какие-нибудь пять-шесть лекарств действительно приносят пользу, а все остальные цинично называл «дерьмом». В словах Денни было нечто, не дававшее Эндрю спать по ночам: разрушительная мысль, все разветвления которой он еще только смутно начинал постигать.

Размышляя об этом, Эндрю дошел до Рискин-стрит и вошел в дом номер 3. Оказалось, что здесь болен девятилетний мальчик Джоуи Хоуэлс, у которого корь в легкой форме. Болезнь мальчика не была опасна, но сулила серьезные затруднения матери Джоуи из-за их бедности и тяжелого стечения обстоятельств: сам Хоуэлс, поденно работавший в каменоломнях, был болен плевритом и вот уже три месяца лежал в постели, не получая никакого денежного пособия, а теперь миссис Хоуэлс, женщине хрупкой и болезненной, которая уже сбилась с ног, ухаживая за одним больным и одновременно работая уборщицей при молебном доме, предстояло возиться еще и с больным сыном.

К концу визита Эндрю, разговаривая с ней у дверей, сказал сочувственно:

— У вас столько хлопот! Досадно, что вам придется еще и Идриса держать дома, так как в школу его пускать нельзя.

Идрис был младшим братом Джоуи.

Миссис Хоуэлс быстро подняла голову. Безропотная маленькая женщина с потрескавшимися красными руками и распухшими в суставах пальцами.

— Нет, мисс Барлоу сказала, что Идрис может ходить в школу.

При всем сочувствии к ней Эндрю ощутил прилив раздражения.

— Да? А кто такая мисс Барлоу?

— Учительница школы на Бэнк-стрит, — пояснила, ничего не подозревая, миссис Хоуэлс. — Она сегодня утром заходила к нам. И, увидев, как мне трудно, позволила Идрису по-прежнему ходить в школу. Один Бог знает, что бы я делала, если бы еще и он свалился мне на руки.

У Эндрю было сильное желание сказать ей, что она обязана слушаться *его* указаний, а никак не указаний какой-то школьной учительницы, которая суется не в свое дело. Он прекрасно понимал, что миссис Хоуэлс обвинять нельзя, и воздержался от замечания. Но, простясь с ней и шагая по Рискин-стрит, он гневно хмурился. Он терпеть не мог, когда вмешиваются в его дела, а больше всего не выносил вмешательства женщин. Чем больше он об этом думал, тем больше злился. Пускать Идриса в школу, когда его брат Джоуи болен корью, было явным нарушением правил. И Эндрю неожиданно решил сходить к этой несносной мисс Барлоу и объясниться с ней.

Пять минут спустя он, поднявшись по крутой Бэнк-стрит, вошел в школу и, спросив дорогу у привратницы, разыскал первый класс. Постучал в дверь и вошел.

В углу просторной, хорошо проветренной комнаты топился камин. Здесь учились дети до семилетнего возраста, и так как сейчас как раз был перерыв, то перед каждым стоял стакан молока.

Глаза Мэнсона сразу отыскивали учительницу. Она писала на доске цифры, стоя спиной к нему, и поэтому сначала его не заметила. Но вот она обернулась.

Она была так не похожа на ту назойливую женщину, которую рисовало ему негодующее воображение, что он

опешил. Или, быть может, удивление в ее карих глазах сразу вызвало в нем чувство неловкости. Он покраснел и спросил:

— Вы мисс Барлоу?

— Да.

Перед ним стояла тоненькая фигурка в коричневой вязаной юбке, шерстяных чулках и маленьких грубых башмаках. Он подумал, что она, вероятно, одних лет с ним. Нет, пожалуй, помоложе — ей не более двадцати двух. Она, слегка улыбаясь, разглядывала его с легким недоумением. Казалось, что, устав от детской арифметики, мисс Барлоу радовалась неожиданному развлечению в такой славный весенний день.

— Вы, должно быть, новый помощник доктора Пейджа?

— Дело не в том, кто я, — ответил он сухо, — но я действительно доктор Мэнсон. У вас тут имеется Идрис Хоуэлс. Вы знаете, что его брат болен корью?

— Да, знаю.

Она, видимо, не склонна была отнестись серьезно к его посещению, и Эндрю снова охватил гнев.

— Неужели вы не понимаете, что это против всех правил — держать его здесь?

Учительница вспыхнула от его тона, и лицо ее утратило дружелюбное выражение. Мэнсон не мог не заметить, какая у нее свежая и чистая кожа, заметил он и крошечную коричневую родинку такого точно цвета, как глаза, высоко на правой щеке. Она казалась очень хрупкой в своей белой блузке и до смешного юной. Она часто задышала, но сказала все же медленно и спокойно:

— Миссис Хоуэлс совсем потеряла голову. А у нас тут большинство детей уже перенесли корь. Те же, что не болели, конечно, рано или поздно заболеют. Если бы Идрис перестал ходить в школу, он бы не мог получать молоко, которое ему очень полезно.

— Дело не в молоке, — оборвал он ее. — Его необходимо отделить от других детей.

Она упрямо возразила:

— Я и отделила его до некоторой степени. Если не верите — взгляните сами.

Он посмотрел в направлении ее взгляда. Идрис, мальчуган лет пяти, сидя отдельно от других у камина за низенькой партой, имел вид человека, чрезвычайно довольного жизнью, и весело таращил бледно-голубые глаза из-за края своей кружки с молоком.

Это зрелище окончательно разозлило Эндрю. Он рассмеялся презрительным, обидным смехом:

— Вы можете считать это изоляцией. Но я, к сожалению, не могу. Вы обязаны сейчас же отослать ребенка домой.

В глазах девушки засверкали искорки.

— А вам не приходит в голову, что в этом классе хозяйка я? Может быть, вы и имеете право командовать людьми в более высоких сферах, но здесь распоряжаюсь я!

Эндрю устоял на нее с гневным достоинством:

— Вы нарушаете закон! Вы не имеете права оставлять его в школе. Если будете упорствовать, мне придется заявить об этом инспектору.

Последовало короткое молчание. Эндрю видел, как она крепче сжала мел, который держала в руке. Этот признак волнения еще больше разжег его гнев на нее, на себя самого. Она сказала презрительно:

— Ну и заявляйте! Или велите меня арестовать, не сомневаюсь, что это доставит вам громадное удовлетворение.

Взбешенный Эндрю не отвечал, чувствуя, что попал в нелепое положение. Он пытался овладеть собой. Устремил на нее глаза, желая заставить ее опустить свои, сверкавшие теперь холодным блеском. Одно мгновение они смотрели друг другу в лицо так близко, что Эндрю мог видеть жилку, бившуюся на ее шее, блеск ее зубов между раскрытыми губами. Наконец она произнесла:

— Это все, не так ли? — И круто повернулась лицом к классу. — Встаньте, дети, и скажите: «До свидания, доктор Мэнсон. Спасибо, что пришли к нам!»

Под грохот скамеек дети встали и хором повторили ее иронические слова.

Уши у Мэнсона горели, когда она провожала его к дверям. Он испытывал сильное замешательство, и к тому же ему было неприятно, что он вышел из себя и вел себя глупо, в то время как она сохраняла удивительное самообладание. Он подыскивал уничтожающую фразу, какую-нибудь внушительную реплику, но раньше, чем он успел что-нибудь придумать, дверь преспокойно захлопнули перед его носом.

VI

Прозлившись целый вечер, написав и разорвав три едких, как серная кислота, заявления врачебному инспектору, Мэнсон решил забыть весь этот эпизод. Чувство юмора, утраченное было во время визита на Бэнк-стрит, теперь вызывало у него недовольство собой за проявленное им мелочное самолюбие. Выдержав жестокую борьбу со своей упрямой гордостью шотландца, он решил, что был не прав, и оставил всякую мысль о жалобе, тем более — жалобе неуловимому Гриффитсу. Но он не мог, как ни старался, выбросить из головы Кристин Барлоу.

Не глупо ли? Какая-то девчонка, школьная учительница, так упорно занимает его мысли, а он переживает, что она подумает о нем. Он твердил себе, что это просто следствие задетого самолюбия. Он всегда был застенчив и неуклюж с женщинами. Но никакими логическими рассуждениями не изменить было того факта, что он стал беспокоен и немного раздражителен. Когда он не следил за собой, например, когда, усталый, валялся на кровать и начинал засыпать, сцена в классе вставала перед ним с особой яркостью, и он хмурился в темноте. Он видел опять, как она стискивает пальцами мел и темные глаза загораются гневом. На ее блузке на груди были три перламутровые пуговицы. Ее фигура, тоненькая и подвижная, отличалась четкостью и скупостью линий, говорившими о том, что в детстве она много бегала и отважно прыгала. Эндрю не задавался вопросом, красива ли она. Какова бы она ни была, она неотвязно стояла, как

живая, в его воображении. И сердце в нем невольно сжималось никогда не испытанной сладкой грустью.

Прошло недели две, и однажды он, проходя по Чэпел-стрит, на углу Стейшн-роуд в припадке рассеянности чуть не столкнулся с миссис Брамсуэлл. Он прошел бы, не заметив ее, если бы она тотчас его не окликнула и не остановилась, сияя улыбкой:

— А, доктор Мэнсон! Как раз вас-то мне и нужно. У меня сегодня один из обычных званных вечеров для небольшой компании. Надеюсь, вы придете?

Глэдис Брамсуэлл представляла собой довольно крикливо одетую тридцатипятилетнюю даму с волосами цвета спелой кукурузы, пышной фигурой, младенчески-голубыми глазами и манерами молоденькой девушки. Глэдис сентиментально называла себя «мужней женой». Сплетники в Блэнелли предпочитали характеризовать ее другим словом. Доктор Брамсуэлл боготворил жену, и говорили, что только это слепое обожание мешало ему заметить ее более чем легкомысленное увлечение Габелом, «темнокожим» доктором из Тониiglена.

Узнав ее, Эндрю поспешно стал искать предлог уклониться от приглашения.

— Боюсь, миссис Брамсуэлл, мне не удастся освободиться на сегодняшний вечер.

— Нет, вы должны непременно прийти, чудак вы этакий. У нас бывают такие милые люди. Мистер и миссис Уоткинс с рудника и, — она многозначительно усмехнулась, — доктор Габел из Тониiglена... Да, чуть не забыла: еще наша маленькая учительница Кристин Барлоу.

Дрожь пробежала по телу Мэнсона. Он вдруг преглупо заулыбался:

— Ну разумеется приду, миссис Брамсуэлл. Очень вам благодарен за приглашение.

Он кое-как несколько минут поддерживал разговор, пока она не ушла. Но весь остаток дня он ни о чем больше

не в состоянии был думать, как только о том, что сегодня снова увидит Кристин Барлоу.

Вечер у миссис Браммуэлл начался в девять часов. Такой поздний час был выбран из внимания к врачам, которые могли задержаться в своих амбулаториях. И действительно, Эндрю отпустил последнего больного только в четверть десятого. Он торопливо умылся под краном в амбулатории, причесал волосы сломанным гребешком и помчался в «Уединенный уголок». Разыскал небольшой кирпичный дом, который не оправдывал своего идиллического наименования, так как расположен был в центре города, и, войдя, убедился, что пришел последним. Миссис Браммуэлл, весело пожурив его, открыла шествие в столовую, за ней последовали муж и все пятеро приглашенных.

Ужин состоял из холодных закусок, разложенных на бумажных салфеточках на столе мореного дуба. Миссис Браммуэлл очень гордилась своими талантами хозяйки и была в Блэнелли кем-то вроде законодательницы вкусов, что позволяло ей пренебрегать общественным мнением.

По ее понятиям, занимать гостей означало как можно больше болтать самой и смеяться. Она всегда давала понять, что до брака с доктором Браммуэллом была окружена необычайной роскошью.

Как только сели за стол, она воскликнула, сияя:

— Ну вот! Есть ли у каждого все, что ему нужно?

Эндрю еще не отдышался от быстрой ходьбы и, кроме того, испытывал сильное замешательство. Целых десять минут он не решался взглянуть на Кристин. Он, не поднимая глаз, знал, что она сидит на дальнем конце стола, между доктором Габелом, смуглым щеголем в крагах, полосатых брюках и с жемчужной булавкой в галстук, и управляющим рудником мистером Уоткинсом, пожилым бесцветным человеком, который с присущей ему грубоватой бесцеремонностью ухаживал за ней. Наконец покоробленный шутивным восклицанием Уоткинса: «Вы все та же моя йоркширская

девочка, мисс Кристин?» — он ревниво поднял голову, поглядел на Кристин, такую простую и милую в своем светло-сером платье с белым воротничком и манжетами, и, пораженный тем, что она чувствует себя здесь как дома, отвел глаза, боясь, чтобы она не прочла в них его мыслей.

Заняв оборонительную позицию, он, едва сознавая, о чем говорит, начал беседу со своей соседкой, миссис Уоткинс, маленькой женщиной, принесшей с собой вязанье.

В течение всего ужина он испытывал муки общения с одним человеком, в то время как страшно хочется говорить с другим. Он чуть не вздохнул громко от облегчения, когда доктор Браммуэлл, председательствовавший за столом, благодушно окинул взглядом пустые тарелки и сделал наполеоновский жест:

— Мой друг, я полагаю, что все закончили ужинать. Не перейти ли нам в гостиную?

В гостиной, когда гости расположились, где кому хотелось, большинство на диване и в креслах у стола, стало ясно, что ожидается музыка, как нечто неизменно входящее в программу таких вечеров. Браммуэлл нежно улыбнулся жене и подвел ее к пианино.

— Чем же мы для начала развлечем гостей, дорогая моя? — И он, напевая сквозь зубы, стал перелистывать ноты на пюпитре.

— «Церковные колокола», — предложил Габел. — Эту вещь мне никогда не надоест слушать, миссис Браммуэлл.

Усевшись на вертящуюся табуретку у пианино, миссис Браммуэлл заиграла и запела, а ее супруг, заложив одну руку за спину, а другую подняв таким жестом, точно собирался взять понюшку табаку, стоял рядом и ловко переворачивал страницы. У Глэдис оказалось густое контральто. Извлекаемая из груди глубокие, низкие ноты, она всякий раз при этом поднимала подбородок. После «Лирики любви» она спела «Скитания» и «Простую девушку».

Гости усиленно аплодировали. Браммуэлл, глядя в пространство, шепнул с удовлетворением: «Она сегодня в голосе».

Затем уговорили выступить доктора Габела. Пригладив свои усердно напомаженные, но все же предательски выдававшие его происхождение волосы, вертя кольцо на пальце, оливковокожий денди жеманно поклонился хозяйке и, сложив руки, с упоением промычал «Любовь в дивной Севилье». Потом, на бис, «Тореадора».

— Вы поете эти испанские песни с подлинным жаром, доктор, — заметила добродушная миссис Уоткинс.

— В этом, вероятно, виновата моя испанская кровь, — скромно улыбнулся доктор Габел, садясь на свое место.

Эндрю заметил лукавые огоньки в глазах Уоткинса. Старый управляющий, как истый валлиец, любил и понимал музыку. Прошедшей зимой он руководил постановкой одной из наиболее трудных опер Верди в рабочем клубе. Подремывая с трубкой, он слушал Габела с загадочным видом. Эндрю невольно заподозрил, что Уоткинс забавляется, наблюдая, как эти пришельцы в его родном городе изображают сеятелей культуры, поднося ее в виде дрянных чувствительных песенок. Когда Кристин с улыбкой отказалась выступить, Уоткинс обратился к ней, кривя губы:

— Вы, видно, похожи на меня, дорогуша, — слишком любите фортепиано, чтобы играть на нем.

Затем начался главный номер программы. На сцену выступил доктор Браммуэлл. Откашлявшись, он выставил одну ногу, откинул назад голову, театрально заложил руку за борт сюртука и объявил:

— «Павшая звезда» — мелодекламация.

Глэдис заиграла какую-то импровизацию, сопровождая его, и Браммуэлл начал.

Монолог, в котором шла речь о душераздирающих испытаниях одной некогда знаменитой актрисы, вставшей в жестокую нужду, был полон липкой сентиментальности,

и Браммуэлл читал его с проникновенной выразительностью. В сильно драматических местах Глэдис брала басовые ноты, а когда пафос иссякал, — дискантовые. Когда наступил кульминационный момент, Браммуэлл весь вытянулся, голос его дрогнул на заключительной строке: «Так лежала она... — пауза, — умирая с голоду в канаве... — долгая пауза, — она, павшая звезда!»

Маленькая миссис Уоткинс, уронив на пол вязанье, обратила мокрые глаза на декламатора:

— Бедняжка! Бедняжка! Ах, доктор Браммуэлл, у вас это всегда выходит так чудесно!

Принесенная чаша с кларетом отвлекла внимание на себя. Был уже двенадцатый час, и, словно молчаливо признав, что после выступления Браммуэлла все иное только ослабило бы впечатление, гости собрались уходить. Посыпались вежливые выражения благодарности, восклицания вперемежку со смехом, и все двинулись в переднюю. Надевая пальто, Эндрю уныло думал о том, что за весь вечер он не обменялся с Кристин ни единым словом.

Выйдя на улицу, он остановился у ворот. Он чувствовал, что должен во что бы то ни стало поговорить с ней. Мысль об этом длинном, напрасно потерянном вечере, во время которого он рассчитывал так легко, так мило помириться с Кристин, свинцовым грузом лежала у него на душе. Правда, Кристин как будто и не глядела в его сторону, но она была там, близко, в одной комнате с ним, а он, как дурак, смотрел все время на носки своих башмаков. «О господи, — подумал он с отчаянием, — мне хуже, чем этой павшей звезде. Надо идти домой и лечь спать».

Но он не уходил, стоял на том же месте у ворот, и сердце его вдруг сильно забилося, так как Кристин сошла с крыльца одна и приближалась к нему. Он собрал все свое мужество и пролепетал:

— Мисс Барлоу, могу я проводить вас домой?

— Мне очень жаль... — она запнулась, — но я обещала мистеру и миссис Уоткинс подождать их.

У Эндрю упало сердце. Он почувствовал себя побитой и прогнанной собакой. Но что-то все еще удерживало его на месте. Он был бледен, но губы его сжались в упрямую линию. Слова полились стремительным и беспорядочным потоком:

— Я хотел только сказать вам, что сожалею обо всей этой истории из-за Хоуэлса. Я пришел тогда к вам из мелочного желания поддержать свой авторитет. Я заслужил хорошего пинка. То, что вы сделали для этого ребенка, великолепно, я восхищаюсь вами. В конце концов, лучше следовать духу закона, чем его букве. Извините, что задерживаю вас, но я чувствовал потребность сказать вам это. Спокойной ночи!

Он не видел ее лица. И не ждал ответа. Он круто отвернулся и ушел. Впервые за много дней он чувствовал себя счастливым.

VII

Из конторы рудника был прислан полугодовой доход от практики, и это дало миссис Пейдж повод к серьезным размышлениям и новую тему для разговора наедине с Эньюрином Рисом, управляющим банком. Впервые за полтора года цифра дохода сделала скачок вверх. В списке «пациентов доктора Пейджа» числилось теперь на семьдесят человек больше, чем до приезда Мэнсона.

Блoduэн была в восторге оттого, что увеличился доход, но тем не менее ей не давала покоя одна тревожная мысль. За столом Эндрю ловил на себе ее испытующие, подозрительные взгляды. В среду, после вечера у миссис Браммуэлл, Блoduэн влетела к завтраку с шумной напускной веселостью.

— Знаете, — начала она, — я как раз сейчас думала... Вот уже почти четыре месяца вы здесь, доктор. И вы неплохо работаете, нет, жаловаться не приходится. Конечно, это не то что доктор Пейдж. О господи, конечно нет! На днях только мистер Уоткинс говорил, что все они ждут не дождутся возвращения доктора Пейджа. «Доктор Пейдж такой прекрасный врач, — сказал мне мистер Уоткинс, — мы и думать не хотим о том, чтобы взять другого на его место». — Она принялась с живописными подробностями описывать необычайную ловкость и опытность ее мужа. — Вы не поверите, — воскликнула она, широко открывая глаза, — нет такой вещи, которую он не мог бы сделать и которой не проделал бы

в своей практике! Какие операции! Вам надо было видеть!.. Знаете, что я вам расскажу, доктор: раз он вынул у человека мозг и потом вложил его обратно. Да! Можете смотреть на меня сколько хотите, а я вам говорю, что доктор Пейдж почистил ему мозги и вложил их обратно! — Она откинулась в кресле и уставилась на Эндрю, проверяя эффект своих слов. Потом самодовольно усмехнулась: — Большая радость будет в Блэнелли, когда доктор Пейдж снова примется за работу. И это будет скоро. Я так и сказала мистеру Уоткинсу: «Летом, — говорю, — да, летом доктор Пейдж вернется к вам».

В конце недели Эндрю, возвратившись с дневного обхода больных, был поражен, увидев Эдварда, который сидел, съезжившись, в кресле перед крыльцом, вполне одетый, с пледом на коленях, в шапке, которая косо торчала на его трясущейся голове. Дул резкий ветер, а лучи апрельского солнца, освещавшие эту трагическую фигуру, были скупы и холодны.

— Вот, — закричала миссис Пейдж с торжеством, сбегая с крыльца навстречу Мэнсону, — видали? Доктор на ногах! Я только что позвонила мистеру Уоткинсу, чтобы сообщить ему, что доктору лучше. Он скорехонько приступит к работе. Правда, милый?

Эндрю почувствовал, что вся кровь бросилась ему в голову.

— Кто свел его вниз?

— Я, — сказала вызывающе Блoduэн. — А почему бы и нет? Он мой муж. И ему лучше.

— Ему нельзя вставать, и вы это знаете, — бросил ей Эндрю, понизив голос. — Делайте то, что вам говорят. Помогите мне сейчас же уложить его обратно в постель.

— Да-да, — сказал с трудом Эдвард. — Отведите меня обратно в постель. Я озяб. Мне тут нехорошо... Я... я плохо себя чувствую.

И, к ужасу Мэнсона, больной заплакал.

Вмиг Блодуэн, проливая потоки слез, очутилась подле него на коленях. Она обхватила Эдварда руками и запричитала в плаксивом раскаянии:

— Ну полно, миленький, полно. Я уложу тебя в кровать, бедняжка ты мой. Блодуэн сделает это для тебя. Блодуэн о тебе позаботится. Блодуэн тебя любит, милый.

И она взасос целовала мокрыми губами неподвижную щеку больного.

Полчаса спустя, когда Эдвард был уже водворен наверх и успокоился, Эндрю, кипя гневом, пришел на кухню.

Они с Энни успели стать настоящими друзьями, часто делились впечатлениями в этой самой кухне, и немало яблок и пирогов с коринкой перетаскала для Эндрю из кладовой эта тихая, сдержанная пожилая женщина, когда с кормежкой дело обстояло особенно плохо. Иногда она прибегала к последнему средству: отправлялась к Томасу за двумя порциями рыбы, и тогда они устраивали роскошный пир при свечке за столом в буфетной. Энни служила у Пейджа вот уже около двадцати лет. У нее в Блэнелли была многочисленная родня, все люди зажиточные, а она оставалась так долго у Пейджей единственно из преданности доктору.

— Принесите мне сюда чай, Энни, — попросил Эндрю. — Я сейчас не могу выносить общество Блодуэн.

Он вошел в кухню, не заметив сначала, что у Энни гости: ее сестра Олуэн и муж Олуэн — Имрис Хьюз. Он уже несколько раз встречался с ними. Имрис работал запальщиком шпуров в верхних копиях Блэнелли. Это был степенный и добродушный человек с бледным одутловатым лицом.

Когда Мэнсон, увидев их, остановился в нерешительности, Олуэн, живая темноглазая молодая женщина, сказала торопливо, захлебываясь словами:

— Не обращайтесь на нас внимания, доктор, если хотите тут пить чай. Мы как раз о вас говорили, когда вы вошли.

— Вот как?

— Да. — Олуэн бросила взгляд на сестру. — Нечего смотреть на меня так, Энни, я все равно скажу то, что у меня на душе. У нас на руднике все говорят, что уж много лет здесь не было такого дельного молодого доктора, как вы. И что вы очень старательно осматриваете больных, и все такое. Если не верите мне, спросите Имриса. И люди здорово злятся на миссис Пейдж за то, что она их надувает. Говорят, что по справедливости практику следовало передать вам. А она узнала про эти толки, понимаете? Вот оттого-то она и подняла сегодня с постели бедного старого доктора. Выдумала, будто он поправляется! Как бы не так! Бедняга!

Выпив чай, Эндрю тотчас ретировался. От простодушных слов Олуэн ему стало как-то не по себе. Но все же лестно было услышать, что жители Блэнелли о нем хорошего мнения.

И когда, несколько дней спустя, к нему пришел с женой Джо Морган, старший бурильщик в гематитовом руднике, он счел это за особую честь.

Морганы были женаты уже около двадцати лет, не богаты, но пользовались большим уважением во всей округе. Эндрю слышал, что они собирались в скором времени переселиться в Южную Африку, где Джо обещали работу в йоханнесбургских коях. В этом не было ничего необычного: хороших бурильщиков часто соблазняли золотые прииски Южно-Африканского плоскогорья, где работа была такая же, а платили гораздо больше.

Но трудно себе представить удивление Эндрю, когда Морган, усевшись с женой в тесном кабинете амбулатории, самодовольно объяснил цель их визита:

— Ну, сэр, кажется, мы наконец добились своего. Моя хозяйка, которую вы видите здесь, ждет ребенка. После девятнадцати лет, заметьте, сэр! Мы оба просто в восторге,

а потому решили отложить отъезд, пока это не произойдет. Потому что, видите ли, сэр, стали мы раскидывать умом насчет докторов и решили, что лучше всего будет, если вы возьметесь за это дело. Для нас это очень важно, доктор. И задача будет нелегкая, я полагаю: моей миссис уже сорок три года. Да. Но насчет вас мы спокойны, что вы хорошо справитесь.

Эндрю принял это предложение растроганно, с чувством человека, которому оказана большая честь. Это было странное чувство, чистое от материальных расчетов и в нынешнем его состоянии вдвойне отрадное. В последнее время он ощущал себя ужасно одиноким, ходил как потерянный. В нем происходило что-то новое, непонятное, что-то тревожащее и мучительное. По временам он ощущал странную тупую боль в сердце, которую, в качестве солидного и зрелого бакалавра медицины, до сих пор считал выдумкой сентиментальных людей.

Он никогда еще до этих пор не задумывался серьезно о любви. В годы учения он был слишком беден, слишком плохо одет и слишком поглощен своими экзаменами, чтобы часто встречаться с женщинами. В Университете Сент-Эндрю нужно было быть человеком «хорошей крови», как, например, его друг и одноклассник Фредди Хэмптон, чтобы иметь право вращаться в том кругу, где танцевали и устраивали вечера и блистали общественными талантами. А для него все это было недоступно. Он, независимо от своей дружбы с Хэмптоном, принадлежал к той толпе простых смертных, которые не стеснялись поднимать воротник пальто, усердно занимались, курили и свои случайные досуги проводили не в «Унионе», а в каком-нибудь захудалом баре с бильярдом.

Правда, и его посещали неизбежные романтические грезы. И оттого, что он был беден, они являлись ему всегда на фоне расточительной роскоши. А теперь, в Блэнелли, глядя

в окно полуразвалившейся амбулатории, упершись затуманенными глазами в кучу грязного шлака, он томился душой по какой-то ничтожной младшей учительнице городской школы. Это было до того нелепо, что ему хотелось смеяться.

Он всегда гордился своей трезвой практичностью, большой природной осторожностью. И теперь, с яростной настойчивостью, из сознательного эгоизма пытался доводами рассудка искоренить в себе это новое чувство. Он хладнокровно, логично припоминал все недостатки Кристин. Она некрасива, слишком мала и худя. На щеке у нее родимое пятно, на верхней губе складочка, заметная, когда она улыбается. К тому же он ей, наверное, противен.

Он сердито твердил себе, что так поддаваться чувствам с его стороны непростительная слабость и неосторожность. Ведь он посвятил себя работе. Он все еще только «помощник». Что это за врач, который уже в самом начале своей карьеры связывает себя чувством, грозящим испортить ему будущность и даже вот уже сейчас самым серьезным образом мешающим ему работать?

Делая усилия взять себя в руки, он старался отвлечься, прибегая для этого к различным уловкам. Обманывая себя мыслью, что ему недостает старых товарищей по университету, он написал длинное письмо Фредди Хэмптону, недавно уехавшему в Лондон, где он получил место в больнице. Он ухватился за дружбу с Денни. Но Филип, хотя и бывал порой приветлив, чаще оставался холоден, недоверчив, полон горечи, как человек, ушибленный жизнью.

Несмотря на все свои старания, Эндрю не мог изгнать из головы мысли о Кристин, а из сердца — мучительную тоску по ней. Он не видел ее с того времени, когда не смог удержаться от порыва откровенности у ворот «Уголка» доктора Браммуэлла. Что она о нем подумала? Да и думает ли она когда-нибудь о нем? Несмотря на то, проходя по Бэнк-стрит, он всегда жадно высматривал Кристин, он так давно не встречал ее, что уже потерял надежду когда-нибудь увидеть.

И вдруг, когда он уже совсем было впал в отчаяние, он однажды в субботу, двадцать пятого мая, получил записку следующего содержания:

Дорогой доктор Мэнсон!

Мистер и миссис Уоткинс завтра, в воскресенье, ужинают у меня. Если у вас не имеется в виду ничего более интересного, не придете ли и вы тоже? В половине восьмого.

Уважающая вас Кристин Барлоу

Он испустил крик, на который из буфетной прибежала Энни.

— Ох, доктор, что это вы? — И затем укоризненно: — Иногда вы ведете себя просто глупо.

— Это верно, Энни, — согласился он, все еще не оправившись от волнения. — Но я... Теперь, кажется, с глупостями покончено. Послушайте, Энни, голубушка, вы не выглядите мне брюки на завтра, а? Я их вечером, ложась спать, вывешу за дверь.

На следующий день, по случаю воскресенья, в амбулатории вечернего приема не было, и Эндрю в трепетном волнении явился вечером в дом миссис Герберт, у которой жила Кристин. Было еще слишком рано, и он знал это, но больше не мог ждать ни одной минуты.

Дверь открыла сама Кристин, приветливая, улыбающаяся.

Да, она улыбалась, улыбалась ему. А он думал, что противен ей! Он был так взволнован, что едва мог говорить.

— Сегодня был чудный день, не правда ли? — пробормотал он, следуя за ней в гостиную.

— Да, чудный, — согласилась Кристин. — И я сегодня совершила основательную прогулку. Зашла дальше Пэнди. Поверите ли, я даже нашла несколько цветков чистотела.

Они уселись. У нервничавшего Эндрю уже готов был сорваться с языка вопрос, хорошо ли она прогулялась, но он вовремя проглотил эту пустую и банальную фразу.

— Миссис Уоткинс только что прислала сказать, что они с мужем немного опоздают, — заметила Кристин. — Его зачем-то вызвали в контору. Вы не возражаете против того, чтобы подождать их несколько минут?

Возражать! Несколько минут! Эндрю готов был громко рассмеяться от счастья. Если бы она только знала, как он томился ожиданием все эти дни и как чудесно быть с ней наедине! Он украдкой оглядел комнату. Гостиная, обставленная собственной мебелью Кристин, не была похожа ни на одну из комнат, в которых ему приходилось бывать в Блэнелли. В ней не было ни плюшевых, ни волосяных кресел, ни аксминстерского ковра, ни единой пестрой атласной подушки, какие украшали гостиную миссис Браммуэлл. Пол был крашенный, навощенный, и только перед открытым камином лежал простой коричневый коврик. Мебель — такая ненавязчивая, что Эндрю не обратил на нее никакого внимания. Посреди стола, накрытого к ужину, стояла обыкновенная белая тарелка, в которой плавали похожие на крошечные кувшинки цветы чистотела, собранные сегодня Кристин. Это было просто и красиво. На подоконнике стоял деревянный ящик из-под пирожных, наполненный землей, из которой пробивались хрупкие зеленые ростки. Над камином висела какая-то весьма оригинальная картина, на которой был изображен всего только деревянный детский стульчик красного цвета, по мнению Эндрю, очень плохо нарисованный.

Кристин, должно быть, подметила изумление в глазах гостя. Она улыбнулась с заразительной веселостью:

— Надеюсь, вы не приняли это за подлинник.

Эндрю в замешательстве не знал, что сказать. Его смущала эта комната, где во всем чувствовалась индивидуальность хозяйки, смущало сознание, что она знает многое, ему недоступное. Но Кристин возбуждала в нем такой интерес, что, забыв о своей неловкости, избежав глупых

банальностей вроде замечаний о погоде, он начал расспрашивать о ее жизни.

Кристин отвечала ему просто. Она родом из Йоркшира. В пятнадцать лет лишилась матери. В то время отец ее был помощником смотрителя на одной из больших угольных шахт. Ее единственный брат Джон в тех же шахтах прошел практику горного инженера. Через пять лет, когда Кристин минуло девятнадцать и она окончила педагогический институт, отца назначили управляющим Портской шахтой, в двадцати милях от Блэнелли. Кристин и ее брат переехали с отцом в Южный Уэльс, она — чтобы вести хозяйство, Джон — чтобы работать вместе с отцом. Через полгода после их переезда на шахте произошел взрыв. Джон, находившийся в забое, был убит на месте. Отец, услышав о катастрофе, тотчас же спустился вниз и попал в поток рудничного газа. Неделю спустя из шахты извлекли оба трупа — его и Джона.

Когда Кристин закончила, наступило молчание.

— Простите меня... — начал Эндрю сочувственно.

— Люди очень тепло отнеслись ко мне, — произнесла Кристин все так же просто и серьезно. — А в особенности мистер и миссис Уоткинс. Мне предоставили здесь место в школе. — Она помолчала, и лицо ее снова прояснилось. — Я, как и вы, здесь все еще чужая. В долинах Уэльса долго надо жить, чтобы к ним привыкнуть.

Эндрю глядел на нее, ища слова, которые хоть сколько-нибудь выразили бы его чувства к ней, или какое-нибудь замечание, которое тактично отвлекло бы ее мысли от прошлого и внушило надежду на будущее.

— Да, здесь, внизу, чувствуешь себя как-то от всего отрезанным. Одиноким. Мне это знакомо. Я часто испытываю это. Часто так хочется поговорить с кем-нибудь.

Кристин улыбнулась:

— А о чем же вам хочется говорить?

Он покраснел, чувствуя себя захваченным врасплох.

— Ну, хотя бы о моей работе. — Он замолчал, но счел нужным пояснить: — Видите ли, я как-то запутался. Меня одолевают всякие вопросы.

— То есть вы хотите сказать, что у вас бывают в практике трудные случаи?

— Нет, не то. — С некоторым колебанием он продолжал: — Я приехал сюда, начиненный формулами, истинами, в которые все веруют или делают вид, что веруют. Например, что опухшие суставы — признак ревматизма. Что ревматизм надо лечить салицилкой. Знаете, всякие такие ортодоксальные истины! Ну а теперь открываю, что некоторые из них неверны. Возьмите хотя бы лекарства. Мне кажется, некоторые из них приносят скорее вред, чем пользу. Виновата система. Больной приходит на прием. Он ожидает от врача своей «бутылки». И получает ее, хотя бы это был просто жженный сахар, сода и добрая старая aqua. Вот для чего рецепт пишется по-латыни, ведь тогда больной ничего не поймет. Это нечестно и недостойно науки. И еще одно: мне кажется, что слишком много есть докторов, которые лечат эмпирическим путем, то есть обращают внимание лишь на отдельные симптомы. Они не дают себе труда собрать все симптомы воедино и тогда только поставить диагноз. Они решают очень быстро, потому что всегда спешат: «А, головная боль — так примите этот порошок». Или: «Вы малокровны, надо попринимать железо». Вместо того чтобы вникнуть, *чем вызвана* головная боль или малокровие... — Он вдруг перебил себя: — Ох, простите, вам это, должно быть, скучно...

— Нет-нет, — возразила она быстро. — Это страшно интересно.

— Я только начинаю, только нащупываю дорогу, — продолжил он с увлечением, обрадованный ее вниманием. — Но я по совести нахожу, уже судя по своему небольшому

опыту, что в той премудрости, которую нам внушали, слишком много отжившего, устарелого. Лекарства, которые бесполезны, симптомы, в которые верили еще в Средние века. Вы, пожалуй, скажете, что это не имеет значения для рядового врача-практика? Но почему такой практикующий врач должен только класть припарки да раздавать микстуры? Пора уже выдвинуть на первый план науку. Множество людей думает, что наука — на дне пробирки. А я думаю иначе. Я считаю, что работающие в глуши врачи имеют полную возможность узнать многое и чаще наблюдать первые симптомы какой-нибудь новой болезни, чем в любой клинике. К тому времени, как больной попадает в клинику, первые стадии болезни уже миновали.

Кристин собралась уже ответить, но тут раздался звонок у дверей. Она поднялась, проглотив свое замечание, и вместо него сказала с легкой улыбкой:

— Надеюсь, вы не забудете своего обещания поговорить со мной об этом в другой раз.

Вошли Уоткинс и его жена, извиняясь, что опоздали. И почти сразу все сели ужинать.

Ужин был совсем не похож на ту легкую холодную закуску, которой их потчевали на вечере у Браммуэллов. Здесь была вареная телятина и картофельное пюре с маслом. Потом ревенная ватрушка со сливками, сыр и кофе. Все было просто, но вкусно приготовлено. После той скудной еды, которую ему подавали у Блодуэн, Эндрю наслаждался этим горячим и аппетитным ужином. Он сказал со вздохом:

— Вам повезло, мисс Барлоу: хозяйка ваша замечательно стряпает.

Уоткинс, насмешливо наблюдавший, как объедался Эндрю, вдруг залился громким смехом:

— Вот это здорово! — Он повернулся к жене. — Слышала, мать? Он говорит, что старуха Герберт замечательно стряпает.

Кристин слегка покраснела.

— Не обращайтесь на него внимания, — сказала она Эндрю. — Вы сделали мне величайший комплимент в моей жизни — именно потому, что сделали его нечаянно. Ужин готовила я. Я пользуюсь кухней миссис Герберт, но люблю все стряпать сама. Я к этому привыкла.

Ее замечание привело управляющего рудником в еще более веселое настроение. Сегодня это был совсем не тот молчаливый субъект, который с таким стоическим терпением наблюдал, как развлекались гости миссис Браммуэлл. Сегодня он с грубоватой бесцеремонностью наслаждался едой, причмокивал губами от восторга, уписывая пирог, клал локти на стол, рассказывал анекдоты, смешившие всех.

Вечер пролетел быстро. Посмотрев на часы, Эндрю, к своему удивлению, убедился, что уже около одиннадцати. А он обещал сегодня в половине одиннадцатого навестить больного на Блайна-плейс. Когда он поднялся, Кристин проводила его в переднюю. В узком коридоре его рука коснулась ее бедра. Сладкая боль пронзила его. Кристин была так не похожа на всех женщин, которых он когда-либо встречал, — такая спокойная, хрупкая, с такими умными черными глазами. Как он смел раньше в мыслях называть ее жалкой!

Тяжело дыша, он пробормотал:

— Не знаю, как вас и благодарить за сегодняшний вечер. Вы мне позволите прийти еще? Я не всегда разговариваю только о своей работе. Вы не откажетесь... не откажетесь, Кристин, как-нибудь пойти со мной в кино, в Тониглен?

Глаза ее улыбались ему, на этот раз чуточку заодно.

— А вы попробуйте меня пригласить!

Долгая минута молчания на пороге, под высоким звездным небом. Росистый воздух веял прохладой на горячие щеки Эндрю. Лицо Кристин было так близко, что он ощущал ее дыхание. Ему страстно хотелось поцеловать ее. Он ошупью нашел и сжал ее руку, отвернулся, сошел на тротуар

и направился домой, полный радостно пляшущих в голове мыслей. Он вступил на ту головокружительную дорогу, которой проходят миллионы людей, и каждый считает себя единственным, на избитую дорогу восторгов, всем predetermined, вечно благословенную. О Кристин, необыкновенная девушка! Как хорошо она поняла его, когда он говорил о трудностях своего дела. Она умна, гораздо умнее его. И как чудесно стряпает!.. И он сегодня назвал ее Кристин!

VIII

Кристин еще больше, чем прежде, занимала его мысли, но теперь они приняли иную окраску. Он больше не знал уныния, был счастлив, бодр, полон надежд. И эта перемена настроения немедленно сказалась на его работе. Он был еще так молод, что фантазия постоянно рисовала ему различные положения, при которых Кристин наблюдала, как он лечит, видела тщательность его методов, добросовестный осмотр больных, хвалила его за пытливость и за точность диагноза. Всякое искушение пропустить визит, сделать вывод, не выслушав больного, парализовалось мгновенной мыслью: «Ни за что! Что бы она подумала обо мне, если бы я это сделал!»

Не раз ловил он на себе взгляд Денни, саркастический, понимающий. Но его это не трогало. С присущим ему пылким идеализмом он связывал Кристин со своими стремлениями, бессознательно видел в ней источник вдохновения, она воодушевляла его на великое завоевание неведомого будущего.

Он признавался себе, что, в сущности, все чаще ничего не знает. Но он учился самостоятельно мыслить, старался за очевидным разглядеть наиболее вероятную причину болезни. Никогда еще не испытывал он такого мощного влечения к науке. Он давал себе клятву никогда не опускаться, не быть корыстолюбивым, не делать поспешных выводов, никогда не доходить до того, чтобы писать на сигнатурах: «Повторить». Он желал делать открытия, трудиться для науки, стать достойным Кристин.

При таком искреннем подъеме духа было обидно, что его врачебная практика вдруг стала скучной и однообразной. Он жаждал двигать горы, но в последние несколько недель ему попадались все только жалкие кочки. Все заболевания были шаблонны, совершенно неинтересны — вывихи, порезы, насморки. Верхом издевательства был случай, когда его вызвали за две мили к старухе, которая, выставив свое желтое лицо из фланелевого чепца, попросила его срезать ей мозоли.

Он чувствовал себя преглупо, злился на неудачи, жаждал бурь.

Он начал сомневаться в себе, спрашивать себя, может ли действительно врач в такой глуши быть кем-нибудь иным, кроме мелкого, заурядного ремесленника. А потом, когда он совсем уже пал духом, произошел случай, который снова заставил взлететь вверх ртуть в термометре его упований.

В конце последней недели июня он, проходя через железнодорожный мост, встретил доктора Брамсуэлла. Серебряный Король шмыгнул из боковой двери трактира, воровато отирая губы тыльной стороной руки. Доктор имел обыкновение скромно утешаться здесь пинтой-двумя пива, когда Глэдис, веселая и разряженная, отправлялась в свои подозрительные экскурсии — «за покупками» — в Тониглен.

Неприятно пораженный тем, что Эндрю его увидел, он тем не менее блестяще вышел из положения:

— А, Мэнсон! Рад вас видеть. Меня только что вызывали к Притчарду.

Притчард был хозяином трактира, и за пять минут перед тем Эндрю видел, как он вышел гулять со своим бультерьером. Но он ничего не сказал. Ему нравился Серебряный Король, чьи высокопарные речи и смешные героические позы как-то по-человечески уравновешивались его робостью и дырами на носках, которые веселая Глэдис забывала штопать.

Возвращаясь вместе, они беседовали о своих профессиональных делах. Браммуэлл всегда готов был поговорить о случаях из практики и сейчас с важным видом сообщил Эндрю, что лечит Имрису Хьюза, зятя Энни. По его словам, Имрис в последнее время был какой-то странный, заводил ссоры с товарищами, терял память. Он стал раздражителен и буен.

— Не нравится мне это, Мэнсон. — Браммуэлл глубокомысленно покачал головой. — Я уже видывал такие случаи. Это чрезвычайно похоже на душевную болезнь.

Эндрю выразил огорчение. Хьюз всегда производил на него впечатление туповатого и добродушного человека. Эндрю вспомнил, что в последнее время у Энни был расстроенный вид; на вопросы о его причине она отвечала туманными намеками, так как при всей своей склонности посудачить была очень скрытной, когда дело касалось ее близких. Очевидно, ее беспокоила болезнь зятя. Прощаясь с Браммуэллом, Эндрю выразил надежду, что в состоянии больного наступит скоро поворот к лучшему.

Но в следующую пятницу в шесть часов утра Эндрю разбудил стук в дверь его спальни. Это оказалась Энни, уже совершенно одетая. Глаза ее были красны. Она протянула ему письмо. Эндрю вскрыл конверт. Письмо было от доктора Браммуэлла.

Приходите немедленно. Вы мне нужны для того, чтобы вместе со мной удостовериться случаи опасного помешательства.

Энни боролась со слезами.

— Это насчет Имрису, доктор. С ним что-то страшное. Пожалуйста, доктор, идите туда поскорее.

Эндрю оделся в три минуты. Провожая его, Энни рассказала ему, как умела, о состоянии Имрису. Он уже три недели болен и на себя не похож, а сегодня ночью он кинулся на жену с ножом, которым режут хлеб. Олуэн едва успела

спастись, выскочив на улицу в одной ночной сорочке. Эта сенсационная новость произвела на Эндрю гнетущее впечатление. Прерывающимся голосом Энни рассказывала все, торопливо шагая рядом с ним в сером свете утра, и трудно было придумать, что сказать ей в утешение. Они дошли до дома Хьюза. В первой комнате Эндрю застал доктора Браммуэлла, небритого, без воротничка и галстука, сидевшего с серьезным видом за столом с пером в руке. Перед ним лежал наполовину уже заполненный голубой бланк.

— А, Мэнсон! Очень хорошо, что вы пришли так скоро. Скверная история. Но мы вас долго не задержим.

— Что случилось?

— Хьюз помешался. Я, помнится, говорил уже вам на прошлой неделе, что опасаясь этого. Ну и оказался прав. Острый припадок умственного расстройства. — Браммуэлл отчеканил это с драматической выразительностью. — Да, буйное помешательство. Придется немедленно отправить его в Понтиньюд. Для этого нужны две подписи на акте, моя и ваша. Родственники больного пожелали, чтобы я вызвал вас. Вам известен порядок, не правда ли?

— Да, — кивнул Эндрю. — Какие у вас доказательства?

Браммуэлл, откашлявшись, начал читать то, что написал на бланке. Это был длинный и обстоятельный отчет о некоторых поступках Хьюза за последнюю неделю, свидетельствовавших об умственном расстройстве. Окончив, Браммуэлл поднял голову:

— Достаточные доказательства, я полагаю.

— Картина довольно-таки неприятная, — медленно отозвался Эндрю. — Гм... Пойду взгляну на него.

— Благодарю вас, Мэнсон. Когда вернетесь, найдете меня здесь. — И он принялся вносить в бланк дальнейшие сведения.

Имрис Хьюз лежал в постели, а подле него сидели — на случай, если понадобится применить силу, — двое его товарищей-шахтеров. В ногах кровати стояла Олуэн, бледное

лицо которой, всегда такое живое и задорное, было искажено и заплакано. У нее был такой измученный вид, а в комнате царила такая мрачная, напряженная атмосфера, что на мгновение холодный страх закрался в душу Эндрю.

Он подошел к Имрису и в первую минуту едва узнал его. Перемена была не такая уж резкая, это был тот же Имрис, но черты его лица как-то неумовимо погрубели и исказились. Лицо имело отечный вид, ноздри распухли, кожа приняла восковой оттенок, и только на носу выделялось красноватое пятно. Весь он был какой-то вялый, точно сонный. Эндрю заговорил с ним. Имрис пробурчал в ответ что-то невнятное. Потом, сжав кулаки, разразился какой-то бессмысленно враждебной тирадой, которая, вдобавок к сообщению Браммуэлла, давала слишком убедительные основания для отправки его в сумасшедший дом.

Последовала пауза. Эндрю сознавал, что доказательства налицо. Но они его почему-то не удовлетворяли. Он спрашивал себя: *что* вызывает такие речи Хьюза? Если этот человек помешался, что послужило причиной? Имрис всегда был счастлив и доволен, не знал забот и нужды и к людям относился дружелюбно. Почему же он без всякой видимой причины вдруг пришел в *такое* состояние?

«Должна же быть какая-нибудь причина, — упрямо твердил себе Мэнсон. — Симптомы не появляются ни с того ни с сего, сами по себе». Глядя на опухшее лицо на подушке и ломая голову над решением этой загадки, он инстинктивно протянул руку и дотронулся до лица Имриса, подсознательно отметив при этом, что нажатие пальца не оставило вмятины на отечной щеке.

И вдруг, с быстротой электрической искры, пробегающей по проводу, в его мозгу возникла догадка. *Почему* отек не давал углубления под давлением пальца? Да потому — сердце у него так и подпрыгнуло! — потому что это вовсе не отек, а микседема!¹ Найдено, ей-богу, найдено! Но нет,

¹ Опухоль вследствие болезни щитовидной железы.

не следует торопиться. Он решительно одернул себя. Нельзя мчаться карьером к выводам. Надо подходить к ним не спеша, осторожно, чтобы быть уверенным в них.

Эндрю наклонился и взял руку Имриса. Да, кожа сухая, шершавая, пальцы немного утолщены к концам. Температура ниже нормальной. Он методически проделал осмотр, подавляя в себе каждый новый порыв восторга. Все признаки, все симптомы сходились так же точно, как элементы сложной загадки-головоломки. Бессвязная речь, сухость кожи, лопатообразные пальцы, опухшее лицо, потеря памяти, замедленность соображения, припадки раздражительности, которая довела его до покушения на убийство. Да, картина была настолько полная, что можно было торжествовать.

Эндрю встал и пошел в гостиную, где доктор Брамсуэлл, стоявший на коврике у камина спиной к огню, встретил его восклицанием:

— Ну что? Удовлетворены? Перо на столе, подписывайте.

— Слушайте, Брамсуэлл. — Эндрю не смотрел на Брамсуэлла, делая усилия не выдать голосом свое бурное торжество. — Я не думаю, что нам надо отправлять Хьюза в Понтиньюд.

— Что?! — Лицо Брамсуэлла постепенно теряло свое безразличное выражение. Задетый и удивленный, он воскликнул: — Но ведь этот человек сошел с ума!

— Я другого мнения, — ровным голосом возразил Эндрю, все более подавляя свое возбуждение. Недостаточно было поставить диагноз. Нужно было еще убедить Брамсуэлла, говорить с ним осторожно, чтобы не вооружить его против себя. — По-моему, умственное расстройство Хьюза только следствие болезни. Я нахожу, что у него щитовидная железа не в порядке — явно выраженный случай микседемы.

Брамсуэлл уставился на Эндрю стеклянным взглядом. Он был совершенно ошарашен. Несколько раз пытался заговорить, но издавал только странные звуки, как будто снег шлепался с крыши.

— В конце концов, — говорил между тем Эндрю убеждающим тоном, не подымая глаз от коврика, — Понтиньюд — такое гиблое место! Если он туда угодит, то никогда оттуда не выйдет. А если и выйдет, то на всю жизнь останется с этим клеймом. Может быть, сначала попробуем ввести ему препарат щитовидной железы.

— Но, доктор... — пролепетал Браммуэлл дрожащим голосом, — я не понимаю...

— Подумайте, как поднимется ваш престиж, если вы его вылечите, — торопливо перебил Эндрю. — Разве не стоит попробовать? Давайте я позову сюда миссис Хьюз. Она все глаза выплакала, боясь, что Имриса увезут. Вы ей скажете, что мы хотим испытать новый способ лечения.

Раньше чем Браммуэлл успел что-нибудь возразить, Эндрю вышел из комнаты. Через несколько минут, когда он вернулся с женой Имриса, Серебряный Король уже оправился от смущения. Встав в позу на коврике перед камином, он самым торжественным образом объявил Олуэн, что «есть еще, быть может, проблеск надежды», а в это время Эндрю за его спиной сжал в тугую комок акт о болезни и швырнул его в огонь. Затем он пошел звонить по телефону в Кардифф, чтобы прислали препарат щитовидной железы.

Наступил период трепетного волнения, несколько дней мучительной неизвестности — и наконец лечение начало оказывать на Хьюза свое действие. А начав, продолжало действовать просто магически. Через две недели Имрис встал с постели, а через два месяца уже снова работал в руднике. Как-то вечером он явился в амбулаторию в «Брингоуэр», бодрый, хотя и похудевший, в сопровождении сияющей Олуэн, чтобы сообщить Эндрю, что никогда в жизни не чувствовал себя здоровее, чем сейчас.

Олуэн сказала:

— Мы всем обязаны вам одному, доктор. Мы хотим перейти от Браммуэлла к вам. Имрис был в списке его пациентов еще до того, как мы поженились. А этот Браммуэлл —

просто старая глупая баба. Он бы упек моего Имрису в... ну, вы знаете куда, если бы не вы и все то, что вы для нас сделали.

— Вам нельзя теперь перейти ко мне, Олуэн, — ответил Эндрю. — Вы этим все дело испортите. — И, отбросив свое профессиональное достоинство, пригрозил, расшалившись, как мальчик: — Только попробуйте перейти — и я кинусь на вас вот с этим ножом.

Брамуэлл, встретив Эндрю на улице, весело крикнул:

— Привет, Мэнсон! Вы, верно, видели Хьюза? Ха-ха! Оба они так мне благодарны! Смею сказать, такой удачи у меня еще никогда не было.

Энни сказала:

— Старый Брамуэлл расхаживает по городу так важно, как индюк, словно он бог весть кто. А он ничего не понимает. И жена его тоже хороша! У нее ни одна прислуга и дня прожить не может.

А миссис Пейдж объявила:

— Доктор, не забудьте, что вы работаете для доктора Пейджа.

Денни комментировал событие следующим образом:

— Мэнсон, вы теперь так самонадеянны, что становитесь невозможным. Вы скоро черт знает как пойдете в гору. Да, очень скоро.

Но Эндрю, в упоении от победы научного метода, спешил к Кристин и все, что ему хотелось сказать, приберег для нее.

IX

В июле в Кардиффе начался ежегодный съезд Британского союза медиков. Союз, в члены которого, как неизменно в своем напутственном слове внушал студентам-выпускникам профессор Лэмплоу, следовало вступать каждому порядочному врачу, славился своими ежегодными съездами. Великолепно организованные, эти съезды обеспечивали участникам и их семьям всякие спортивные, светские и научные развлечения, скидку в почти первоклассных гостиницах, бесплатные прогулки в шарабанах к любым развалинам монастыря в окрестностях, брошюры «Помни об искусстве», каталоги крупных фирм, изготавливающих хирургические инструменты и лекарства, льготы при пользовании лечебными водами на ближайшем курорте. На предыдущем съезде после целой недели торжеств каждому врачу и его жене было послано по коробке печенья.

Эндрю не состоял членом союза, так как вступительный взнос в пять гиней пока еще был ему не по средствам, и он с легкой завистью следил за всем издали. Он чувствовал себя в Блэнелли оторванным от всего, словно в стороне от мира. И это ощущение обособленности усиливали появляющиеся в местных газетах снимки групп врачей, принимающих приветствия на разукрашенном флагами перроне, или отъезжающих в Пенарт, чтобы присутствовать при состязании в гольф, или стоящих на палубе парохода во время прогулки по морю.

Но в середине недели прибыло письмо с адресом отеля в Кардиффе, доставившее Эндрю уже более приятные ощущения. Письмо было от его приятеля Фредди Хэмптона. Фредди, как и следовало ожидать, был участником съезда и звал Мэнсона приехать в Кардифф повидаться с ним. Он предлагал в субботу пообедать вместе.

Эндрю показал письмо Кристин. У него теперь появилась инстинктивная потребность всем с ней делиться. С того вечера, почти два месяца тому назад, когда он ужинал у нее, он влюблялся в нее все больше и больше. Теперь они часто виделись, и, ободренный явным удовольствием, которое эти встречи доставляли Кристин, Эндрю был счастлив, как никогда в жизни. Быть может, именно под влиянием Кристин он стал более уравновешенным. Эта маленькая женщина была практична, удивительно прямолинейна и совершенно лишена кокетства. Часто Эндрю приходил к ней раздраженный, нервный, а уходил утешенный и успокоенный. Она имела привычку выслушивать молча все, что ему хотелось рассказать, а потом подавала какую-нибудь реплику, всегда меткую или забавную. Она обладала живым умом. И никогда не льстила Эндрю.

Иногда, несмотря на спокойный характер Кристин, они горячо спорили, потому что у нее обо всем было собственное мнение. Как-то она с улыбкой сказала Эндрю, что любовь к спорам унаследовала от бабушки-шотландки. Быть может, от нее же она унаследовала и свой независимый характер. Эндрю угадывал в ней большое мужество, и это его трогало, вызывало горячее желание защитить. Она была совершенно одинока на свете, если не считать больной тетки в Бридлингтоне.

По субботам или воскресеньям, если погода была хорошая, они предпринимали далекие прогулки по дороге в Пэнди. Раз ходили в кино смотреть Чаплина в «Золотой лихорадке» и раз в Тонилен, по предложению Кристин, на симфонический концерт. Но больше всего Эндрю любил

вечера, когда в гостях у Кристин бывала одна лишь миссис Уоткинс, и он наслаждался ее обществом в домашней обстановке. Тогда и происходили большей частью их споры и беседы, а миссис Уоткинс, играя роль буферного государства, сидела и вязала с кротким, но чопорным видом.

Теперь, собираясь ехать в Кардифф, Эндрю захотел, чтобы Кристин поехала с ним. Занятия в школе в конце недели прекратились, и Кристин уезжала на летние каникулы в Бридлингтон к тетке. Эндрю решил, что до расставания им надо как-нибудь повеселее провести время.

Когда Кристин прочла письмо Хэмптона, Эндрю сказал стремительно:

— Поедемте со мной! Это только полтора часа езды по железной дороге. Я добьюсь, чтобы Блодуэн меня освободила на субботний вечер. Может быть, нам удастся побывать на съезде. И во всяком случае мне хочется познакомить вас с Хэмптоном.

— Поеду с удовольствием, — кивнула Кристин.

Окрыленный ее согласием, он не допускал и мысли, что миссис Пейдж его не отпустит. Еще до того, как он поговорил с ней, он повесил в окне амбулатории большое объявление:

В СУББОТУ ВЕЧЕРОМ ПРИЕМА НЕ БУДЕТ

И весело пошел домой.

— Миссис Пейдж, согласно Положению о состоящих на службе помощниках врачей, я имею право на свободные полдня в год. Я бы хотел использовать это право в субботу. Я еду в Кардифф.

— Но послушайте, доктор... — взъерепенилась Блодуэн, называя его мысленно наглецом и эгоистом. Однако, подозрительно взглядевшись в него, ворчливо дала согласие: — Ну что же, ладно, можете ехать... — Ей пришла в голову неожиданная мысль, и глаза у нее засветились, она облизала

губы. — Раз вы будете в Кардиффе, привезите мне пирожных от Перри. Я ничего так не люблю, как пирожные от Перри...

В субботу, в половине пятого, Кристин и Эндрю поехали поездом в Кардифф. Эндрю был весел, шумлив, окликал по имени носильщика, кассира. Улыбаясь, глядел на Кристин, сидевшую напротив. На ней был темно-синий костюм, в котором она выглядела наряднее обычного, красивые черные туфли. По всему было видно, что она радуется поездке; глаза ее так и сияли.

Глядя на нее, Эндрю чувствовал, как его охватывает прилив нежности и новое для него страстное желание. Он подумал, что эта дружба между ними очень приятна, но одной дружбы ему мало. Ему хотелось ее обнять, ощутить ее близко-близко, так, чтобы ее теплое дыхание касалось его лица.

Он сказал невольно:

— Я пропаду тут без вас, когда вы уедете на лето.

Кристин слегка покраснела. Она смотрела в окно.

Он спросил торопливо:

— Мне не следовало этого говорить?

— Быть может. Но я рада, что вы это сказали, — ответила она, не оборачиваясь.

Ему ужасно хотелось сказать ей еще, что он любит ее, и, несмотря на его до смешного необеспеченное положение, спросить, согласна ли она выйти за него замуж. Ему вдруг стало ясно, что это единственный и неизбежный выход для них обоих. Но что-то удерживало его, он инстинктивно понимал, что минута для этого не подходящая. Решил поговорить с Кристин на обратном пути.

А пока продолжал, не переводя дыхания:

— Мы сегодня чудесно проведем вечер. Хэмптон — отличный малый. Остроумный, веселый. Помню, раз в Данди устроили благотворительный дневной концерт в пользу больниц. Выступали всякие «звезды», настоящие артисты — это было в Лицее. И что же вы думаете, Хэмптон

отправился туда, выступил на сцене — пел и плясал — и, клянусь святым Георгием, покори́л весь зал!

— Он, очевидно, больше подходит для роли любимца театральной публики, чем для роли врача, — заметила с улыбкой Кристи́н.

— Ну, Крис, не будьте так строги. Фредди вам понравится.

Поезд прибыл в Кардифф в четверть седьмого, и они направились прямо в отель «Палас». Хэмптон обещал ждать их здесь в половине седьмого, но, когда они вошли в холл, его еще не было.

Они стояли рядом, наблюдая. В холле теснились врачи и их жены, болтая, смеясь, создавая атмосферу удивительной сердечности. Любезные приглашения летели от одного к другому:

— Доктор! Вы и миссис Смит непременно должны сегодня вечером сесть рядом с нами.

— Доктор, как насчет билетов в театр?

Люди суетливо входили и выходили, джентльмены с красными значками в петлицах важно скользили взад и вперед по паркету со списками в руках.

В нише напротив какой-то служащий отеля монотонно гудел:

— В секцию отологии и ларингологии проход здесь, пожалуйста.

Над входом в коридор, ведущий в пристройку, красовалась надпись: «Медицинская выставка». В холле имелись и пальмы, и струнный оркестр.

— Здесь довольно весело, правда? — заметил Эндрю, чувствуя, что они с Кристи́н как-то исключены из общего веселья. — А Фредди, как всегда, опаздывает, черт бы его побрал! Давайте посмотрим пока выставку.

Они с интересом обошли выставку. Эндрю скоро оказался нагруженным изящными брошюрками и листовками. Он, смеясь, показал одну Кристи́н: «Доктор! Не пуст ли ваш

кабинет? Мы можем вас научить, чем его заполнить». Было здесь и девятнадцать рекламных каталогов, все разные, предлагавшие новейшие болеутоляющие средства.

— Можно подумать, что последнее слово медицины — наркотики, — произнес Эндрю, хмурясь.

У последнего киоска, когда они уже выходили, какой-то молодой человек учтиво остановил их и показал блестящий, похожий на часы предмет:

— Доктор! Я полагаю, вас заинтересует наш новый индексометр. Он имеет самое разнообразное применение, абсолютно точен, очень эффектен у кровати и стоит всего две гинеи. Разрешите, доктор, я вам его покажу. Видите, спереди имеется указатель инкубационных периодов. Один поворот диска — и вы определяете инфекционный период. Внутри, — он щелкнул задней крышкой, открывая ее, — внутри превосходный измеритель гемоглобина, а сзади в виде таблицы...

— У моего деда была такая же точно штука, — решительно прервал его Эндрю, — но он ее кому-то отдал.

Когда они шли по коридору обратно, Кристин хохотала.

— Бедняга! — сказала она. — До сих пор никто не смел насмеяться над его прекрасным прибором.

В ту минуту, когда они входили в холл, появился и Фредди Хэмптон. Выскочив из такси, он вошел в отель, а за ним мальчик нес его клюшки для гольфа. Хэмптон сразу увидел Эндрю и Кристин и направился к ним с широкой, подкупающей улыбкой:

— Привет! Привет! Вот вы где! Извините, что опоздал. Ужасно хотелось выиграть. Никогда в жизни не видывал, чтобы кому-нибудь так везло, как этому парню. Ну, Эндрю, рад опять с тобой увидеться. Все тот же прежний Мэнсон. Ха-ха! Но почему ты не купишь себе новой шляпы, мой милый? — Он приятельски, с развязной и шумной приветливостью похлопал Эндрю по спине, и его смеющиеся глаза охватили одним взглядом и Эндрю, и Кристин. — Познакомь же меня, разиня! О чем ты только думаешь!..

Они уселись за один из круглых столиков. Хэмптон решил, что всем надо до обеда выпить чего-нибудь. Щелкнув пальцами, он позвал лакея, который со всех ног бросился на его зов. Затем, попивая херес, стал рассказывать им подробности своего состязания в гольф...

Розовощекий, с светлыми, напомаженными бриллиантовым волосами, в костюме прекрасного покроя, из рукавов которого высовывались манжеты с запонками из черного опала, Фредди представлял собой симпатичного молодого человека, не красивого — черты лица у него были очень уж заурядные, — но добродушного и остроумного. Пожалуй, он был немножко самонадеян, но, когда хотел понравиться, ему это удавалось. Он легко сходился с людьми. Но, несмотря на все это, в университете доктор Мьюир, патолог и циник, однажды сказал ему утрюмо перед всей аудиторией: «Вы ничего не знаете, мистер Хэмптон. Ваша голова подобна воздушному шару и наполнена только газом самообожания. Но такой, как вы, никогда не пропадет. Если вам удастся, надув преподавателей, пройти через те детские игры, которые у нас здесь называются экзаменами, то я вам предсказываю большое и блестящее будущее».

Обедать они пошли в ресторан, так как для обеда в отеле все трое не были одеты подобающим образом. Фредди, правда, сообщил, что ему сегодня вечером придется переодеться во фрак: предстоит танцевальный вечер, ужасно скучный, но он должен там показаться.

Небрежно заказав обед по карточке, где все названия невероятно отдавали медициной: «суп Пастер», «камбала мадам Кюри», «говяжье филе а-ля Съезд врачей», Фредди принялся с драматическим жаром вспоминать былые дни.

— Никогда бы не подумал, — закончил он, качая головой, — что старина Мэнсон похоронит себя в долинах Южного Уэльса.

— А вы полагаете, что он окончательно себя там похоронил? — спросила Кристин с несколько натянутой усмешкой.

Наступило молчание. Фредди оглядел зал, битком набитый посетителями, улыбнулся Эндрю:

— А какого ты мнения о съезде?

— Мне кажется, — сказал нерешительно Эндрю, — он полезен тем, что дает возможность идти в ногу с прогрессом.

— В ногу с прогрессом! Да я за всю неделю не был ни на одном заседании их дурацких секций. Нет-нет, дружище, важно не это, а то, что на съезде встречаешься с людьми, заводишь знакомства. Ты представить себе не можешь, каких влиятельных людей я успел расположить к себе за эту неделю. Вот для того-то я и приехал на съезд. Вернувшись в Лондон, я им позвоню по телефону, стану бывать у них, играть с ними в гольф. А там — помяни мое слово — с их помощью налажу свои дела.

— Я не совсем понимаю тебя, Фредди, — сказал Мэнсон.

— Боже мой, это так же просто, как расколоть полено! Я пока остаюсь на службе, но уже присмотрел себе славный кабинетик в Вест-Энде, на дверях которого шикарно будет выглядеть изящная медная дощечка с надписью: «Фредди Хэмптон, бакалавр медицины». Когда эта дощечка появится на дверях, мои новые знакомые будут направлять ко мне пациентов. Ты же знаешь, как это делается между врачами: взаимные услуги. По пословице: «Почеши мне спину, а я тебе почешу». — Фредди с наслаждением отхлебнул глоток белого вина и продолжил: — Кроме того, полезно потолкаться и среди мелкой провинциальной братии. Иногда они тоже могут прислать мне в Лондон подходящую дичь. Да вот хотя бы ты, старина, — через год-другой и ты будешь направлять ко мне в Лондон пациентов из вашего — как бишь его? — Блэн... ну, не помню, как оно называется.

Кристин быстро глянула на Хэмптона, как будто хотела что-то сказать, но сдержалась. Она больше не поднимала глаз от тарелки.

— Ну а теперь расскажи о себе, Мэнсон, сын мой, — сказал Фредди с улыбкой. — Что у тебя нового?

— Да ничего особенного. Я принимаю в бревенчатой амбулатории, делаю в среднем тридцать визитов в день. Лечу большей частью шахтеров и их семьи.

— Невелик успех! — соболезнующе покачал головой Фредди.

— А я очень доволен, — спокойно возразил Эндрю.

Вмешалась Кристин:

— Но ведь тут настоящая работа!

— Да, вот недавно, например, у меня был очень интересный случай, — сказал Эндрю. — Я даже написал заметку в «Журнал».

Он коротко описал Хэмптону болезнь Имриса Хьюза. Но хотя Фредди усиленно делал вид, что слушает с интересом, глаза его все время шныряли по залу.

— Да, это блестяще, — заметил он, когда Мэнсон закончил. — А я думал, что зоб встречается только в Швейцарии или где-то там еще. Во всяком случае, ты, надеюсь, содрал с него за это дело кругленькую сумму. Да, кстати, о гонорарах. Сегодня один парень сообщил мне самое лучшее решение вопроса о гонораре. — Фредди опять оживился, увлеченный поданной ему кем-то сегодня идеей получать плату за визиты наличными. Его красноречивые разглагольствования продолжались до самого конца обеда. Наконец он встал, бросив на стол салфетку. — Пойдемте пить кофе на террасу. Мы закончим там нашу конференцию.

Без четверти десять его сигара была докурена, запас анекдотов иссяк, и Фредди, тихонько зевнув, посмотрел на свои платиновые часы-браслет.

Но Кристин его предупредила. Она весело взглянула на Эндрю, выпрямилась и спросила:

— Нам как будто пора ехать?

Мэнсон хотел было возразить, что до отхода поезда еще полчаса, но Фредди сказал:

— А мне, пожалуй, надо собираться на этот проклятый бал. Неудобно задерживать компанию, с которой я иду. —

Он проводил их до дверей и долго и дружески прощался с обоими. — Ну, старина, — пробормотал он, в последний раз пожав руку Эндрю и фамильярно потрепав его по плечу, — когда я повешу вывеску в Вест-Энде, то не забуду тебя известить.

Выйдя на теплый вечерний воздух, Эндрю и Кристин молча шли по Парк-стрит. Эндрю смутно понимал, что вечер вышел не такой удачный, как они рассчитывали, во всяком случае — обманул надежды Кристин. Он ожидал, что она заговорит, но Кристин молчала. Наконец он сказал неуверенно:

— Боюсь, вам было очень скучно слушать все эти больничные истории.

— Нет, — возразила Кристин, — мне они вовсе не показались скучными.

Оба помолчали. Затем Эндрю снова спросил:

— А Хэмптон вам не понравился?

— Не особенно. — Она вдруг повернулась к нему. Сдержанность ей изменила, глаза сверкали благородным негодованием. — И такой-то вот, напوماженный, сидит весь вечер и глупо ухмыляется да еще смеет обращаться с вами покровительственно!

— Покровительственно? — повторил удивленный Эндрю.

Она сердито кивнула:

— Он был просто невыносим. «Один парень сообщил мне наилучшее решение вопроса о гонораре». И это сразу после того, как вы ему рассказали о замечательном случае с Имрисом! И еще назвал эту болезнь зобом! Даже я знаю, что это как раз обратное явление. А его предложение направлять к нему пациентов! — Она скривила губы. — Дальше уж некуда! — Она докончила, совсем рассвирепев: — Ох, я едва сдерживалась, так меня злило то, что он считает себя выше вас!

— Не думаю, чтобы он считал себя выше меня, — сказал Эндрю озадаченно. — Правда, он сегодня произвел впечат-

ление человека, занятого только самим собой. И это, может быть, просто такое настроение. Он самый симпатичный человек из всех, кого я знаю. Мы были очень дружны в университете. Вместе зубрили.

— Вероятно, он находил, что вы ему полезны, — бросила Кристин с необычной для нее горечью. — Он подружился с вами для того, чтобы вы ему помогли учиться.

Эндрю огорченно запротестовал:

— Крис, не говорите гадостей о людях!

— Нет, вы, должно быть, слепы! — вспыхнула она, и злые слезы заблестели у нее на глазах. — Надо быть слепым, чтобы не видеть, что он за человек. И он испортил нам все удовольствие от поездки. Все было отлично, пока он не явился и не начал говорить о себе. А в Виктория-Холле был чудный концерт, и мы могли пойти туда! Но мы не попали на концерт, а теперь уже слишком поздно идти куда-нибудь. Только он не опоздает на свой идиотский бал!

Они шли до станции на некотором расстоянии друг от друга. В первый раз Эндрю видел Кристин рассерженной. И он тоже сердился — на себя, на Хэмптона, да и на Кристин. Но ведь она права: вечер испорчен. Теперь, украдкой поглядывая на ее напряженное, бледное лицо, он чувствовал, что все вышло прескверно.

Они пришли на станцию. Неожиданно, когда они поднимались на верхнюю платформу, Эндрю увидел на противоположной стороне двоих, которых узнал сразу: миссис Брамсуэлл и доктора Габела. В эту минуту был подан поезд, который шел в Порткоул, на морское побережье. Габел и миссис Брамсуэлл сели вместе в этот поезд, улыбаясь друг другу. Раздался свисток паровоза, и поезд отошел. Эндрю овладело вдруг неприятное чувство. Он быстро посмотрел на Кристин, в надежде, что она не заметила этой пары. Только сегодня утром он встретил Брамсуэлла, и тот, поговорив о хорошей погоде, удовлетворенно потирая костлявые руки, что жена уехала на два дня к матери в Шрусбери.

Эндрю стоял молча, опустив голову. Он был так влюблен, что сцена, которой он только что был свидетелем, во всем ее значении мучила его, как физическая боль. Тошно ему стало. Не хватало только такого заключительного аккорда, чтобы завершить тяжелый день. Настроение Эндрю резко изменилось, радость померкла. Он жаждал длинного, ничем не нарушаемого разговора с Кристин, жаждал открыть ей душу, уладить эту глупую и пустячную размолвку между ними. А больше всего жаждал быть с ней наедине. Но поезд, шедший в Блэнелли, был набит битком. Им пришлось удовольствоваться местами в вагоне, переполненном шахтерами, которые громко обсуждали подробности футбольного матча.

В Блэнелли приехали поздно, и Кристин казалась очень утомленной. Эндрю был уверен, что она видела миссис Браммуэлл и Габела. Он сейчас не мог говорить с ней. Не оставалось ничего другого, как проводить ее молча до дома миссис Герберт и уныло пожелать ей доброй ночи.

Х

Было уже около двенадцати часов ночи, когда Эндрю вернулся в «Брингоуэр», но, несмотря на такой поздний час, его ожидал там Джо Морган, рассказывавший короткими шагами между запертой амбулаторией и домом. При виде Эндрю широкое лицо бурильщика выразило облегчение.

— Ох, доктор, как хорошо, что вы вернулись! Я тут хожу взад-вперед уже целый час. Моя хозяйка нуждается в вашей помощи — и раньше времени к тому же.

Эндрю, сразу оторванный от размышлений о своих личных делах, попросил Моргана подождать. Он сходил наверх за сумкой, потом они вместе отправились на Блайна-плейс. Ночь была прохладной и загадочно спокойной. Всегда такой впечатлительный, Эндрю теперь ощущал лишь какое-то тупое безучастие ко всему вокруг. Он не предчувствовал, что это ночное посещение будет необычно, более того, что оно будет иметь решающее значение для его будущего в Блэнелли. Оба шагали молча, пока не дошли до дома номер 12. Здесь Джо круто остановился.

— Я не войду, — сказал он, и в голосе его чувствовалось большое душевное напряжение. — Но я уверен, доктор, что вы нам поможете.

Внутри узкая лестница вела в тесную спальню, чистенькую, но бедно меблированную и освещенную только керосиновой лампой. Здесь мать миссис Морган, высокая седая старуха лет семидесяти, и пожилая толстая повитуха ожидали у постели роженицы, следя за выражением лица Эндрю, ходившего по комнате.

— Можно вам предложить чашку чая, доктор? — быстро спросила старая мать через несколько минут.

Эндрю слегка усмехнулся. Он понял: старая женщина, умудренная опытом, боялась, как бы он не ушел, обещав вернуться попозже, когда начнутся роды.

— Не беспокойтесь, матушка, я не сбегу.

Сойдя вниз, на кухню, он выпил чашку чая, поданную ею. Он был очень утомлен, но понимал, что даже если и уйдет домой, то не урвет и часа на сон. К тому же видел, что этот случай потребует всего его внимания. Какое-то странное душевное оцепенение владело им, и он решил остаться здесь, пока все не закончится. Час спустя он поднялся наверх взглянуть на роженицу, вернулся в кухню и сел у огня. В квартире стояла тишина, слышно было только, как сыпалась сквозь решетку зола да медленно тикали стенные часы. Впрочем, раздавались и другие звуки: стук башмаков Моргана, ходившего по улице перед домом. Против Эндрю сидела в черном платье старая мать. Она была совершенно неподвижна, и глаза ее, удивительно живые и умные, не отрываясь, смотрели в лицо Эндрю, словно изучая его.

Тяжелые, путанные мысли бродили в голове Эндрю. Сцена на кардиффском вокзале все еще стояла перед ним и болезненно волновала. Он думал о Браммуэлле, обожавшем женщину, которая гнусно его обманывала, об Эдварде Пейдже, связанном навсегда со строптивой Блoduэн, о Денни, который вел печальную жизнь врозь с женой. Рассудок твердил ему, что все это крайне неудачные браки. Но в нынешнем состоянии души этот вывод заставлял его хмуриться. Он хотел представлять себе брак идиллией, да иначе он не мог себе его представлять, когда перед ним витал образ Кристины. Ее глаза, сиявшие перед ним, не допускали никакой другой мысли. И борьба между холодными сомнениями ума и переполнявшей сердце любовью вызывала в нем гнев и растерянность. Уткнув подбородок в грудь, вытянув ноги, он задумчиво смотрел в огонь.

Так он сидел долго, и мысли его были настолько заняты Кристин, что он вздрогнул, когда сидевшая напротив женщина заговорила с ним.

Ее занимали вопросы совсем иного свойства.

— Сюзен наказывала, чтобы ей не давали хлороформа, если это может повредить ребенку. Она страх как хочет этого ребенка, доктор. — Старые глаза вдруг потеплели, и она добавила тише: — Да и все мы так же хотим его.

Эндрю с трудом стряхнул с себя рассеянность.

— Наркоз не принесет никакого вреда, — сказал он ласково. — Оба будут живы и здоровы.

С верхней площадки раздался голос повитухи, звавшей его. Эндрю посмотрел на часы: они показывали половину четвертого. Он встал и пошел в спальню. Пора было приступить к делу.

Прошел час. Борьба была длительна и жестока. Наконец, когда первые лучи зари скользнули в комнату из-за неровного края шторы, ребенок родился — бездыханным.

Дрожь ужаса пронизала Эндрю, когда он посмотрел на неподвижное тельце. После всего того, что он обещал родным! Его лицо, разгоряченное от усилий, вдруг похолодело. Он стоял в нерешительности, колеблясь между желанием попробовать оживить новорожденного и необходимостью заняться матерью, которая и сама была в опасном состоянии. Дилемма была так трудна, что он не мог по совести решить ее. Инстинктивно, жестом слепого, передал он ребенка повитухе и занялся Сюзен, которая лежала на боку без сознания, почти без пульса, еще не придя в себя после эфира. Эндрю делал отчаянные усилия, бешено торопился спасти ее.

В одно мгновение он разбил стеклянную ампулу и впрыснул ей под кожу питуитрин. Затем отбросил шприц и начал приводить в чувство лежавшую неподвижно женщину. Несколько минут прошло в лихорадочных усилиях — и сердце

ее забилось сильнее. Эндрю видел, что теперь можно отойти от нее, не опасаясь за ее жизнь. Он резко обернулся. Он был без пиджака, волосы прилипли к мокрому лбу.

— Где ребенок?

Повитуха испуганным жестом указала под кровать, куда положила ребенка.

В одно мгновение Эндрю опустился на колени. Пошарив среди промокших газет под кроватью, он вытащил оттуда ребенка. Это был мальчик, прекрасно сложенный. Вялое, но теплое тельце его было бело и мягко, как сало. Перерезанный впопыхах пупочный канатик висел, как сломанный стебель. Кожа была прелестного оттенка, гладкая и нежная. Головка болталась на тонкой шее. Руки и ноги казались совсем бескостными.

Не вставая с колен, Эндрю смотрел на ребенка, свирепо хмурясь. Мертвенная белизна могла означать только одно: здесь налицо *Asphyxia pallida*. И, сверхъестественно напрягая память, Эндрю стал лихорадочно припоминать случай, который ему пришлось наблюдать когда-то в Самаритянской больнице, и те средства, которые тогда были применены. В одну секунду он вскочил на ноги.

— Принесите горячей воды и холодной и два таза, — бросил он повитухе. — Живей, живей!

— Но, доктор... — пролепетала она, запинаясь, устремив глаза на мертвенно-белое тельце.

— Скорее! — заорал он.

Схватив одеяло, он положил на него ребенка и начал специальным способом делать ему искусственное дыхание. Принесли тазы, кувшин, большой жестяной чайник. С бешеной быстротой Эндрю налил в один таз холодной воды, в другом смешал холодную с горячей до такой температуры, какую едва могла выдержать его рука. Затем, подобно какому-нибудь сумасшедшему фокуснику, принялся жонглировать ребенком между обоими тазами, окуная его то в ледяную воду, то в горячую, от которой поднимался пар.

Так прошло пятнадцать минут. Пот стекал Эндрю в глаза, мешая ему видеть, один рукав промок и повис, с него текла вода. Дыхание с шумом вылетало из его груди. А в вялом тельце ребенка по-прежнему не замечалось и следа жизни. Отчаяние поражения душило Эндрю, ярость безнадежности. Он чувствовал, что повитуха точно в столбняке наблюдает за ним, а там, в глубине, прижавшись к стене, где она оставалась все время, держась рукой за горло, не издавая ни единого звука и только вперив в него горящие глаза, стояла старая мать Сюзен. Он вспомнил, что она жаждала внука так же горячо, как дочь ее жаждала этого ребенка. И все пропало, все напрасно, ничто не поможет.

На полу был невероятный беспорядок. Наступив на полотенце, Эндрю чуть не уронил ребенка, который скользил у него в руках, словно какая-то белая мокрая рыба.

— Господь с вами, доктор, — простонала повитуха. — Ведь он родился мертвый!

Эндрю не слушал, не замечал ее. Убитый, теряя надежду после напрасной получасовой возни, он сделал еще одну последнюю попытку — начал растирать ребенка жестким полотенцем, то сдавливая маленькую грудку обеими руками, то отпуская ее, стараясь вызвать дыхание в вялом тельце.

И вдруг — о чудо! — крохотная грудь под его руками судорожно, коротко дрогнула, поднялась. Потом опять. В третий раз. У Эндрю закружилась голова. Это биение жизни, внезапно возникшее под его пальцами после стольких тщетных усилий, было так чудесно, что от волнения ему чуть не стало дурно. Он лихорадочно удвоил усилия. Ребенок задыхал все глубже и глубже. Пузырек пены выступил из одной крохотной ноздри, красивый, радужный пузырек. Тело не казалось больше бескостным. Головка не валилась назад. Бледная кожа медленно розовела. И вот — о радость! — раздался крик ребенка.

— Отец небесный! — истерически прорыдала повитуха. — Он... он ожил!

Эндрю отдал ей ребенка. Он был ошеломлен, сразу почувствовал слабость. Вокруг него в комнате царил ужасающий беспорядок: одеяла, полотенца, тазы, испачканные инструменты, шприц, воткнувшийся острием в линолеум, опрокинутый кувшин, чайник, лежавший на боку в луже воды. На неприбранной постели мать все еще спокойно спала после наркоза. Старуха все так же стояла у стены. Но руки ее были сложены, губы беззвучно шевелились: она молилась.

Эндрю машинально отжал промокший рукав, надел пиджак.

— Я зайду за своей сумкой попозже, — сказал он по-витухе.

И сошел вниз, через кухню в посудную. Во рту у него пересохло. Он жадно напился. Взял свою шляпу и пальто.

Выйдя из дома, он наткнулся на Джо, стоявшего на мостовой с напряженно-выжидательным видом.

— Все в порядке, Джо, — сказал он охрипшим голосом. — Оба живы.

Было около пяти часов утра и совсем светло. На улицах попадались уже шахтеры: это шла домой первая смена. Измученный, едва передвигая ноги, Эндрю шел рядом с ними, и его шаги звучали в такт их шагам под утренним небом. Забыв обо всей своей прежней работе в Блэнелли, не видя ничего вокруг, он твердил себе: «Господи, наконец-то! Наконец-то я сделал что-то настоящее!»

XI

После ванны и бритья — благодаря Энни в его распоряжении имелось всегда достаточное количество горячей воды — он почувствовал себя менее усталым. Но миссис Пейдж, найдя его постель несмятой, саркастически подшучивала над ним за завтраком, подзадоренная молчанием, которым он встречал ее колкости.

— Ха-ха! У вас, доктор, сегодня вид совершенно разбитого человека. Под глазами синяки. Это вы только утром воротились из Суонси, а? И забыли привезти мне пирожные от Перри! Кутнули небось, мой милый! Та-та-та! Меня не проведете! Я так и думала, что не такой уж вы тихоня, каким кажетесь. Все вы, помощники, на один лад. Какой ни явится — либо пьяница, либо за ним водятся другие грешки!

После утреннего приема в амбулатории и визитов на дом Эндрю зашел навестить жену Моргана. Было половина первого, когда он свернул на Блайна-плейс. У открытых дверей домиков там и сям стояли, болтая, группы женщин, и, когда он проходил, они, прерывая разговор, улыбались ему и дружески здоровались. Когда он подходил к дому номер 12, ему показалось, что кто-то смотрит в окно. Так оно и было. Его ожидали. Не успел он ступить на недавно натертую до блеска ступеньку крыльца, как дверь распахнулась и старая бабка, сияя всем своим морщинистым лицом, пригласила его войти.

Ей так хотелось принять его получше, что она с трудом находила слова. Сначала предложила ему войти в гостиную и подкрепиться. Когда же Эндрю отказался, она засуетилась:

— Ну хорошо, хорошо, доктор, пусть будет по-вашему. Но, может быть, у вас перед уходом найдется время выпить капельку бузиновой наливки и съесть кусочек пирога. — И она трясущимися старыми руками ласково подтолкнула его к лестнице, которая вела в спальню.

Он вошел. Маленькая комната, вчера походившая на бойню, была теперь прибрана и вычищена так, что все блестело. Его инструменты, разложенные в полном порядке, сверкали на покрытом лаком деревянном комодe. Кожаная сумка была заботливо вытерта гусиным жиром, застежки начищены порошком так, что казались серебряными. Постель преобразилась, застланная чистым бельем, и на ней лежала мать, склонив некрасивое, немолодое лицо, в котором светилось немое счастье, к ребенку, спокойно сосавшему ее полную грудь.

— А, доктор! — Толстая повитуха поднялась со своего места у кровати, вся расплываясь в улыбке. — У них обоих теперь отличный вид, не правда ли? Они и не знают, сколько хлопот доставили нам с вами. И знать ничего не хотят, ей-богу!

Кроткие глаза Сюзен Морган говорили что-то горячо и невразумительно. Облизав губы, она пыталась пролепетать слова благодарности.

— Да-да, есть за что благодарить, — закивала повитуха. — И не забывайте, голубушка моя, что вам, в ваши годы, уже никогда не родить второй раз. Если бы *этого* не спасли, вам бы никогда не видать другого.

— Мы это знаем, миссис Джонс, — перебила ее внушительно старая бабка, появляясь на пороге. — Мы знаем, что всем обязаны *доктору*.

— Был у вас уже мой Джо? — робко осведомилась Сюзен. — Нет? Ну, значит, еще придет, будьте уверены. Он не помнит себя от радости. Он жалеет только, что в Южной Африке не будет вас, чтобы лечить нас, если понадобится.

Надлежащим образом угостившись пирогом и домашней наливкой из бузины — для старухи было бы тяжкой обидой, если бы он отказался выпить за здоровье ее внука, — Эндрю ушел продолжать обход больных. У него было удивительно тепло на душе. «Они меня приняли, словно английского короля», — подумал он самодовольно. Этот эпизод послужил как бы противоядием против впечатления, оставленного встречей на кардиффском вокзале. В пользу брака и семейной жизни говорило то счастье, которым полно было все в доме Моргана.

Недели через две, когда Эндрю закончил визиты в дом номер 12, Джо Морган пришел к нему. У Джо был необычайно торжественный вид. Он долго и мучительно подыскивал слова, затем выпалил:

— Черт возьми, доктор, я не мастер говорить! Никакими деньгами не заплатишь за то, что вы для нас сделали. Но все-таки мы с хозяйкой хотим отблагодарить вас этим маленьким подарком. — И он стремительно протянул Эндрю бумажку. Это был чек на пять гиней.

Эндрю смотрел на чек. Моргань были люди зажиточные, но далеко не богатые. Этот дар, особенно теперь, когда им предстояли значительные расходы на переезд, был, должно быть, большой жертвой с их стороны, доказательством благородной щедрости. Эндрю сказал, тронутый:

— Я не могу его принять, Джо, дружище.

— Вы должны принять, — возразил Джо серьезно и настойчиво, положив ладонь на руку Эндрю. — Иначе моя хозяйка и я будем смертельно обижены. Эти деньги для вас, а не для доктора Пейджа. Он много лет получал то, что с меня вычитали, и ни разу мы до сих пор его не беспокоили.

Он *достаточно* получил. И это наш подарок *вам*, доктор, понимаете?

— Да, понимаю, Джо, — с улыбкой кивнул Эндрю.

Он сложил чек, положил его в карман жилета и несколько дней не вспоминал о нем. Но в следующий вторник, проходя мимо Банка западных графств, Эндрю остановился, задумался на минуту и затем вошел в банк. Так как миссис Пейдж платила ему всегда наличными, которые он отсылал по почте в управление Фонда, он ни разу еще не имел дела с банком. Теперь же, вспомнив с приятным чувством, что у него есть собственные деньги, он решил положить дар Джо в банк на свое имя.

У перегородки он расписался на обороте чека, заполнил необходимые бланки и передал все это молодому кассиру, сказав с улыбкой:

— Здесь немного, но как-никак — начало.

В это время он заметил, что Эньюрин Рис из глубины комнаты наблюдает за ним. И когда он уже повернулся к дверям, длинноголовый директор подошел к перегородке, держа в руках чек. Тихонько его разглаживая, он искоса поглядел на Эндрю через очки:

— Добрый день, доктор Мэнсон. Как поживаете? — Пауза. Директор втянул в себя воздух через желтые зубы. — Гм... Вам угодно внести эту сумму на свой личный счет?

— Да, — ответил Эндрю с некоторым удивлением. — А что, разве сумма слишком мала, чтобы открыть текущий счет?

— Нет-нет, доктор! Дело не в сумме. Мы очень рады иметь вас в числе клиентов. — Рис замялся, рассматривая чек, затем посмотрел Эндрю в лицо своими маленькими недоверчивыми глазками. — Э... Вы желаете внести это на свое имя?

— Ну разумеется!

— Прекрасно, прекрасно. — Лицо его внезапно изменило выражение и осветилось бледной улыбкой. — Я только

так подумал... Хотел проверить. Какие чудные дни стоят, не правда ли? Будьте здоровы, доктор Мэнсон, будьте здоровы!

Мэнсон вышел из банка озадаченный, спрашивая себя, что нужно было от него этому лысому, застегнутому на все пуговицы субъекту. Но только через несколько дней он получил ответ на этот вопрос.

ХII

С тех пор как Кристин уехала на каникулы, прошло уже больше недели. Эндрю так был занят родами Сюзен Морган, что успел зайти к ней только на несколько минут в самый день отъезда. Он не поговорил с ней. А теперь, когда ее не было, тосковал по ней всем сердцем. Лето в этом городе было ужасно мучительным. Весенняя зелень, увянув от зноя, давно стала грязно-желтой. Горы словно пылали в лихорадке, и когда в неподвижном, истомленном зноем воздухе эхом раскатывались из рудника или каменоломни ежедневные взрывы, они, казалось, заключали город в сверкающий купол звуков. Рабочие выходили из шахт с лицами, покрытыми, будто ржавчиной, рудной пылью. Дети играли как ни в чем не бывало. Старый Томас, кучер Пейджа, заболел желтухой, и Эндрю приходилось всех больных обходить пешком. Шагая по раскаленным улицам, он думал о Кристин. Что она думает о будущем, о возможности счастливой жизни вместе с ним?

И вдруг, совсем неожиданно, он получил записку от Уоткинса с просьбой зайти к нему в контору.

Управляющий принял его любезно, пригласил сесть, подвинул ему через стол пачку сигарет.

— Вот что, доктор, — начал он дружеским тоном, — я давно уже хотел поговорить с вами, и давайте обсудим это дело раньше, чем я представлю смету на будущий год. — Он остановился, чтобы снять с языка желтую полоску табака. —

Ко мне приходило множество наших ребят, и во главе всех Имрис Хьюз и Эд Уильямс, просят зачислить вас штатным врачом нашего предприятия.

Эндрю выпрямился на стуле, охваченный волнением и радостным удовлетворением:

— Вы хотите передать мне практику доктора Пейджа?

— Не совсем так, доктор, — медленно возразил Уоткинс. — Видите ли, положение создалось трудное. Мне приходится считаться с рабочими. Я не могу исключить из штата доктора Пейджа, так как есть много рабочих, которым это не понравится. Поэтому я в ваших интересах попробую просто как-нибудь ухитриться втиснуть и вас в штат. Тогда те, кто захочет, могут очень легко перейти от доктора Пейджа к вам.

Оживление исчезло с лица Эндрю. Он нахмурился, сидя все в той же напряженной позе:

— Но вы же понимаете, что этого я не могу сделать. Я приехал сюда в качестве помощника Пейджа. Если я выступлю его конкурентом... Нет, ни один порядочный врач не сделает этого!

— Другого выхода нет.

— Но почему вы не хотите передать мне его практику? — настаивал Эндрю. — Я бы охотно уплатил ему за нее часть своих доходов. Это было бы совсем другое дело.

Уоткинс упрямо покачал головой:

— Блoduэн этого не допустит. Я уже раньше говорил с ней. Она знает, что ее положение прочно. Почти все наши старые рабочие, как, например, Энох Дэвис, стоят за Пейджа. Они верят, что он поправится. Попробуй я только его уволить, как вспыхнет забастовка. — Он помолчал. — Обдумайте это дело до завтра. Завтра я буду посылать новое штатное расписание в наше правление в Суонси. Если список будет отослан, ничего нельзя будет сделать до будущего года.

Эндрю с минуту смотрел в пол, затем медленно сделал отрицательный жест. Его надежды, минуту назад так высоко занесшиеся, теперь были повержены в прах.

— Нечего откладывать до завтра. Я не могу на это согласиться, хотя бы раздумывал целые недели.

Ему горько было принимать это решение и объявлять его Уоткинсу, выказавшему столько участия. Но нельзя было уйти от того факта, что возможность показать себя на работе в Блэнелли он получил в качестве помощника доктора Пейджа. Выступить теперь против последнего, хотя бы и при таких исключительных обстоятельствах, было немыслимо. Если бы Пейджу удалось все же вернуться к работе, хорош был бы он, Эндрю, отбивая у старика его пациентов! Нет! Нет! Он не может и не должен соглашаться на это предложение.

Все же весь день он был в тяжелом настроении, негодовал на бесстыдные вымогательства Блодуэн, говорил себе, что он попал в невозможное положение и что лучше бы Уоткинс не предлагал ему ничего. Часов в восемь вечера он с горя отправился в гости к Денни. Он не видел его уже довольно давно и чувствовал, что ему станет легче от разговора с ним, который, может быть, ободрит его уверением, что он, Эндрю, поступил правильно. Он добрался до Денни в половине девятого. Как всегда, вошел в дом, не постучав, и направился прямо в гостиную.

Филип лежал на диване. Сначала, не разглядев его в полумраке, Мэнсон подумал, что Денни спит после трудного рабочего дня. Но Филип в этот день ничего не делал. Он лежал на спине, тяжело дыша, закрыв лицо рукой. Он был мертвецки пьян.

Эндрю, обернувшись, увидел позади квартирную хозяйку Денни, встревоженную и озабоченно смотрящую на него.

— Я услышала, как вы вошли, доктор. Вот лежит сегодня весь день! И не ел ничего, ни крошки. Не знаю, как и быть с ним.

Эндрю не знал, что сказать. Он стоял и глядел на бессмысленное лицо Филипа, вспоминая его циничное замечание в амбулатории при первой встрече.

— Вот уже десять месяцев прошло со дня его последнего запоя, — продолжила хозяйка. — А между запоями он капли в рот не берет. Но уж когда запьет — беда. И на этот раз, как на грех, доктор Льюис уехал на праздники. Придется, видно, вызвать его телеграммой.

— Пришлите сюда Тома, — наконец сказал Эндрю. — Мы уложим его в постель.

С помощью сына хозяйки, молодого шахтера, который, видимо, отнесся ко всей этой истории как к чему-то очень забавному, он раздел Филипа и надел на него пижаму. Затем они снесли его, сонного и валившегося, как мешок, в спальню.

— Главное — смотрите, чтобы он больше не пил. Понимаете? Если понадобится, запирайте его на ключ, — сказал Эндрю хозяйке, когда они с Томом воротились в гостиную. — А теперь не дадите ли вы мне список адресов, куда его вызывали сегодня?

С ученической грифельной доски, висевшей в передней, он списал адреса больных, которых Филип должен был сегодня навестить, и вышел, рассудив, что, если поспешить, он успеет сделать все визиты до одиннадцати.

На следующее утро, сразу после амбулаторного приема, он пошел на квартиру Денни. Хозяйка вышла ему навстречу, ломая руки:

— Не знаю, где он достал виски. Я не виновата, я сделала для него все, что могла.

Филип был еще пьянее вчерашнего, отяжелевший, безучастный ко всему. После того как Эндрю долго пытался его растормошить и подбодрить крепким кофе, который в конце концов разлился по всей постели, пришлось опять взять список визитов. Кляня жару, мух, желтуху Томаса и Денни, Эндрю снова в этот день проделал двойное число

визитов. К вечеру он вернулся домой измученный, сердито решив во что бы то ни стало добиться вытрезвления Денни. На этот раз он застал его верхом на стуле, в пижаме, все еще пьяного. Денни разглагольствовал, обращаясь к Тому и миссис Сиджер. Когда вошел Эндрю, Денни круто оборвал речь и уставился на него с хмурой насмешкой. Потом сказал хрипло:

— А, милосердный самаритянин! Полагаю, вы опять сделали вместо меня визиты. Весьма благородно с вашей стороны. Но с какой стати вы это делаете? Почему этот проклятый Льюис улизнул, а мы должны работать за него?

— Не знаю. — Терпение Эндрю начинало уже истощаться. — Знаю только одно, что лучше было бы, если бы вы делали свою часть работы.

— Я хирург. Я не какой-нибудь проклятый лекарь, лечащий от всех болезней. «Практикующий врач». Ух! Что это значит? Задумывались вы когда-нибудь над этим вопросом? Нет? Ну так я вам сейчас объясню. Это самый последний, самый стереотипный анахронизм, самая скверная и глупая система, когда-либо созданная человеком. Милые старые «врачи за все»! И милая старая британская публика! Ха-ха! — Он насмешливо захохотал. — Это она их создала. Она их любит. Она трясется над ними. — Денни раскачивался на стуле, его воспаленные глаза снова приняли злобное и мрачное выражение, он пьяно поучал слушателей: — Что же может сделать бедняга при таких условиях? Ваш драгоценный «практикующий врач», этот шарлатан и мастер на все руки? Он, может быть, окончил курс двадцать лет тому назад. Откуда же ему знать терапию, и акушерство, и бактериологию, и все современные достижения науки, и хирургию? Да! Да! Не будем забывать о хирургии. Такой врач время от времени пробует свои силы, делая какую-нибудь пустяковую операцию в сельской больнице. Ха-ха! Ну, скажем, мастоидит. Оперирует ровно два с половиной часа. Если найдет

гной — он спаситель человечества. Если нет — пациента хоронят. — Денни повысил голос. Он был наполнен дикой, пьяной злостью. — К черту все, Мэнсон! И это тянется уже сотни лет. Неужели они никогда не захотят изменить систему? Впрочем, что толку? Что толку, я вас спрашиваю? Дайте мне еще виски. Все мы сумасшедшие. А я, кажется, к тому же еще и пьян.

Несколько минут царило молчание, потом Эндрю, подавляя раздражение, сказал:

— Не лучше ли вам теперь опять лечь? Пойдемте, мы вам поможем.

— Оставьте меня в покое! — угрюмо отрезал Денни. — Нечего укладывать меня в постель. Я этот способ слишком хорошо знаю — в свое время много раз его применял. — Он резким движением встал, пошатнулся и, ухватив миссис Сиджер за плечо, толкнул ее в кресло, затем, качаясь, грубо имитируя слащавую любезность, обратился к испуганной женщине: — Как сегодня ваше здоровье, дорогая леди? Немного лучше, надеюсь? Пульс уже не так слаб. Хорошо ли спали? Гм... В таком случае придется прописать вам что-нибудь для успокоения нервов.

В этой нелепой сцене было нечто пугающее: худая фигура в пижаме и небритая физиономия Филипа, который, передразнивая светского доктора, склонялся с раболепным почтением перед съежившейся от страха женой шахтера. Том захлебнулся нервным смехом. Денни тотчас набросился на него и влепил ему пощечину:

— Вот тебе! Можешь смеяться! Смейся, пока не лопнет твоя дурацкая башка! А я на этом потерял пять лет жизни! О господи, как подумаю об этом, хочется умереть!

Он обвел всех сверкающими глазами, схватил одну из ваз, стоявших на каминной полке, и с размаху швырнул ее на пол. Через секунду в руках у него очутилась вторая ваза, которую он разбил вдребезги о стену. Он рванулся вперед, в глазах его пылала бешеная жажда разрушения.

— Ради бога, удержите его! — заплакала миссис Сиджер. — Удержите его!

Эндрю и Том бросились на Филипа, который стал с ними бороться с диким упрямством пьяного. Но затем внезапно ослаб и впал в плаксивую чувствительность.

— Мэнсон, — хныкал он, цепляясь за плечо Эндрю, — вы славный малый. Я люблю вас больше, чем брата. Я и вы, если будем держаться вместе, можем спасти всю проклятую медицинскую профессию.

Он стоял как потерянный, с блуждающим взглядом. Потом голова его поникла, тело обмякло. Он позволил Эндрю отвести себя в соседнюю комнату и уложить в постель. Когда голова его очутилась на подушке, последнее, что он изрек, была слезливая просьба, обращенная к Эндрю:

— Обещайте мне одно, Мэнсон: ради Христа, не женись на знатной даме!

На другое утро он напился еще сильнее прежнего. Эндрю махнул на него рукой. Он отчасти подозревал, что юный Сиджер тайком доставляет Денни виски, несмотря на то что на его вопрос Том, побледнев, стал клятвенно уверять, что ничего подобного не делает.

Всю неделю Эндрю вдобавок к своим визитам обходил и пациентов Денни. В воскресенье после завтрака он пошел на Чэпел-стрит. Филип был уже на ногах, аккуратно одет, выбрит — словом, имел безупречный внешний вид, но осунулся, и руки у него тряслись. Тон его был холоден и трезв.

— Я догадываюсь, что вы делали за меня всю работу, Мэнсон.

Дружеская интимность последних дней исчезла бесследно. Ее сменили сдержанность, ледяная чопорность.

— Это пустяки, — неловко возразил Эндрю.

— Напротив, это вам, вероятно, причинило много затруднений.

Тон Денни был так неприятен, что Эндрю побагровел. Ни слова благодарности, ничего, кроме этого упрямо-холодного и дерзкого высокомерия!

— Если уж хотите знать правду, мне было черт знает как трудно эту неделю! — буркнул он.

— Будьте уверены, я постараюсь как-нибудь вознаградить вас.

— За кого вы меня принимаете?! — вскипел Эндрю. — За какого-нибудь кучера, который ждет от вас подачки? Если бы не я, миссис Сиджер телеграфировала бы доктору Льюису и вас бы вышвырнули вон. Вы заносчивый, недопеченный сноб, вот вы кто! И следовало бы хорошенько набить вам морду.

Денни закурил сигарету. Пальцы у него дрожали так сильно, что он едва мог удержать в них спичку. Он сказал иронически:

— Очень деликатно с вашей стороны выбрать такой момент для того, чтобы вызывать меня на драку. Истинно шотландская тактичность. Как-нибудь в другой раз я вам, может быть, доставлю это удовольствие.

— Заткните глотку! — оборвал его Эндрю. — Вот список ваших больных. Крестиками отмечены те, которых следует навестить в понедельник.

Он в бешенстве выбежал из дома Денни. «А, будь он проклят! — возмущался он мысленно. — Какое право он имеет держать себя так, как будто он царь и Бог! Можно подумать, что он мне делает одолжение, разрешая вместо него исполнять его обязанности!»

Но, пока он шел домой, возмущение его мало-помалу остывало. Он искренно любил Филипа, и теперь ему уже была понятна эта сложная душа: стыдливо-замкнутая, чрезмерно впечатлительная, легкоуязвимая. Только эти свойства заставляли Денни укрываться в защитную скорлупу жесткости. Воспоминание о недавнем запое, о том, в каком состоянии его видели люди, вероятно, сейчас было для него пыткой.

Не в первый раз удивлялся Эндрю тому, что этот умный и одаренный человек зарылся в такую дыру, как Блэнелли.

Филип был талантливым хирургом. Давая наркоз во время его операций, Эндрю видел, как он на кухонном столе вырезал у больного шахтера желчный пузырь. Пот ручьями тек с его красного лица и волосатых обнаженных рук, но все его действия были образцом быстроты и точности. Человеку, который так работал, можно было многое простить. Несмотря на это, Эндрю, придя домой, все еще испытывал жгучую обиду при воспоминании о холодности Филипа. И когда он, войдя в переднюю и повесив на вешалку шляпу, услышал голос миссис Пейдж, звавшей его, у него совсем не было желания откликнуться на этот зов.

— Это вы, доктор?.. Доктор Мэнсон! Вы мне нужны!

Эндрю сделал вид, что не слышит, и хотел было подняться по лестнице в свою комнату. Но, когда он уже взялся рукой за перила, голос Блoduэн донесся снова, еще резче, еще громче прежнего.

— Доктор! Доктор Мэнсон! Вы мне нужны!

Эндрю обернулся и увидел, что миссис Пейдж выплыла из гостиной, лицо ее было необычно бледно, черные глаза так и горели от сильного волнения. Она подошла ближе:

— Вы что, оглохли? Неужели не слышали, как я кричала, что вы мне нужны?

— В чем дело, миссис Пейдж? — спросил он с раздражением.

— В чем дело? — Она задышала чаще. — Это мне нравится! Он еще спрашивает! Нет, это мне нужно у вас кое-что спросить, мой милый доктор!

— Так спрашивайте! — огрызнулся Эндрю.

Лаконичность его реплик, видимо, злила Блoduэн до невозможности.

— Так вот, мой любезный джентльмен, может быть, вы потрудитесь объяснить мне, что означает *это!*..

Она достала из-за корсажа, обтягивающего ее полную грудь, какую-то бумажку и, не отдавая Эндрю, угрожающе размахивала ею перед его глазами. Он узнал чек, который

дал ему Джо Морган. И, подняв голову, увидел за спиной Блодуэн Риса, укрывшегося за дверью гостиной.

— Да-да, смотрите! — продолжала Блодуэн. — Я вижу, вы узнаете эту бумажку. Так отвечайте же нам немедленно, как вы посмели внести эти деньги в банк на свое имя, когда они принадлежат доктору Пейджу и вам это известно.

Эндрю почувствовал, что кровь стремительной волной бросилась ему в голову.

— Они мои. Джо Морган дал мне их в виде подарка.

— Подарка! Ого! Это мне нравится! К сожалению, его уже нет в Блэнелли, и он не может уличить вас во лжи.

Эндрю ответил сквозь стиснутые зубы:

— Если не верите мне, можете ему написать.

— Как же, у меня только и дела, что рассылать письма по всему свету! — И, теряя последние остатки сдержанности, она заорала: — Да, я вам не верю! Вы воображаете, что очень хитры! Явились сюда и думаете, вам удастся забрать в свои руки всю практику, тогда как вы обязаны работать за доктора Пейджа! Но вот *это* показывает, кто вы такой. Вы вор, вот вы кто, самый обыкновенный воришка!

Она точно выплонула ему в лицо это слово, полуобернувшись за поддержкой к Рису, который, стоя в дверях, издавал горлом какие-то неодобрительные звуки и был еще желтее обычного. Эндрю стало ясно, что виноват во всей истории Рис, который, помедлив в нерешительности несколько дней, в конце концов примчался-таки к Блодуэн с этой новостью. Он яростно сжал кулаки. Спустившись со второй ступеньки, на которой стоял, Эндрю подошел к ним, не сводя грозного и пристального взгляда с узких бескровных губ Риса. Он был вне себя от злости.

— Миссис Пейдж, — с усилием произнес он, — вы бросили мне обвинение. Если в течение двух минут вы не возьмете его обратно и не извинитесь, я подам на вас в суд за клевету, порочащую мое имя. На суде будет выяснен источник

ваших сведений. И, без сомнения, правлению банка будет интересно узнать, что мистер Рис разглашает служебные тайны.

— Я... я только исполнил свой долг, — пробормотал, заикаясь, директор банка, и лицо его приняло еще более землистый оттенок.

— Итак, я жду, миссис Пейдж. — Слова вырывались стремительно, он точно захлебывался ими. — И если вы не поторопитесь, я задам вашему приятелю такую жуткую трепку, какой ему еще в жизни никто не задавал.

Блодуэн видела, чтохватила через край, сказала больше, гораздо больше, чем хотела. Угроза Эндрю, его зловещее лицо испугали ее. Не трудно было уловить быстрый ход ее размышлений: штраф, большой штраф! О господи, с нее могут взыскать огромные деньги! Она точно задохнулась, проглотила слюну, пробормотала, запинаясь:

— Я... я беру слова свои обратно. Я прошу извинения...

Было почти забавно видеть эту строптивую и наглуго толстуху так быстро и неожиданно укрошенной. Но Эндрю почему-то вовсе не было смешно. Он вдруг в приливе горечи почувствовал, что терпению его наступил конец, что он больше не в силах выносить придирки этой надоедливой особы. Он быстро и глубоко вдохнул. Забыл все, кроме своего отвращения к ней. В том, что наконец-то можно дать себе волю, была какая-то дикая, жестокая радость.

— Миссис Пейдж, мне нужно сказать вам два слова. Во-первых, мне достоверно известно, что та работа, которую я здесь выполняю за вашего мужа, дает вам полторы тысячи фунтов в год. Из них вы платите мне жалкие двести пятьдесят да к тому же делаете все, что от вас зависит, чтобы уморить меня голодом. Пожалуй, вам будет небезынтересно узнать, что на прошлой неделе к управляющему рудником приходила депутация от рабочих, и после этого он предложил мне вступить в штат. Но из побуждений морального

порядка, которые вам совершенно недоступны, я категорически отказался. А теперь, миссис Пейдж, я вам вот что скажу: вы мне так безмерно надоели, что оставаться здесь я больше не могу. Вы низкая, жадная, продажная тварь! Вы просто патологический тип. Я вам официально заявляю, что через месяц ухожу.

Она смотрела на него, открыв рот, ее круглые, как пуговицы, глазки чуть не выскакивали из орбит. И вдруг она пронзительно закричала:

— Все это враки! Вас и близко не подпустили бы к шта-ту рудника! И не вы уходите, нет. Я вас *увольняю*, вот что! Не было такого случая, чтобы помощник *мне* заявил об уходе. Так разговаривать со мной! Какая наглость! Это я первая вам заявила об увольнении. Вы выгнаны, да, выгнаны вон...

Крик был громкий, противно-истерический. Но когда он достиг самой высокой ноты, то вдруг оборвался: наверху медленно распахнулась дверь из комнаты Эдварда и через мгновение показался он сам — нелепая худая фигура с торчавшими из-под ночной сорочки костлявыми коленями. Так неожиданно было это появление, что миссис Пейдж замолкла на полуслове. Она смотрела снизу, из передней, на мужа, так же как и Эндрю, и Рис. А больной, волоча за собой парализованную ногу, медленно, с трудом, подошел к верхней ступени лестницы.

— Неужели нельзя ни на минуту дать мне покой? — Голос его, несмотря на волнение, звучал сурово. — Из-за чего вы тут шумите?

Блoduэн опять разразилась потоком слов, слезливой обличительной речью против Мэнсона. И в заключение объявила:

— Вот поэтому... поэтому я предупреждаю его об увольнении.

Мэнсон, не возражая, слушал эту новую версию происходящего.

— Значит, он от нас уходит? — спросил Эдвард, дрожа всем телом от волнения и от усилий держаться на ногах.

— Да, Эдвард. — Блодуэн засопела носом. — Ведь ты скоро сам начнешь работать.

Наступило молчание. Эдвард хотел было что-то сказать, но передумал. С неммым извинением остановил он глаза на Эндрю, потом перевел их на Рису, с него торопливо — на Блодуэн и, наконец, со скорбным выражением уставился куда-то в пространство. Безнадежная, полная достоинства печаль читалась на его застывшем лице.

— Нет, — наконец произнес он. — Никогда уже я больше не буду работать. Вы все это знаете.

Ничего больше не сказав, он медленно повернулся и, держась за стену, добрел до своей спальни. Дверь беззвучно закрылась за ним.

XIII

Вспоминая ту бескорыстную радость, тот подъем духа, которые он испытал после спасения жены и ребенка Морганана и которые теперь Блодуэн Пейдж испачкала несколькими гнусными словами, Эндрю сердито спрашивал себя, предпринять ли ему дальнейшие шаги, не написать ли Джо Моргану, не потребовать ли от Блодуэн чего-нибудь большего, чем простое извинение. Но он сразу отказался от этой мысли, достойной Блодуэн, но не его. Он кончил тем, что выбрал самое бесполезное благотворительное учреждение во всей округе и в припадке горечи отослал секретарю этого учреждения свои пять гиней, прося его квитанцию переслать Эньюрину Рису. После этого настроение его улучшилось. Он жалел только, что не увидит лица Риса, когда тот получит квитанцию.

Так как работа его в Блэнелли должна была прекратиться к концу месяца, он сразу же начал искать новое место, перелистывая последние страницы «Ланцета», предлагая свои услуги всюду, где были подходящие условия. Он нашел множество объявлений в столбце «Требуются помощники врача». Посылал туда заявления, копии своих документов, отзывов и даже, как это часто требовалось в объявлениях, свою фотографическую карточку. Но прошла первая неделя, за ней вторая, а он не получил ни единого предложения. Он был разочарован и поражен. Тогда Денни объяснил ему, в чем дело, одной спокойной фразой: «Вы работали в Блэнелли».

Тут Эндрю с огорчением сообразил, что всему виной его работа в этом отдаленном уэльском городке. Никто не хотел брать врача «из долин» — у них была дурная слава. Прошло две недели, и Эндрю начал серьезно беспокоиться. Что же ему делать? Он все еще должен был больше пятидесяти фунтов «Гленовскому фонду». Ему, конечно, отсрочат уплаты. Но независимо от этого, если он не найдет другого места, чем он будет жить? У него имелось наличных денег всего два-три фунта, не больше, и ни приличного платья, ни какого-либо имущества: за все время работы в Блэнелли он даже не купил себе нового костюма, а тот, в котором он приехал, уже и тогда был достаточно потрепан. Бывали минуты настоящего ужаса, когда он уже видел себя впавшим в полную нищету.

Измученный заботами и неизвестностью, он тосковал по Кристин. Писать ей не стоило; он не умел выражать свои чувства на бумаге. Все, что он написал бы, несомненно, произвело бы на нее невыгодное впечатление. А в Блэнелли она должна была вернуться только в первых числах сентября. Эндрю беспокойно и жадно поглядывал на календарь, считая дни, оставшиеся до ее приезда. Их было все еще двенадцать. И с растущим унынием он жаждал, чтобы они поскорее прошли, что бы ни ждало его впереди.

Вечером тридцатого августа, через три недели после его заявления об уходе, когда он в силу горькой необходимости уже подумывал о том, чтобы поискать место фармацевта, он шел по Чэпел-стрит и встретил Денни. В последнее время отношения между ними были несколько натянутыми, и Эндрю удивился, когда Денни остановил его.

Выколотив трубку о каблук сапога, Филип разглядывал ее так, словно не было ничего интереснее.

— Жаль, что вы уезжаете, Мэнсон. Без вас здесь будет совсем не то. — Он помолчал. — Я сегодня слышал, что Общество медицинской помощи в Эберло ищет младшего врача. Эберло — в тридцати милях отсюда, по ту сторону

долины. Врачи там приличные; старший врач Луэллин — дельный человек. А так как это такой же город в долине, как Блэнелли, то вряд ли они будут брезгать врачом «из долины». Почему бы вам не попытаться?

Эндрю нерешительно смотрел на Денни. Надежды его, некогда витавшие высоко, за последнее время были окончательно сломлены, он утратил всякую веру в успех.

— Что же, — согласился он как-то вяло, — раз так, надо будет попытаться.

Несколько минут спустя он шел домой под начавшимся проливным дождем, чтобы написать и отослать заявление.

Шестого сентября в Эберло состоялось заседание комитета Общества медицинской помощи в полном составе для выбора врача на место доктора Лесли, недавно уехавшего на каучуковую плантацию на Малайских островах. На его место имелось семь кандидатов, и всех семерых пригласили на заседание комитета.

Был чудесный летний день, и стрелки больших часов над входом в кооперативный универсальный магазин приближались к четырем. Прохаживаясь взад и вперед по тротуару перед зданием Общества медицинской помощи на Эберло-сквер и нервно поглядывая на шестерых остальных кандидатов, Эндрю с беспокойством ожидал, когда часы пробьют четыре. Он страстно жаждал удачи.

Эберло, насколько он успел его рассмотреть, понравился ему. Город был расположен на самом краю Джеслейской долины, то есть не столько в долине, сколько над ней. Благодаря такому высокому местоположению, воздух здесь был здоровый, живительный. Город был больше Блэнелли — Эндрю решил, что в нем должно быть тысяч двадцать жителей, — и весь он, со своими красивыми улицами и магазинами, двумя кинематографами и тем простором, который создавали зеленевшие вокруг поля, казался Эндрю настоящим раем после знойной духоты и тесноты Пенеллийского ущелья.

«Но мне ни за что не достанется это место, — волновался он, шагая назад и вперед. — Никогда, никогда, никогда. Нет, не может быть, чтобы мне так повезло!»

Все другие кандидаты, как ему казалось, имели гораздо больше шансов на успех, — они были так хорошо одеты, держали себя так уверенно. В особенности доктор Эдвардс. Он просто излучал уверенность. Эндрю чувствовал, что ему ненавистен этот Эдвардс, упитанный, цветущий мужчина средних лет, который только что, в общем разговоре у входа, откровенно сообщил, что он продал свою практику в долине, чтобы занять это место врача в Эберло. «Черт бы его побрал! — злился в душе Эндрю. — Он, видно, вполне уверен, что это место за ним, иначе он, конечно, не продал бы прежнего».

Взад и вперед, назад и вперед, опустив голову, заложив руки в карманы. Что подумает Кристин, если и тут у него ничего не выйдет? Она должна была вернуться в Блэнелли либо сегодня, либо завтра — в письме она не указывала точного дня. Школа на Бэнк-стрит открывается в будущий понедельник. Хотя в письме к ней он и словом не обмолвился о месте в Эберло, но если он его не получит, то при встрече будет мрачен или, что еще хуже, искусственно весел, и это как раз тогда, когда больше всего на свете ему хочется произвести на нее хорошее впечатление, заслужить ее спокойную, дружескую, радостно-волнующую улыбку.

Четыре часа. Наконец-то! В то время как Эндрю направился ко входу, красивый автомобиль бесшумно проехал по улице и остановился у подъезда. С заднего сиденья встал невысокий щеголеватый мужчина, оглядел кандидатов с беглой улыбкой — любезной, но небрежно-самоуверенной. Перед тем как подняться на крыльцо, он узнал Эдвардса и мельком поздоровался с ним.

— А, Эдвардс, здорово! — Затем, понизив голос: — Думаю, все будет в порядке.

— Спасибо, очень вам благодарен, доктор Луэллин, — шепнул Эдвардс едва слышно, с трепетным почтением.

«Ну, значит, конечно!» — сказал себе с горечью Эндрю.

Приемная наверху, маленькая, бедно обставленная, с кислым запахом, находилась в конце короткого коридора, который вел в комнату комитета. Эндрю вызвали туда третьим по счету. Он вошел в большую комнату комитета с чувством упрямого ожесточения. Если место уже заранее обещано, так не стоит и любезничать с ними, все равно его не получишь. Он с безрадостным видом сел на предложенный ему стул.

В комнате находилось человек тридцать шахтеров. Все сидели, курили и смотрели на него с бесцеремонным любопытством, в котором не было, однако, ничего неприязненного. За маленьким столом сбоку сидел бледный, тихий человек с умным и выразительным лицом, по-видимому тоже бывший шахтер, судя по синим рябинам на его коже. Это был Оуэн, секретарь. В конце стола сидел развалиясь доктор Луэллин и благосклонно улыбался, глядя на Эндрю.

Начались расспросы. Но прежде всего Оуэн тихим голосом изложил условия работы:

— У нас тут, доктор, такой порядок: рабочие Эберло — в нашем районе имеются два антрацитовых рудника, сталелитейный завод и одна угольная шахта — выплачивают из каждой недельной полочки известную сумму нашему обществу. На эти деньги мы организуем необходимую врачебную помощь, содержим прекрасную, хотя и небольшую больницу, амбулатории, выдаем лекарства, протезы и так далее. Кроме того, у Общества состоят на службе врачи: доктор Луэллин, наш главный врач и хирург, четыре младших врача и дантист. Мы им платим, так сказать, с головы — в зависимости от числа постоянных пациентов в их списке, по определенной ставке за каждого. Насколько я знаю, доктор Лесли в последнее время перед отъездом зарабатывал

что-то около пятисот фунтов в год. — Оуэн сделал паузу. — В общем, мы находим нашу систему разумной.

Со стороны тридцати членов комитета последовал ропот одобрения. Оуэн поднял голову и поглядел на них:

— Ну а теперь, джентльмены, есть ли у кого вопросы к доктору Мэнсону?

Эндрю начали обстреливать вопросами. Он старался отвечать спокойно, правдиво, без прикрас. Один раз сострил.

— Вы говорите по-валлийски, доктор? — Вопрос исходил от одного особенно назойливого молодого шахтера, по фамилии Ченкин.

— Нет, — сказал Эндрю. — Я с детства говорю только на гэльском языке¹.

— Много вам будет от него проку здесь!

— Он мне пригодится, когда я захочу обругать пациентов, — сказал Эндрю сухо, и все засмеялись.

Наконец опрос закончился.

— Очень вам благодарен, доктор Мэнсон, — сказал Оуэн.

И Эндрю вышел в ту же маленькую приемную с кислым запахом. Чувствуя себя так, как будто его долго швыряло по бурным волнам, он наблюдал, как остальные кандидаты один за другим уходили в комнату заседаний.

Эдвардс, вызванный последним, отсутствовал долго, очень долго. И вышел, широко ухмыляясь, всем своим видом как бы говоря: «Жаль мне вас, товарищи. Место уже у меня в кармане».

Последовало бесконечное ожидание. Наконец дверь в комнату комитета отворилась, и из клубов табачного дыма вынырнул Оуэн с бумажкой в руке. Его глаза, поискав среди группы ожидавших, в конце концов с выражением искреннего доброжелательства остановились на Эндрю:

— Будьте добры зайти сюда на минутку, доктор Мэнсон! Комитет хочет еще раз поговорить с вами.

¹ Кельтский язык в Шотландии и Ирландии.

Побелев как мел, с колотившимся сердцем, Эндрю прошел за секретарем в комнату комитета. «Не может быть, — твердил он себе, — не может быть, чтобы они выбрали меня».

Сидя опять на том же стуле, словно на скамье подсудимых, он увидел обращенные к нему улыбки, ободряющие кивки. Один только доктор Луэллин не смотрел на него.

Оуэн, говоривший от имени всех, начал:

— Доктор Мэнсон, мы будем с вами откровенны: комитет в некоторой нерешительности. Собственно, он, по совету доктора Луэллина, сильно склонялся в пользу другого кандидата, который имеет большой стаж работы в Джеслейской долине.

— Но он слишком разжирел, этот Эдвардс, — вставил седоватый шахтер из задних рядов. — Хотел бы я поглядеть, как он будет карабкаться наверх, к нашим домам на Марди-Хилл!

У Эндрю были слишком напряжены нервы, он и не улыбнулся. Затаив дыхание, ожидал он слов Оуэна.

— Но, — продолжал секретарь, — надо вам сказать, сегодня вы произвели на комитет очень хорошее впечатление. Комитету, как минуто тому назад поэтично выразился Том Кетлис, нужны люди молодые и энергичные.

Смех и крики: «Слушайте! Слушайте!», «Молодец, Том!».

— Кроме того, доктор Мэнсон, должен вам сказать, что на мнение комитета сильно повлияли две рекомендации, которые даны были без вашего ведома и поэтому еще ценнее для нас. Они прибыли по почте только сегодня утром. Они от двух врачей вашего города, то есть из Блэнелли. Одна — от доктора Денни, имеющего звание магистра хирургии, очень высокое звание, как подтвердил и доктор Луэллин, который это должен знать. Другая, вложенная в письмо доктора Денни, подписана доктором Пейджем, помощником которого вы, кажется, теперь состоите? Так вот, видите ли, доктор Мэнсон, мы умеем разбираться в отзывах, а эти два

отзыва о вас написаны так искренно, что они произвели на нас очень хорошее впечатление.

Эндрю закусил губу и опустил глаза, только теперь оценив великодушие Денни.

— Остается одно затруднение, доктор. — Оуэн остановился и смущенно потрогал линейку на своем столе. — Комитет сейчас единогласно высказался за вас, но для этого места врача со всеми его... гм... ответственными обязанностями скорее подошел бы человек женатый. Не говоря уже о том, что рабочий всегда предпочитает, чтобы членов его семьи лечил женатый доктор. Вместе с этой должностью мы предоставляем и дом, который у нас здесь называется «Вейл Бью»¹. Хороший дом, но он... для холостяка он не совсем подходит.

Беспокойное молчание. Эндрю тяжело перевел дух. В мыслях его встал образ Кристин, словно залитый ярким белым светом. Все, даже доктор Луэллин, смотрели на него, ожидая ответа. И без мыслей, как-то независимо от собственной воли, он заговорил. Он вдруг услышал свой спокойный голос:

— Джентльмены, у меня есть невеста в Блэнелли. Я... я только и ожидал, когда получу приличное место, такое, как здесь у вас, чтобы жениться.

Оуэн от удовольствия треснул линейкой по столу. Остальные выражали свое одобрение, топя тяжелыми сапогами. А неугомонный Кетлис прокричал:

— Вот это отлично, товарищ! Эберло — замечательно подходящее место для медового месяца!

— Итак, я считаю, что вы согласны, джентльмены, — покрыл шум голос Оуэна. — Доктор Мэнсон избран единогласно.

Послышались громкие возгласы одобрения. Эндрю испытывал бурный трепет торжества.

¹ Буквально: «Вид на долину».

— Когда вы сможете приступить к своим обязанностям, доктор Мэнсон? Чем скорее, тем лучше.

— Я могу начать работу с будущей недели, — ответил Мэнсон. И вдруг, холодея от страха, подумал: «А что, если Кристин не согласится? Что, если я лишусь и ее, и этого чудного места?»

— Значит, решено. Благодарю вас, доктор Мэнсон, вы свободны. Комитет желает вам... и будущей миссис Мэнсон всяческого благополучия на новом месте.

Аплодисменты. Все поздравляли его — и члены комитета, и Луэллин, и Оуэн, сердечно пожавший ему руку.

Затем он вышел в приемную, пытаясь не показывать своей радости, не видеть расстроенного и вместе с тем недоверчивого лица Эдвардса. Но, как он ни старался, он не мог сдерживаться. Когда он шел с площади на вокзал, сердце его ширилось радостным ощущением победы. Походка стала быстрой и упругой. Спускаясь с холма, он увидел справа от себя зеленеющий городской сад с фонтаном и эстрадой для оркестра. Только подумать — эстрада! Когда в Блэнелли единственным возвышением во всей унылой долине была куча шлака! А вот и кино наверху, на холме. Нарядные большие магазины, а под ногами — не горная каменистая тропа, а отличная мощеная дорога. И ведь Оуэн говорил что-то о больнице, о «прекрасной, хотя и небольшой больнице»? О! Подумав о том, как много значит для его работы наличие больницы, Эндрю испустил глубокий вздох. Он забрался в пустое купе кардиффского поезда и всю дорогу бурно ликовал.

XIV

От Эберло до Блэнелли расстояние через горы небольшое, но поезд шел круглым путем. До Кардиффа он останавливался на каждой станции, а пенеллийский поезд, в который Эндрю пересел в Кардиффе, не желал, попросту не желал идти быстро. Настроение Эндрю уже изменилось. Забившись в угол купе, все сильнее раздражаясь, сгорая от нетерпения поскорее очутиться в Блэнелли, он терзался сомнениями.

Только сейчас он понял, каким был эгоистом все эти месяцы, рассматривая вопрос о женитьбе только с точки зрения своих собственных интересов. Во всех своих раздумьях относительно того, говорить ли ему с Кристин и жениться ли, он исходил только из собственных чувств, как будто согласие Кристин разумелось само собой. А что, если он жестоко ошибается? Что, если Кристин его не любит? Он уже представлял себе, как, отвергнутый ею, в унынии пишет письмо комитету, объясняя, что «по независящим от него обстоятельствам» не может работать в Эберло. Кристин стояла перед ним как живая. Как хорошо он изучил ее: эту легкую пылкую улыбку, манеру братья рукой за подбородок, прямой и твердый взгляд темных глаз. Острое томление по ней охватило его. Милая Кристин! Если она не будет принадлежать ему, то ему все равно, что с ним случится.

В девять часов поезд подполз к Блэнелли. Вмиг Эндрю выпрыгнул на платформу и направился по Стейшн-роуд

в город. Он рассчитывал, что Кристин приедет только завтра, но могло же случиться, что она уже приехала. Вот и Чэпел-стрит. Теперь обогнуть Рабочий клуб. Свет в выходявшем на улицу окне ее комнаты пронизал его дрожью надежды. Твердя себе, что не надо терять самообладания, что это просто хозяйка Кристин убирает к приезду ее комнату, он ринулся в дом, влетел в гостиную.

Да, Кристин была здесь! Она стояла на коленях перед сваленными в углу книгами, расставляя их на самой нижней полке. Кончив, стала подбирать бечевки и бумагу, валявшиеся на полу. Ее саквояж, жакетка и шляпа лежали на кресле. Видно было, что она недавно приехала.

— Кристин!

Она быстро обернулась, все еще стоя на коленях, и при этом прядь волос свесилась ей на лоб. Затем она вскочила на ноги с легким криком удивления и радости:

— Эндрю! Как мило, что вы пришли!

Подойдя к нему с просиявшим лицом, она протянула руку. Но он взял обе ее руки в свои и держал их крепко. Он смотрел на нее во все глаза. Она больше всего нравилась ему именно в этой юбке и блузке. Она казалась в них тоньше, стройнее, они подчеркивали нежную прелесть ее юности. Сердце его снова бурно забилося.

— Крис! Мне надо вам сказать кое-что.

В глазах Кристин засветилось беспокойство. Она всмотрелась с настоящим испугом в его бледное, грязное с дороги лицо. Сказала быстро:

— Что случилось? Опять неприятности с миссис Пейдж? Вы уезжаете?

Он покачал головой, крепче стиснул ее маленькие руки. И вдруг неожиданно выпалил:

— Кристин! Я получил место, чудеснейшее место! В Эберло. Я сегодня ездил туда на заседание комитета. Пять сотен в год и дом. Дом, Кристин! О, дорогая... Кристин!.. Вы... Вы выйдете за меня замуж?

Она сильно побледнела. Глаза ее ярко блестели на бледном лице. У нее как будто перехватило горло. Наконец она сказала тихо:

— А я думала... я думала, что вы пришли с худыми вещами.

— Нет! Нет! Новости самые чудесные, дорогая. Ох, если бы вы видели этот город! Весь открытый, чистенький, с зелеными лугами, и приличными магазинами, и дорогами, и парком, и — подумайте, Кристин! — с настоящей больницей! Если только вы выйдете за меня, родная, мы можем сразу уехать туда.

Губы у Кристин дрожали, но глаза смеялись, смеялись, и в них был какой-то новый, странный свет.

— Так это ради Эберло — или ради меня самой?..

— Ради вас, Крис. Вы знаете, что я люблю вас, но... но, может быть, вы не любите меня?

Она издала горлом какой-то тихий звук, подошла к Эндрю так близко, что голова ее очутилась у него на груди. И в то время как его руки обвились вокруг нее, она сказала прерывающимся голосом:

— Милый... милый мой... Я люблю тебя с тех пор... — она улыбнулась сквозь счастливые слезы, — с тех самых пор, как увидела тебя в том дурацком классе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Дряхлый грузовик Гвиллиама Джона Лоссина с шумом и грохотом поднимался по горной дороге. Сзади старый брезент, покрывая разбитый откидной задок, ржавую бляху с номером и керосиновый фонарь, который никогда не зажигали, волочился по пыли, оставляя на ней ровный узор. Расхлябанные боковые крылья хлопали и стучали в такт древнему мотору. А на переднем сиденье весело жались рядом с Гвиллиамом Джоном доктор Мэнсон и его жена.

Они поженились только сегодня утром, и это было их свадебное путешествие. Под брезент была уложена кое-какая мебель, принадлежавшая Кристин, кухонный стол, купленный из вторых рук в Блэнелли за двадцать шиллингов, несколько новых кастрюль и сковородок и чемоданы новобрачных. Так как они были люди не гордые, то решили, что все это грандиозное количество земных благ и их самих доставит в Эберло дешевле и удобнее всего фургон Гвиллиама Джона.

День был ясный, дул свежий ветер, полируя до блеска голубое небо. Эндрю и Кристин хохотали, шутили с Гвиллиамом Джоном, который время от времени, чтобы доставить им удовольствие, исполнял на рожке своего автомобиля «Largo» Генделя. Сделали остановку около уединенной харчевни, стоявшей высоко на горе над ущельем на Рутин-Пасс, чтобы дать возможность Гвиллиаму Джону выпить в их честь римнейского пива. Гвиллиам Джон, рассеянный косоглазый маленький человек, чокнулся с ними несколько раз,

а после пива угостил уже себя сам рюмочкой джина. После этого их спуск по Рутину — узкой, как головная шпилька, тропе, проходившей по самому краю пропасти глубиной в пятьсот футов, — происходил с поистине дьявольской быстротой.

Наконец они одолели последний подъем и помчались вниз, в Эберло. Это был момент настоящего экстаза. Город лежал перед ними как на ладони, со своими длинными, волнистыми рядами крыш, разбежавшимися вверх и вниз по долине, лавками, церквями и учреждениями, сосредоточенными в верхнем конце, и рудниками и заводами внизу.

Трубы дымили, приземистый газоохладитель изрыгал клубы пара, и все, все сверкало, осыпанное блестками яркого полуденного солнца.

— Смотри, Крис, смотри! — шептал Эндрю, крепко сжимая ее плечо. Он увлекался ролью чичероне. — Красивое место, правда? А вон там площадь. Мы объезжаем ее сзади. Видишь, здесь уже нет керосиновых фонарей. Вот газовый завод! Надо будет спросить, где находится наш дом.

Они остановили проходившего мимо шахтера, и он указал им дорогу к «Вейл Вью», объяснив, что дом находится на этой улице, но на самом краю города. Через минуту они были уже там.

— Вот и дом! — воскликнула Кристин. — Он... Он очень мил, не правда ли?

— Да, дорогая... хороший дом.

— Клянусь Богом! — заметил Гвиллиам Джон, сдвинув шапку на затылок. — Престранный домишко!

«Вейл Вью», действительно, представлял собой оригинальное сооружение, на первый взгляд нечто среднее между швейцарским шале и охотничьим домиком, какие встречаются на севере Шотландии, грубо оштукатуренное, со множеством коньков на крыше. Оно было окружено небольшим запущенным садом, заросшим сорными травами и кра-

пивой, среди которых тек ручей, пробиваясь между горами самых разнообразных пустых консервных жестянок. Через ручей посредине был переброшен полусгнивший деревянный мостик. Сами того не зная, Эндрю и Кристин впервые познакомились здесь с разнообразием прерогатив и деятельности комитета, который в год подъема промышленности — 1919-й, — когда в его распоряжение поступали большие отчисления, объявил, расщедрившись, что построит дом, великолепный дом, который сделает ему честь, нечто стильное, настоящий образец красоты. Каждый из членов комитета имел собственное убежденное мнение насчет того, что является образцом красоты. А членов было тридцать человек. И результатом их соединенных усилий явился «Вейл Вью».

Впрочем, каково бы ни было впечатление, произведенное внешним видом дома на Эндрю и Кристин, они быстро утешились, очутившись внутри. Внутри дома все было в исправности и порядке, обои чистые, пол крепкий. Количество комнат ошеломило новых жильцов. Оба тотчас подумали, не говоря об этом вслух, что скудной мебели Кристин едва ли хватит, чтобы обставить две такие комнаты.

— Ну-ка, сосчитаем, милый, — сказала Кристин, когда они остановились в передней после того, как, не переводя дыхания, обежали весь дом, и принялась загибать пальцы. — Внизу столовая, гостиная, библиотека, или утренняя комната, — называй ее как хочешь — и пять спален наверху.

— Верно, — подтвердил, смеясь, Эндрю. — Неудивительно, что им требовался женатый врач. — Улыбка его сменилась выражением раскаяния. — Честное слово, Крис, мне ужасно совестно, что у меня нет ничего за душой и я пользуюсь твоей хорошей мебелью. Я себя чувствую каким-то паразитом. Принял от тебя все, как будто так и следует, потащил сюда, не дав опомниться, едва только тебе успели в школе найти заместительницу. Я себялюбивый осел. Мне следовало сперва приехать сюда одному и приготовить для тебя все.

— Эндрю Мэнсон! Попробовал бы только оставить меня в Блэнелли!

— Ну, во всяком случае, я намерен как-нибудь загладить свою вину. — Он свирепо нахмурился. — Послушай, Крис...

Но Крис с улыбкой перебила его:

— А я намерена пойти и приготовить тебе омлет по рецепту мадам Пуляр. Во всяком случае, то, что называется так в поваренной книге.

Прерванный в самом начале своей декларации, он смотрел на нее с открытым ртом. Но мало-помалу лицо его разгладилось. Уже снова повеселев, он пошел за Кристин на кухню. Он не мог ни минуты вынести ее отсутствия. Их шаги звучали в пустом доме, как в церкви.

Омлет — Гвилиам Джон, прежде чем уехать, был послан за яйцами — появился со сковороды, горячий, аппетитный, нежно-желтый. Они ели его, сидя рядышком на краю кухонного стола. Эндрю энергично воскликнул:

— Клянусь Юпитером, ты умеешь стряпать!.. А знаешь, календарь, который они здесь оставили, неплохо выглядит на стене! Она кажется не такой голой. И потом, мне нравится картинка на нем, эти розы. Что, можно мне еще кусочек омлета? А кто эта мадам Пуляр? Забавная фамилия, напоминает курицу. Спасибо, дорогая... Ты не можешь представить, как мне не терпится начать работать. Здесь должны быть большие возможности! — Он вдруг замолчал, потому что глаза его упали на лакированный деревянный ящичек, стоявший в углу среди их багажа. — Послушай, Крис, что это за ящик?

— Ах, этот... — отозвалась она с деланой небрежностью. — Это свадебный подарок... от Денни.

— Денни! — Эндрю изменился в лице.

Когда он примчался к Денни с благодарностью за рекомендацию и сообщением о том, что он женится на Кристин, Филип обошелся с ним сухо и небрежно. А сегодня утром даже не пришел проводить их обоих. Это больно задело

Эндрю, он подумал, что Денни слишком сложный и непонятный человек, чтобы быть ему другом. Медленно, недоверчиво подошел он к ящику, ожидая найти внутри что-нибудь вроде старого башмака. Такая шутка была бы вполне во вкусе Денни. Он открыл ящик. И ахнул от восторга. Там лежал микроскоп Денни, чудесный микроскоп Цейсса, и записка:

Мне, в сущности, он не нужен. Как я уже Вам говорил, я косто прав. Желаю успеха.

Что тут было говорить? Задумавшись, почти подавленный, Эндрю закончил омлет, не сводя глаз с микроскопа. Потом благоговейно поднял его и, сопровождаемый Кристин, отнес в комнату за столовой. Здесь он торжественно поставил микроскоп на пол совершенно пустой комнаты.

— Тут у нас будет не библиотека, Крис, и не... утренняя комната, и не кабинет, ничего подобного. Благодаря нашему доброму другу Филипу Денни я окрещу эту комнату лабораторией.

Он только успел поцеловать Кристин, чтобы освятить церемонию крещения, как из пустой передней донесся дребезжащий звонок телефона, прозвучавший как-то уж очень неожиданно и резко. Они поглядели друг на друга вопросительно и взволнованно.

— Может быть, это уже вызов к больному, Крис! Подумай! Мой первый визит в Эберло! — Он бросился в переднюю.

Но то был не вызов, а доктор Луэллин, который из своего дома на другом конце города поздравлял их с приездом. Голос его доносился по проводу так ясно, что и Крис, стоявшая на цыпочках у плеча Эндрю, отлично слышала его любезные слова.

— Алло, Мэнсон! Как поживаете? Не беспокойтесь, на этот раз я звоню не по делу. Я просто хотел первым приветствовать вас и вашу жену в Эберло.

— Благодарю вас, доктор Луэллин. Очень любезно с вашей стороны. Но я ничего не имел бы и против того, чтобы приступить к делу.

— Ни-ни! И не думайте, пока не устроитесь окончательно, — сыпал словами Луэллин. — И знаете что, если вы сегодня вечером ничем не заняты, приходите с женой к нам обедать, без всяких церемоний, в половине восьмого, мы будем очень рады вам обоим. За обедом мы с вами потолкуем. Значит, решено. Ну, пока до свидания.

Эндрю повесил трубку. Лицо его выражало глубокое удовлетворение.

— Правда, это с его стороны очень мило, Крис? С места в карьер приглашает нас к себе. Ведь он главный врач, имей в виду! И высококвалифицированный, смею тебя уверить. Я смотрел в справочнике. Бывший врач лондонской больницы, доктор медицины, почетный член Королевского хирургического общества, доктор санитарии и гигиены. Подумай, какие все звания! А как дружески он со мной разговаривал! Поверьте мне, миссис Мэнсон, нас здесь ждет большое будущее! — И, обхватив Кристин за талию, он, ликуя, принялся кружить ее в вальсе посреди передней.

II

В тот же вечер, в семь часов, они шли по оживленным, кипевшим деловой суетой улицам к дому доктора Луэллина «Глинмор». Им было очень весело: Эндрю с энтузиазмом разглядывал своих новых сограждан.

— Посмотри на того мужчину, что идет нам навстречу, Кристин! Скорее! Вот тот, что кашляет.

— Вижу, мой друг. Но почему ты?..

— Да так, ничего. — Потом небрежно: — Он, наверное, будет у меня лечиться.

Они без всякого труда разыскали «Глинмор», солидную виллу с аккуратно подстриженными лужайками, потому что у подъезда стоял великолепный автомобиль доктора Луэллина, а на узорных железных воротах сияла ярко начищенная медная дощечка, на которой мелкими четкими буквами перечислены были все звания доктора. Оробев вдруг при виде такого великолепия, они позвонили и были впущены внутрь.

Доктор Луэллин вышел им навстречу из гостиной, еще более элегантный, чем всегда, во фраке и крахмальных манжетах с золотыми запонками, весь сияя радушием.

— Пришли! Вот и прекрасно! Я в восторге, что могу с вами познакомиться, миссис Мэнсон. Надеюсь, Эберло вам понравится. Местечко неплохое, уверяю вас. Входите же! Миссис Луэллин сию минуту сойдет вниз.

Миссис Луэллин появилась тотчас же, такая же сияющая, как супруг. Это была рыжеватая дама лет сорока

пяти, с бледным веснушчатым лицом. Поздоровавшись с Мэнсоном, она повернулась к Кристин и восторженно ахнула:

— Ах вы, моя ми-и-лочка, какая же вы хорошенькая! Я уже успела в вас влюбиться. Непременно должна вас поцеловать. Непременно. Вы ничего не имеете против, моя милочка?

И, не дожидаясь ответа, она обняла Кристин, затем отодвинула ее от себя, продолжая восторженно любоваться ею.

В конце коридора прозвенел гонг. Они отправились в столовую обедать. Обед был превосходный: томатный суп, две фаршированные жареные куры, сосиски, пудинг с изюмом. Доктор Луэллин и его жена приветливо беседовали с гостями.

— Вы скоро освоитесь со всем, Мэнсон, — говорил Луэллин. — Безусловно, справитесь. Я вам буду помогать, чем могу. Кстати, я рад, что это место не досталось Эдвардсу. Я бы ни за что не стал его отстаивать, хотя и пообещал замолвить за него словечко... Так о чем же я говорил? А, вспомнил! Вы будете принимать в Западной амбулатории (это ваш участок) вместе с доктором Уркхартом — он именно такой человек, какой вам нужен, — и Геджем, аптекарем. На нашем участке, в Восточной амбулатории, работают доктор Медли и доктор Оксборроу. О, все они славные ребята, и вам понравятся. Вы играете в гольф? Мы с вами будем ездить иногда в Фернли, это всего в девяти милях отсюда, внизу, в долине... Разумеется, у меня очень много дел... Да-да, разумеется. Амбулаториями я не занимаюсь. На моих руках больница, я эксперт по выплате пособий рабочим, городской врачевный инспектор, врач газового завода, рабочего дома и заведую прививочным пунктом. На моей обязанности все официальные осмотры и бóльшая часть судебной медицинской экспертизы во всем нашем графстве. Да, я еще следователь к тому же. И, кроме всего этого, — в его ясном взгляде засверкал огонек, — я между делом имею изрядное количество частной практики.

— Да, дальше уж некуда, — заметил Мэнсон.

Луэллин широко улыбнулся:

— Что поделаешь, надо сводить концы с концами, доктор Мэнсон. Этот автомобильчик, который вы видели у подъезда, стоит ни больше ни меньше как тысячу двести фунтов. А что касается... Ну, да, впрочем, это не важно. Вам тоже здесь ничто не помешает устроиться хорошо. Надо рассчитывать, что вам будет оставаться чистых три-четыре сотни, если вы будете усердно работать и соблюдать при этом должную осторожность. — Он помолчал, потом продолжал тоном дружески-интимным и прочувствованно-искренним: — Об одном я считаю нужным вас предупредить. Все здешние младшие врачи по взаимному уговору платят мне пятую часть своего заработка. — Он продолжил торопливо, все с тем же невинным видом: — Это за то, что я помогаю им советами. В трудных случаях они обращаются ко мне. Это для них большое удобство, смею вас уверить.

Эндрю посмотрел на него с некоторым удивлением:

— А разве это не предусмотрено правилами Общества?

— Гм... не совсем, — возразил Луэллин, морща лоб. — Это у нас решено и принято самими врачами очень давно.

— Но...

— Доктор Мэнсон! — любезно обратилась к нему миссис Луэллин с другого конца стола. — Я только что говорила вашей милой женушке, что нам следует как можно чаще встречаться. Я непременно хочу, чтобы она иногда приходила к нам пить чай. Вы ее будете мне уступать, да, доктор? Мы с ней будем ездить в Кардифф в нашем автомобиле. Это будет превесело, не правда ли, моя милочка?

— Разумеется, — плавно продолжил Луэллин, — вы будете зарабатывать больше Лесли (это тот, что работал здесь до вас), потому что он был настоящий растяпа. Да, никудышный был врач, что-то вроде старого Эдвардса. Он не умел даже как следует давать наркоз! А вы, надеюсь, делаете это хорошо, доктор? Когда у меня сложные операции, мне

необходим врач, который хорошо умеет давать наркоз. Однако что же это я! Не будем пока говорить об этом. Вы ведь только что приехали, и не следует вам надоедать деловыми разговорами.

— Идрис! — восторженно воскликнула миссис Луэллин, обращаясь к мужу тоном человека, сообщающего сенсационную новость. — Они только сегодня утром поженились! Миссис Мэнсон сейчас мне это сказала! Она новобрачная! Нет, ты только подумай! Милые дети!

— Это замечательно! — засиял улыбкой Луэллин.

Миссис Луэллин погладила руку Кристин:

— Бедный мой ягненок! Сколько возни вам предстоит сразу же в этом дурацком «Вейл Вью». Придется мне заглядывать к вам иногда и помогать.

Мэнсон слегка покраснел и сидел молча, собирая разбегавшиеся мысли. У него было такое впечатление, точно его и Кристин превратили в какой-то мячик, которым доктор Луэллин и его жена играют, перебрасывая друг другу. Но последнее замечание было ему на руку.

— Доктор Луэллин, — сказал он вдруг с нервной решимостью, — миссис Луэллин совершенно права. Я как раз думаю... мне очень неприятно просить об этом... нельзя ли мне отлучиться на пару дней — съездить с женой в Лондон, чтобы купить мебель для нашего дома и кое-какие другие вещи?

Он видел, что Кристин от удивления широко раскрыла глаза. Но Луэллин милостиво кивнул:

— Отчего же нет? Отчего же нет? Когда вы начнете работать, вам будет нелегко выбраться. Считайте себя свободным завтра и послезавтра, доктор. Видите, вот я и оказался вам полезен. Я очень много могу сделать для младших врачей. Я переговорю с комитетом.

Эндрю ничего не имел против того, чтобы самому переговорить с комитетом, особенно с Оуэном, но не стал возражать.

Кофе пили в гостиной из чашек ручной росписи, как подчеркнула миссис Луэллин. Луэллин угощал Эндрю сигаретами.

тами из своего золотого портсигара: «Взгляните, доктор Мэнсон, это подарок. От благодарного пациента. Видите, какой массивный? Цена ему двадцать фунтов, никак не меньше!»

Около десяти часов доктор Луэллин посмотрел на свои красивые карманные часы, собственно не столько посмотрел, сколько осиял их улыбкой, так как он умел созерцать даже неодушевленные предметы, в особенности если они принадлежали ему, с присущим ему кротким благоволением. Одну минуту Мэнсон ожидал, что он пустится в подробности насчет происхождения часов, но тот сказал только:

— Я должен ехать в больницу. Сегодня утром я делал операцию двенадцатиперстной кишки. Не хотите ли прокатиться со мной в автомобиле и, кстати, посмотреть больницу?

Эндрю так и встрепенулся:

— Ну конечно, с удовольствием, доктор Луэллин!

Так как приглашение относилось и к Кристин, они простились с миссис Луэллин, которая, стоя в дверях, усиленно махала им вслед рукой, и сели в ожидавший автомобиль. Автомобиль с бесшумным изяществом пронесся по главной улице и, свернув налево, стал подниматься в гору.

— Сильные фары, не правда ли? — заметил Луэллин, зажигая огни для того, чтобы похвастать ими. — Это «люксит», специальный сорт. По особому заказу.

— «Люксит»! — повторила вдруг Кристин тихим голосом. — Они, верно, очень дорого стоят, доктор?

— Еще бы! — внушительно кивнул Луэллин, довольный этим вопросом. — Они мне обошлись ни больше ни меньше как в тридцать фунтов.

Эндрю сидел съездившись, не смея взглянуть на Кристин.

— Вот мы и приехали, — сказал Луэллин две минуты спустя.

Больница помещалась в красном кирпичном здании, к которому вела усыпанная гравием аллея, окаймленная

лавровыми кустами. Как только они вошли, у Эндрю разгорелись глаза. Больница была небольшая, но великолепно, по-новому оборудованная. В то время как Луэллин показывал им операционную, рентгеновский кабинет, протезную, две красивые палаты, в которых было много воздуха, Эндрю не переставал в экстазе твердить про себя: «Замечательно, замечательно, как не похоже на Блэнелли! Здесь мои больные будут отлично обслуживаться».

По дороге они встретили сестру-хозяйку, высокую костлявую женщину, которая вовсе не удостоила вниманием Кристин, с Эндрю поздоровалась без всякого энтузиазма, зато перед Луэллином вся расплылась от обожания.

— Мы довольно легко получаем все, что нам здесь требуется. Не правда ли, сестра? — говорил Луэллин. — Нам стоит только заявить комитету... Да-да, они, в общем, народ неплохой. Как чувствует себя мой оперированный, сестра?

— Очень хорошо, доктор, — пролепетала сестра-хозяйка.

— Отлично, я сейчас зайду к нему.

Он пошел проводить Кристин и Эндрю до вестибюля.

— Да, Мэнсон, должен сознаться, что немного горжусь этой больницей. Я на нее смотрю как на свою. Никто меня за это не осудит. Вы найдете дорогу домой? Да, послушайте, когда вернетесь из Лондона, в среду, позвоните мне, вы можете понадобится для наркоза.

Шагая вдвоем вниз по улице, молодые супруги некоторое время молчали. Потом Кристин взяла Эндрю под руку.

— Итак? — спросила она.

Эндрю угадывал, что она улыбается в темноте.

— Он мне нравится, — сказал он поспешно. — Очень нравится. Ты заметила, как на него смотрела сестра. Словно готова была поцеловать край его одежды. Клянусь Юпитером, чудесная маленькая больница!.. И обедом нас угостили хорошим. Они, видно, люди не скупые. Но только я не понимаю, с какой стати мы должны платить ему пятую часть моего заработка? Это с его стороны некрасиво, просто

неэтично! И вообще... у меня было такое впечатление, словно меня все время старались обласкать и уговорить быть пай-мальчиком.

— Ты и есть пай-мальчик, потому что выпросил эти два свободных дня! Но послушай, милый, как мы можем купить мебель? Ведь у нас нет денег!

— погоди, узнаешь, — ответил он таинственно.

Огни города остались позади. Эндрю и Кристин подходили к «Вейл Вью». Между ними наступило неловкое молчание. Прикосновение ее руки к его локтю невыразимо радовало Эндрю. Бурная волна нежности захлестнула его сердце. Он думал об этой девушке, с которой обвенчался на скорую руку в шахтерском поселке, потом потащил ее в каком-то полуразвалившемся фургоне через горы, ткнул в полупустой дом, где брачным ложем должна служить ее собственная, единственная в доме кровать. А она переносила все неудобства и невзгоды так бодро, с такой веселой кротостью. Она любила его, верила в него, во всем на него полагалась. В нем росла великая решимость оправдать ее доверие, доказать своей работой, что она не обманулась в нем.

Они прошли к деревянному мостику. Лепет ручейка, чьи замусоренные берега скрыла ласковая темнота ночи, казался им удивительно приятным. Эндрю вынул из кармана ключ, ключ от *их дома*, и вставил в замочную скважину.

В передней было почти темно. Заперев дверь, он повернулся туда, где, ожидая его, стояла Кристин. Ее лицо слабо белело в темноте, в легкой фигуре было ожидание и что-то незащитное. Он тихонько обнял ее одной рукой и прошептал странным голосом:

— Как тебя зовут, любимая?

— Кристин, — ответила она, недоумевающая.

— Кристин... а дальше?

— Кристин Мэнсон. — Она задышала часто-часто, и Эндрю ощутил теплоту ее дыхания на своих губах.

III

В середине следующего дня их поезд подкатил к Паддингтонскому вокзалу. Отважно, но в глубине души смущенные своей неопытностью и незнанием этого большого города, где ни один из них не бывал до сих пор, Эндрю и Кристин сошли на перрон.

— Ты не видишь его? — спросил с беспокойством Эндрю.

— Может быть, он встретит нас у решетки? — предположила Кристин.

Они высматривали человека с каталогом.

По дороге в Лондон Эндрю подробно объяснял Кристин, как он, предвидя их будущие нужды, придумал великолепный, простой и в высшей степени дальновидный план: еще до отъезда из Блэнелли списался с лондонской фирмой «Ридженси». Это не какое-то колоссальное предприятие, вроде универсальных магазинов с отделами, — нет, просто солидный частный склад, главным образом продававший мебель в рассрочку. Последнее письмо владельца этого склада у него с собой в кармане. И факт тот, что...

— Ага! — воскликнул он радостно, перебивая сам себя. — Вот и он!

Обтрепанный человечек в лоснящемся синем костюме и котелке, с большим зеленым каталогом в руках, похожим на книги, которые выдают в награду ученикам воскресных школ, разыскал Эндрю и Кристин в толпе пассажиров, словно с помощью какого-то непонятого телепатического фокуса, и бочком подобрался к ним.

— Доктор Мэнсон, сэр? И миссис Мэнсон? — Он почтительно приподнял шляпу.— Я представитель фирмы «Ридженси». Мы получили вашу телеграмму сегодня утром, сэр. Автомобиль ждет вас. Разрешите предложить сигару?

Они ехали по незнакомым шумным улицам, и Эндрю с едва заметным беспокойством поглядывал краем глаза на сигару, которую он, не закуривая, держал в руке. Он тихо сказал Кристин:

— Однако мы только и делаем, что разъезжаем в автомобилях последние дни! Но этот, кажется, в порядке. Знаешь, они все берут на себя, включая и бесплатную доставку на вокзал и затем со станции на дом. И оплату нашего проезда тоже.

Однако езда по ошеломляюще запутанным и часто грязным улицам была довольно-таки спокойной. Но в конце концов они приехали на место. Предприятие оказалось более внушительным на вид, чем оба они ожидали, фасад украшало изрядное количество зеркального стекла и сверкающей желтой меди. Дверцу автомобиля открыли и гостей с поклонами ввели на склад «Ридженси».

И здесь их тоже ожидали. Пожилой продавец во фраке и высоком воротничке, своей необыкновенно открытой и прямодушной физиономией напоминавший покойного принца Альберта, приветствовал их с царственным величием.

— Сюда пожалуйста, господа. Очень рад служить представителю вашей профессии, доктор Мэнсон. Вы удивились бы, если бы знали, сколько врачей с Харли-стрит я имел честь удовлетворить. И какие отзывы получил от них! А что угодно будет вам, доктор?

Он стал показывать им мебель, величаво расхаживая по всем отделениям склада. Он называл цены неприемлемо высокие. Он упоминал о стилях тюдор, жакоб и Людовика XVI. А все, что он им показывал, представляло собой мореный, покрытый лаком хлам.

Кристин кусала губы, и лицо ее принимало все более озабоченное выражение. Она очень боялась, как бы Эндрю здесь не надули, как бы он не загромоздил их дом этой рухлядью.

— Милый, — шепнула она быстро, когда «принц Альберт» повернулся к ним спиной, — ничего тут нет хорошего, ровно ничего.

Эндрю в ответ только едва заметно сжал губы. Они осмотрели еще несколько предметов. Затем Эндрю спокойно, но неожиданно грубо сказал продавцу:

— Послушайте, вы! Мы приехали издалека, чтобы купить мебель. Я сказал: *мебель*. А не такой никуда не годный хлам. — И он сильно надавил большим пальцем на стенку ближайшего к ним шкафа, которая подалась внутрь с злоеющим треском, так как это была многослойная фанера.

Продавец чуть не упал в обморок. Выражение его лица говорило, что он не верит своим ушам.

— Но позвольте, доктор, — сказал он, задыхаясь, — я показываю вам и вашей даме самое лучшее, что у нас есть.

— Тогда покажите нам самое худшее! — вскипел Эндрю. — Покажите старые, подержанные вещи, но *настоящие*.

Пауза. Затем, бормоча сквозь зубы: «Хозяин задаст мне, если я ничего не продам!» — продавец в безутешном унынии зашлепал прочь. Четыре минуты спустя к ним суетливо подошел другой, низенький, краснолицый и грубый. Он спросил, точно выстрелил:

— Что вам угодно?

— Хорошую подержанную мебель — и дешевую!

Человечек метнул на Эндрю суровый взгляд. Без дальнейших разговоров он повернулся и повел их к лифту в глубине лавки. Они спустились в обширный и холодный подвал, битком набитый до самого потолка старой мебелью.

С час Кристин бродила среди пыли и паутины, находя здесь солидный шкаф, там — простой и хороший стол и небольшое мягкое кресло-качалку под кучей мешков, а Эндрю,

следуя за ней, долго и упорно торговался с коротышкой-продавцом.

Наконец они закончили, и, когда поднимались в лифте, Кристин, вся перепачканная, но сияющая, сжала руку мужа с восхитительным чувством торжества.

— Как раз все то, что нам нужно, — шепнула она.

Краснолицый повел их в контору, где, кладя свою книжку заказов на письменный стол хозяина, объявил с видом человека, который сделал все, что мог:

— Вот и все, мистер Айзекс.

Мистер Айзекс погладил свой нос. Его водянистые глаза на желтом лице приняли печальное выражение, когда он просмотрел заказ:

— Боюсь, я не смогу предоставить вам рассрочку, доктор Мэнсон. Дело в том, что все это не новые вещи. — Он с сожалением пожал плечами. — На таких условиях мы их не продаем.

Кристин побледнела. Но Эндрю с угрюмой настойчивостью сел на стул, как человек, который не собирается уходить.

— Нет, продаете, мистер Айзекс. По крайней мере, так сказано в вашем письме. Напечатано черным по белому на бланке вашей фирмы: «Новая и старая мебель продается на льготных условиях».

Последовала пауза. Краснолицый продавец, нагнувшись к мистеру Айзексу, что-то быстро забормотал ему на ухо, сопровождая свои слова жестикуляцией. Кристин ясно слышала неучтивые слова насчет шотландской напористости и дубленой кожи ее супруга.

— Ну хорошо, доктор Мэнсон, — натянуто усмехнулся мистер Айзекс, — мы идем вам навстречу. Не говорите, что фирма «Ридженси» вас обидела, и не забудьте рекомендовать ее своим пациентам, рассказать, как хорошо к вам отнеслись. Смит! Приготовьте счет и позаботьтесь о том, чтобы доктору Мэнсону была послана копия завтра же утром.

— Благодарю вас, мистер Айзекс.

Новая пауза. Мистер Айзекс, как бы заканчивая этим переговоры, сказал:

— Ну так. Значит, все в порядке. Товар будет доставлен в пятницу.

Кристин хотела было уже выйти. Но Эндрю продолжал прочно сидеть на месте. Он медленно произнес:

— А как же насчет оплаты нашего проезда, мистер Айзекс?

Казалось, в конторе разорвалась бомба. Краснолицый Смит имел такой вид, точно у него вот-вот лопнут жилы.

— Боже мой, доктор! — воскликнул Айзекс. — Что вы хотите сказать, не понимаю. Мы не можем так вести дела. Честность есть честность, но я ведь не верблюд. «Оплата проезда»!

Неумолимый Эндрю достал свой бумажник. Голос его хотя немного и дрожал, но звучал спокойно.

— Вот здесь письмо, мистер Айзекс, в котором вы пишете черным по белому, что оплатите проезд из Англии и Уэльса тем покупателям, которые сделают заказ на сумму свыше пятидесяти фунтов.

— Но я же вам говорю, — отчаянно завопил Айзекс, — что раз вы купили всего только на пятьдесят пять фунтов, и все подержанные вещи...

— В вашем письме, мистер Айзекс...

— Ничего не хочу больше слышать о письме! — замахал руками Айзекс. — Сделка расторгнута. Никогда в жизни я еще не встречал таких клиентов, как вы. Мы привыкли иметь дело с приятными молодоженами, с которыми можно поговорить. А вы сначала оскорбили моего мистера Клэппа, потом мистер Смит ничего не мог с вами поделать, потом вы являетесь сюда и расстраиваете меня заявлениями о каких-то расходах на проезд. У нас с вами дело не выйдет, доктор Мэнсон. Можете поискать в других местах более выгодные условия.

Кристин в панике посмотрела на Эндрю, в глазах была отчаянная мольба. Ей казалось, что все пропало. Ее ужасный муж испортил все, чего с таким трудом добился. Но Эндрю, словно не замечая ее, угрюмо закрыл бумажник и положил в карман:

— Очень хорошо, мистер Айзекс. Мы с вами распрощаемся. Но имейте в виду, все мои пациенты и знакомые услышат от меня о вашей фирме не слишком хороший отзыв. А практика у меня обширная. И такие вещи живо распространяются. Все узнают, как вы нам предлагали приехать в Лондон, обещав оплатить проезд, а когда мы...

— Стойте, стойте! — завопил Айзекс, как безумный, — Сколько вам стоил проезд? Уплатите им, мистер Смит. Уплатите им, уплатите! И пусть они не говорят, что фирма «Ридженси» не выполняет своих обещаний. Ну вот. Теперь вы довольны?

— Благодарю, мистер Айзекс. Вполне. Итак, мы ждем доставки в пятницу. Будьте здоровы, мистер Айзекс.

Эндрю важно пожал руку мистеру Айзексу и вместе с Кристин поспешил к выходу. На улице еще дождался древний лимузин, в котором они приехали с вокзала, и Эндрю с таким видом, как будто он сейчас дал фирме «Ридженси» самый крупный заказ за все время ее существования, крикнул:

— Везите нас в отель «Музеум», шофер!

Автомобиль тотчас двинулся, увозя их без всякой помехи из Ист-Энда по направлению к Блумсбери. Кристин, крепко сжимая руку Эндрю, понемногу приходила в себя.

— Ох, милый, — шепнула она, — ты вел себя замечательно... А я уж было думала...

Он покачал головой, все с той же упрямой складкой у рта:

— Они испугались неприятностей, эти людишки. Ведь у меня было в руках их обещание, письменное обещание... — Он обернулся к ней с горящими глазами. — Дело вовсе не в каких-то идиотских расходах на проезд, ты это знаешь.

Дело в принципе. Люди должны держать слово. Мне показалось подозрительным уже одно то, как нас встретили; за версту было видно, что они думают: «Ага, пара зеленых новичков, значит легкая нажива». Фу, и даже эта сигара, которую мне сунули, все это пахло надувательством!

— Ну, как бы там ни было, а мы достали то, что нам нужно, — примирительно заметила Кристин.

Он кивнул. В эту минуту нервы у него были еще слишком напряжены, он слишком кипел негодованием, чтобы видеть забавную сторону всего приключения. Но когда они очутились в номере гостиницы, он уже был способен оценить комизм положения. Растянувшись на кровати с сигаретой в зубах и наблюдая, как Кристин причесывается, он неожиданно начал смеяться. Он хохотал так, что заразил и Кристин.

— Какое у этого Айзекса было лицо!.. — выкрикивал он, смеясь до колик. — Ох, и умора же!..

— А помнишь... когда ты... когда ты потребовал у него оплатить проезд... — вторила ему Кристин, задыхаясь.

— «Мы не можем так делать дела»... — Новый взрыв смеха. — «Я не верблюд». О господи! *Верблюд!*..

— Да, милый. — С гребнем в руке, Кристин подошла к постели, плача от смеха, едва выговаривая слова. — Но смешнее всего было то, что ты все время твердил: «Вот здесь у меня письмо, где написано черным по белому», когда я... когда я... — ох, не могу! — когда я знала все время, что ты оставил письмо дома на камине!

Эндрю, сев, уставился на нее, затем снова опрокинулся навзничь, воя от смеха. Он катался по постели, затыкал рот подушкой, обессилев, потеряв всякую власть над собой, а Кристин, прислонясь к туалетному столику, вся тряслась от хохота, лихорадочно умоляя Эндрю перестать, иначе она сейчас умрет.

Когда они наконец успокоились, то оделись и отправились в театр. Выбор был предоставлен Кристин, и она захо-

тела посмотреть «Святую Иоанну», сказав, что всю жизнь мечтала увидеть на сцене какую-нибудь из пьес Шоу.

Сидя рядом с ней в набитом людьми партере, он не столько смотрел на сцену — потом он объяснял Кристин, что пьеса чересчур историческая и вообще непонятно, что, собственно, воображает о себе этот Шоу, — сколько любовался слегка порозовевшим от возбуждения лицом увлеченной Кристин. В первый раз они были вместе в театре. «Что же, — говорил он себе, — и не в последний». Глаза его блуждали по переполненному залу. Когда-нибудь они с Кристин снова придут сюда и будут сидеть не в последнем ряду партера, а в одной из вон тех лож. Уж он постарается. Он себя покажет! Кристин будет в открытом вечернем туалете, люди будут глазеть на него, подталкивая друг друга: «Это Мэнсон. Знаете, тот врач, что написал знаменитую книгу о легочных болезнях»... Эндрю вдруг резко одернул себя и в смущении отправился покупать Кристин мороженое, так как наступил антракт.

В этот вечер он тратил деньги с безоглядной щедростью. Выйдя из театра, они совсем растерялись, ошеломленные ярким светом огней, толчеей автобусов, бурлившей вокруг толпой. Но Эндрю повелительно поднял руку. Благополучно водворившись в такси, они доехали до гостиницы, в упорении воображая, что они первые открыли удобство лондонских такси.

IV

После Лондона ветер в Эберло показался им особенно свежим и бодрящим. Выйдя в четверг утром из «Вейл Вью», чтобы в первый раз отправиться на работу, Эндрю ощущал на щеках его крепкую ласку. Радость так и звенела в его душе. Впереди — любимая работа, работа, которую он будет делать хорошо, честно, всегда руководствуясь, согласно своему принципу, научными методами.

Западная амбулатория, находившаяся в каких-нибудь четырехстах ярдах от его дома, представляла собой высокое сводчатое помещение, облицованное белыми изразцами. Его главной и центральной частью была приемная. В глубине, отделенная от приемной передвижной решеткой, находилась аптека. Наверху имелись два кабинета: на двери одного было написано имя доктора Уркхарта, на двери другого, свежевыкрашенной, красовалась странно поражающая надпись: «Доктор Мэнсон».

Эндрю с радостным волнением увидел *свой собственный* кабинет. Кабинет был невелик, но в нем стояли хороший письменный стол и кожаная кушетка для осмотра больных. Самолюбию Эндрю было приятно и то, что его уже ждало множество людей. Такое множество, что он решил сейчас же начать прием, вместо того чтобы, как он раньше намеревался, пойти знакомиться с доктором Уркхартом и аптекарем Геджем.

Сев за стол, он крикнул, чтобы вошел первый в очереди. Это оказался рабочий, который сначала попросил справку

о временной нетрудоспособности, потом, словно только что вспомнив, показал колено. Эндрю осмотрел его, нашел у него профессиональную болезнь горнорабочих — воспаление коленных связок — и выдал ему свидетельство.

Вошел второй больной. Он тоже потребовал справку о болезни; он страдал другим заболеванием шахтеров — нистагмом¹. Третий — опять справку, о бронхите. Четвертый — справку об ушибе локтя.

Эндрю встал, желая поскорее выяснить положение. Эти осмотры для выдачи справок о болезни отнимали очень много времени. Он подошел к двери и спросил:

— Сколько еще человек здесь пришло за справками? Встаньте, чтобы я мог вас сосчитать.

У кабинета ожидало человек сорок рабочих. Встали все. Эндрю торопливо прикинул: на то, чтобы осмотреть их всех как следует, потребуется добрая половина рабочего дня. Это невозможно. И он неохотно решил отложить более тщательный осмотр до другого раза.

Даже несмотря на это, только в половине одиннадцатого он отпустил последнего больного.

Он поднял глаза, так как в кабинет, громко топая, вошел пожилой мужчина среднего роста, с широким красным лицом и задорно торчавшей седой бородкой. Он слегка сутулился, так что его голова была наклонена вперед и придавала ему воинственный вид. Он был в штанах из полосатой бумажной ткани, гетрах и теплой куртке, из туго набитых боковых карманов которой торчали трубка, носовой платок, яблоко, резиновый катетер. Он распространял вокруг себя запах лекарств, карболки и крепкого табака. Еще раньше, чем вошедший заговорил, Эндрю догадался, что это доктор Уркхарт.

— Черт возьми, — начал Уркхарт, не здороваясь и не протягивая руки, — где это вы болтались два дня? Мне пришлось работать за вас. Ну да ладно, ничего. Не будем

¹ Дрожание глазного яблока.

больше говорить об этом. Слава богу, вы производите впечатление человека здорового и телом, и духом. Трубку курите?

— Курю!

— И за это слава Богу. На скрипке играть умеете?

— Нет, не умею.

— Ну и я не умею, но зато я отлично умею их делать.

И еще я собираю коллекцию фарфора. Обо мне даже в одной книге написали. Как-нибудь, когда придете ко мне, я вам покажу. Я живу у самой амбулатории, вы, наверное, видели мой дом. Ну а теперь пойдете, я познакомлю вас с Геджем. Жалкий человек, но он свои недостатки сознает.

Эндрю прошел за Уркхартом через приемную в аптеку, где Гедж поздоровался с ним утрюмым кивком. Это был долговязый, худой мужчина с очень бледным лицом, лысой головой, кое-где прикрытой прядями угольно-черных волос, и уныло свисавшими баками того же цвета. На нем была короткая шерстяная куртка, которая позеленела от времени и пролитых на нее лекарств и из которой торчали костлявые руки и лопатки, как у скелета. Лицо его выражало печаль, усталость, озлобление. Он производил впечатление самого разочарованного человека во всей вселенной. Когда вошел Эндрю, он отпустил последнего посетителя, швырнув ему через решетку коробочку пилюль с таким видом, как будто это отравы для крыс. «Будете ли вы принимать это или не будете — все равно умрете», — казалось, говорил он мысленно.

— Ну, — весело сказал Уркхарт, окончив официальное представление, — теперь вы познакомились с Геджем и знаете самое худшее. Предупреждаю вас, он не верит ни во что, разве только в касторку и в Чарльза Брэдлоу¹. Угодно вам еще что-нибудь узнать от меня?

¹ Чарльз Брэдлоу (1833–1891) — английский политический деятель-радикал.

— Меня тревожит, что приходится выдавать такое множество справок о болезни. Некоторые из этих молодцов, которых я сегодня осматривал, по-моему, вполне трудоспособны.

— Если не мешал им отлынивать от работы, сколько они хотели. У него осмотреть пациента означало пощупать ему пульс в течение ровно двух секунд.

Эндрю быстро возразил:

— Что люди подумают о враче, который выдает направо и налево свидетельства о нетрудоспособности с такой легкостью, как будто это ярлычки с пачек сигарет?

Уркхарт бросил на него быстрый взгляд и сказал напрямик:

— Будьте осторожны. Им не понравится, если вы откажетесь выдавать справки о болезни.

В первый и последний раз за все время Гедж вмешался в разговор, сказав мрачно:

— Добрая половина этих проклятых симулянтов совершенно здорова.

Весь остальной день, обходя больных, вызывавших его на дом, Эндрю волновался из-за справок о болезни. Визиты к больным были делом нелегким, так как он еще не знал улиц, не раз приходилось возвращаться и вторично проделывать тот же путь. К тому же его участок — во всяком случае, большая часть — расположен был по склону того самого Марди-Хилл, о котором упоминал Том Кетлис, и от одного ряда домов к другому приходилось взбираться по крутому косогору.

Не успело время перейти за полдень, а размышления уже привели Эндрю к неприятному выводу. Он решил, что ни в коем случае не должен выдавать в сомнительных случаях справок о болезни. И в этот вечер отправился на вечерний прием в амбулаторию с тревожной, но упрямой морщинкой между бровей.

У его кабинета толпилось еще больше людей, чем утром. Первым вошел весь заплывший жиром огромный верзила, от которого сильно пахло пивом. По его виду можно было предположить, что он в своей жизни еще ни разу не проработал целого дня. Ему было лет пятьдесят. Сощуриив свинные глазки, он оглядел Эндрю.

— Листок, — сказал он бесцеремонно.

— Для чего? — спросил Эндрю. — Чем больны?

— Стагм. — Он протянул руку. — Мое имя Ченкин. Бен Ченкин.

Уже сам тон его заставил Эндрю вспыхнуть от возмущения. Даже беглый осмотр показывал, что у Ченкина нет никакого нистагма. Независимо от замечания, брошенного Геджем, он знал хорошо, что некоторые из старых шахтеров симулировали эту болезнь и годами получали пособие, на которое не имели права. Но сегодня вечером Эндрю захватил с собой офтальмоскоп. Сейчас он проверит. И с этой мыслью он встал с места.

— Разденьтесь.

— Для чего? — задал вопрос Ченкин.

— Я должен вас осмотреть.

У Ченкина отвисла губа. Он не помнил, чтобы за все семь лет, которые здесь прослужил доктор Лесли, тот хоть раз его осмотрел. Неохотно, сердито стащил он куртку, фуфайку, полосатую — красную с синим — рубаху и обнажил волосатый торс со складками жира.

Эндрю долго и тщательно его осматривал, в особенности глаза, внимательно исследовал обе сетчатки с помощью крошечной электрической лампочки. Затем сказал резко:

— Одевайтесь, Ченкин!

Сел и начал писать справку.

— Ха! — фыркнул иронически старый Бен. — Я же знал, что вы мне ее дадите.

— Следующий, пожалуйста, — позвал Эндрю.

Ченкин почти вырвал у него из рук розовую бумажку и, торжествуя, вышел из амбулатории.

Но пять минут спустя он воротился с побагровевшим лицом и, мыча, как бык, протолкался вперед мимо рабочих, сидевших в ожидании на скамьях.

— Глядите, какую штуку он со мной сыграл! Пустите меня к нему! Эй, вы! Что это значит? — Он размахивал листком перед глазами Эндрю.

Эндрю сделал вид, что читает. На бумажке было написано его собственной рукой: «Сим удостоверяется, что Бен Ченкин страдает от последствий неумеренного употребления спиртных напитков, но вполне трудоспособен. Подписал Э. Мэнсон, бакалавр медицины».

— Ну-с, что же вам угодно? — спросил он.

— Стагм! — заорал Ченкин. — Давайте справку о стагме. Какого черта вы меня дурачить вздумали? Я пятнадцать лет болею стагмом!

— А сейчас у вас его больше нет, — сказал Эндрю.

У открытых дверей собралась целая толпа. Он заметил голову Уркхарта, с любопытством выглядывавшего из соседнего кабинета, Геджа, злорадно наблюдавшего всю эту суматоху сквозь свою решетку.

— В последний раз спрашиваю — дадите вы мне листок или нет? — прокричал Ченкин.

Эндрю вышел из себя.

— Нет, не дам! — заорал он в свою очередь. — И убирайтесь вон отсюда, пока я вас не выставил за дверь.

Грудь Бена ходила ходуном. Он посмотрел на Эндрю, словно хотел его уничтожить. Но затем опустил глаза, повернулся и, бормоча проклятия и угрозы, вышел.

В ту же минуту Гедж вышел из-за перегородки и развинченной походкой направился к Эндрю. Он с меланхолическим удовольствием потирал руки:

— А знаете, кого вы только что так отбрили? Это Бен Ченкин. Его сын — видный член комитета.

V

История с Ченкином вызвала громкую сенсацию. Весь участок Мэнсона мигом загудел, как улей. Одни находили, что это «хороший урок», а некоторые даже — что это «чертовски хороший урок Бену, который постоянно плутует». Но большинство было на стороне Бена. Особенно злились на нового доктора те, кто до сих пор умудрялся, будучи здоровым, получать пособие по болезни и не работать. Обходя квартиры больных, Эндрю ощущал направленные на него угрюмые взгляды. А вечером в амбулатории столкнулся с еще более неприятным доказательством своей непопулярности.

Хотя каждому младшему врачу был отведен определенный участок, за рабочими, живущими на этом участке, сохранялось право выбирать себе любого врача. На каждого рабочего имелась карточка, и, чтобы переменить врача, ему нужно было только потребовать свою карточку и передать ее другому врачу. Этот-то позор и пришлось теперь испытать Эндрю. Всю неделю каждый вечер являлись в амбулаторию люди, которых он ни разу в глаза не видел (некоторые, не желая с ним встретаться, даже посылали вместо себя жен), и говорили, не глядя на него:

— Если вы ничего не имеете против, доктор, я возьму свою карточку.

Обида, унижение, когда нужно было доставать эти карточки из ящика, стоявшего у него на столе, были нестер-

пимы. И каждая отданная карточка означала вычет десяти шиллингов из его жалованья.

В субботу вечером Уркхарт позвал его к себе в гости. Старый доктор, всю неделю ходивший с выражением самодовольства на своей желчной физиономии, прежде всего стал показывать гостю сокровища, собранные им за сорок лет практики. Среди них имелось штук двадцать желтых скрипок, сделанных им самим и развешанных по стенам, но это было ничто в сравнении с его отборной коллекцией старого английского фарфора.

Коллекция была замечательная. Споуд, Веджвуд, Кроун Дерби и главное — старый Суонси. Тарелки, кружки, вазы, чашки и кувшинчики заполнили все комнаты в доме и даже ванную, так что Уркхарт, совершая свой туалет, имел возможность с гордостью любоваться чайным сервизом с настоящим китайским рисунком.

Фарфор был страстью Уркхарта, и старик был великий мастер добывать его. Увидав в доме какого-нибудь пациента хороший экземплярчик, как он выражался, он все ходил и ходил к больному, проявлял неутомимую заботливость и, сидя у постели, с каким-то грустным упорством не сводил глаз с понравившейся ему вещи, пока наконец доведенная до отчаяния добрая хозяйка не восклицала:

— Доктор, вам, кажется, уж больно пришлось по вкусу эта штука! Не вижу, почему бы мне не подарить ее вам.

Уркхарт начинал добродетельно отказываться, затем уносил свой трофей, завернутый в газету, а дома плясал от радости и бережно ставил его на полку.

Старый доктор слыл в городе чудачком. Он говорил, что ему шестьдесят лет, но было ему, вероятно, за семьдесят, а может быть, и немногим меньше восьмидесяти. Крепкий, как китовый ус, признававший лишь один способ передвижения — пешком, он проходил невероятные расстояния, зверски ругал пациентов и умел в то же время быть нежным,

как женщина. Он жил один с тех пор, как одиннадцать лет назад похоронил жену, и питался почти исключительно консервированным бульоном.

В первый же вечер, с гордостью показывая Эндрю свои коллекции, он неожиданно сказал с оскорбленным видом:

— Черт побери, дружище, не нужны мне ваши пациенты! У меня своих довольно. Но что я могу сделать, когда они приходят и надоедают. Не могут же все они ходить в Восточную амбулаторию, это слишком далеко. — (Эндрю покраснел. Он не находил, что сказать.) — Вам следует быть осмотрительнее, — продолжил Уркхарт уже другим тоном. — Да-да, я понимаю, понимаю, вы желаете низвергнуть стены Вавилона... Я сам когда-то был молод. И все же действуйте медленно, не горячитесь, смотрите, куда прыгаете. Покойной ночи. Кланяйтесь вашей жене.

С этого вечера слова Уркхарта всегда звучали в ушах Эндрю, и он всеми силами старался лавировать осторожнее. Но очень скоро случилась новая, еще бóльшая неприятность.

В следующий понедельник он был вызван к Томасу Ивансу на Сифен-роу. Иванс, забойщик в угольной шахте, обварил себе левую руку, опрокинув чайник с кипятком. Ожог был тяжелый, во всю руку, и особенно болезненный у локтя. Когда Эндрю пришел, ему сказали, что участковая фельдшерица, которая во время этого несчастного случая случайно оказалась поблизости, сделала Томасу перевязку, положив тряпку с жидкой известковой мазью, и ушла к другим больным. Эндрю осмотрел руку, старательно скрывая свой ужас при виде грязно сделанной перевязки. Краем глаза он заметил стоящую тут же бутылку, заткнутую комком газеты и наполненную грязной беловатой жидкостью, в которой он уже мысленно видел кишаших бактерий.

— Сестра Ллойд сделала все как следует, правда, доктор? — спросил тревожно Иванс.

Это был темноглазый, очень нервный молодой человек. Его жена, стоявшая рядом и внимательно следившая за действиями Эндрю, была так же нервна и даже лицом немного походила на мужа.

— Отличная перевязка, — ответил Эндрю, усиленно изображая восхищение. — Я редко видывал более аккуратную работу. Но, конечно, это только первая помощь. Теперь мы, пожалуй, положим немного пикриновой кислоты.

Он знал, что если не применить сейчас же антисептическое средство, то в руке почти несомненно начнется заражение крови. А тогда беда с локтевым суставом!

Муж и жена смотрели несколько недоверчиво, как он с тщательной осторожностью обмывал руку и накладывал мокрую пикриновую повязку.

— Ну, вот и готово! — воскликнул он. — Теперь вам легче, не так ли?

— Не знаю, как вам сказать, — произнес Иванс. — А вы уверены, доктор, что все обойдется благополучно?

— Безусловно. — Эндрю ободряюще улыбнулся. — Положитесь на меня и на сестру.

Прежде чем уйти, он написал короткую записку участковой фельдшернице, усиленно выбирая тактичные выражения, стараясь щадить ее самолюбие. Благодарил ее за превосходно оказанную первую помощь и просил во избежание возможного заражения крови продолжать перевязки уже с пикриновой кислотой. Вложив записку, он тщательно заклеил конверт.

Придя на следующее утро к Ивансам, он увидел, что его пикриновая повязка брошена в огонь, а рука обернута тряпичей с известковой мазью. Участковая фельдшерница поджидала его, готовая к бою.

— Что все это значит, хотела бы я знать? Так моя работа вас не удовлетворяет, доктор Мэнсон?

Это была широкоплечая, немолодая уже женщина с неопрятными седоватыми волосами, с усталым, изможденным

лицом. Она так тяжело дышала от волнения, что ей трудно было говорить.

У Эндрю упало сердце. Но он сурово себя одернул и притворно улыбнулся:

— Что вы, что вы, сестра Ллойд, вы меня не так поняли. Может быть, мы переговорим об этом в соседней комнате?

Но фельдшерница закусила удила. Она поглядела на Иванса и его жену, за юбку которой цеплялась трехлетняя дочурка, которые слушали, встревоженные, широко открыв глаза.

— Нет, мы будем говорить здесь. Мне скрывать от людей нечего. Моя совесть чиста. Родилась и выросла в Эберло, здесь и школу окончила, здесь замуж вышла, детей своих родила, здесь похоронила мужа и работаю вот уже двадцать лет фельдшерницей. И никто никогда мне не запрещал применять известковую жидкость при ожогах.

— Послушайте, сестра, — уговаривал ее Эндрю, — известковая мазь, может быть, и хорошее средство в некоторых случаях. Но здесь имеется серьезная опасность контрактуры. — Он для наглядности выпрямил ей руку в локте. — Вот почему я настаиваю на такой перевязке.

— Никогда о таком средстве не слыхивала. Старый доктор Уркхарт его не употребляет. Так я и сказала мистеру Ивансу. Я не сторонница всяких новомодных выдумок, как те, кто здесь и работает-то всего какую-нибудь неделю.

У Эндрю пересохли губы. Ему тошно стало при мысли о предстоящих неприятностях, обо всех пересудах, которые вызовет эта история, так как фельдшерница, переходя из дома в дом, будет повсюду изливать душу. С ней ссориться опасно. Но он не мог, не решался подвергать пациента риску, допустив этот устаревший способ лечения. И сказал, понижая голос:

— Если вы не хотите делать перевязки, сестра, то я буду приходить сюда утром и вечером и делать их сам.

— Ну и перевязывайте, мне какое дело! — объявила Ллойд, и в глазах ее заблестела влага. — Дай Бог, чтобы

Тому Ивансу не пришлось поплатиться жизнью! — И она стремглав выбежала из дому.

Среди мертвого молчания Эндрю опять разбинтовал руку. Он провозился целых полчаса, терпеливо обмывая и накладывая новую повязку. Уходя, обещал прийти вечером, в девять часов.

Но в тот же вечер, когда он начал прием в амбулатории, первой в кабинете появилась миссис Иванс. Она была очень бледна, и ее темные пугливые глаза избегали взгляда Эндрю.

— Право, доктор, — пробормотала она, запинаясь, — мне ужасно совестно вас беспокоить, но нельзя ли мне получить карточку Тома?

Чувство безнадежности овладело Эндрю. Не говоря ни слова, он встал, отыскал карточку Иванса и отдал ей.

— Вы понимаете, доктор... Вы... Больше визитов не нужно.

Он сказал нетвердым голосом:

— Да, понимаю, миссис Иванс. — Затем, когда она подошла к двери, спросил, не мог не спросить: — Что, опять кладете известковую мазь?

Она поперхнулась ответом, молча кивнула и вышла.

После приема Эндрю обычно бежал домой. Сегодня же он возвращался в «Вейл Вью» медленно, устало. «Вот так победа научного метода! — думал он с горечью. — Что это с моей стороны — честность или просто неумение подходить к людям? Нет, я глуп и бестактен, глуп и бестактен!»

За ужином он был очень молчалив. Но после ужина, в гостиной, теперь комфортабельно убранной, когда они с Кристин сидели вместе на диване перед весело пылавшим огнем, он прижался головой к ее мягкой молодой груди и сказал со стоном:

— О Крис, дорогая, я уже с самого начала заварил такую кашу!

Когда она, утешая, начала тихонько гладить его голову, он почувствовал, что к глазам его подступают едкие слезы.

VI

Неожиданно рано и сразу наступила зима с большим снегопадом. Была только середина октября, но Эберло расположен так высоко в горах, что жестокие морозы ударили здесь чуть ли не раньше, чем успела облететь листва на деревьях. Однажды ночью бесшумно повалил снег, кружась мягкими хлопьями, и, когда Кристин и Эндрю проснулись поутру, все было одето его сверкающей белизной. Горные пони, пробравшись сквозь пролом в полуразрушенной изгороди, окружавшей дом, сбились в кучу у дверей кухни. На просторах горных высот, в лугах, покрытых жесткой травой, вокруг Эберло бродило множество этих диких лошадок с темной шерстью, которые в испуге кидались прочь, увидев приближающегося человека. Но в снежные зимы голод гнал их вниз, к окраинам города.

Всю зиму Кристин подкармливала пони. Сначала они шарахались от нее, спотыкаясь от страха, но в конце зимы уже стали есть из ее рук. Особенно подружилась она с одной черной лошадкой, самой маленькой из всех, не больше шотландского пони, со спутанной гривой и плутовскими глазами, которую они окрестили Чернышом.

Пони ели все что угодно: хлеб, картофельную шелуху, кожуру от яблок, даже апельсиновые корки. Раз Эндрю для потехи протянул Чернышу пустую спичечную коробку. Черныш сжевал ее и облизался, как лакомка после пирожного.

Несмотря на то что они были бедны и им приходилось терпеть много невзгод, Кристин и Эндрю были счастливы. У Эндрю в кармане бренчали одни только медяки, но долг

Фонду был почти погашен, деньги за мебель выплачивались аккуратно. Кристин, при всей своей хрупкости и кажущейся неопытностью, обладала качеством йоркширских женщин — она была хорошей хозяйкой. С помощью одной только молоденькой служанки Дженни, дочери шахтера с соседней улицы, приходившей к ним ежедневно за несколько шиллингов в неделю, она поддерживала в доме такую чистоту, что все в нем сверкало. Хотя четыре комнаты остались немеблированными и поэтому были заперты, она сумела превратить «Вейл Вью» в уютный семейный очаг. Когда Эндрю приходил домой усталый, почти разбитый после долгого дня работы, у нее уже стоял на столе горячий обед, который быстро восстанавливал его силы.

Работа его была отчаянно тяжела. Делало ее такой, увы, не большое количество пациентов, а снег, необходимость взбираться в высокорасположенные участки, большие расстояния, которые приходилось делать во время обхода больных. В оттепель дороги превращались в настоящие болота, а потом ночью грязь подмерзала — и ходить было очень трудно и утомительно. Эндрю так часто приходил домой с насквозь промокшими внизу брюками, что Кристин в конце концов купила ему гетры. Когда он вечером, измученный, валился в кресло, она, встав на колени, снимала с него гамашу, потом тяжелые башмаки и приносила ему домашние туфли.

Люди в Эберло продолжали относиться к нему недоверчиво, ладить с ними было трудно. Все родственники Ченкина, а их было много, так как в долинах Уэльса браки между своими — обычное явление, дружно сплотились против него. Сестра Ллойд теперь была его открытым и злобным врагом и, распивая чай в домах, которые посещала, говорила о нем всякие гадости собиравшимся вокруг нее соседкам.

Вдобавок ко всему у Эндрю был еще один повод к раздражению, которое приходилось подавлять. Доктор Луэлин вызывал его для того, чтобы давать наркоз при операциях, гораздо чаще, чем Эндрю считал допустимым. Эндрю

терпеть не мог давать наркоз. Эта механическая работа требовала совсем иного склада характера — спокойного темперамента и уравновешенности, которыми он вовсе не обладал. Он, конечно, ничего не имел против того, чтобы делать это для своих больных. Но когда у него отнимали три дня в неделю на обслуживание больных, которых он раньше в глаза не видел, он считал, что ему взваливают на плечи чужое бремя. Однако он не осмеливался протестовать из страха лишиться места.

Однажды в ноябрьский день Кристин заметила, что он чем-то необычайно угнетен. В этот вечер он, придя домой, не окликнул ее весело, как всегда, и хотя притворялся спокойным, она слишком его любила, чтобы не заметить по углубившейся морщинке между глаз и целому ряду других мелких признаков, что он пришиблен каким-то новым неожиданным ударом.

За ужином она не спросила ничего, а после ужина, сидя у камина, занялась шитьем. Эндрю с трубкой в зубах подсел к ней и через некоторое время вдруг разразился следующей тирадой:

— Я терпеть не могу брюзжать, Крис! И не люблю тебя тревожить. Видит Бог, я стараюсь хранить свои неприятности внутри себя! — Так как он каждый вечер изливал перед ней душу, то такое заявление звучало весьма забавно, но Кристин не улыбнулась, и он продолжил: — Ты видела здешнюю больницу, Крис. Помнишь, мы ее осматривали в первый же вечер нашего приезда? Помнишь, как она мне понравилась, как я бредил ею, радуясь возможности наладить свою работу. Я так много об этом думал, дорогая! У меня были такие замечательные планы, связанные с этой маленькой больницей в Эберло.

— Да, да, я знаю.

Он сказал с каменным лицом:

— Напрасно я себя обманывал. Это вовсе не городская больница, это больница Луэллина. — (Крис молчала с тре-

вогой во взгляде, ожидая от него объяснений.) — Сегодня утром у меня был один пациент, Крис, — заговорил Эндрю быстро, все больше распаяясь. — Заметь, я говорю *был!* Типичная верхушечная пневмония, и, главное, больной — бурильщик в антрацитовых копиях, а я часто тебе говорил, что меня ужасно интересует состояние легких у людей этой профессии. Я нахожу, что тут большое поле для исследовательской работы. Я и подумал: «Вот первый случай использовать больницу, именно такой случай, когда нужно наблюдение и исследование научными методами». Я позвонил Луэллину, попросил его осмотреть вместе со мной больного, чтобы я мог поместить его в больницу. — Эндрю остановился, чтобы перевести дух, затем стремительно продолжил: — Ну вот. Явился Луэллин в лимузине, все честь честью. Любезен, как всегда, и чертовски тщательно осмотрел больного. Он первоклассный врач и свое дело знает великолепно. Подтвердил мой диагноз, указав две-три подробности, которые я упустил, и сразу согласился принять моего пациента в больницу. Я стал его благодарить, выражая свое удовольствие по поводу того, что смогу лечить своего больного в больнице, где имеются прекрасное оборудование для исследования именно такого рода случаев.

Эндрю опять помолчал, стиснув зубы.

— Луэллин посмотрел на меня, Крис, очень ласково и дружелюбно. «Вам незачем утруждать себя хождением в больницу, Мэнсон, — сказал он. — За больным теперь буду следить я. Мы не можем допустить, чтобы младшие врачи ходили по палатам... — он бросил взгляд на мои гамаша, — в своих подбитых гвоздями сапожищах». — И, перебивая сам себя, Эндрю отрывисто воскликнул: — Ну да к чему повторять то, что он сказал! Смысл всего этого таков, что я в своих грязных сапогах и плаще, с которого течет вода, могу ходить по кухням шахтеров, осматривать больных при керосиновой лампе, лечить их в скверных условиях, но когда

дело доходит до больницы — о, там я нужен только для того, чтобы давать наркоз!

Его прервал телефонный звонок. Кристин, сочувственно смотревшая на мужа, через минуту встала, чтобы подойти к телефону. Эндрю слышал, как она говорила в передней, затем вернулась в комнату очень смущенная.

— Это доктор Луэллин... Мне... мне очень неприятно тебе говорить, милый... Он просит тебя прийти завтра в одиннадцать часов... давать наркоз.

Эндрю ничего не ответил. Он сидел с убитым видом, подпирая голову сжатыми кулаками.

— Что же сказать ему, милый? — шепнула Кристин робко.

— Скажи, чтобы он убирался к черту! — закричал он. — Нет-нет, скажи, что я буду в больнице завтра, — он горько усмехнулся, — ровно в одиннадцать.

Воротясь в гостиную, она принесла ему чашку горячего кофе — одно из верных средств, обычно разгонявших его мрачное настроение.

Выпив кофе, он криво усмехнулся Кристин:

— Я так безмерно счастлив здесь с тобой, Крис. Если бы только работа моя шла на лад! Пожалуй, в том, что Луэллин не пускает меня в больницу, нет ничего необычайного и никакой личной неприязни ко мне. То же самое делается и в Лондоне и повсюду во всех больших клиниках. Такова система. Но с какой стати она такова, Крис? Почему врача лишают возможности лечить его больного, когда тот попадает в больницу? Он теряет возможность исследовать этот случай так же, как если бы потерял пациента. Это результат нашей проклятой системы «практикующих врачей», и это неправильно, неправильно от начала до конца! Боже мой, что это я вздумал читать тебе целую лекцию? Как будто у нас мало своих забот! Подумать только, в каком восторге я был, начиная работу здесь! Чего только я не собирался

делать! А вместо этого одна неприятность за другой, все пошло не так!

Но в конце недели к Эндрю явился неожиданный гость. Совсем поздно, когда они с Кристин собирались идти наверх спать, звякнул звонок у дверей. Это пришел Оуэн, секретарь Общества медицинской помощи.

Эндрю побледнел. Приход секретаря показался ему самым зловещим из всех событий за эти несчастливые месяцы борьбы. Не предложит ли ему комитет оставить службу? Неужели он будет уволен, выброшен с Кристин на улицу, как жалкий неудачник?

С упавшим сердцем посмотрел он на худое, застенчивое лицо секретаря, но тотчас же почувствовал радостное облегчение, когда Оуэн достал из кармана желтую карточку.

— Извините, что я пришел так поздно, доктор Мэнсон, но меня задержали в конторе, и я не успел зайти к вам в амбулаторию. Я хотел спросить, согласитесь ли вы взять к себе мою лечебную карточку? Ведь это странно, что я, секретарь Общества, до сих пор не потрудился прикрепиться к какой-нибудь амбулатории. В последний раз я обращался к врачу, когда ездил в Кардифф. Но теперь я буду вам очень благодарен, если вы согласитесь включить меня в списки ваших постоянных пациентов.

Эндрю с трудом заговорил. Ему так много уже пришлось отдать этих карточек — отдать скрепя сердце, — что *получить* карточку, и от самого секретаря, было чем-то ошеломляющим.

— Благодарю вас, мистер Оуэн, я.. я буду очень рад иметь вас в своем списке.

Кристин, стоявшая тут же в передней, торопливо вмешалась:

— Не зайдете ли, мистер Оуэн? Пожалуйста!

Секретарь хотя и протестовал, уверяя, что не хочет их беспокоить, но, казалось, был не прочь, чтобы его пригласили в гостиную. Сев в кресло у камина, он задумчиво

устремил глаза на огонь. Лицо его дышало удивительным спокойствием. Костюмом и говором он ничуть не отличался от обыкновенного рабочего, но этим созерцательным спокойствием и почти прозрачной бледностью кожи напоминал аскета. Несколько минут он, видимо, собирался с мыслями. Потом заговорил:

— Я рад, что имею случай потолковать с вами, доктор. Не падайте духом, если вначале вам трудно ладить с нашими рабочими. Они малость жестковаты, несговорчивы, но, в сущности, народ хороший. Присмотрятся — и начнут ходить к вам, начнут, вот увидите! — И, не дав Эндрю вставить ни слова, Оуэн продолжил: — Слышали насчет Тома Иванса? Нет? С его рукой совсем дело плохо. Да, это лекарство, против которого вы их предостерегали, сделало как раз то, чего вы боялись. Локоть ему скрючило, не разгибается, так что рука не действует, и из-за этого Том лишился работы в шахте. И так как он обварил руку не на работе, а дома, то ему не дали ни пенни компенсации.

Эндрю невнятной фразой выразил сожаление. Он не испытывал никакого злорадства, только грусть при мысли о несчастье, которое так легко можно было предотвратить.

Оуэн опять помолчал, потом тихим голосом начал рассказывать им о своих мытарствах в юности, о том, как он с четырнадцати лет стал работать в шахте, посещал вечернюю школу и постепенно «выходил в люди», научился печатать на машинке и стенографировать и в конце концов был назначен секретарем комитета.

Эндрю стало ясно, что этот рабочий посвятил всю жизнь делу улучшения участи своего класса. Оуэн был доволен работой в комитете, потому что она отвечала этим его стремлениям. Но он хотел, чтобы рабочие получали не одну только медицинскую помощь. Он мечтал о лучших жилищах для них, лучших санитарных условиях, о лучшей и более безопасной жизни не только для шахтеров, но и для их семей.

В разговоре с Эндрю он привел цифры смертности от родов среди жен шахтеров, детской смертности. Он помнил наизусть все цифры, был прекрасно осведомлен обо всех фактах.

Но он не только говорил, он умел слушать. Он улыбался, когда Эндрю рассказывал историю с канализационной трубой во время эпидемии тифа в Блэнелли. Он проявил живейший интерес к утверждению Эндрю, что рабочие антрацитовых копей более подвержены легочным заболеваниям, чем все другие, работающие под землей.

Воодушевленный вниманием Оуэна, Эндрю с большим пылом пустился в обсуждение этого вопроса. После долгих и усердных наблюдений он был поражен высоким процентом легочных заболеваний в самых коварных формах среди рабочих угольных копей.

В Блэнелли у множества бурильщиков, приходивших к нему с жалобами на кашель или на то, что у них «застряло немного мокроты в груди», на самом деле оказывался начальный и даже открытый туберкулезный процесс в легких. И то же самое он наблюдал здесь, в Эберло. Он задавал себе вопрос, нет ли прямой связи между этими заболеваниями и характером работы.

— Понимаете, что я хочу сказать? — говорил он с увлечением. — Эти люди работают целый день в пыли, вредной минеральной пыли, в забоях, и эта пыль набивается в их легкие. Я подозреваю, что она разъедает легочную ткань. Бурильщики, например, которые больше всего глотают пыль, заболевают чахоткой чаще, чем, скажем, откатчики. Конечно, может быть, я на неверном пути. Но мне думается, что я прав. И меня очень привлекает то, что эта область еще мало исследована. В официальной инструкции Министерства внутренних дел совершенно не упоминается о таком профессиональном заболевании. Когда рабочие угольных копей заболевают чахоткой, им не выплачивают ни единого пенни компенсации!

Оуэн встрепенулся, наклонился вперед, его бледное лицо загорелось от волнения.

— Боже мой, доктор, какие интересные вещи вы говорите! Давно не слышал ничего более интересного и важного!

Они начали оживленно обсуждать вопрос. Было уже поздно, когда секретарь собрался уходить. Извинившись, что так долго просидел у них, он горячо попросил Эндрю продолжать свои исследования, обещал ему помогать, чем только сумеет.

Дверь закрылась за Оуэном, но он оставил после себя впечатление большой теплоты и искренности. И как тогда, когда решался вопрос о его назначении в Эберло, Эндрю сказал себе: «Этот человек мне друг».

VII

Новость о том, что секретарь передал свою лечебную карточку доктору Мэнсону, быстро распространилась по участку и несколько приостановила рост непопулярности нового доктора.

Но, независимо от этой материальной выгоды, визит Оуэна ободрил и Эндрю, и Кристин. До сих пор они оставались как-то вне общественной жизни города. Хотя Кристин никогда об этом не говорила, но во время длительного отсутствия Эндрю, обходившего больных, бывали минуты, когда она остро ощущала свое одиночество. Супруги представителей высшей администрации были слишком полны сознанием собственного достоинства, чтобы посещать жен младших врачей. Миссис Луэллин, обещавшая вечную любовь и восхитительные поездки на автомобиле в Кардифф, оставила один раз, в отсутствие Кристин, визитную карточку, и больше о ней не было ни слуху ни духу. А жены доктора Медли и доктора Оксборроу из Восточной амбулатории были очень уж непривлекательны: одна — увядшая, напоминая белого кролика, другая — нудная святоша, которая в течение целых шестидесяти минут (по купленным у фирмы «Ридженси» дешевым часам) говорила о миссионерстве в Западной Африке. Было очевидно, что и между младшими врачами, и между их женами нет никакого единения и они не поддерживают знакомства. По отношению к городу они занимали позицию людей равнодушных, пассивных и даже угнетаемых.

В один декабрьский вечер Эндрю, возвращаясь домой в «Вейл Вью» верхней дорогой, на вершине холма увидел шедшего ему навстречу молодого человека своих лет, худого, но крепкого и подтянутого, в котором он сразу узнал Ричарда Вона. Первым его побуждением было перейти на другую сторону дороги и уклониться таким образом от встречи с этим человеком. Но в следующее мгновение он подумал упрямо: «А с какой стати? Мне решительно все равно, кто он такой».

Глядя в сторону, он собирался уже пройти мимо Вона, но, к его удивлению, услышал обращенный к себе оклик, дружелюбный и полшутливый:

— Привет! Вы, кажется, тот самый человек, который отправил Бена Ченкина обратно на работу?

Эндрю остановился, настороженно глядя на спрашивавшего, как будто говоря: «Ну и что из того? Я это сделал все не затем, чтобы тебе угодить». Отвечая Вону довольно вежливо, он мысленно говорил себе, что не позволит никому обращаться с собой покровительственно, хотя бы даже и сыну Эдвина Вона. Воны были фактическими владельцами всех предприятий в Эберло, получали все доходы от окрестных копей, занимали исключительное положение, были богаты и недосыгаемы. Теперь, когда старик Эдвин удалился на покой в свое имение близ Брекона, Ричард, его единственный сын, стал директором-распорядителем компании. Он недавно женился и выстроил себе большой дом в современном стиле, стоявший высоко над городом.

Теребя жидкие усики и рассматривая Эндрю, он сказал:

— Хотел бы я тогда полюбоваться на физиономию старого Бена!

— Мне она не показалась особенно забавной.

Губы Вона под прикрывавшей их рукой дрогнули в улыбке при этой вспышке шотландской заносчивости. Но он непринужденно произнес:

— Между прочим, вы наши ближайшие соседи. Моя жена — последние несколько недель ее здесь не было, она уезжала в Швейцарию — собирается навестить вашу. Ведь вы уже, верно, устроились окончательно?

— Благодарю, — ответил Эндрю и пошел дальше.

Вечером за чаем он в ироническом тоне рассказал об этой встрече Кристин.

— Что ему от меня нужно, как ты думаешь? Я раз видел, как он прошел по улице мимо Луэллина, едва удостоив его кивком. Может быть, он хотел меня задобрить, чтобы я почаще отсылал людей обратно на работу в его проклятые рудники!

— Да перестань, Эндрю! — возмутилась Кристин. — Всегда у тебя одно на уме. Ты недоверчиво, ужасно недоверчиво относишься к людям!

— Еще бы мне не относиться к нему недоверчиво! Надутое ничтожество, купается в деньгах, а носит старомодный галстук под своей противной физиономией. «Моя жена навестит вашу!» А эта жена отдыхала в Альпах, пока ты тут шлепала по свинской грязи на Марди-Хилл. Воображаю, какими глазами она стала бы осматривать все здесь у нас! А если она явится, — Эндрю вдруг рассвирепел, — смотри, не допускай покровительственного обращения с собой!

Крис ответила так лаконично и сухо, как никогда еще не отвечала ему за все эти первые месяцы неизменной нежности:

— Полагаю, что я умею держать себя.

Вопреки предсказаниям Эндрю, миссис Вон нанесла визит Кристин и оставалась у нее гораздо дольше, чем это требовали приличия. Когда вечером Эндрю вернулся домой, Кристин встретила его веселая, слегка покрасневшая, и видно было, что она очень приятно провела время. На его иронические расспросы она отвечала сдержанно, сказала только, что все вышло очень хорошо.

Эндрю дразнил ее:

— Ты, конечно, вынула все наше фамильное серебро, самый лучший фарфор, золотой самовар? Ну и конечно, торт от Перри!

— Нет. Я угощала ее хлебом с маслом, — отвечала она ему в тон. — И чаем из нашего закоптелого чайника.

Он насмешливо поднял брови:

— И ей это понравилось?

— Надеюсь, что да.

После этого разговора Эндрю испытывал странное чувство, в котором, при всем его желании, не способен был разобраться. Через два дня, когда миссис Вон позвонила ему по телефону и пригласила его и Кристин на обед, он растерялся. Кристин в это время на кухне пекла пироги, и говорить по телефону пришлось ему.

— Очень сожалею, — сказал он, — но боюсь, мы не сможем быть у вас. Я все вечера почти до девяти часов занят в амбулатории.

— Но по воскресеньям вы, конечно, свободны, — сказала она с очаровательной непринужденностью. — Так приходите ужинать в будущее воскресенье. Значит, решено. Мы вас ждем!

Он влетел в кухню и набросился на Кристин:

— Эти твои проклятые чванные друзья таки заставили меня принять приглашение на ужин! Но мы не можем идти! Я глубоко убежден, что в воскресенье мне что-нибудь помешает.

— Послушай, Эндрю Мэнсон! — У Кристин глаза сияли, потому что ее обрадовало приглашение, но она принялась сурово отчитывать мужа. — Пора тебе перестать глупить. Мы бедны, и это всем известно. Ты ходишь обтрепанный, а я сама стряпаю. Но это ничего не значит. Ты врач, и хороший врач к тому же, а я твоя жена. — Выражение ее лица на миг смягчилось. — Ты меня слушаешь? Да, может быть, тебя

это удивит, но у меня имеется в комодке брачное свидетельство. Воны страшно богаты, но это мелочь по сравнению с тем, что они милые, обаятельные и культурные люди. Мы с тобой очень счастливы здесь вдвоем, мой друг, но должны же мы иметь каких-нибудь знакомых. Почему нам не познакомиться с ними поближе, раз они этого хотят? Нечего тебе стыдиться нашей бедности. Забудь о деньгах и о положении в обществе и обо всяких таких вещах, научись ценить в людях то, что в них ценно.

— Да будет тебе!.. — недовольно пробурчал он.

В воскресенье он отправился с ней к Вонам с безучастным видом, внешне покорно, и только когда они поднимались по хорошо вымощенной дорожке мимо новой теннисной площадки, он заметил сквозь зубы:

— Наверное, не примут нас, увидев, что я не в смокинге.

Вопреки его ожиданиям, их приняли очень хорошо. Худое, некрасивое лицо Вона радушно улыбалось им поверх серебряной чайницы, которую он, неизвестно зачем, быстро вертел в руках. Миссис Вон приветствовала их с непринужденной простотой. За столом оказались и другие гости — профессор Чэллис и его жена, приехавшие к Вонам на два свободных дня — субботу и воскресенье.

За первым в его жизни коктейлем Эндрю оглядывал длинную, устланную светло-коричневым ковром комнату, полную цветов, книг, красивой мебели. Кристин весело разговаривала с Вонами и миссис Чэллис, пожилой дамой с забавными морщинками вокруг глаз. Оказавшись в одиночестве и не желая обращать на себя внимание, Эндрю нерешительно подсел к Чэллису, который, несмотря на почтенную седую бороду, весело доканчивал третью порцию крепкого мартини.

— Не желаете ли, молодой медик, заняться одним исследованием? — улыбаясь, обратился он к Эндрю. — Следует выяснить назначение оливок в мартини. Имейте в виду,

я вас заранее предупреждаю, что у меня уже есть на этот счет кое-какие предположения, но каково ваше мнение, доктор?

— Я... я, право, не знаю, — пробормотал Эндрю.

— Моя теория заключается вот в чем, — пришел ему на помощь Чэллис. — Тут заговор торговцев и таких негостеприимных хозяев, как наш друг Вон. Использован закон Архимеда. — Он быстро замигал под густыми черными бровями. — Путем простого вытеснения они рассчитывают сэкономить джин!

Эндрю не смеялся, угнетенный сознанием своей неотесанности. Он не отличался светскими талантами и никогда в жизни не был в таком богатом доме. Он не знал, что делать с пустым стаканом, куда девать пепел с сигареты, а главное — собственные руки. Он был рад, когда наконец сели ужинать. Но и тут он чувствовал, что производит невыгодное впечатление.

Ужин был простой, но прекрасно приготовлен и сервирован. На тарелке у каждого уже стояла чашка горячего бульона, за ней последовал салат из цыплят, латука и каких-то незнакомых острых приправ. Эндрю сидел рядом с миссис Вон.

— У вас очаровательная жена, доктор Мэнсон, — заметила она тихо, когда они сели.

Миссис Вон была высокая, тоненькая, элегантная женщина, очень хрупкая на вид, совсем некрасивая, но с большими умными глазами и с изысканно простыми манерами. Ее подвижный рот с приподнятыми уголками свидетельствовал о живом уме и утонченности.

Она заговорила с Эндрю о его работе, сказав, что мужу много рассказывали о его добросовестности. Она любезно старалась втянуть его в разговор, спрашивала с интересом, как, по его мнению, можно было бы улучшить условия работы врачей в городе.

— Как вам сказать... я, право, не знаю... — Он от смущения пролил суп. — Мне думается... Я бы хотел, чтобы работа велась более научными методами.

Даже любимая тема не развязала ему язык, а ведь он часами с увлечением говорил об этом Кристин! Он не поднимал глаз от тарелки, пока наконец, к его облегчению, миссис Вон не вступила в разговор с Чэллисом, сидевшим по другую сторону от нее.

Чэллис, который, как выяснилось, был профессором металлургии в Кардиффе, читал лекции по тому же предмету в Лондонском университете и состоял членом Горнозаводского комитета патологии труда, был веселый говорун. Он разговаривал всем телом, руками, бородой, спорил, громко хохотал или смеялся журчащим смехом и в то же время забрасывал в себя большие порции еды и питья, как истопник, лихорадочно разводящий пары. Но говорил он хорошо, и все остальные, видимо, слушали его с удовольствием. Один лишь Эндрю не принимал участия в беседе, неодобрительно слушая то, что говорили о музыке, о достоинствах Баха, а затем, благодаря привычке Чэллиса перескакивать от одной темы к другой, о русской литературе. Имена Толстого, Чехова, Тургенева, Пушкина упоминались так часто, что они набили ему оскомину. «Чепуха какая-то, — злился он про себя, — сплошная, никому не нужная чепуха... Что воображает о себе этот старый бобер? Посмотрел бы я, как он, скажем, сделал бы трахеотомию в какой-нибудь грязной кухне на Сифен-роу. Немного бы ему там помог его Пушкин!»

Кристин от души наслаждалась. Поглядывая на нее украдкой, Эндрю видел, как она улыбалась Чэллису, слышал, как она принимала участие в разговоре. Она держала себя очень естественно, без всякого жеманства и претенциозности. Раза два упомянула вскользь о городской школе, в которой она преподавала. Эндрю удивился, слыша, как толково она спорила с профессором, как быстро, без всякой

самонадеянности приводила свои доводы. Жена его начала представляться ему в новом свете, он словно в первый раз увидел ее. «Она, оказывается, хорошо знает всех этих русских писак, а со мной почему-то никогда о них не говорит!» — с огорчением думал он. А когда Чэллис одобрительно погладил руку Кристин, он возмутился: «Почему это старое чучело не может держать свои лапы при себе! Что, у него своей жены нет, что ли?»

Раз-другой он уловил обращенный на него взгляд Кристин, интимно-дружеский, точно предлагавший ему обменяться впечатлениями, и несколько раз она пыталась придать разговору такой оборот, чтобы Эндрю мог принять в нем участие.

— Мой муж очень интересуется рабочими антрацитовых копей, профессор. Он занялся исследованиями, связанными с вдыханием угольной пыли.

— Так-так, — сказал, отдуваясь, Чэллис, с интересом посмотрев на Мэнсона.

— Правда, мой друг? — продолжала Кристин поощрительным тоном. — Помнишь, ты на днях говорил об этом.

— Все это еще мне самому не ясно, — проворчал Эндрю. — Вероятно, ничего не добьюсь. У меня еще недостаточно данных. Может быть, они заболевают туберкулезом вовсе не от угольной пыли.

Он, разумеется, ужасно злился на себя. Ведь этот Чэллис мог быть ему полезен. Он, конечно, не стал бы просить его помощи в самой работе, но уже одно то, что Чэллис — член Горнозаводского комитета, открывало большие возможности. И, непонятно почему, гнев Эндрю обратился на Кристин. Когда они в конце вечера шли домой в «Вейл Вью», он всю дорогу сердито молчал. Все так же безмолвно прошел впереди Кристин в спальню и, когда они раздевались, старался не смотреть на жену, тогда как обычно они в это время весело делились впечатлениями, и он с расстегнутыми

болтавшимися подтяжками и зубной щеткой в руке стоял перед Кристин, рассказывая подробно обо всем, что делал днем.

Когда Кристин спросила умоляющим тоном: «Правда, сегодня было весело, милый?» — он ответил очень вежливо: «О да, отлично провели вечер».

Улегшись в постель, он отодвинулся на самый край, подальше от Кристин, и когда почувствовал, что она сделала легкое движение по направлению к нему, притворным храпом, долгим и громким, остановил ее.

На следующее утро эта натянутость между ними все еще не исчезла. Эндрю ушел на работу угрюмый, на себя не похожий. Около пяти, когда они сидели за чаем, у дверей раздался звонок. Это шофер Вона привез целую пачку книг и большой букет нарциссов «павлиний глаз».

— От миссис Вон, — сказал он, улыбаясь, и ушел, дотронувшись до своей остроконечной шапочки.

Кристин воротилась в гостиную, обеими руками неся книги и цветы. Лицо ее пылало.

— Смотри, милый! — воскликнула она взволнованно. — Ну, не мило ли с ее стороны? Прислала мне всего Троллопа. Мне всегда хотелось познакомиться получше с его сочинениями. И какие чудесные цветы!

Эндрю встал и сказал с холодной насмешкой:

— Прелестно! Цветы и книги от супруги феодала! И присланы, я полагаю, для того, чтобы немного усладить тебе жизнь со мной! Я для тебя слишком скучный муж! Я не принадлежу к тем блестящим краснобаям, которые тебе, видимо, так пришлись по душе вчера. Я только самый обыкновенный, рядовой младший врач, будь оно все проклято!

— Эндрю! — Вся краска сбежала с лица Кристин. — Как тебе не стыдно!

— А что, не правда? Я все отлично видел, пока сидел остолопом за этим проклятым ужином. У меня глаза есть.

Я вижу, что я тебе уже надоел. Я гожусь только на то, чтобы целый день шлепать по грязи, заглядывать под грязные одеяла да набирать блох. Теперь тебе уже не по вкусу такой неотесанный деревенщина, как я!

Глаза Кристин, полные жалости, темнели на бледном лице. Но она сказала ровным голосом:

— Как ты можешь говорить такие вещи! Я оттого и люблю тебя, что ты такой, какой есть. И никогда никого другого не полюблю.

— Так я тебе и поверил! — огрызнулся Эндрю и вышел, хлопнув дверью.

Целых пять минут он укрывался в кухне, шагая из угла в угол и кусая губы. Потом резко повернулся, бросился в гостиную, где Кристин стояла, в отчаянии поникнув головой и рассеянно глядя в огонь. Он налетел на нее, как безумный, и обнял ее.

— Крис, родная! — прокричал он в пылком раскаянии. — Милая ты моя! Прости меня! Ради бога, прости. Все, что я говорил, только слова, я этого не думаю. Я просто-напросто сумасшедший ревнивый осел. Я тебя обожаю!

Они порывисто, крепко обнялись. В комнате пахло нарциссами.

— Разве ты не знаешь, что я бы умерла без тебя? — всхлипывала Кристин.

Потом, когда она сидела, прижимаясь щекой к его щеке, он, потянувшись за книгой, спросил сконфуженно:

— А кто такой, собственно, этот малый... Троллоп? Ты бы мне объяснила, родная. Я ведь невежественный болван!

VIII

Прошла зима. Эндрю всю зиму занимался новой работой — своими исследованиями результатов вдыхания каменноугольной пыли, которые он начал с систематического наблюдения за состоянием здоровья всех шахтеров угольных копей, состоявших в списке его пациентов. Вечера они с Кристин проводили вдвоем и были счастливее прежнего. Кристин помогала ему переписывать заметки, сидя у веселого огня камина (единственной привилегией врачей этого района было то, что у них всегда имелся большой запас дешевого угля), когда он возвращался с вечернего приема в амбулатории. Они часто вели долгие беседы, и во время этих бесед Эндрю просто поражался образованности и начитанности Кристин, хотя она никогда не выставляла их напоказ. Кроме того, он только теперь разглядел в ней ту утонченность инстинктов, ту внутреннюю интуицию, благодаря которой она так хорошо разбиралась в литературе, в музыке, так верно судила о людях.

— Черт побери, а ведь я только теперь начинаю узнавать свою жену! — говорил он шутливо. — Чтобы ты не слишком возгордилась, мы сейчас урвем полчаса на пикет, и я тебя обыграю. — Играть в пикет они научились у Вонов.

Когда дни стали длиннее, Кристин, ничего не говоря мужу, принялась расчищать сад вокруг дома. У Дженни, их служанки, имелся один-единственный родственник, которым она весьма гордилась, — старый инвалид-шахтер. И он за плату в десять пенсов в час согласился помогать Кристин.

Однажды в мартовский день, переходя через ветхий мостик, Мэнсон увидел их внизу у ручья, где они энергично штурмовали засорявшие его груды ржавых консервных банок.

— Эй, вы, там, внизу! — крикнул он с мостика. — Что вы делаете? Распугаете мне всю рыбу!

Кристин в ответ на его насмешки только тряхнула головой:

— Погоди, увидишь!

Через две-три недели вся сорная трава была выполота, запущенные дорожки расчищены. Дно ручейка было чисто, берега приведены в порядок. У входа в долину из валявшихся вокруг камней были сложены искусственные скалы. Садовник Вонов Джон Робертс часто приходил в «Вейл Вью», принося луковицы и черенки, давая советы. Кристин с настоящим торжеством привела Эндрю за руку к клумбам, чтобы показать первый нарцисс.

В последнее воскресенье марта неожиданно, без предупреждения, приехал их навестить Денни. Они приняли его с распростертыми объятиями, осыпав градом восторженных приветствий. Видеть опять эту приземистую фигуру, это красное лицо со светлыми бровями доставляло Мэнсону истинную радость. Показав ему свои владения, накормив всем, что только у них имелось, они усадили его в самое мягкое кресло и настойчиво потребовали новостей.

— Пейджа уже нет, — сообщил Денни. — Бедняга умер месяц тому назад, после второго кровоизлияния. И хорошо сделал, что умер. — Он достал свою трубку, щуря глаза с привычным выражением циничной насмешки. — А Блодуэн и ваш приятель Рис, по-видимому, намерены сочетаться законным браком.

— Подходящая пара, — сказал Эндрю с необычной для него горечью. — Бедный Эдвард!

— Да, Пейдж был славный малый. Хороший старый врач-практик, — сказал задумчиво Денни. — Вы знаете, я ненавижу самое это название и все, что с ним связано. Но Пейдж делал честь своей профессии.

Наступило молчание. Все трое думали об Эдварде Пейдже, который все те годы тяжелого труда, что он провел в Блэнелли, среди куч шлака, мечтал о Капри, о его птицах и жарком солнце.

— А у вас какие планы, Филип? — наконец спросил Эндрю.

— Право, еще не знаю... Я что-то заскучал, — сухо усмехнулся Денни. — В Блэнелли все кажется иным с тех пор, как вы оба оттуда сбежали. Пожалуй, прокачусь за границу. Поищу места судового врача, если только меня захочет взять какой-нибудь паршивый грузовой пароходишко.

Эндрю молчал, опечаленный мыслью о том, что этот способный человек, подлинно талантливый хирург, сознательно тратит понапрасну свою жизнь, с каким-то садизмом разрушая самого себя. Но действительно ли жизнь его разрушена? Кристин и Эндрю часто говорили о Филипе, пытаясь разрешить эту загадку. Они слышали, что Денни был женат на женщине, принадлежавшей к более высокому кругу, чем он, и она пыталась заставить его приспособиться к условиям врачебной практики в той среде, где не создашь себе репутации, делая блестящие операции четыре дня в неделю, если не будешь охотиться остальные три дня. После того как Денни ради жены пять лет терпел эту жизнь, она отплатила ему тем, что бросила его ради случайной связи с другим. Неудивительно, что Денни зарылся в глуши, презирал условности и ненавидел ортодоксальный уклад жизни. Но, может быть, наступит день, когда он вернется к нормальной жизни.

Они проговорили до вечера, и Филип остался до последнего поезда. Он с интересом слушал рассказ Эндрю об условиях работы в Эберло. Когда Эндрю, негодуя, заговорил о вычетах из заработка младших врачей в пользу Луэллина, сказал со странной усмешкой:

— Думаю, вы недолго будете с этим мириться.

После отъезда Филипа Эндрю день за днем все более чувствовал, что ему чего-то не хватает, что в работе его есть

какой-то непонятный пробел. В Блэнелли рядом был Филип, и он постоянно ощущал крепкую связь с ним, их объединяло общее дело. В Эберло же у него ни с кем не было такой связи, не было товарищеского единения с другими врачами.

Доктор Уркхарт, его коллега по Западной амбулатории, несмотря на бурный характер, был человек приятный. Но он был стар, жил просто, работал без капли воодушевления. Правда, благодаря долгому опыту он, по его собственному выражению, «чувял воспаление легких, как только сунет нос в комнату больного», очень ловко накладывал гипс или лубки и был большой мастер вскрывать нарывы. Правда, иногда он любил блеснуть умением делать небольшие операции, тем не менее во многих отношениях был человек отсталый. Эндрю находил, что он типичный представитель добрых старых домашних врачей, как называл их Денни, проникательных, добросовестных, опытных, обожаемых пациентами и широкой публикой, но в течение двадцати лет не открывавших ни единой медицинской книги и почти опасных своей отсталостью. Эндрю всегда готов был потолковать с Уркхартом о деле, но у старика не было на это времени. По окончании рабочего дня он съедал свой суп из консервов — любимым его блюдом был томатный суп, — начищал наждаком новую скрипку, осматривал свой фарфор, потом тащился в клуб масонов играть весь вечер в шашки и курить трубку.

Оба врача Восточной амбулатории также внушали мало доверия. Доктор Медли, старший из них, человек лет пятидесяти, с умным и выразительным лицом, был глух как пень. Если бы не это несчастье, над которым пошляки почему-то всегда потешаются, Чарльз Медли достиг бы гораздо большего, чем должность младшего врача в глуши Уэльса. Он, как и Эндрю, интересовался главным образом внутренними болезнями. Диагност он был замечательный. Но когда пациенты разговаривали с ним, он не слышал ни слова. Разуме-

ется, он научился понимать их по движению губ. Но он был очень робок, так как часто при этом делал пресмешные ошибки. Мучительно было видеть, как его полные тревоги глаза с отчаянно-вопросительным выражением непрерывно следили за движением губ того, кто обращался к нему. Он так боялся сделать серьезную ошибку, что прописывал лекарства в самых ничтожных дозах. Жилось ему трудно, так как взрослые дети требовали и забот, и больших расходов, и он, как и его увядшая жена, превратился в беспомощное, странно трогательное существо, трепетавшее перед доктором Луэллином и комитетом, жившее в вечном страхе, что его вдруг лишат места.

Второй врач, Оксборроу, человек совершенно другого склада, чем бедный Медли, меньше нравился Эндрю. Оксборроу был высокий, рыхлый мужчина с толстыми пальцами и шумной показной сердечностью. Эндрю часто думал, что, будь у Оксборроу больше крови в жилах, из него бы вышел отличный букмекер. Как бы там ни было, а Оксборроу в сопровождении жены, игравшей на переносном гармонiuме, отправлялся каждое воскресенье в ближайший городок Фернли (делать это в Эберло ему запрещал этикет), там, посреди базара, ставил свою небольшую, покрытую ковриком кафедру и открывал религиозное собрание. Оксборроу был евангелист и, увы, невероятно чувствителен. Он вдруг начинал рыдать и молиться так, что приводил окружающих в смятение. Раз, присутствуя при трудных родах, перед которыми оказалось бессильным его искусство, он внезапно повалился на колени у постели роженицы и стал молить Бога сотворить чудо с бедной женщиной. Об этом случае рассказал Эндрю ненавидевший Оксборроу доктор Уркхарт, который, приехав вовремя, ввалился в комнату к больной прямо в сапогах и помог ей благополучно разрешиться, пустив в ход щипцы.

Чем больше Эндрю узнавал своих товарищей и систему их работы, тем сильнее желал объединить их. Между ними

до сих пор не было никакой общности интересов, никакого чувства товарищества, и отношения были далеко не дружеские. Они были просто-напросто конкурентами, и такая точно конкуренция существовала между практикующими врачами по всей стране: каждый стремился перетянуть к себе как можно больше пациентов. Нескрываемая подозрительность и вражда часто бывали результатом такого положения вещей. Эндрю, например, видел, как Уркхарт, когда какой-нибудь пациент доктора Оксборроу переходил к нему и приносил ему свою лечебную карточку, брал из рук пациента полувыпитую бутылку с микстурой, открывал ее, нюхал и с презрительной миной заявлял:

— Так этим вас лечил Оксборроу? Черт возьми! Да он вас медленно отравляет!

Младшие врачи враждовали между собой, а Луэллин тем временем преспокойно вычитал свою долю из каждой их полочки. Эндрю кипел негодованием и жаждал создать новый порядок, объединить младших врачей, чтобы они дружно отказались платить Луэллину. Но личные его заботы, сознание, что он здесь человек новый, а главное — воспоминание о всех тех промахах, которые он уже сделал вначале на своем участке работы, побуждали его быть осторожным, и, только познакомившись с Коном Болендом, он собрался сделать решительный шаг.

IX

Как-то в начале апреля Эндрю обнаружил у себя больной зуб и на следующей неделе, урвав свободный час, отправился разыскивать зубного врача Общества медицинской помощи. Он еще ни разу не встречался с Болендом и не знал, в какое время тот принимает. Когда он пришел на площадь, где находилась маленькая приемная Боленда, то нашел дверь запертой, и на ней была приколота бумажка с надписью красными чернилами: «Ушел на операцию. В случае спешной надобности обращаться на квартиру». После минутного раздумья Эндрю решил, раз он уже здесь, зайти к Боленду хотя бы для того, чтобы уговориться относительно лечения зуба. Расспросив по дороге компанию молодых людей, празднично болтавшихся у входа в лавку мороженщика, он отправился к Боленду.

Зубной врач жил в маленьком коттедже, стоявшем несколько в стороне, в высоко расположенном предместье восточной части города. Подходя к дому по запущенной дорожке, Эндрю услышал громкий стук молотка и, заглянув в открытую настежь дверь ветхого деревянного сарая, приютившегося сбоку у самого дома, увидел рыжего плотного мужчину без пиджака, который с молотком в руке энергично атаковал разобранный кузов автомобиля. Он заметил Эндрю в то самое мгновение, когда тот увидел его.

— Привет! — крикнул он.

— Привет! — откликнулся Эндрю чуточку выжидательно.

— Вам кого?

— Я хотел сговориться с зубным врачом насчет того, когда прийти лечиться. Я доктор Мэнсон.

— Входите, — сказал рыжий, приветственно помахивая молотком. Это и был Боленд.

Эндрю вошел в сарай, загроможденный частями невероятно древнего автомобиля. Посредине стоял кузов, поставленный на деревянные ящики из-под яиц и распиленный на две части. Эндрю поглядел сначала на эту необычайную картину, затем на Боленда:

— Так вот на какую операцию вы ушли из амбулатории?

— Совершенно верно, — подтвердил Кон. — Когда я не расположен принимать больных, то забираюсь к себе в гараж, чтобы повозиться немножко с моим автомобилем.

Он говорил с резким ирландским акцентом, а слова «гараж» (так он называл свой полуразвалившийся сарай) и «автомобиль» (это относилось к уже окончательно развалившемуся кузову) произносил с явной гордостью.

— Вы ни за что не угадаете, чем я сейчас занят, — продолжал он, — разумеется, если вы не такой же механик-любитель, как я. Этот автомобильчик служил мне пять лет, а куплен был тоже уже не новый, после трехлетней службы. Вы, пожалуй, не поверите сейчас, когда он в таком растерзанном виде, но уверяю вас, он мчится как заяц. Только он слишком мал, знаете ли, слишком мал для моей семьи. Так что я хочу сделать его побольше. Видите, я распилил его как раз посредине и вставлю кусок шириной в добрых два фута. Погодите, когда все будет готово, тогда увидите, Мэнсон. — Кон потянулся за своей курткой. — Он будет у меня такой длины, что в нем поместится целый полк. Ну, пойдёмте в амбулаторию, я запломбирую ваш зуб.

В своем кабинете, где царил почти такой же беспорядок, как в «гараже», и, надо прямо сказать, почти такая же грязь, Кон запломбировал Эндрю зуб, не переставая все время болтать. Кон говорил так много и с такой живостью, что на его косматых рыжих усах всегда пузырилась слюна. Копна

его каштановых волос, сильно нуждавшихся в стрижке, непрестанно лезла Эндрю в глаза, когда Кон наклонялся над ним, пломбуя ему зуб серебряной амальгамой, которую держал под ногтем жирного пальца. Он даже не потрудился вымыть руки — такими пустяками Кон не занимался. Это был беспечный, добродушный малый, стремительная и широкая натура. Чем больше Эндрю впоследствии узнавал Кона, тем больше его пленяли в нем юмор, простодушие, необузданность и непрактичность. Прожив шесть лет в Эберло, Кон не отложил ни единого пенни. Зато он извлекал из жизни массу удовольствия. Он был помешан на механике, постоянно возился с какими-то частями машин и боготворил свой автомобиль. То, что Кон являлся обладателем автомобиля, уже само по себе было курьезом. Но Кон любил шутки, даже если они были направлены против него самого. Он рассказывал Эндрю об одном случае, когда его позвали к видному члену комитета рвать зуб; он отправился туда в полной уверенности, что положил в карман щипцы, и вдруг оказалось, что он сунул в рот больного не щипцы, а шестидюймовый гаечный ключ.

Окончив пломбировать, Кон бросил инструменты в банку от варенья, наполненную лизолом (таково было его легкомысленное представление об асептике), и потребовал, чтобы Эндрю пошел к нему пить чай.

— Пойдемте, — радушно уговаривал он. — Надо же вам познакомиться с моим семейством. И мы придем как раз к чаю. Сейчас ровно пять.

Семейство Кона действительно было занято чаепитием, когда они пришли. В доме, очевидно, все привыкли к странностям Кона и не смутились, когда он неожиданно привел к чаю незнакомого человека. В теплой неприбранной комнате миссис Боленд сидела во главе стола, кормя грудью ребенка. Рядом с ней — Мэри, пятнадцатилетняя дочь, тихая, застенчивая. «Единственная брюнетка в семье и папина любимица» — так представил ее Кон. Мэри уже служила секретарем в конторе Джо Ларкинса, букмекера на площади,

и получала приличное жалованье. Кроме Мэри, имелся еще Теренс, двенадцати лет от роду, и трое младших, которые вертелись тут же и криками старались обратить на себя внимание отца.

Все семейство, за исключением, может быть, одной только застенчивой и робкой Мэри, отличалось беззаботной веселостью, очаровавшей Эндрю. Кажется, сама комната говорила на сочном ирландском жаргоне. Над камином, под раскрашенным портретом папы Пия X, за который воткнута была пальмовая ветвь, сушились на веревке пеленки малыша. Нечищенная клетка, в которой заливалась канарейка, стояла на шкафу, подле свернутого в трубку корсета миссис Боленд (она для удобства сняла его перед чаем) и надорванного пакета сухарей. Шесть бутылок портера, только что принесенных из лавки, выстроились на комод; рядом лежала флейта Теренса. А по углам валялись сломанные игрушки, непарные башмаки, один заржавленный конек, японский зонтик, два слегка потрепанных молитвенника и номер журнала «Фото».

Во время чая Эндрю, как зачарованный, смотрел на миссис Боленд — он просто глаз от нее не мог отвести. Бледная, безмятежная, с мечтательным взглядом, она сидела молча, поглощая чашку за чашкой крепкий до черноты чай, в то время как дети вокруг нее ссорились из-за каких-то пустяков, а младенец, не стесняясь, сосал полную грудь, утоляя голод. Она улыбалась, кивала, нарезала детям хлеб, наливала чай, пила сама и кормила ребенка — все это с той же рассеянной кротостью. Казалось, годы шума, грязи, унылых будней и необузданность Кона в конце концов привели ее в состояние блаженного безумия, в котором она замкнулась, от всего отрешенная, неуязвимая. Эндрю чуть не опрокинул свою чашку, когда она вдруг, глядя поверх его головы, обратилась к нему мягким, извиняющимся голосом:

— Я собиралась навестить миссис Мэнсон, доктор, но я всегда так занята...

— О господи! — Кон так и покатился со смеху. — Занята, подумаешь! У нее нет нового платья — вот из-за чего она не пошла. Деньги на платье были у меня отложены, но для Теренса или кого-то из остальных понадобилось купить башмаки. Ничего, мать, не унывай, вот увеличу наш автомобиль и отвезу тебя к миссис Мэнсон с шиком, как полагается. — Он повернулся к Эндрю и сказал с подкупающей простотой: — Туговато нам приходится, Мэнсон. Это черт знает что! Жратвы, слава богу, хватает, но насчет тряпья плохо. Комитетчики наши — народ скупой. Ну и, разумеется, главный отнимает свою долю.

— Кто? — спросил Эндрю с удивлением.

— Луэллин. Он берет у меня пятую часть моего заработка, так же как и у всех вас.

— Господи, но за что?

— Ну... я иногда обращаюсь к нему за советом. За те шесть лет, что я здесь, он раза два вырезал моим пациентам зубную кисту. И когда нужен рентгеновский снимок, он является экспертом. Но, конечно, это гнусно с его стороны!

Семейство Кона высыпало в кухню поиграть, так что он мог говорить свободно.

— Чванится своим большим лимузином. Эта проклятая штука у него вся раскрашена. Знаете, Мэнсон, раз я вслед за ним поднимался на Марди-Хилл в своем автобусике, и вздумалось мне его обогнать. Черт возьми, вам надо было видеть его физиономию, когда пыль от моего автомобиля поднялась перед его носом!

— Послушайте, Боленд, — быстро сказал Эндрю, — эти вычеты в пользу Луэллина — возмутительный грабеж. Почему мы не боремся с этим?

— Что?

— Почему нам не восстать против этого? — повторил Эндрю громче. В нем уже закипела кровь. — Это дьявольски несправедливо! Мы боремся с нуждой, хотим пробить себе дорогу... Слушайте, Боленд, вы как раз такой человек,

какого я искал. Согласны вы в этом деле меня поддержать? Давайте примемся за остальных врачей. Общими силами попробуем.

В глазах Кона медленно разгорался огонек.

— То есть вы хотите выступить против Луэллина?

— Да.

Кон внушительным жестом протянул руку.

— Мэнсон, дружище, мы выступаем вместе, — объявил он важно.

Эндрю примчался домой к Кристин окрыленный, жаждущий боя.

— Крис! Крис! Я нашел настоящую жемчужину! Рыжий дантист, прямо сумасшедший человек... да-да, такой же сумасшедший, как я. Знал, что ты это сейчас скажешь. Но послушай, девочка, мы поднимаем восстание! — Он весело захохотал. — О господи! Если бы старый Луэллин только знал, какой ему готовится сюрприз!

Эндрю не нуждался в предостережении Кристин, чтобы быть осмотрительным. Он и сам решил на этот раз действовать осторожно. Поэтому он начал с того, что на следующий день отправился к Оуэну.

Секретарь выслушал его с интересом и сочувствием. Он сказал, что вычеты делались по добровольному соглашению между старшим врачом и младшими. Все это комитета не касается.

— Видите ли, доктор Мэнсон, — заключил Оуэн, — доктор Луэллин человек очень дельный и врач высокой квалификации. Мы считаем большой удачей то, что он у нас работает, но он получает от нашего Общества достаточно крупное вознаграждение за обязанности старшего врача. Это только вы, его помощники, считаете, очевидно, что ему следует еще доплачивать...

«Черта с два мы это считаем!» — подумал Эндрю.

Он ушел от Оуэна довольный, позвонил Оксборроу и Медли, убедил их прийти к нему в тот же вечер. Уркхарт

и Боленд еще раньше обещали прийти. Из прежних разговоров Эндрю знал, что всех четверых возмущает необходимость отдавать пятую часть заработка. Если он их объединит, дело сделано.

Следующим его шагом был разговор с Луэллином. Поразмыслив, он решил, что следует честно предупредить Луэллина заранее, а не действовать тайком за его спиной. Днем ему пришлось быть в больнице на операции, где он давал наркоз. Наблюдая, как Луэллин делает длительную и сложную операцию брюшной полости, он не мог подавить в себе невольное восхищение. Оуэн был совершенно прав: Луэллин изумительно способный человек, и не только способный, но и гибкий, многосторонний. Он являлся тем исключением, тем единственным исключением, которое — как сказал бы Денни — подтверждает правило. Ничто от него не ускользало, ничто его не смущало. Начиная от обязанностей санитарного надзора, все правила которого он знал наизусть, и кончая новейшей техникой рентгенологии, — весь круг его многочисленных обязанностей Луэллин выполнял с полным знанием дела.

После операции, когда Луэллин мыл руки, Эндрю подошел к нему, нетерпеливо сдергивая с себя халат.

— Извините, доктор Луэллин, но мне хочется вам сказать, что я следил, как вы вырезали эту опухоль. Замечательная работа!

Смуглое лицо Луэллина покраснело от удовольствия. Он слащаво улыбнулся:

— Очень рад, что вы так думаете, Мэнсон. К слову сказать, и вы все больше совершенствуетесь в искусстве перфорирования.

— Нет-нет, — пробормотал Эндрю, — я никогда не сумею этого делать как следует.

Последовала пауза. Луэллин продолжал намыливать руки. Эндрю, стоя сбоку, нервно откашлялся. Теперь, когда

наступило время, он чувствовал, что не может заговорить. Но все же заставил себя. И выпалил, не переводя дыхания:

— Доктор Луэллин, вот что я нахожу нужным вам сказать... Все мы, ваши помощники, считаем неправильными эти вычеты из нашего заработка в вашу пользу. Мне неприятно говорить вам это, но я... я намерен их убедить отказаться... Сегодня все соберутся у меня. Я предпочитаю, чтобы вы узнали об этом раньше, а не после нашего решения. Я... я бы желал, чтобы вы приняли во внимание, что я во всяком случае честно поступил в отношении вас.

Не дав Луэллину времени ответить и не глядя ему в лицо, Эндрю круто повернулся и вышел из операционной. «Как нехорошо это у меня вышло», — думал он. Но как бы там ни было, а он сказал то, что нужно. Когда они предъявят Луэллину ультиматум, тот не сможет обвинить его, Эндрю, в том, что он нанес ему удар в спину.

Собрание в «Вейл Вью» назначено было на девять часов вечера. Эндрю принес из погреба несколько бутылок пива и попросил жену приготовить сэндвичи. Сделав это, она накинула пальто и ушла к Вонам. А Эндрю в нетерпении ходил по передней, собираясь с мыслями. Наконец гости явились: первым Боленд, за ним Уркхарт, а Оксборроу и Медли вошли вместе.

В гостиной, разливая по стаканам пиво и угощая гостей сэндвичами, Эндрю пытался установить сердечный тон.

Именно потому, что он едва выносил доктора Оксборроу, он обратился к нему первому:

— Пейте, Оксборроу. В погребе найдется еще.

— Спасибо, Мэнсон. — Голос евангелиста звучал сухова-то. — Я не употребляю алкоголя ни в каком виде. Это против моих принципов.

— Господи, Твоя воля! — сказал Кон сквозь пену на усах.

Начало не предвещало ничего доброго. У Медли, жевавшего сэндвичи, глаза все время были настороже, лицо же сохраняло застывшее выражение тревоги, как у всех глухих. Но пиво уже начинало разогревать природную воинствен-

ность Уркхарта. В течение нескольких минут он пристально смотрел на Оксборроу и вдруг выпалил:

— Раз я уже нахожусь и в вашем обществе, доктор Оксборроу, быть может, вы найдете возможным объяснить мне, каким образом Тюдор Эванс с Глин-террас, номер семнадцать, попал из моего списка в ваш?

— Что-то не припоминаю такого больного, — хладнокровно сказал Оксборроу, соединяя кончики пальцев.

— Зато я помню! — разразился Уркхарг. — Это один из тех больных, которых вы у меня украли, ваше медицинское преподобие! И больше того...

— Господа! — закричал в ужасе Эндрю. — Позвольте! Позвольте! Как же мы сможем добиться чего-нибудь сообщая, если будем ссориться между собой? Не забывайте, зачем мы здесь собрались.

— А зачем, собственно, мы здесь собрались? — спросил Оксборроу капризно. — Мне нужно к больному

Эндрю, с серьезным и напряженным выражением лица, стоя на коврик перед камином, пытался овладеть положением.

— Вот в чем дело, господа. — Он тяжело перевел дух. — Я самый молодой из вас и работаю здесь недавно, но я надеюсь, что вы извините мою смелость. Может быть, именно потому, что я здесь новый человек, мне некоторые вещи виднее... вещи, с которыми вы мирились слишком долго. Прежде всего, я полагаю, что принятый здесь порядок в корне неправилен. Мы впрягаемся в работу, как наемные клячи, лечим кое-как, допотопными способами, как будто мы обыкновенные городские или деревенские лекари, конкурирующие между собой, а не члены одного медицинского общества, которым предоставлена чудесная возможность дружно работать. Сколько я ни встречал врачей, все они клянут свою участь, называя ее собачьей. Каждый из них вам скажет, что он работает как вол, валится с ног, не может урвать для себя свободной минуты, нет времени пообедать, вечно

спешит на вызовы! А почему это так? Потому что никто из людей нашей профессии не пытается хоть как-то нас организовать. Я бы мог привести вам десятки примеров, но возьмем хотя бы один: ночные вызовы. Все мы ложимся спать каждый вечер, боясь, что нас вот-вот поднимут с постели и позовут к больному. Мы не знаем спокойных ночей уже только потому, что нас могут разбудить каждую минуту. А что, если мы будем *уверены*, что нас не могут вызвать? Если мы для начала организуем кооперативную систему ночной работы? Один врач будет брать на себя все ночные визиты одну неделю, а затем будет три недели *свободен* от всяких ночных визитов, и так каждый по очереди будет дежурным. Не замечательно ли это? Подумайте, какими бодрыми и свежими мы будем приступать утром к работе... — Он остановился, заметив, что у всех безучастные лица.

— Ничего не выйдет! — отрезал Уркхарт. — Черт возьми, да я скорее согласен вставать каждую ночь, чем доверить хоть одного своего больного старому Оксборроу. Ха-ха! Если он берет взаймы, он никогда не отдает!

Эндрю торопливо вмешался:

— Оставим пока этот вопрос — во всяком случае до следующего собрания, раз мнения наши расходятся. Но есть и другой вопрос, который не вызовет разногласий. Для того чтобы его решить, мы и собрались сегодня. Это вопрос об отчислении пятой части нашего заработка в пользу доктора Луэллина. — Он остановился. Все смотрели на него, заинтересованные, так как дело касалось их кармана. — Мы все согласны, что это несправедливо. Я говорил с Оуэном. Он заявляет, что это не касается комитета, что это добровольное соглашение между врачами.

— Он прав, — бросил Уркхарт. — Я помню, когда это постановили. Девять лет тому назад у нас тут было два злощастных неуча: один работал в Восточной амбулатории, другой — на моем участке. Они очень часто обращались к Луэллину за советами насчет своих больных. И вот в один

прекрасный день он всех нас созвал и объявил, что не может даром терять время и мы должны как-нибудь его вознаграждать за это. Так оно началось. И так продолжалось все время.

— Но жалованье, которое он получает от комитета, окупает *всю* его работу для Общества. Да и за всякие другие свои обязанности он загребает немалые суммы. Он просто купается в деньгах!

— Знаю, знаю! — сказал нетерпеливо Уркхарт. — Но имейте в виду, Мэнсон, он нам чертовски полезен, этот самый Луэллин. И знает это. Если он затаит на нас злобу, нам солоно придется.

— Но с какой стати мы должны ему платить? — не сдавался Эндрю.

— Слушайте, слушайте! — вставил Кон, снова наполняя свой стакан.

Оксборроу метнул взгляд на дантиста:

— Разрешите мне высказаться. Я согласен с доктором Мэнсоном, что несправедливо отнимать у нас часть дохода. Но доктор Луэллин — человек, занимающий высокое положение, замечательный врач, которым Общество вправе гордиться. Кроме того, он делает то, чего делать не обязан: дает нам возможность сбывать с рук трудных больных.

Эндрю уставился на говорившего, широко раскрыв глаза:

— А вы *хотите* сбывать с рук трудных больных?

— Ну конечно, — раздраженно подтвердил Оксборроу.

— А я не хочу! — крикнул Эндрю. — Я хочу сам изучать их болезни и лечить их.

— Оксборроу прав, — неожиданно пробурчал Медли. — Это первое правило врачебной практики, Мэнсон. Вы с годами придете к тому же. Скверные случаи надо сбывать с рук, избавляться, избавляться от них!

— Нет, черт возьми! — пылко возразил Эндрю. Спор продолжался три четверти часа. В конце концов Эндрю, сильно раздраженный, воскликнул: — Нам необходимо решить

этот вопрос. Слышите, попросту необходимо! Луэллин знает, что мы против вычетов. Я с ним говорил сегодня.

— Что?! — закричали разом Оксборроу, Уркхарт и даже Медли.

— Правильно ли я вас понял, доктор? Вы сказали Луэллину, что... — И Оксборроу, привстав, устремил испуганный взгляд на Эндрю.

— Конечно сказал! Должен же он когда-нибудь узнать. Как вы не понимаете, что нам стоит только сплотиться, выступить единым фронтом — и мы *непременно* победим!

— К черту! — Уркхарт весь побагровел. — Ну и много же вы на себя берете! Вы не знаете, каким влиянием пользуется Луэллин! Он всем решительно распоряжается. Счастье наше, если нас всех не уволят! Подумайте, каково было бы мне в мои годы искать другого пристанища. — Он, тяжело переваливаясь, пошел к двери. — Вы хороший парень, Мэнсон, но вы слишком *молоды*. Покойной ночи!

Медли тоже поспешно встал. По глазам его было видно, что он сразу кинется к телефону, чтобы умиловить доктора Луэллина, сказать ему, что он, Луэллин, замечательный врач. Оксборроу уже обратился в бегство. Через две минуты в комнате остались только Кон, Эндрю и остатки пива.

Они молча допили эти остатки. Эндрю вспомнил, что в кладовой есть еще шесть бутылок. Они покончили и с этими шестью. Потом разговорились. Помянули в подходящих выражениях происхождение, родню и нравственные качества Оксборроу, Медли и Уркхарта. Особенно усердно поминали Оксборроу и его гармониум. Они не заметили, как пришла Кристин и ушла наверх. Они все говорили, отводя душу, как люди, которых постыдно предали.

На другое утро Эндрю обходил больных пасмурный, с мучительной головной болью. На площади мимо него проехал в своем лимузине Луэллин. Когда Эндрю пристыженно и вместе с тем вызывающе вскинул голову, Луэллин одарил его сияющей улыбкой.

Х

Всю неделю Эндрю ходил взбешенный своим провалом, охваченный горьким унынием. В воскресенье утром, когда они еще лежали в постели (воскресенье для них было днем долгого и мирного отдыха), его вдруг прорвало:

— Дело не в деньгах, Крис! Дело в принципе! Мысль об этом сводит меня с ума! Почему я не могу с этим примириться? Почему я не люблю Луэллина? Вернее, почему он мне то нравится, то я его ненавижу? Скажи мне честно, Крис. Почему я не могу перед ним преклоняться? Завидую ему, что ли? В чем тут дело?

Ответ Кристин поразил его в самое сердце.

— Да, мне думается, завидуешь.

— Что?!

— Не кричи так, мой друг, у меня лопнут барабанные перепонки. Ты ведь просил меня честно высказать свое мнение. Так вот: ты завидуешь Луэллину, ужасно завидуешь. Почему бы и нет? Я вовсе не жажду иметь мужа-святого. Недоставало еще, чтобы ты ходил в венце! У меня и без того есть что чистить в этом доме.

— Продолжай, не стесняйся! — закричал Эндрю. — Выложи мне все мои недостатки, раз уж ты начала! Подозрителен! Завистлив! Уж кому же знать меня, если не тебе! Да и еще один грех — я слишком *молод*, не так ли? Восьмидесятилетний Уркхарт уже поставил мне это на вид. — Пауза. Эндрю ожидал, что Кристин будет продолжать спор.

Но, не дождавшись, спросил раздраженно: — А почему мне, собственно, завидовать Луэллину?

— Потому что он такой мастер своего дела, так много знает... Ну и больше всего потому, что у него столько всяких высоких званий.

— В то время как я только ничтожный бакалавр медицины шотландского университета! О господи! Теперь я знаю твое истинное мнение обо мне! — Он в гневе соскочил с постели и, как был, в пижаме, принялся ходить по спальне. — Но какое значение имеют эти почетные звания и степени? Чистейшая мишура! Важен метод, способности к клинической работе. Я не верю во всю эту чепуху, которую нам подносят в учебниках. Я верю только в то, что слышу с помощью моего стетоскопа. А это — очень много, имей в виду, если ты этого не знала. Мои наблюдения над больными углекопами начинают открывать мне важные вещи. Может быть, в один прекрасный день я очень вас удивлю, миледи! Черт возьми, недурное положение вещей, когда человек просыпается в одно воскресное утро и его жена ему заявляет, что он невежда!

Сидя в постели, Кристин достала свои принадлежности для маникюра и принялась полировать ногти, ожидая, когда Эндрю закончит.

— Ничего подобного я не говорила, Эндрю. — Ее спокойный тон еще больше разозлил Эндрю. — Просто ты, мой друг, не желаешь всю жизнь оставаться в ассистентах. Ты хочешь, чтобы люди тебя слушали, обратили внимание на твою работу, твои идеи... Ну, ты понимаешь, что я хочу сказать. Будь у тебя какая-нибудь действительно солидная ученая степень — доктора медицины или... ну, хотя бы члена Королевского терапевтического общества, это создало бы тебе положение.

— Члена Королевского терапевтического общества, — повторил он машинально. — Так вот что самостоятельно

придумала эта маленькая женщина!.. Недурно после практики в шахтерском поселке! — Он говорил с убийственной иронией. — Как ты не понимаешь, что это звание дается только венценосцам Европы!

Он хлопнул дверью и ушел в ванную бриться. Но через пять минут опять появился в спальне с покаянным и взволнованным видом. Подбородок был выбрит только наполовину, другая половина намылена.

— Так ты думаешь, что я мог бы этого добиться, Крис? Ты совершенно права. Не хватает только нескольких новых званий на дощечке с моей фамилией, и наше дело в шляпе! Но экзамен на членство в Королевском терапевтическом обществе — самый трудный из всех экзаменов на медицинскую степень. Это... это просто убийственная штука! И все же... я думаю... погоди, я разыщу все подробности в справочнике.

Он помчался вниз за медицинским справочником. Когда он воротился, лицо его выражало сильное разочарование.

— Безнадежнее дело! — пробурчал он огорченно. — Придется на него махнуть рукой. Я тебе говорил, что это невысшимый экзамен. Предварительно дается письменная работа на иностранных языках. На четырех языках — латинском, французском, греческом и немецком — и два из них обязательны! А я языков не знаю. Мне знакома только кухонная латынь — *misce, alba, mitte decem*. Что касается французского...

Кристин не отвечала. Наступило молчание. Эндрю стоял у окна, мрачно глядя на пустынную дорогу. Наконец он обернулся, хмурый, взволнованный, не в силах расстаться с заманчивой мыслью.

— Черт возьми, Крис, а почему бы мне не изучить эти языки для экзамена?

Маникюрные ножницы и пилочки полетели на пол. Кристин вскочила с постели и стиснула мужа в объятиях.

— Вот этого я и ждала от тебя, милый! Вот теперь заговорил настоящий Эндрю. Я... я, пожалуй, могла бы тебе помочь, не забывай, что твоя старушка — отставная учительница!

Они весь день возбужденно строили планы. Троллоп, Чехов и Достоевский были перетащены в запасную спальню, а гостиная очищена для предстоящих занятий. И в этот же вечер Кристин приступила к обучению мужа. То же самое было и на другой, и на третий день...

Порой Эндрю это представлялось в высшей степени комичным. Он, казалось, слышал издалека насмешливый хохот богов. Сидя за столом подле жены в глухом уэльском городке шахтеров, бормоча за ней «*caput, capitis*» или «*Madame, est il possible, que...*», продираясь сквозь гущу склонений, неправильных глаголов или читая вслух Тацита и какую-то патриотическую хрестоматию «*Pro Patria*», откопанную ими, он иногда вдруг болезненно вздрагивал и откидывался на стуле при мысли: «Что, если бы Луэллин мог нас увидеть сейчас — то-то посмеялся бы! А ведь это еще только начало, еще предстоят все медицинские предметы!»

К концу второго месяца в «Вейл Вью» стали периодически прибывать целые пачки книг из лондонского отделения Интернациональной медицинской библиотеки. Эндрю начал с того, на чем остановился, выйдя из колледжа. Очень скоро он обнаружил, что слишком многому недоучился. Он был ошеломлен открытием, как далеко за это время ушла вперед биохимия в ее применении к терапии.

Он узнавал о существовании почечных порогов, мочевины крови, об основном обмене веществ, об ошибочности пробы на белок. И когда обрушился этот краеугольный камень его студенческих лет, он простонал вслух:

— Крис! Я ничего не знаю. Это меня убивает!

Практика отнимала весь день. Для занятий оставались лишь долгие ночи. Подбадривая себя черным кофе и мок-

рым полотенцем на голове, Эндрю упорно трудился, читая до рассвета. Когда же наконец, измученный, валился на постель, он часто не мог заснуть. А порой, уснув, просыпался весь в поту от ночного кошмара, и голова его пылала, как в огне, от формул, научных терминов и какой-то идиотской мешанины французских слов, которые давались ему с трудом.

Он курил слишком много, терял в весе, осунулся. А Кристин была с ним, неизменно, безмолвно, не мешая ему говорить, чертить диаграммы, объяснять словами, от которых язык сломаешь, поразительные, необычайные, увлекательно-интересные избирательные функции почечных канальцев. Она не мешала ему кричать, жестикулировать, а когда нервы у него развинтились, то и осыпать ее оскорблениями. К одиннадцати часам, когда она приносила ему свежий кофе, у него появлялась потребность ворчать:

— Почему ты не можешь оставить меня в покое? Для чего мне это пошло? Кофеин — дрянной наркотик... Ты знаешь, что я себя убиваю, не так ли? И все это ради тебя. А ты настойчива. Ты, как тюремщица,ходишь и выходишь, принося заключенному похлебку. Никогда я не получу этого проклятого звания. Сотни людей пытаются его получить, работая в Вест-Энде Лондона, в больших клиниках, а я являюсь из Эберло, ха-ха! — истерический смех, — от милейшего Общества медицинской помощи! О боже! Я так устал и уверен, что меня сегодня ночью вызовут на роды на Си-фен-роу...

Кристин была более стойким борцом, чем он. Она отличалась душевной уравновешенностью, которая помогала им обоим переносить любой кризис. Она тоже была вспыльчива, но умела сдерживаться. Она вела себя самоотверженно: отказывалась от всех приглашений Вонов, перестала посещать концерты в зале Общества трезвости. Как бы плохо они ни спали, она неизменно вставала рано, одевалась аккуратно, и завтрак у нее поспевал как раз к тому времени,

когда Эндрю сходил вниз, волоча ноги, небритый и с первой утренней сигаретой в зубах.

Так прошло полгода. И вдруг неожиданно тетка Кристин, жившая в Бридлингтоне, заболела. Кристин получила от нее письмо с просьбой приехать. Показывая это письмо мужу, она сразу же объявила, что не может его оставить. Но Эндрю, угрюмо согнувшись над своей ветчиной, пробормотал:

— А я хочу, чтобы ты поехала, Крис. Я буду заниматься лучше без тебя. В последнее время мы начали действовать друг другу на нервы. Ты меня извини... но это будет самое лучшее.

И в конце недели Кристин неохотно уехала. Не прошло и суток с ее отъезда, как Эндрю понял свою ошибку. Без нее жизнь стала мучением. Дженни, несмотря на то что делала все по подробно разработанной Кристин инструкции, постоянно его раздражала. Но настоящей причиной этого раздражения была не стряпня Дженни, не остывший кофе, не плохо застланная постель — причиной было отсутствие Кристин, сознание, что ее нет в доме, невозможность кликнуть ее, тоска по ней. Он ловил себя на том, что теряет напрасно целые часы, тупо глядя в книгу и думая о жене.

Через две недели она известила его телеграммой, что возвращается. Эндрю бросил занятия и стал готовиться к ее приезду. Все казалось ему недостаточно хорошо, недостаточно нарядно для того, чтобы отметить их встречу. Времени у него оставалось немного, но он быстро все обдумал и поспешил в город за покупками. Прежде всего, купил букет роз. В рыбной лавке Кендрика ему посчастливилось найти свежего омара, только этим утром пойманного. Он поторопился купить его, боясь, как бы миссис Вон, для которой Кендрик в первую очередь оставлял такие деликатесы, не позвонила и не предупредила его. Потом он купил большой запас льда, сходил к зеленщику за салатом и нако-

нец с трепетом заказал бутылку мозельвейна, за качество которого ручался Ламперт, хозяин бакалейной лавки на площади.

После чая он отпустил Дженни, потому что чувствовал на себе любопытные взгляды ее юных очей. Когда она ушла, он принялся за работу: с любовной старательностью приготавливал салат из омара; цинковое ведро, принесенное из чулана, наполнил льдом и поставил туда вино. Цветы причинили ему неожиданное затруднение, так как Дженни заперла шкаф под лестницей, где хранились все вазы, и спрятала ключ. Но Эндрю справился и с этим затруднением, поставив часть роз в кувшин, а остальные — в стаканчик для зубной щетки из туалетного прибора Кристин. Это внесло даже некоторое разнообразие.

Наконец все приготовления были окончены: ужин, цветы, вино на льду, и он, сияя, осмотрел все в последний раз. После вечернего приема больных, в половине десятого, он помчался встречать Кристин на Верхнюю станцию. Это было похоже на первое свидание — все было так ново, так изумительно. Он нежно вел Кристин на пир любви. Вечер был жаркий и тихий. Луна сияла над ними. Эндрю забыл о сложных случаях нарушения основного обмена веществ. Он говорил Кристин, что хотел бы очутиться с ней в Провансе или другом таком месте, в большом замке над озером. Он называл ее своей чудесной, милой девочкой. Он говорил, что вел себя по отношению к ней как грубое животное, но зато теперь, на весь остаток жизни, ляжет ей под ноги ковром — только не красным, так как она возражала против этого цвета. Еще многое он говорил ей. А к концу недели он уже требовал, чтобы она принесла ему ночные туфли.

Наступил август, пыльный и знойный. Теоретическая подготовка закончилась, и Эндрю стал лицом к лицу перед необходимостью заняться лабораторной работой — главным образом по гистологии. Это казалось непреодолимой

трудностью при тех условиях, в которых он находился. Кристин и тут помогла: она первая вспомнила о профессоре Чэллисе и его связи с Кардиффским университетом. Когда Эндрю ему написал, Чэллис немедленно ответил, многословно выражая готовность использовать для него свои знакомства в Отделе патологии. Он уверял, что Мэнсону очень понравится доктор Глин-Джонс, отличный малый. Чэллис заканчивал письмо восторженным приветствием Кристин.

— Этим я обязан тебе, Крис. Вот что значит иметь знакомства. А я чуть-чуть не увильнул от встречи с Чэллисом в тот вечер у Вонов. Этот попрыгун, оказывается, славный малый. Но все же терпеть не могу просить чьих-либо услуг. И потом — чего это он вздумал посылать тебе нежные приветы?

В середине августа в «Вейл Вью» появился старый красный мотоцикл — низенькая машина до ужаса непрофессионального вида, которую в объявлении о продаже ее владелец называл «слишком даже быстрой». В жаркие летние месяцы Эндрю мог выкроить для своих личных нужд три дневных часа. И каждый день, сразу после завтрака, вниз по долине, к Кардиффу, до которого было тридцать миль, с шумом летела красная полоска мотоцикла. А около пяти часов та же красная полоска, но уже более пыльная, мчалась обратно к «Вейл Вью».

Шестьдесят миль по палящей жаре, а в промежутке — час работы над препаратами и образцами Глин-Джонса, когда руки, устанавливавшие микроскоп, часто дрожали после управления рулем, — все это за несколько недель очень утомило Эндрю. Для Кристин самым волнующим моментом всей безумной авантюры бывал его отъезд, сопровождавшийся треском мотоцикла, потом тревожное ожидание первого слабого шума, возвещавшего о его возвращении. Она все время боялась, как бы с Эндрю не случилось чего-нибудь дорогой, когда он несется на этой адской машине.

Несмотря на вечную спешку, Эндрю иногда привозил ей из Кардиффа землянику. Они оставляли ее к ужину после вечернего приема. За чаем же Эндрю сидел с красными глазами и пересохшим от пыли горлом, мрачно удивляясь, как у него не оборвались кишки от тряски, и спрашивая себя, успеет ли он до амбулаторного приема сделать те два визита, куда его вызвали за время отсутствия.

Но наконец наступил день последней поездки в Кардифф. Глину-Джонсу нечего было больше показывать. Эндрю знал уже на память каждый препарат. Оставалось только зарегистрироваться и внести крупную сумму за разрешение держать экзамен.

Пятнадцатого октября Эндрю один уехал в Лондон. Кристин проводила его на станцию. Теперь, когда событие было так близко, удивительное спокойствие сошло на Эндрю. Казалось, все его нетерпение, напряжение, почти истерические взрывы гнева давно позади и не вернуться. Мозг его был в каком-то отупении. Ему казалось, что он ничего не помнит.

Однако на следующий день, когда начались письменные испытания в Терапевтическом институте, он принялся писать с какой-то слепой автоматичностью. Он писал, писал, ни разу не взглянув на часы, исписывая страницу за страницей, пока голова у него не пошла кругом.

Он снял номер в отеле «Музеум», где они с Кристин останавливались во время их первой поездки в Лондон. Здесь было очень дешево. Но кормили скверно, и это окончательно испортило его и без того расстроенное пищеварение. Пришлось перейти на диету, состоявшую из одного только горячего молока с солодом. Стакан молока в кафе составлял его завтрак. Занятый только экзаменами, он жил как во сне. Ему и в голову не приходило сходить куда-нибудь развлечься. Он вряд ли замечал людей на улицах. Иногда, чтобы проветриться, он ездил куда-нибудь на верхней площадке омнибуса.

После письменных испытаний начались практические и устные, а их Эндрю боялся больше всего. Экзаменовалось человек двадцать, все старше его и все люди солидные, уверенные в себе. Например, его сосед, некто Гаррисон, с которым он раз-другой беседовал, был бакалавром хирургии Оксфордского университета, работал в амбулатории больницы Сент-Джонс и имел свой кабинет на Брук-стрит. Сравнивая изысканные манеры Гаррисона и его внушительный вид человека, занимающего прочное положение, со своей провинциальной неуклюжестью, Эндрю чувствовал, что у него очень мало шансов произвести на экзаменаторов благоприятное впечатление.

Практические испытания в больнице Южного Лондона прошли, как ему казалось, довольно хорошо. Ему достался случай бронхоэктаза¹ у мальчика лет четырнадцати, и так как он долго занимался легочными болезнями, то счел это удачей. Он сознавал, что написал хороший отчет. Но когда дошло до устных экзаменов, счастье, казалось, круто ему изменило. Устные экзамены в Терапевтическом институте имели свои особенности. Два дня подряд каждого кандидата по очереди экзаменовали два разных экзаменатора. Если к концу первой сессии кандидат признавался неподходящим, ему вручалось вежливое письменное сообщение, что он может больше не являться. К своему ужасу, Эндрю увидел, что первым его будет экзаменовать человек, о котором Гаррисон говорил со страхом, — доктор Морис Гэдсби.

Гэдсби был щуплым и малорослым человеком с растрепанными черными усиками и маленькими противными глазками. Недавно избранный членом коллегии, он не обладал снисходительностью более старых экзаменаторов и как будто нарочно старался провалить тех, кто у него экзаменовался. Высоко подняв брови, он оглядел Эндрю и положил перед ним шесть препаратов. Пять из них Эндрю определил

¹ Расширение бронхов.

верно, а шестой не узнал. И Гэдсби сосредоточил свое внимание именно на этом шестом. В течение пяти минут он терзал Эндрю этим препаратом, который оказался яйцом какого-то малоизвестного африканского паразита. Потом вяло, безучастно отослал его к следующему экзаменатору, сэру Роберту Эбби.

Эндрю встал и перешел через комнату, бледный, с громко стучавшим сердцем. Усталость и инертность, которые владели им в начале экзаменационной недели, исчезли. Ему до отчаяния хотелось выдержать экзамен. Но он был убежден, что Гэдсби его «срезал». Он поднял глаза и увидел, что Роберт Эбби смотрит на него с дружелюбной, полунасмешливой улыбкой.

— Что такое с вами? — спросил Эбби неожиданно.

— Ничего, сэр, — замялся Эндрю. — Я, кажется, плохо отвечал доктору Гэдсби, вот и все.

— Это не имеет значения. Просмотрите вот эти препараты. Потом скажите, что вы о них думаете. — И Эбби ободряюще улыбнулся.

Это был гладко выбритый краснолицый мужчина лет шестидесяти пяти, с высоким лбом и насмешливо выдвинутой верхней губой. Эбби был теперь одним из наиболее известных в Европе врачей, в молодости же он знал нужду, и ему пришлось вести упорную борьбу, когда он, приехав в Лондон из родного Лидса и не имея ничего за душой, кроме доброго имени, которое заслужил у себя в провинции, натолкнулся в столице на предубеждение и вражду. Исподтишка поглядывая на Эндрю, он заметил его плохо сшитый костюм, мягкие воротничок и сорочку, дешевый, неумело завязанный галстук, а главное — напряженно-сосредоточенное, стремительное выражение его серьезного лица, и вспомнил дни своей молодости. Сердце его инстинктивно протянулось навстречу этому не похожему на других кандидату, и, просмотрев лежавший перед ним лист, он с удовольствием убедился, что отметки Эндрю, в особенности последняя, за практическую работу, были выше среднего.

Тем временем Эндрю, устремив глаза на поставленные перед ним стеклянные банки, кое-как, с запинками, давал объяснения относительно их содержимого.

— Хорошо, — прервал его неожиданно Эбби. Он взял в руки один из препаратов — аневризм восходящей аорты — и стал дружеским тоном спрашивать о нем Эндрю.

Его вопросы, сначала простые, постепенно захватывали все более широкую область, пока в конце концов не коснулись новейшего специфического лечения путем прививки малярии. Эндрю, ободренный доброжелательным обращением с ним Эбби, развернулся и отвечал хорошо.

Наконец Эбби сказал, ставя обратно банку:

— А известно вам что-нибудь об истории аневризма?

— Амбруаз Паре... — начал Эндрю, и Эбби уже было одобрительно закивал, — Амбруаз Паре считается первым, открывшим эту болезнь.

Лицо Эбби выразило удивление.

— Почему «считается», доктор Мэнсон? Паре действительно открыл аневризм.

Эндрю покраснел, потом побледнел, но очертя голову ринулся в спор:

— Да, сэр, так говорят учебники. Вы найдете это в каждой книге, я сам видел это в шести, нарочно подсчитал. — Он торопливо перевел дух. — Но мне случилось читать Цельса¹, когда я повторял латынь, и я встретил у него слово «aneurismus». Цельс знал о существовании такого явления. И описал его подробно. А это было за тринадцать столетий до Амбруаза Паре.

Последовала пауза, Эндрю поднял глаза, ожидая добродушно-иронической реплики, но Эбби смотрел на него со странным выражением.

— Доктор Мэнсон, — наконец сказал он, — вы первый человек в этом экзаменационном зале, от которого я услы-

¹ Цельс — римский философ II в., написавший трактат о медицине.

шал нечто не шаблонное, верное и новое для меня. Поздравляю вас! — (Эндрю снова густо покраснел.) — Скажите мне еще одно — просто чтобы удовлетворить мое личное любопытство, — продолжил Эбби. — Что является вашим принципом, так сказать, основным правилом, которым вы руководствуетесь в своей профессиональной практике?

Наступило молчание, во время которого Эндрю усиленно размышлял. Наконец, чувствуя, что этим молчанием он портит благоприятное впечатление, которое произвел, он несвязно пробормотал:

— Я думаю... Я всегда твержу себе: ничего не считать аксиомой.

— Благодарю вас, доктор Мэнсон.

Когда Эндрю вышел, Эбби потянулся за пером. Он чувствовал себя снова молодым и в подозрительно-сентиментальном настроении. Он думал: «Скажи он мне, что стремится исцелять людей, помогать страждущему человечеству, я бы провалил его, уже просто чтобы отомстить за свое разочарование».

Как бы там ни было, а Эбби поставил неслыханно высокую отметку, 100, против имени Эндрю Мэнсона. Разумеется, если бы он мог, поставив отметку, сбежать (как он красноречиво размышлял про себя), эта цифра была бы удвоена.

Несколько минут спустя Эндрю сошел вниз вместе с остальными кандидатами. Внизу у лестницы стоял швейцар в ливрее с пачкой конвертов в руках. Когда кандидаты проходили мимо, он вручал каждому конверт с его именем. Гаррисон, шедший перед Эндрю, торопливо вскрыл свой. Он изменился в лице и сказал быстро: «Оказывается, я завтра могу не являться! — Затем с вымученной улыбкой: — А как вы?» У Эндрю дрожали пальцы. Он едва мог прочитать бумажку. Ошеломленный, он слышал, как Гаррисон его поздравляет. Значит, у него еще есть надежда. Он пошел в кафе и выпил молока с солодом. Нервы его были сильно

взвинчены, он твердил про себя: «Если я теперь, после всего, не выдержу экзаменов, я... я брошусь под автобус».

Прошел еще один мучительный день. Осталось меньше половины экзаменующихся, и поговаривали, что из этих оставшихся добрая половина будет провалена. Эндрю не имел представления, какие у него отметки — хорошие или плохие. Он знал одно: голова у него болит невыносимо, ноги ледяные, а внутри — пустота.

Наконец все закончилось. В четыре часа Эндрю вышел из гардероба, измученный и расстроенный, надевая на ходу пальто. Вдруг он увидел Эбби, стоявшего перед большим камином в вестибюле. Он хотел пройти мимо. Но Эбби почему-то протянул ему руку, улыбнулся и заговорил с ним, сказав... сказав, что он выдержал экзамены.

О боже, так, значит, победа! Он добился своего! Он сразу ожил, чудесным образом ожил, головную боль как рукой сняло, вся усталость была забыта. Он мчался к ближайшему почтовому отделению, а сердце в нем пело, ликовало, как безумное. Выдержал, победил, он, пришедший сюда не из Вест-Энда, а из поселка шахтеров в далекой глуши. Его подхватила бурная волна восторга. Значит, не напрасны были долгие ночи, сумасшедшая скачка в Кардифф, изнурительные часы зубрежки!

Он летел, как пуля, продираясь сквозь толпу, лавируя между колесами такси и автобусов. Глаза его сияли. Он мчался телеграфировать Кристин о чуде.

XI

Поезд из Лондона, опоздав на полчаса, прибыл около полуночи. Всю дорогу вверх по ущелью паровоз боролся с резким встречным ветром, и в Эберло, когда Эндрю вышел из вагона на платформу, ураган чуть не сбил его с ног. Вокзал был безлюден. Молодые тополя, высаженные в ряд у входа, при каждом порыве ветра гнулись со свистом, как лук. Звезды над головой сверкали ярким блеском, точно отполированные.

Эндрю пошел по Стейшн-роуд. Борьба с ветром бодрила тело, пьянила душу весельем. Он был полон сознанием своего успеха, своей связи отныне с миром великих и мудрых столпов медицины, в ушах его звучали слова сэра Роберта Эбби; ему не терпелось поскорее увидеть Кристин, чтобы рассказать ей обо всем, обо всем решительно. Из телеграммы она уже знает радостную новость. Но теперь ему хотелось поделиться с ней своими впечатлениями, сообщить все подробности. Шагая с опущенной головой по Талгарт-стрит, он вдруг услышал, что за ним бежит кто-то. Человек догонял его, тяжело дыша, но громкий топот его сапог по мостовой совершенно терялся в реве урагана, так что он казался бегущей тенью. Эндрю инстинктивно остановился.

Когда человек подошел ближе, Эндрю узнал Фрэнка Дэвиса, санитара из антрацитовых шахт номер 3, который прошлой весной вместе с другими проходил у него на участке курс первой помощи. И в то же самое мгновение Дэвис увидел Эндрю.

— А я шел за вами, доктор. К вам домой. Ветер начисто снес провода, а потому.. — Порыв ветра унес остальные его слова.

— Что случилось? — прокричал Эндрю.

— Обвал в третьей шахте. — Дэвис сложил ладони трубой у самого уха Мэнсона. — Одного из наших парней почти засыпало там. Его, видно, не могут вытащить. Это Сэм Бивен, он в вашем списке. Идите скорее к нему, доктор, да смотрите, будьте осторожны.

Эндрю прошел несколько шагов рядом с Дэвисом, но вдруг остановился под влиянием внезапной мысли.

— Мне нужна моя сумка, — прокричал он в ухо Дэвису. — Сбегайте ко мне домой и принесите ее. А я пойду в третью шахту. И вот что, Фрэнк, скажите моей жене, куда я пошел.

Пройдя по запасным железнодорожным путям и по Роатлейн, подгоняемый ветром в спину, он за четыре минуты добрался до шахты номер 3. На спасательной станции его дожидались помощник смотрителя и трое рабочих. Увидев Эндрю, озабоченное лицо помощника смотрителя немного прояснилось.

— Слава богу, вы пришли, доктор! Наделала нам хлопот эта буря. А в довершение всего — скверный обвал. Никто, к счастью, не убит, но одному парню пригвоздило руку. Мы не можем его вытащить ни на дюйм. А кровля совсем ненадежна.

Они пошли к подъемной шахте. Двое рабочих несли носилки с привязанными к ним лубками, а третий — деревянный ящик со всем необходимым для оказания первой помощи. Когда они входили в клеть, через двор перебежал еще кто-то. Это был Дэвис, запыхавшийся, с сумкой Эндрю в руках.

— Быстро же вы сбежали, Фрэнк, — сказал Мэнсон, когда Дэвис присел подле него на корточках в клетке.

Дэвис только кивнул: он не мог вымолвить ни слова. Раздался лязг, одно мгновение клеть качалась, точно в нерешительности, потом полетела вниз, на дно шахты.

Все вышли и потянулись гуськом: помощник смотрителя впереди, за ним Эндрю, Дэвис, все еще несший сумку, и трое рабочих.

Эндрю уже бывал в шахтах, он привык к высоким сводчатым пещерам в рудниках Блэнелли, где гулко раскатывается эхо, к длинным темным коридорам глубоко под землей, которые образуются там, где руду вынимают из ее ложа, долбя и взрывая ее. Но шахта номер 3 была старая, с длинной, извилистой откаточной дорогой, ведущей к выработкам. Откаточный путь представлял собой не столько проход, сколько нору с низко нависшей липкой кровлей, с которой текла вода. Сквозь эту-то нору они сейчас пробирались ползком, часто на четвереньках, почти полмили. Вдруг лампа, которую нес помощник смотрителя, остановилась в воздухе как раз перед глазами Эндрю, и он понял, что они пришли.

Медленно пополз он вперед. Трое рабочих, лежа на животе в тупике этого подземного коридора, старались, как могли, привести в чувство своего товарища, который лежал бесформенной кучей: тело откатилось в сторону, а одно плечо было отогнуто назад и скрыто среди массы обломков породы, разбросанных вокруг. Рядом с засыпанным рабочим валялись его инструменты, две перевернутые жестянки с едой, сброшенные куртки.

— Ну, что там, ребята? — спросил помощник смотрителя, понизив голос.

— Никак его не сдвинуть с места. — Говоривший повернул к ним грязное вспотевшее лицо. — Мы уже всячески пробовали.

— А вы больше не пробуйте, — сказал помощник, метнув быстрый взгляд на кровлю. — Здесь доктор. Отодвиньтесь

немного назад, ребята, дайте нам подойти. Я бы на вашем месте отполз как можно дальше.

Трое рабочих отползли из тупика, и, когда они с трудом протиснулись мимо Эндрю, он шагнул вперед. На один короткий миг в голове его промелькнуло воспоминание о недавнем экзамене, он подумал об успехах биохимии, звучной терминологии, ученых фразах. Таких случаев, как этот, они не предусматривали.

Сэм Бивен находился в полном сознании, но лицо у него под слоем пыли было измученное. Он сделал слабую попытку улыбнуться Мэнсону:

— Что, доктор, опять практикуетесь на мне в оказании первой помощи?

Бивен также учился на курсах скорой помощи, и часто его использовали в качестве манекена, на котором все учились делать перевязки,

Эндрю подошел к нему. При свете лампочки, которую помощник смотрителя держал над его плечом, он ощупал пострадавшего. Все тело Бивена было свободно, за исключением левого предплечья, которое было придавлено и разможено громадной тяжестью обвалившейся глыбы, державшей его в плену.

Эндрю сразу увидел, что единственный способ освободить Бивена — ампутировать руку. И Бивен, напрягая помутившиеся от боли глаза, прочел это решение на лице Эндрю в тот самый миг, когда оно было принято.

— Делайте что надо, доктор, — пробормотал он. — Только поскорее вытащите меня отсюда.

— Не беспокойтесь, Сэм, — сказал Эндрю. — Я сейчас усыплю вас. А когда вы проснетесь, то уже будете у себя дома в кровати.

Лежа плашмя в луже грязи, под двухфутовой кровлей, он сбросил пальто, свернул его и положил Бивену под голову. Потом засучил рукава и попросил, чтобы ему подали его сумку. Помощник смотрителя протянул ее ему и при этом шепнул на ухо:

— Ради бога, поторопитесь, доктор. Эта кровля нас за-
давит раньше, чем мы успеем опомниться.

Эндрю раскрыл сумку и тотчас почуял запах хлорофор-
ма. Еще раньше, чем он сунул руку внутрь и нащупал острой
край разбитого стекла, он уже знал, в чем дело. Фрэнк Дэ-
вис, спеша на рудник, впопыхах уронил сумку, склянка
с хлороформом разбилась, содержимое ее разлилось.

Дрожь пробежала по телу Эндрю. Послать наверх за
хлороформом не оставалось времени. Усыпить Сэма было
нечем.

На каких-нибудь полминуты он точно окаменел. Затем
машинально нащупал в сумке шприц, наполнил его и впрыс-
нул Бивену максимальную дозу морфия. Ожидать, пока
морфий окажет полное действие, он не мог. Отложив сум-
ку в сторону, так чтобы инструменты были у него под ру-
кой, он снова нагнулся к Бивену. Зажимая вокруг руки тур-
никет¹, сказал:

— Закройте глаза, Сэм.

Лампочка светила тускло, тени колебались, мелькая во-
круг них. При первом надрезе Бивен застонал сквозь стис-
нутые зубы. Застонал опять. Потом, к счастью, когда нож
заскрежетал по кости, он лишился чувств.

Холодная испарина выступила на лбу Эндрю, пока он
зажимал щипцами среди растерзанного мяса артерию, из
которой струей била кровь. Он делал все на ощупь. Он чув-
ствовал, что задыхается здесь, в этой крысиной норе глубо-
ко под землей, лежа в грязи. Ни наркоза, ни операционной,
ни сестер милосердия, выстроившихся в ряд, готовых бро-
ситься на его зов. Он не хирург. Он невероятно копается. Он
никогда не доведет до конца операцию! Кровля обрушится
и раздавит всех их!

За его спиной учащенно дышит помощник смотрителя.
С кровли медленно капает на затылок холодная вода. Его

¹ Прибор для зажима артерии и остановки кровотечения.

пальцы, испачканные теплой кровью, работают лихорадочно. Визжит пила, откуда-то издалека — голос сэра Роберта Эбби: «...возможность работы по научному методу...» О господи! Закончит он когда-нибудь?!

Наконец-то! Он чуть не заплакал от облегчения. Наложил подушечку марли на кровавую рану. Пытаясь встать на колени, сказал;

— Вытаскивайте его!

Когда они отошли на пятьдесят ярдов назад и очутились на откаточном штреке, где можно было стоять во весь рост, Эндрю при свете уже четырех лампочек закончил операцию. Тут сделать это было легче. Он обмыл рану, перевязал кровеносные сосуды, пропитал марлю антисептическим раствором. Теперь трубка. Потом наложить пару швов! Бивен все еще был в обмороке. Но пульс его, хотя и слабый, бился ровно. Эндрю провел рукой по лбу. Конец.

— Осторожно идите с носилками. Укройте его одеялом. Как только выйдем наверх, понадобятся горячие бутылки.

Медленно двигавшиеся люди, сгибаясь пополам в низких переходах, спугивали тени, колебавшиеся на откаточной дороге. Не прошли они и шестидесяти шагов, как во мраке за ними прокатился грохот обвала. Это было похоже на последнее глухое громыхание поезда, входящего в туннель. Помощник смотрителя не обернулся. Он только сказал Эндрю с мрачным хладнокровием:

— Слыхали? Это остаток кровли.

Путешествие наверх заняло почти целый час. Приходилось в неудобных местах продвигать носилки боком. Эндрю не мог определить, сколько времени они пробыли под землей. Но в конце концов они пришли к дну шахты.

Вверх, вверх стремглав летела клеть из глубины. Ветер встретил их острыми укусами, когда они ступили из клетки на землю. Эндрю в каком-то экстазе вздохнул всей грудью.

Он стоял у нижней ступеньки, держась за перила. Было еще темно, но во дворе рудника повесили большой факел,

который шипел и плевался множеством языков пламени. Вокруг факела стояла группа ожидавших. Среди них были и женщины в накинутых на голову шالях.

Вдруг, когда носилки медленно двигались мимо него, Эндрю услышал, как кто-то неистово выкрикнул его имя, и в следующее мгновение руки Кристин обхватили его шею. Истерически рыдая, она припала к нему. Простоволосая, в одном пальто, накинутом на ночную сорочку, в кожаных туфлях на босу ногу, она казалась беспомощной и хрупкой на этом ветру, во мраке.

— Что случилось? — спросил Эндрю с испугом, пытаясь разнять ее руки и заглянуть ей в лицо.

Но она не выпускала его. Цепляясь за него, как обезумевшая, как утопающая, она с трудом произнесла:

— Нам сказали, что кровля обвалилась... что ты не... не выйдешь оттуда больше.

Она вся посинела, зубы у нее стучали от холода. Эндрю повел ее к огню на спасательную станцию, сконфуженный, но глубоко тронутый. На спасательной станции им дали горячего какао. Они пили из одной чашки, и прошло много времени, прежде чем они вспомнили о том, что Эндрю получил высокую ученую степень.

ХИ

Спасение Сэма Бивена прошло незаметно в городе, который в прошлом не раз переживал ужасы и несчастья больших обвалов в копиях. Но на его участке этот случай сослужил Эндрю большую службу. Успех в Лондоне сам по себе вызвал бы только новые насмешки над разными новомодными глупостями. А теперь ему кланялись и даже улыбались люди, которые раньше, казалось, и не замечали его. Подлинные размеры своей популярности врач в Эберло может определить, проходя по улицам рабочего квартала. И там, где Эндрю до сих пор встречал лишь ряд наглухо закрытых дверей, теперь он находил их открытыми. Отработавшие смену мужчины курили, стоя без курток на пороге, и всегда готовы были перекинуться с ним несколькими словами. Их жены приглашали его зайти, когда он проходил мимо, а дети весело окликали по имени.

Старый Гас Пэрри, мастер-бурильщик из шахты номер 2 и староста западного участка, как-то, глядя вслед уходящему Эндрю, резюмировал за всех новое мнение о нем:

— Знаете что, ребята: он, конечно, книгоед, но умеет и дело делать, когда это требуется.

Лечебные карточки начали возвращаться к Эндрю — сначала понемногу, а потом, когда оказалось, что он не издевается над вернувшимися ренегатами, они толпой повалили обратно. Оуэн был рад тому, что список пациентов Эндрю все увеличивается. Встретив его как-то раз на площади, он сказал смеясь:

— Ну, что я вам говорил?

Луэллин изобразил величайший восторг по поводу результатов экзаменов. Он поздравил Эндрю по телефону, рассыпаясь в любезностях, потом со своим неизменным кротким благоволением навалил на него вдвое больше работы в операционной.

— Да, между прочим, — спросил он у Эндрю после одной длительной операции, во время которой Эндрю давал эфир, — говорили вы экзаменаторам, что работаете младшим врачом в Эберло?

— Я назвал им ваше имя, доктор Луэллин, — ответил Эндрю любезно. — И этого было достаточно.

Оксборроу и Медли никак не проявили своего отношения к успеху Эндрю. Уркхарт же был искренно рад, но выразил это залпом ругани:

— Ах, Мэнсон, чтоб вам пусто было! Что ж вы это делаете, а? Хотите мне ножку подставить?

Желая польстить отличившемуся коллеге, он пригласил Эндрю на консилиум к своей пациентке, больной воспалением легких, и захотел узнать его мнение.

— Она поправится, — сказал Эндрю, приводя научные доводы.

Но старый Уркхарт с сомнением покачал головой:

— Я никогда не слыхивал о вашей поливалентной сыворотке да антителах. Я знаю только, что она урожденная Пауэлл, а когда кто-нибудь из этой семьи заболевает воспалением легких и начинает пухнуть, то не проходит и недели, как он умирает. У нее пухнет живот, вы видели, правда?

И когда больная на седьмой день умерла, старик угрюмо торжествовал, что посрамил ученую мудрость своего коллеги.

Денни был за границей и ничего не знал о новом успехе Эндрю. Зато несколько неожиданно пришло длинное письмо с поздравлением от Фредди Хэмптона. Фредди, прочитав в «Ланцете» о результатах экзамена, кисло поздравлял Эндрю с успехом, приглашал приехать в Лондон и подробно описывал собственные головокружительные триумфы

на Куин-Энн-стрит, где, как он и предсказывал в тот вечер в Кардиффе, у него уже был кабинет с новенькой, сверкающей медной дощечкой на дверях.

— Просто стыд, что мы с Фредди совсем потеряли друг друга из виду, — объявил Мэнсон. — Надо будет писать ему почаще. Я предчувствую, что мы с ним еще окажемся вместе. Милое письмо, правда?

— Да, очень милое, — ответила Кристин довольно сухо. — Но больше всего он пишет о себе.

К Рождеству погода стала холоднее, стояли бодрящие морозные дни и безветренные звездные ночи. Твердая земля звенела под ногами Эндрю. Чистый воздух пьянил, как вино. В голове Эндрю рождался план новой энергичной атаки на проблему вдыхания угольной пыли в шахтах. Открытия, сделанные им при наблюдении пациентов, окрылили его, и к тому же он получил от Вона разрешение периодически осматривать всех рабочих в трех антрацитовых шахтах, что давало чудесную возможность расширить сферу исследований. Он хотел провести сравнение между шахтерами и людьми, работавшими на поверхности земли, и собирался приступить к этому после Нового года.

В рождественский сочельник он шел домой из амбулатории с удивительным ощущением радостного ожидания чего-то и физического благополучия. Проходя по улицам, он не мог не заметить признаков наступающего праздника. В горах Уэльса шахтеры очень весело празднуют Рождество. Всю предрождественскую неделю парадная комната в каждом доме заперта, чтобы туда не проникли дети. Она разукрашена гирляндами бумажных лент, в ящиках комода спрятаны игрушки, а на столе разложен солидный запас разных вкусных вещей — апельсинов, пряников, сладкого печенья, купленных на деньги, выдаваемые клубом к Рождеству.

Кристин, весело готовясь к празднику, заранее убрала дом ветками остролиста и омелы. Но в этот вечер Эндрю,

придя домой, сразу увидел по ее лицу, что она чем-то особенно взволнована.

— Не говори ни слова! — сказала она быстро, беря его за руку. — Ни единого слова! Только закрой глаза и иди за мной!

Он позволил ей увести себя в кухню. Там на столе лежали какие-то свертки, неуклюже завернутые, некоторые просто в газетную бумагу, и к каждому свертку была привязана записочка. Эндрю сразу догадался, что это рождественские подарки от пациентов. Некоторые из этих даров были и вовсе не завернуты.

— Смотри, Эндрю! — выкрикивала Кристин. — Гусь! И две утки! И чудесный торт с сахарной глазурью! И бутылка бузиновой наливки. Ну не великолепно ли это с их стороны? Не чудесно ли, что им захотелось подарить тебе все это!

Эндрю не мог вымолвить ни слова. Он был растроган этим доказательством того, что люди, среди которых он жил, наконец-то его оценили, полюбили. Вместе с Кристин, жавшейся к его плечу, он принялся читать записки, безграмотные, написанные неумелой рукой, иногда нацарапанные карандашом на старых конвертах, вывернутых наизнанку: «От благодарного пациента с Сифен-роу, 3», «С благодарностью от миссис Уильямс». Драгоценное, криво написанное послание от Сэма Бивена: «Спасибо, доктор, за то, что выволокли меня на свет божий к Рождеству», и так далее.

— Мы непременно все их сохраним, милый, — сказала Кристин тихо. — Я унесу их наверх.

Когда к Эндрю вернулась обычная словоохотливость — этому способствовал стакан присланной в дар бузиновой наливки, — он шагал по кухне взад и вперед, пока Кристин начинала гусей, и восторженно говорил:

— Вот как следовало бы платить врачам, Крис. Не деньгами за каждый визит, не по счетам — черт их побери, эти счета! — не жалованьем подушно, по числу пациентов. Хорошо было бы, если бы, вместо того чтобы стараться нахватать

побольше гиней, врач получал плату натурой. Ты меня понимаешь, дорогая? Вот я вылечиваю больного, и он посылает мне что-нибудь из продуктов его собственного производства. Ну, например, уголь, мешок картошки с его огорода, яйца, может быть, если он держит кур, — пойми мою мысль. И вот тебе идеал этики!.. Кстати, знаешь: эту миссис Уильямс, что прислала нам уток, Лесли пять лет пичкал микстурами и пилюлями, а я вылечил ее от язвы желудка, продержав пять недель на диете. Но о чем я говорил? Ах да! Так видишь ли, если бы врачи покончили с погоней за гонораром, вся система стала бы морально чище...

— Да, мой друг, понимаю. Достань-ка мне, пожалуйста, коринку. Она на верхней полке в буфете!

— Черт возьми, Кристин, да ты не слушаешь меня!.. А начинка, кажется, будет вкусная!

На следующий день, первый день Рождества, погода стояла солнечная и ясная. Вершины Толлин-Биконс в голубой дали были жемчужно-серыми и покрытыми белой глазурью снега. После утреннего приема Эндрю, заранее радуясь, что вечером приема в амбулатории не будет, отправился на обход квартир. Сегодня список адресов был невелик. Во всех домиках готовили праздничный обед. В «Вейл Вью» Кристин была занята тем же. Он всю дорогу выслушивал поздравления с праздником и без усталости поздравлял сам. Он невольно сравнил свое нынешнее радостное настроение с унынием, в котором ходил по тем же самым улицам всего только год тому назад.

Быть может, под влиянием этой мысли он вдруг остановился с какой-то странной нерешительностью у дома номер 18 на Сифен-роу. Из всех ушедших от него пациентов, не считая Ченкина, которого он сам отказался принять обратно, не вернулся к нему один только Том Иванс. И сегодня Эндрю, необычно растроганный, быть может, слишком восторженно уверовав в братство всех людей, ощутил внезапное желание зайти к Ивансу и пожелать ему веселого Рождества.

Постучав один раз, он открыл дверь и прошел в кухню. Здесь остановился, пораженный. Кухня была убогая, почти пустая. В очаге тлели последние искры. Том Иванс сидел перед огнем на сломанном деревянном стуле, выгнув скрюченную руку наподобие крыла. В сгорбленных плечах чувствовалось безнадежное отчаяние. На колене у него примостилась четырехлетняя дочка. Оба были погружены в безмолвное созерцание еловой ветви, вставленной в старое ведро. На этой миниатюрной рождественской елке, за которой Иванс ходил за две мили через гору, висели три сальные свечи, еще не зажженные, а под ней лежало рождественское угощение для всего семейства — три маленьких апельсина.

Иванс вдруг обернулся и увидел Эндрю. Он вздрогнул, и по лицу его разлилась краска стыда и гнева. Эндрю понял, как мучительно для Тома, что врач, советом которого он пренебрег, застает его безработным калекой, видит, что половина мебели уже заложена. Эндрю слышал, что Ивансам живется теперь трудно, но он не ожидал увидеть такую печальную картину. Он огорчился, почувствовал себя неловко и хотел уже уйти. Но в эту минуту в кухню вошла с черного хода миссис Иванс с пакетом под мышкой. Увидев Эндрю, она так растерялась, что уронила сверток, который, упав на каменный пол, раскрылся. В бумаге оказались две бычьи печенки, самое дешевое мясо в Эберло. Девочка, взглянув в лицо матери, неожиданно заплакала.

— В чем дело, сэр? — решила наконец спросить миссис Иванс, прижимая руку к груди. — Том ничего не сделал?

Эндрю стиснул зубы. Он был так взволнован и удивлен всем тем, чему нечаянно стал свидетелем, что ему казался возможным только один выход.

— Миссис Иванс! — Он упорно не поднимал глаз. — Между мной и Томом было маленькое недоразумение. Но сегодня Рождество и... ну, я хочу, — он беспомощно остановился, — я буду ужасно рад, если вы все трое придете к нам и разделите с нами рождественский обед.

— Но, доктор, право... — замялась миссис Иванс.

— Помолчи, девочка! — перебил ее Том свирепо. — Никуда мы не пойдем обедать. Если мы не в состоянии ничего купить, кроме печенки, то ее и будем есть. Не нуждаемся мы ни в какой мерзкой благотворительности.

— Что вы болтаете! — в ужасе воскликнул Эндрю. — Я вас приглашаю как друг.

— А, все вы одинаковы! — ответил Иванс с горечью. — Доводите человека до нужды и потом знаете только одно — швыряете ему в лицо какую-нибудь жратву. Ешьте сами свой проклятый обед! Не нужен он нам.

— Перестань, Том, — робко унимала его жена.

Эндрю обратился к ней, расстроенный, но все еще непременно желая настоять на своем:

— Уговорите его, миссис Иванс. На этот раз я действительно обижусь, если вы не придете. В половине второго. Мы будем ждать.

И, прежде чем кто-либо из них успел сказать слово, он круто повернулся и вышел.

Кристин ничего не сказала, когда он рассказал ей, что сделал. Если бы Воны не уехали в Швейцарию кататься на лыжах, они наверняка сегодня пришли бы в «Вейл Вью». А он пригласил безработного шахтера с семьей. Вот о чем думал Эндрю, стоя спиной к огню и наблюдая, как жена ставит на стол еще три прибора.

— Ты сердишься, Крис? — наконец спросил он.

— Я полагала, что вышла замуж за доктора Мэнсона, а не за доктора Бернардо¹, — ответила она чуточку резко. — Право, мой друг, ты неисправимо сентиментален.

Ивансы явились точно в указанное время, умытые, приодетые, ужасно смущенные и гордые, но вместе с тем испуганные. Эндрю, стараясь быть радушным хозяином, чувствовал, что Кристин права и обед будет ужасно неудачен.

¹ Основатель первого детского приюта в Англии.

Иванс все время странно поглядывал на него. Искалеченная рука не действовала, и жене приходилось разрезать и намазывать ему маслом хлеб. К счастью, когда Эндрю взял в руки перечницу, крышка ее упала, и все содержимое — пол-унции белого перца — угодило в его тарелку с супом. Наступило минутное молчание, затем Агнес, дочка Ивансов, вдруг весело расхохоталась. Онемев от ужаса, мать наклонилась к ней, чтобы ее побранить, но выражение лица Эндрю успокоило ее. В следующую минуту хохотали уже все. Не опасаясь больше, что к нему отнесутся покровительственно, Иванс развернулся, и оказалось, что он ярый футболист и большой любитель музыки. Три года назад он ездил в Кардиган, чтобы принять участие в конкурсе вокалистов Эйстеддфорд. Гордясь тем, что может блеснуть знаниями, он беседовал с Кристин об ораториях Элгара, пока Агнес и Эндрю забавлялись хлопушками.

Затем Кристин увела к себе миссис Иванс и девочку. Как только Эндрю и Иванс остались вдвоем, наступило неловкое молчание. Одна и та же мысль занимала обоих, но ни тот ни другой не знали, как заговорить об этом. Наконец Эндрю с каким-то отчаянием сказал:

— Очень обидно, что у вас вышла такая неприятность с рукой, Том. Я знаю, вы из-за этого лишились работы в руднике. Не думайте, что я способен злорадствовать... Я черт знает как огорчен...

— Не больше, чем я, — ответил Иванс.

Последовала новая пауза, затем Эндрю закончил:

— Я хотел спросить, разрешите ли вы мне поговорить насчет вас с мистером Воном. Если вам мое вмешательство неприятно, скажите прямо... Дело в том, что я имею на него некоторое влияние и уверен, что смогу выхлопотать для вас какую-нибудь службу наверху... Место табельщика или что-нибудь в этом роде...

Он остановился, не смея взглянуть на Тома. На этот раз молчание тянулось долго. Наконец Эндрю поднял глаза, но тотчас же снова опустил их. По лицу Иванса катились

слезы, все его тело тряслось от сдерживаемых рыданий. Но усилия были напрасны. Он положил здоровую руку на стол и уткнулся в нее головой.

Эндрю встал и отошел к окну, где оставался несколько минут. Иванс за это время успел овладеть собой. Он не сказал ничего, ровно ничего, и избегал смотреть в глаза Эндрю. Но его молчание было выразительнее слов.

В половине четвертого Ивансы ушли совсем в другом настроении, чем пришли. Кристин и Эндрю вернулись в гостиную.

— Знаешь, Крис, — философствовал Эндрю, — в несчастье этого бедняги, то есть в том, что у него рука не сгибается в локте, виноват вовсе не он. Он мне не доверял как новому человеку. Нельзя же от него требовать, чтобы он знал то, что знаю я относительно проклятой известковой мази. Но приятель Оксборроу, который принял от него лечебную карточку, — ему это знать следовало. Полнейшее невежество, проклятое невежество!.. Следовало бы издать закон, обязывающий врачей идти в ногу с наукой. Во всем виновата наша гнилая система. Нужны принудительные курсы повышения квалификации, и нужно обязать врачей проходить их каждые пять лет...

— Послушай, милый, — запротестовала Кристин, улыбаясь ему с дивана, — я весь день терпела твою филантропию. Любовалась, как ты, вроде архангела, осеняешь людей своими крылами. А в довершение всего ты начинаешь ораторствовать! Поди сюда, сядь ко мне. Сегодня мне весь день хотелось остаться с тобой наедине, потому что у меня есть на то серьезная причина.

— Вот как? — усомнился Эндрю. Потом, негодуя: — Надеюсь, это не жалоба? Мне кажется, я вел себя как порядочный человек. В конце концов... сегодня Рождество.

Кристин неслышно рассмеялась:

— Ах, мой друг, как ты мил! Если через минуту поднимется метель, ты, верно, выйдешь с сенбернарром, закутан-

ный по уши, чтобы привести с гор какого-нибудь заблудившегося путника, поздно-поздно ночью...

— Я знаю одну особу, которая примчалась к третьей шахте поздно-поздно ночью, — ворчливо ответил ей в тон Эндрю. — И даже не закутавшись.

— Сядь сюда. — Она протянула руку. — Мне надо тебе сказать одну вещь.

Он подошел к дивану, чтобы сесть рядом с ней, как вдруг перед домом громко заревел чей-то клаксон.

— А, черт!.. — отрывисто выбранилась Кристин.

Только один-единственный автомобильный рожок в Эберло издавал такой звук. Это был рожок Кона Боленда.

— Разве ты им не рада? — спросил несколько удивленный Эндрю. — Кон мне вскользь говорил, что они, может быть, заедут к чаю.

— Ну что ж! — только и произнесла Кристин, вставая и идя за ним в переднюю.

Они вышли за ворота встретить Болендов, восседавших в реконструированном Коном автомобиле. Кон сидел за рулем очень прямо, в котелке и громадных новых рукавицах, подле него — Мэри и Теренс, а трое младших были кое-как втиснуты на заднее сиденье подле миссис Боленд, державшей на руках ребенка. Несмотря на то что Кон удлинил автомобиль, все теснились в нем, как сельди в бочке. Вдруг рожок начал снова: «Крр-крр-крр» — это Кон нечаянно, выключая, нажал кнопку, и она так и осталась зажатой. Клаксон не желал умолкать. «Крр-крр-крр!» — кричал он, пока Кон суетился и сыпал проклятиями. В домах напротив стали открываться окна одно за другим, миссис Боленд сидела с мечтательным видом, невозмутимая, рассеянно прижимая к груди младенца.

— Господи боже! — закричал Кон, усы которого топорщились из-за автомобильного щита. — Я трачу даром бензин. Что случилось? Короткое замыкание, что ли?

— Это кнопка, папа, — сказала Мэри спокойно и ногтем мизинца вытащила ее. Шум сразу прекратился.

— Ну наконец-то, — вздохнул Кон. — Как поживаете, Мэнсон, дружище? Как вам теперь нравится моя старая машина? Я удлинил ее на добрых два фута. Великолепно, не правда ли? Вот только еще с передачей не совсем хорошо. Никак не удавалось взять подьем.

— Мы застряли только на несколько минут, папа, — вступилась за автомобиль Мэри.

— Ну да ничего, — продолжал Кон. — Я и это скоро налажу. Здравствуйте, миссис Мэнсон! Вот мы и приехали все поздравить вас с Рождеством и выпить с вас чая.

— Входите, Кон, — улыбнулась Кристин. — А рукавицы у вас какие красивые!

— Рождественский подарок жены, — пояснил Кон, любуясь ими. — Военного образца. Их до сих пор выпускают массами, можете себе представить! Ох, что такое случилось с дверцей?

Не сумев открыть дверцу, он перекинул через нее свои длинные ноги, вылез, помог подняться с заднего сиденья детям и жене, осмотрел автомобиль, заботливо сняв со стеклянного щита комок грязи, и, с трудом оторвавшись от созерцания своего творения, пошел вслед за остальными в дом.

Чаепитие прошло очень весело. Кон был в превосходном настроении и весь полон мыслями о своем сооружении: «Вы его не узнаете, когда я еще немного его подкрашу». Миссис Боленд рассеянно выпила шесть чашек крепкого черного чая. Дети начали с шоколадных пряников, а закончили дракой из-за последнего кусочка хлеба. Они очистили все тарелки на столе.

После чая Мэри ушла мыть посуду — она настояла на этом, уверяя, что у Кристин усталый вид, — а Эндрю взял у миссис Боленд малыша и стал играть с ним на коврике у камина. Это был самый толстый ребенок из всех виденных

им когда-либо, настоящий рубенсовский младенец, с подушечками жира на ножках и ручках и громадными глазами, со священной серьезностью глядевшими на мир божий. Он упрямо пытался сунуть палец себе в глаз, и всякий раз, когда ему это не удавалось, на его личике появлялось выражение глубокого удивления. Кристин сидела, празднично сложив руки на коленях, и смотрела, как муж играет с малышом.

Но Кон и его семейство не могли оставаться долго в «Вейл Вью». На дворе уже темнело, а Кона беспокоил недостаточный запас бензина, и он питал некоторые сомнения, которые предпочел не высказывать вслух, относительно исправности своих сигнальных фонарей. Когда они собрались уходить, он предложил хозяевам:

— Выйдите и посмотрите, как мы будем отъезжать.

Снова Эндрю и Кристин стояли у ворот, а Кон усаживал в автомобиль свое потомство. Несколько раз покачнувшись, машина наконец поддалась, и Кон, победоносно кивнув Эндрю и Кристин, натянул рукавицы и лихо заломил котелок. Затем гордо воссел на переднем месте.

В этот момент сооружение Кона треснуло, и кузов, кряхтя, осел. Перегруженный семейством Боленд, автомобиль медленно свалился на землю, подобно вьючному животному, издыхающему от переутомления. На глазах у ошеломленных Эндрю и Кристин колеса вывернулись наружу, слышался шум разлетающихся частей, ящик изверг из себя все инструменты — и корпус, как лишенное конечностей тело, упокоился на мостовой. Минуту назад это был автомобиль, теперь — ярмарочная гондола. В передней половине остался Кон, все еще сжимавший руль, в задней — его жена, прижимавшая к себе ребенка. Рот миссис Боленд широко раскрылся, ее мечтательные очи загляделись в вечность. На ошеломленное лицо Кона без смеха невозможно было смотреть.

Эндрю и Кристин так и прыснули. Раз начав, они уже не могли остановиться. Они хохотали до упаду.

— Господи, Твоя воля! — произнес Кон, потирая голову, и выбрался из автомобиля. Убедившись, что никто из детей не пострадал, что миссис Боленд, бледная, но, как всегда, безмятежная, сидит на месте, он принялся осматривать повреждения, оторопело размышляя вслух. — Саботаж! — объявил он наконец, осененный неожиданной идеей, уставясь на окна напротив. — Ясно, что кто-нибудь из этих чертей мне ее испортил.

Но затем лицо его просияло. Он взял ослабевшего от смеха Эндрю за плечо и с меланхолической гордостью указал на смятый кожух, под которым мотор все еще слабо и конвульсивно бился:

— Видите, Мэнсон? Он еще работает!

Кое-как они сволокли обломки на задний двор, и семейство Боленд отправилось домой пешком.

— Ну и денек! — воскликнул Эндрю, когда они наконец обрели покой. — Я до смерти не забуду, какое лицо было у Кона!

Оба некоторое время молчали. Потом Эндрю, повернувшись к Кристин, спросил:

— Весело тебе было?

Она ответила странным тоном:

— Мне было приятно наблюдать, как ты возился с малышом Болендов.

Он посмотрел на нее в недоумении:

— Почему?

Но Кристин не смотрела на него.

— Я пыталась весь день сказать тебе... Ох, милый, неужели ты не можешь догадаться?.. Я нахожу в конце концов, что ты вовсе не такой уж замечательный врач!

ХІІІ

Снова весна. За ней начало лета. Садик в «Вейл Вью» походил на сплошной ковер нежных красок, и шахтеры, возвращаясь с работы домой, часто останавливались полюбоваться на него. Украшали садик больше всего цветущие кусты, посаженные Кристин прошлой осенью. Теперь Эндрю не позволял ей работать в саду.

— Ты создала этот уголок, — говорил он ей внушительно, — и теперь сиди себе в нем спокойно.

Больше всего Кристин любила сидеть на краю маленькой долины, куда долетали брызги и слышен был успокоительный говор ручья. Росшая над лощинкой ива закрывала ее от домов наверху. Сад же в «Вейл Вью» имел один недостаток: он был весь открыт взорам соседей. Стоило только Кристин и Эндрю усесться где-нибудь подле дома, как во всех выходивших на улицу окнах напротив появлялись головы и начиналось громкое перешептывание: «Эге! Как мило! Поди сюда, Фанни, посмотри: доктор и его миссис греются на солнышке!» Как-то раз, в первые дни после их приезда сюда, когда они сидели на берегу ручья и Эндрю обнял рукой талию Кристин, он увидел блеск стекол бинокля, направленного на них из гостиной старого Глина Джозефа... «Черт возьми! — гневно выругался Эндрю. — Старый пес наставил на нас свой телескоп!»

Но под ивой они были укрыты от чужих глаз, и здесь Эндрю излагал свои взгляды:

— Видишь ли, Крис, — говорил он, вертя термометром (ему только что, от избытка заботливости, вздумалось

измерить ей температуру), — нам следует сохранять хладнокровие. Мы ведь не то что другие люди. В конце концов, ты жена врача, а я... я врач. На моих глазах *это* происходило сотни... во всяком случае десятки раз. *Это самое обыкновенное явление.* Закон природы, продолжение рода и все такое! Но ты не пойми меня превратно, дорогая, — это, конечно, для нас чудесно. По правде сказать, я уже начинал спрашивать себя, не слишком ли ты хрупка, слишком подетски сложена, чтобы когда-нибудь... И теперь я в восторге. Но мы с тобой сентиментальничать не будем. То есть я хочу сказать — слюни пускать не будем. Нет, нет! Это мы предоставим разным мистерам и миссис Смит. Было бы идиотизмом, не правда ли, если бы я, врач, начал... ну, хотя бы умиляться над этими маленькими вещицами, которые ты вяжешь и вышиваешь, и все такое. Нет! Я просто смотрю на них и ворчу: «Надеюсь, они будут достаточно теплыми». И весь этот вздор насчет того, какого цвета глаза будут у нее или у него и какое розовое будущее его ждет, — все это совершенно исключается! — Он помолчал, строго хмурясь, но потом по лицу его медленно поползла задумчивая улыбка. — Слушай, Крис, а все-таки интересно, будет это девочка или нет!

Она хохотала до слез. Хохотала так, что Эндрю встревожился:

— Да перестань же, Крис! Ты... ты можешь наделать себе какую-нибудь беду.

— Ох, милый мой! — Кристин отерла глаза. — Когда ты — сентиментальный идеалист, я тебя обожаю. Когда же ты превращаешься в закоренелого циника, я готова выгнать тебя из дому!

Эндрю не совсем понял, что она хотела сказать. Он считал, что ведет себя, как полагается человеку выдержанному, деятелю науки...

Находя, что Кристин необходим моцион, он днем водил ее гулять в городской парк. Подниматься в горы ей было

строго запрещено. Они бродили по парку, слушали оркестр, смотрели на игры шахтерских детей, приходивших сюда, как на пикник, с бутылками лакричной воды и шербетом.

Как-то раз, в мае, ранним утром, когда они с Кристин еще лежали в постели, он в полусне ощутил подле себя какое-то слабое движение. Он проснулся и снова почувствовал эти тихие толчки — первое движение ребенка в теле Кристин. Он вытянулся, едва смея поверить, задыхаясь от волнения, от восторга. «О черт! — подумал он минуту спустя. — В конце концов, я, быть может, ничем не лучше любого Смита! Вот почему, вероятно, принято за правило, что врач не может лечить собственную жену».

На следующей неделе он подумал, что пора переговорить с доктором Луэллином, так как у них с Кристин было с самого начала решено, что именно Луэллин будет присутствовать при родах. Луэллин, с которым Эндрю поговорил по телефону, был очень польщен и доволен.

Он сразу же приехал к ним, чтобы предварительно осмотреть Кристин. Сделав это, он перед уходом поболтал с Эндрю в гостиной.

— Я рад, что могу быть вам полезен, Мэнсон. — Затем, принимая от Эндрю сигарету: — Я всегда полагал, что вы недостаточно ко мне расположены, чтобы обратиться ко мне за такого рода услугой. Поверьте, я сделаю все, что в моих силах. Между прочим, в Эберло теперь здорово жарко. Не думаете ли вы, что вашей женушке следовало бы съездить куда-нибудь отдохнуть, пока она еще может ехать?

— Что такое со мной? — спрашивал себя Эндрю, когда Луэллин ушел. — Мне этот человек нравится! Он вел себя благородно, чертовски благородно! Проявил и сочувствие, и такт. И в своем деле он просто маг и волшебник. А ведь год тому назад я готов был перегрызть ему горло. Я просто завистливый, злобный, упрямый шотландский бык!

Кристин не хотела уезжать, но он ласково настаивал:

— Я знаю, тебе не хочется меня оставлять, Крис. Но ведь это принесет тебе пользу. Мы должны подумать о...

Ну, обо всем. Куда ты предпочитаешь ехать — к морю или, может быть, на север, к тетке? Черт возьми, мне теперь средства позволяют послать тебя куда-нибудь, Крис. Мы достаточно богаты!

Они уже выплатили весь долг «Гленовскому фонду» и последние взносы за мебель, и, кроме того, у них было отложено около ста фунтов в банке. Но не об этом думала Кристин, когда, сжав руку мужа, ответила серьезно:

— Да! Мы богаты, Эндрю.

Она решила, что если уж непременно надо ехать куда-нибудь, то она навестит свою тетку в Бридлингтоне, и неделю спустя Эндрю проводил ее на Верхнюю станцию, крепко обнял на прощание и дал в дорогу корзинку с фруктами.

Он никогда не думал, что будет так скучать по ней, что постоянное общение с ней стало такой необходимой частью его жизни. Их беседы, споры, пустячные размолвки, молчание вдвоем, привычка окликать ее, как только он входил в дом, и настроенно ожидать ее веселого ответа, — только теперь он понял, как все это ему необходимо. Без Кристин их спальня была как незнакомый номер в гостинице. Обеды, которые Дженни добросовестно готовила по расписанию, оставленному Кристин, он съедал на скорую руку, скучая, заглядывая во время еды в какую-нибудь книгу.

Бродя по саду, созданному руками Кристин, он как-то вдруг обратил внимание на ветхость мостика, переброшенного через ручей. Это его возмутило, показалось обидой для отсутствующей Кристин. Он и раньше несколько раз обращался к комитету, заверял, что мост разваливается, но комитет всегда трудно расшевелить, когда дело касалось какого-либо ремонта в домах младших врачей. На этот раз, в приливе нежности к жене, он позвонил в управление и решительно настаивал на своем требовании, Оуэн уехал на несколько дней в отпуск, но клерк уверил Эндрю, что вопрос уже рассмотрен комитетом, ремонт поручен подряд-

чику Ричардсу. И только потому, что Ричардс занят сейчас другим подрядом, работа им еще не начата.

По вечерам Эндрю ходил к Болендам, два раза побывал у Вонов, которые уговорили его остаться на бридж, а раз даже, совсем неожиданно для себя самого, играл в гольф с Луэллином. Он переписывался с Хэмптоном и с Денни, который наконец выбрался из Блэнелли и в качестве судового врача совершал путешествие в Тампико на нефтеналивном судне. Писал Кристин письма — образец бодрости и выдержки. Но больше всего помогала ему коротать время работа.

До этих пор его клинические исследования в антрацитовых шахтах плохо двигались вперед. Ему не удавалось их ускорить, так как, не говоря уже о необходимости заниматься собственными пациентами, он имел возможность осматривать рабочих только тогда, когда они по окончании смены приходили в баню, и немыслимо было их задерживать надолго, так как они торопились домой обедать. В среднем Эндрю осматривал не более двух человек в день, однако, несмотря на это, он был доволен результатами. Не торопясь делать выгоды, он видел все же, что легочные болезни среди работающих в антрацитовых копях, несомненно, распространены больше, чем среди рабочих других угольных копей.

Хотя он и не доверял учебникам, но из чувства самозащиты (так как боялся, чтобы впоследствии не оказалось, что он попросту шел по чужим следам) принялся изучать работы по этому вопросу. Его поразила скудость этой литературы. Видимо, очень немногие исследователи серьезно интересовались профессиональными легочными заболеваниями. Ценкер ввел звучный термин «пневмокониоз», обозначая им три формы фиброза легких вследствие вдыхания пыли. Антракоз, то есть наблюдаемое у углекопов присутствие в легких угольной пыли, был давно известен, но Гольдман в Германии и Троттер в Англии находили его безвредным.

Эндрю отыскал несколько статей относительно распространения легочных заболеваний среди рабочих, точивших жернова, в особенности жернова из французского песчаника, среди точильщиков ножей и топоров и среди каменотесов. Приводились данные, большей частью противоречивые, относительно чахотки, свирепствовавшей в Южной Африке среди рабочих золотых приисков и, несомненно, вызываемой вдыханием пыли. Известно было также, что у рабочих льняной и хлопчатобумажной промышленности и ссыпщиков зерна наблюдаются хронические изменения в легких. И больше ничего!

Когда Эндрю покончил с просмотром литературы, у него весело блестяли глаза. Он видел, что наткнулся на действительно неисследованную область. Он думал об огромном количестве людей, работавших под землей, в больших антрацитовых коях, о неясности и расплывчатости законов относительно нетрудоспособности, грозившей им вследствие условий работы, о громадном социальном значении этого вопроса. Какой случай проявить себя, какой случай! Холодный пот прошиб его при мысли, что кто-нибудь может его опередить. Но он отогнал эту внезапную мысль. Шагая по гостинной из угла в угол далеко за полночь, он вдруг остановился перед потухшим камином и схватил фотографию Кристин, стоявшую на полке.

— Крис! Я, право, верю теперь, что *сделаю* что-нибудь в жизни!

Он начал старательно заносить в картотеку, специально для этой цели приобретенную, результаты своих исследований. Он и сам не сознавал, какой блестящей клинической техники достиг за это время. В комнате, где рабочие переодевались, выйдя из шахты, они стояли перед ним, оголенные по пояс, а он с помощью пальцев и стетоскопа чудесным образом проникал в тайны патологических изменений этих живых легких: здесь — участок фиброза, у следующего — эмфизема, у третьего — хронический бронхит, который сам

он снисходительно именуется «пустяковым кашлем». Эндрю аккуратно отмечал все недуги в диаграммах, напечатанных на обороте каждой карточки.

Одновременно с этим он брал у каждого больного мокроту на исследование и, сидя до двух-трех часов ночи над микроскопом Денни, заносил полученные данные на карточки. Оказалось, что в большинстве случаев эта гнойная слизь, которую больные называли здесь «белыми плевками», содержала блестящие острые частички кремнезема. Эндрю поражало количество альвеолярных клеток в легких и частое нахождение в них туберкулезных бацилл. Но более всего приковывало его внимание присутствие почти всегда и повсюду кристаллов кремния. Неизбежно напрашивался потрясающий вывод, что изменения в легких, а возможно даже, и сопутствующая им инъекция, происходят от этой именно причины.

Таковы были успехи Эндрю к тому дню в конце июня, когда Кристин воротилась и бросилась ему на шею:

— Как хорошо опять очутиться дома!.. Да, я хорошо провела время, но... право, не знаю... и ты так побледнел, милый! Наверное, Дженни тут морила тебя голодом!

Отдых пошел ей на пользу. Она чувствовала себя хорошо, и на щеках ее цвел нежный румянец, но ее тревожил Эндрю: у него не было аппетита, он каждую минуту лез в карман за сигаретами.

Она спросила серьезно:

— Сколько времени будет продолжаться эта твоя исследовательская работа?

— Не знаю. — Это было на следующий день после ее приезда; шел дождь, и Эндрю был в неожиданно дурном настроении. — Может быть, год, а может быть, и пять.

— Так слушай, Эндрю. Я вовсе не собираюсь читать тебе проповедь. Хватит и одного проповедника в семье, но не находишь ли ты, что раз эта работа так затягивается, тебе

следует работать планомерно, вести правильный образ жизни, не засиживаться по ночам и не изводить себя?

— Ничего со мной не будет.

Но в некоторых случаях Кристин бывала удивительно настойчивой. Она велела Дженни вымыть пол в «лаборатории», поставила туда кресло, разостлала коврик перед камином. В жаркие ночи здесь было прохладно, от сосновых половиц в комнате стоял приятный смолистый запах, к нему примешивался запах эфира, который Эндрю использовал при работе. Здесь Кристин сидела с шитьем или вязаньем, пока Эндрю работал за столом. Согнувшись над микроскопом, он совершенно забывал о ней, но она была тут и поднималась с места ровно в одиннадцать часов:

— Пора ложиться.

— Ох, уже! — восклицал он, близоруко щурясь на нее из-за окуляра. — Ты ступай наверх, Крис. Я приду через минуту.

— Эндрю Мэнсон, если ты полагаешь, что я пойду наверх одна... *в моем положении...*

Последняя фраза превратилась у них в излюбленную поговорку. Оба шутя употребляли ее при всяком удобном случае, разрешая ею все споры. Эндрю не в силах был противостать ей. Он вставал смеясь, потягивался, убирал стекла и препараты.

В конце июля сильная вспышка ветряной оспы в Эберло прибавила ему работы, и третьего августа у него оказался особенно длинный список больных, которых нужно было навестить, так что он начал обход сразу после утреннего амбулаторного приема, а в четвертом часу дня, когда он поднимался по дороге к «Вейл Вью», утомленный, торопясь поесть и выпить чая, так как сегодня пропустил завтрак, он увидел у ворот своего дома автомобиль доктора Луэллина.

Присутствие здесь этого неподвижного предмета заставило Эндрю внезапно вздрогнуть и поспешить к дому. Серд-

це его сильно забилося от мелькнувшего подозрения. Он взбежал по ступеням крыльца, рванул входную дверь и в передней наткнулся на Луэллина. С нервной стремительностью посмотрев ему в лицо, он проговорил, заикаясь:

— Привет, Луэллин. Я... я не ожидал увидеть вас здесь так скоро.

— Да, и я тоже, — ответил Луэллин.

Эндрю улыбнулся:

— Так почему же?..

От волнения он не мог найти других слов, но вопросительное выражение его веселого лица говорило достаточно ясно.

Но Луэллин не улыбнулся в ответ. После очень короткого молчания он сказал:

— Пройдемте сюда на минутку, мой дорогой. — Он потянул Эндрю за собой в гостиную. — Мы все утро пытались вас разыскать.

Поведение Луэллина, его нерешительный вид, непонятное сочувствие в голосе пронизали Эндрю холодом. Он пролепетал:

— Что-нибудь случилось?

Луэллин посмотрел в окно, на мост, словно ища самых осторожных, добрых слов для объяснения. Эндрю не мог больше выдержать. Он едва дышал, ему давила сердце жуткая неизвестность.

— Мэнсон, — начал Луэллин мягко, — сегодня утром... когда ваша жена проходила по мосту, одна гнилая доска сломалась. С ней все благополучно, вполне благополучно. Но, к сожалению...

Эндрю понял все раньше, чем Луэллин закончил. Острая боль резанула его по сердцу.

— Вам, может быть, будет приятно знать, — продолжал Луэллин тоном спокойного сострадания, — что мы сделали все необходимое. Я сразу же приехал, привез сестру из больницы, и мы пробыли здесь весь день...

Наступило молчание. Эндрю всхлипнул раз, потом другой, третий. Закрыв лицо рукой.

— Полноте, дорогой друг, — уговаривал его Луэллин. — Кто мог предвидеть такой случай? Ну, прошу вас, перестаньте. Подите наверх и утешьте жену.

С опущенной головой, держась за перила, Эндрю пошел наверх. Перед дверью спальни он остановился, едва дыша, потом, спотыкаясь, вошел.

XIV

К 1927 году у доктора Мэнсона в Эберло была уже достаточно солидная репутация. Практика у него была не слишком большая, список пациентов численно не очень увеличился с тех первых тревожных дней его появления в городе. Но каждый человек из этого списка глубоко верил в своего доктора. Он прописывал мало лекарств. Он имел даже неслыханную привычку отговаривать больных принимать лекарства, но уж если он какое-нибудь лекарство рекомендовал, то прописывал его в потрясающих дозах. Нередко можно было видеть, как Гедж, горбясь, шел через приемную с каким-нибудь рецептом в руках.

— Как это понять, доктор Мэнсон? *Шестьдесят* гран бромистого калия Эвану Джонсу! А в фармакопее указана доза в *пять* гран!

— Ваша фармакопея — тот же «Сонник тети Кэти». Приготовьте шестьдесят, Гедж. Вы же сами рады отправить Эвана Джонса на тот свет.

Но Эван Джонс, эпилептик, на тот свет не отправился. Неделю спустя припадки стали реже, и его видели гуляющим в городском парке.

Комитет должен был бы особенно ценить доктора Мэнсона, так как он выписывал лекарств, за исключением экстренных случаев, вдвое меньше, чем всякий другой врач. Но, увы, Мэнсон обходился комитету втрое дороже, так как требовал постоянно другого рода затрат, и часто из-за этого

между ним и комитетом шла война. Он, например, выписывал вакцины и сыворотки — разорительные вещи, о которых, как с возмущением заявлял Эд Ченкин, никто раньше здесь и не слыхивал. Раз Оуэн, защищая Мэнсона, привел в пример тот зимний месяц, когда Мэнсон с помощью вакцины Борде и Женгу прекратил свирепствовавшую на его участке эпидемию коклюша, в то время как все остальные дети в городе погибали от него, но Эд Ченкин возразил:

— Откуда вы знаете, что помогли именно эти новомодные затеи? Когда я хорошенько взялся за вашего доктора, он сам сказал, что это никто не может знать наверняка.

У Мэнсона было много преданных друзей, но были и враги. Некоторые члены комитета не могли ему простить его вспышки, тех рожденных душевной мукой слов, которые он бросил им в лицо три года назад на заседании после случая с мостом. Они, конечно, жалели и его, и миссис Мэнсон, понесших такую тяжелую потерю, но не считали себя виноватыми. Комитет никогда ничего не делает второпях! Оуэн тогда был в отпуске, а Лен Ричардс, заменявший его, занят был новыми домами на Поуис-стрит. Значит, обвинять комитет было просто нелепо.

За это время Эндрю имел много стычек с комитетом, так как упрямо желал идти своей дорогой, а комитету это не нравилось. К тому же против него были клерикалы. Жена его часто ходила в церковь, его же там никогда никто не видывал (на это первый указал доктор Оксборроу), и передавали, будто он смеялся над идеей крещения путем погружения в воду. Среди пресвитериан у Эндрю был смертельный враг — такая важная особа, как сам преподобный Эдуал Перри, пастор Синайской церкви.

Весной 1926 года достойный Эдуал, недавно женившийся, поздно вечером бочком вошел в амбулаторию Мэнсона с миной ревностного христианина, но вместе с тем и с вкрадчивой любезностью светского человека.

— Как поживаете, доктор Мэнсон? Я зашел случайно, проходя мимо... Собственно, я постоянный пациент доктора Оксборроу, ведь он принадлежит к моей пастве, и, кроме того, Восточная амбулатория, где он принимает, у нас под рукой... Но вы, доктор, такой во всех отношениях передовой человек, вы, так сказать, в курсе всего нового, и мне бы хотелось... Я, конечно, уплачу вам за это приличный гонорар, — что бы вы мне посоветовали... — Эдуал прикрыл демонстративной светской непринужденностью легкое смущение слушателя церкви. — Видите ли, мы с женой не хотим иметь детей — пока, во всяком случае. При моем жалованье, знаете ли...

Мэнсон с холодным отвращением смотрел на этого священника, но ответил уклончиво:

— А вы знаете, что есть люди, зарабатывающие четверть того, что вы получаете, и между тем готовые отдать правую руку за то, чтобы иметь ребенка? Зачем же вы женились? — И вдруг гнев его вспыхнул ярким пламенем. — Уходите отсюда, живо! Вы... вы, грязный служитель Бога!

Перри, странно дергая щекой, выбрался поскорее из кабинета. Может быть, Эндрю поступил слишком грубо. Но объяснялось это тем, что Кристин после того рокового падения не могла больше иметь детей, а оба они жаждали их всей душой.

В этот день, пятнадцатого мая 1927 года, Эндрю, возвращаясь домой от больного, спрашивал себя, почему они с Кристин остались в Эберло после смерти их ребенка. Ответ был прост: из-за его исследований. Работа эта захватила его, поглотила всего, привязала к шахтам.

Обозревая все сделанное им, вспоминая трудности, с которыми приходилось бороться, он удивлялся тому, что за такое время успел закончить свои исследования. Те первые опыты — какими они казались далекими и технически несовершенными!

После того как он провел полное клиническое наблюдение над состоянием легких у всех шахтеров его участка и на основании полученных данных составил таблицы, он доказал несомненную склонность к легочным заболеваниям у рабочих антрацитовых копей. Например, оказалось, что девяносто процентов его пациентов, больных фиброзом легких, работают в антрацитовых коях. Он установил также, что смертность от легочных болезней среди старых рабочих антрацитовых копей почти в три раза больше, чем среди шахтеров всех угольных копей. Он составил ряд таблиц, указывающих процент легочных заболеваний у шахтеров различных специальностей.

Затем он задался целью доказать, что кремнеземная пыль, которую он нашел, исследуя мокроту рабочих, имеется в забоях антрацитовых копей. И он доказал это не только теоретически: продержав в различное время и в различных участках шахты стеклышки, намазанные канадским бальзамом, он получил таким путем данные относительно различных концентраций пыли. Цифры эти резко повышались там, где происходило бурение, и у доменных печей.

Таким образом Эндрю получил ряд очень интересных уравнений, устанавливающих зависимость между избытком кремнеземной пыли в воздухе и высоким процентом легочных заболеваний. Но это было еще не все. Ему нужно было *доказать*, что пыль эта вредна, что она разрушает ткань легких, а не является просто невинным побочным фактором. Надо было провести ряд патологических экспериментов над морскими свинками, изучить действие кремнеземной пыли на их легкие.

Вот тут-то, в самый разгар его воодушевления, начались наиболее серьезные неприятности. Комната для опытов у него имелась. Достать несколько морских свинок было не трудно, а организовать опыты просто. Но при всей изобретательности своего ума он не был патологом и никогда им

быть не мог. Сознание это его сердило и только укрепляло его решимость. Он ругал систему, виновную в том, что приходится работать одному, и заставлял Кристин помогать ему, учил ее делать срезы и готовить препараты. Очень скоро она постигла технику этого дела лучше, чем он.

Потом он соорудил очень простую пылевую камеру. Одни свинки в этой камере по несколько часов в день подвергались действию пыли, в то время как другие ему не подвергались вовсе и служили для сравнения. Это была кропотливая работа, требовавшая больше терпения, чем было у Эндрю. Дважды ломался его маленький электрический вентилятор. В самый критический момент опыта он испортил всю контрольную систему, и пришлось начинать все сначала. Но, несмотря на промахи и задержки, он добился нужных результатов, показал таким образом прогрессивные стадии разрушения легких и образования фиброза благодаря вдыханию пыли.

Удовлетворенный, он сделал передышку, перестал ворчать на Кристин и в течение нескольких дней вел себя сносно. Затем его осенила новая идея, и он опять с головой окунулся в работу.

Во всех своих исследованиях он исходил из предположения, что к разрушению легких ведут механические повреждения их твердыми и острыми кристаллами кремнезема, попадающими туда при вдыхании пыли в копиях. Но теперь ему вдруг пришел в голову вопрос: не кроется ли какое-нибудь химическое воздействие за этим чисто физическим раздражением легочной ткани твердыми частицами. Он не был химиком, но эта работа настолько его увлекла, что он не желал признать себя побежденным. И начал новую серию экспериментов.

Он достал кремнезем в коллоидальном растворе и впрыснул его под кожу одной из свинок. Результатом был нарыв. Оказалось, что такие же нарывы можно вызвать путем

впрыскивания водных растворов аморфного кремния, который не вызывал никакого физического раздражения. Эндрю с торжеством убедился, что впрыскивание вещества, вызывающего механические раздражение, например частиц угля, не дает нарывов. Значит, кремнеземная пыль оказывает какое-то химическое действие, разрушая легкие.

От возбуждения и неистовой радости он чуть не помешался. Он достиг даже большего, чем рассчитывал. Лихорадочно собирал он данные, суммировал результаты трехлетней работы. Уже за много месяцев перед тем им было решено не только опубликовать свои исследования, но и взять их темой для диссертации на звание доктора медицины. Когда работа его, перепечатанная на машинке, вернулась из Кардиффа, красиво переплетенная в бледно-голубую обложку, он с восторгом перечел ее. Потом в сопровождении Кристин пошел на почту и отправил ее в Лондон. После этого он впал в беспросветное отчаяние.

Он был измучен, ко всему безучастен. Он сознавал яснее, чем когда-либо, что он вовсе не кабинетный ученый, что самая лучшая, самая ценная часть его работы заключалась в первой фазе клинического исследования. Он вспоминал с острым раскаянием, как часто обрушивался на бедную Кристин. Много дней он ходил унылый, ко всему равнодушный. И все же бывали счастливые мгновения, когда он сознавал, что в конце концов что-то сделал.

XV

Та озабоченность, то странное состояние отрешенности от всего, в котором Эндрю находился с тех пор, как отослал свою работу, помешали ему обратить внимание на расстроенное лицо Кристин, когда однажды в майский день он вернулся домой. Он рассеянно поздоровался с ней, пошел наверх умываться, затем вернулся в столовую пить чай.

Но когда он закончил и закурил сигарету, то вдруг заметил это выражение лица Кристин. И спросил, потянувшись за вечерней газетой:

— Что это ты? В чем дело?

Кристин с минуту внимательно рассматривала чайную ложку:

— У нас сегодня побывали гости... вернее — у меня, когда тебя не было дома.

— О! Кто же?

— Депутация от комитета, целых пять человек. Среди них Эд Ченкин, а сопровождал их Перри, ну, знаешь, священник, и какой-то Дэвис.

Напряженное молчание. Эндрю затаился сигаретой и опустил газету, чтобы посмотреть на Кристин.

— А что им было нужно?

Только теперь Кристин ответила на его пытливый взгляд, не скрывая больше своего раздражения и тревоги. Она быстро заговорила:

— Они пришли часа в четыре... спросили тебя. Я им сказала, что тебя нет дома. Тогда Перри сказал, что это не имеет

значения, что они все равно войдут. Конечно, я совсем рас-
терялась. Я не поняла, хотят они тебя дождаться или нет.
Тут Эд Ченкин сказал, что этот дом принадлежит комите-
ту и они как представители комитета имеют право войти и
войдут. — Она замолчала и торопливо перевела дух. — Я не
сдвинулась с места. Я разозлилась, огорчилась. Но не пока-
зала виду и спросила, для чего они хотят войти в дом. Тогда
выступил Перри. Он сказал, что и до него, и до комитета
дошло, и вообще весь город говорит, что ты делаешь какие-
то опыты над животными. Они имели наглость назвать это
вивисекцией. И поэтому они пришли осмотреть твою рабо-
чую комнату и привели с собой мистера Дэвиса, члена Об-
щества защиты животных.

Эндрю не шевелился и не сводил глаз с лица Кристин.

— Рассказывай дальше, дорогая, — спокойно сказал он.

— Ну, я пыталась их не пустить, но ничего из этого не
вышло. Они просто протиснулись мимо меня, все семеро,
в переднюю, а оттуда — в лабораторию. Когда они увидели
морских свинок, Перри завопил: «О бедные бессловесные
твари!» А Ченкин указал на пятно на полу — там, где я уро-
нила бутылку с фуксином, помнишь? — и закричал: «По-
смотрите-ка сюда! Кровь!» Они все перешарили, осмотрели
наши прекрасные срезы, микротом¹, все решительно. По-
том Перри сказал: «Я не оставлю здесь этих бедных живот-
ных, чтобы их подвергали мучениям. Я предпочту избавить
их разом от страданий». Он схватил мешок, принесенный
Дэвисом, и запихал туда всех свинок. Я пыталась ему объ-
яснить, что никаких мучений, вивисекции и тому подобной
ерунды и в помине не было. И что во всяком случае эти пять
морских свинок вовсе не для опытов, что мы их собирались
подарить детям Боленда и маленькой Агнес Иванс. Но они
не хотели меня слушать. Забрали свинок и ушли.

¹ Инструмент для приготовления тонких срезов для микроскопа.

Эндрю густо покраснел. Он выпрямился на стуле:

— Никогда в жизни не слыхивал о такой гнусной наглости! Безобразие, что тебе пришлось терпеть это, Крис. Но они у меня поплатятся! — С минуту он размышлял, потом бросился в переднюю к телефону и сорвал трубку с рычага. — Алло! — сказал он сердито, потом голос его слегка изменился — у телефона оказался Оуэн. — Да, это Мэнсон говорит. Послушайте, Оуэн...

— Знаю, знаю, доктор, — быстро перебил его Оуэн. — Я весь день пытался вас поймать. Слушайте. Нет-нет, не перебивайте меня. Не надо терять голову. Заварилось пренеприятное дело, доктор. Но по телефону об этом говорить не будем. Я сейчас иду к вам.

Эндрю воротился к Кристин.

— Что он хотел сказать, не понимаю, — кипятился он, передавая разговор с Оуэном. — Можно подумать, что мы в чем-нибудь виноваты.

Они дожидались прихода Оуэна: Эндрю — шагая из угла в угол в приливе нетерпения и гнева, Кристин — сидя за шитьем и беспокойно поглядывая на мужа.

Пришел Оуэн. Но в лице его не было ничего успокоительного. Прежде чем Эндрю успел открыть рот, он спросил:

— Скажите, доктор, у вас имеется патент?

— Что? — Эндрю широко открыл глаза. — Какой патент?

Оуэн еще больше нахмурился:

— Вам следовало взять патент от Министерства внутренних дел на экспериментальную работу с животными. Вы этого не знали?

— Какой еще, к черту, патент?! — горячо запротестовал Эндрю. — Я не патолог и не собираюсь им быть. И я не открывал собственной лаборатории. Мне просто нужно было проделать несколько опытов, связанных с моей клинической работой. У нас за все время было не больше какого-нибудь десятка животных. Правда, Крис?

Оуэн избегал его взгляда:

— Вы должны были взять патент, доктор. В комитете есть люди, которые сильно хотят вам насолить и воспользуются этим. — Он торопливо продолжал: — Видите ли, доктор, такой человек, как вы, который делает работу пионера, который настолько честен, что открыто высказывает свои взгляды, должен... Ну, одним словом, я считаю нужным вас предупредить, что здесь есть компания, которая спит и видит, как бы всадить вам нож в спину. Но ничего, не унывайте, все обойдется. В комитете будет немалая кутерьма, придется вам давать объяснения, но, впрочем, у вас уже бывали с ними стычки раньше, вы и на этот раз победите.

— Я подам встречную жалобу! — разбушевался Эндрю. — Я заставлю их отвечать за... за незаконное вторжение в мой дом. Нет, провались они, я подам на них в суд за кражу моих морских свинок. Я потребую, чтобы их во всяком случае вернули,

Легкая усмешка пробежала по лицу Оуэна.

— Вам их обратно не получить, доктор. Преподобный Перри и Эд Ченкин объявили, что они сочли нужным избавить свинок от страданий. Во имя милосердия они их утопили собственными руками.

Оуэн ушел огорченный. А на следующий день Эндрю получил повестку с предложением не позднее чем через неделю явиться в комитет.

Тем временем вся эта история получила широкую огласку, сплетня пожаром охватила город. В Эберло не слыхивали ничего столь скандального, возбуждающего, отдающего прямо черной магией, с того времени, как Тревор Дэй, адвокат, был заподозрен в отравлении своей жены мышьяком. Образовались различные партии, яростно защищавшие каждая свою точку зрения. Эдуал Перри с кафедры синайской церкви метал громы и грозил небесной карой на этом и на том свете тем, кто мучает животных и детей. В другом конце города преподобный Дэвид Уолпол, круглолицый

священник государственной церкви, для которого Перри был то же, что свинья для набожного магометанина, бляял о прогрессе и о вражде между свободной церковью и наукой.

Даже женщины всполошились. Мисс Майфенви Бенсю-зен, председательница местного отделения Лиги уэльских женщин, выступила на многолюдном собрании в зале Общества трезвости. Правда, Эндрю когда-то обидел Майфенви, отказавшись открыть заседание ежегодного съезда лиги. Но независимо от этого выступление Майфенви было продиктовано, несомненно, бескорыстными мотивами. После собрания и в последующие вечера молодые девицы, члены лиги, обычно приурочивавшие свои уличные выступления только к календарным праздникам, распространяли жуткого вида листовки против вивисекции, с изображением наполовину выпотрошенной собаки.

В среду вечером Кон Боленд позвонил Эндрю, чтобы рассказать забавную историю.

— Как поживаете, Мэнсон, дружище? По-прежнему не гнете шеи, а? Очень хорошо! Вам, пожалуй, будет интересно то, что я вам сейчас расскажу. Сегодня, когда наша Мэри шла домой со службы, одна из этих вертихвосток с флагами остановила ее и сунула ей листовку — знаете, воззвания, которые они распространяют против вас. И что вы думаете... ха-ха-ха!.. как вы думаете, что сделала наша храбрая Мэри? Схватила листок и разорвала на мелкие клочки. Потом — бац! — дала оплеуху этой флажнице, сорвала у нее с головы шляпу и говорит... ха-ха-ха!.. Как вы думаете, что она сказала? «Вы протестуете против жестокости? Так вот я вам покажу, что такое жестокость!»

Такое физическое воздействие применяли и другие, столь же преданные, как Мэри, сторонники Эндрю.

Весь участок Эндрю крепко стоял за него, но зато вокруг Восточной амбулатории сплотился блок тех, кто был против него. В трактирах происходили драки между приверженцами Эндрю и его врагами. Фрэнк Дэвис в четверг вечером

пришел в амбулаторию избитый, чтобы сообщить Эндрю, что он расшиб башку двум пациентам Оксборроу за то, что они назвали Эндрю кровожадным мясником.

После этого доктор Оксборроу проходил мимо Эндрю подпрыгивающей походкой, устремив глаза куда-то вдаль. Было известно, что он открыто выступает против нежелательного ему коллеги вместе с преподобным Перри.

Уркхарт, вернувшись как-то из масонского клуба, пересказал Эндрю изречения этого жирного христианина, из которых самым глубокомысленным было следующее: «Как может врач убивать живых Божьих тварей?»

Уркхарт говорил мало. Но раз как-то, покосившись на напряженное, замкнутое лицо Эндрю, объявил:

— Черт побери, в ваши годы и я наслаждался такого рода скандалами! Ну а теперь... видно, стар становлюсь.

Эндрю невольно подумал, что Уркхарт неверно судит о нем. Он был далек от того, чтобы наслаждаться скандалами. Он был озабочен, утомлен, раздражен. Он с тревогой спрашивал себя, неужели ему всю жизнь предстоит биться головой о каменную стену? Но душевная подавленность не мешала ему страстно желать своей реабилитации перед всем взбудораженным городом.

Наконец прошла эта неделя, и в субботу днем собрался комитет, как было сказано в повестке, для «дисциплинарного допроса доктора Мэнсона». В комнате заседаний не было ни одного свободного места, и даже перед домом на площади слонялись группы людей. Эндрю вошел в дом и поднялся по узкой лестнице наверх, чувствуя, что сердце у него сильно бьется. Он говорил себе, что надо быть спокойным и твердым. Но когда он сел на тот самый стул, на котором сидел в качестве кандидата пять лет назад, то точно оцепенел, во рту пересохло, нервы были напряжены.

Заседание началось не молитвой, как можно было бы ожидать от ханжей, которые подняли кампанию против Эндрю, а пламенной речью Эда Ченкина.

— Я сейчас изложу все факты товарищам по комитету, — начал Ченкин, вскочив с места, и в громкой и нескладной речи перечислил все обвинения, выдвинутые против Эндрю.

Он говорил, что доктор Мэнсон не имел права заниматься тем, чем занимался. Он работал для себя в служебное время, за которое комитет платил ему, причем делал это, пользуясь комитетским имуществом. Кроме того, он делал вивисекции или нечто в этом роде. И все это — без обязательного официального разрешения, что является очень серьезным нарушением закона!

Тут поспешно вмешался Оуэн:

— Что касается последнего пункта, я должен предупредить комитет вот о чем: если он донесет, что доктор Мэнсон работал без патента, отвечать за это будет все наше Общество в целом.

— Что вы хотите сказать, не понимаю, — сказал Ченкин.

— Так как он у нас на службе, — пояснил Оуэн, — то мы, по закону, несем ответственность за доктора Мэнсона!

Среди членов комитета пробежал шепот согласия и раздалась крики: «Оуэн прав! Нечего навлекать на Общество неприятности! Это должно остаться между нами».

— Ну ладно, наплевать на этот патент! — рявкнул Ченкин, все еще не садясь. — И остальных обвинений достаточно, чтобы его повесить.

— Слушайте, слушайте! — выкрикнул кто-то из задних рядов. — Сколько раз он потихоньку удирал в Кардифф на своем мотоцикле тогда летом, три года назад!

— Он лекарств не дает, — подал голос Лен Ричардс. — Можно прождать битый час перед его кабинетом и уйти с пустой бутылкой.

— К порядку! К порядку! — орал Ченкин. Уняв их, он перешел к заключительной части своей речи: — Все эти обвинения достаточно серьезны. Они показывают, что доктор Мэнсон никогда не служил добросовестно нашему Обществу медицинской помощи. К этому я еще могу добавить, что

он дает рабочим неправильные свидетельства о болезни. Но не будем уклоняться от главного вопроса. Перед нами врач, который вооружил против себя весь город такими действиями, за которые его, собственно, можно было бы передать в руки полиции. Человек, который превратил наш комитетский дом в бойню. Клянусь Богом, товарищи, я видел собственными глазами кровь на полу! Этот человек просто какой-то фантазер и экспериментатор. Я вас спрашиваю, товарищи, согласны ли вы терпеть подобные вещи? — «Нет» — ответу я за вас. «Нет» — скажете вы. Я знаю, что все вы со мной согласитесь, когда я заявлю, что мы требуем увольнения доктора Мэнсона.

Ченкин оглянулся на своих друзей и сел под громкие аплодисменты.

— Может быть, вы дадите высказаться доктору Мэнсону? — негромко сказал Оуэн и повернулся к Эндрю.

Наступила тишина. Минуту-другую Эндрю сидел неподвижно. Положение было даже хуже, чем он ожидал. «Вот и верьте после этого в комитеты», — подумал он с горечью. Неужели это те самые люди, которые одобрительно улыбались ему в тот день, когда его приняли на службу? Эндрю кипел от возмущения. Нет, он не уйдет, вот и все.

Он поднялся с места. Оратор он был плохой и знал это. Но он злился, нервное состояние сменилось все растущим возмущением против невежества, против нестерпимой глупости обвинения, брошенного Ченкиным, против шумного одобрения, которым поддержали его остальные. Он начал:

— Никто не сказал здесь ничего о животных, которых утопил Эд Ченкин. Вот это, если угодно, жестокость, бесполезная жестокость. А то, что делал с ними я, вовсе не жестоко. Для чего вы, шахтеры, берете с собой в шахту белых мышей и канареек? Чтобы на них проверить, имеется ли там рудничный газ. Все вы это знаете. Что же, когда мыши погибают от струи газа, вы это не считаете жестокостью? Нет,

не считаете. Вы понимаете, что животные понадобились для того, чтобы спасти жизнь людей, может быть, именно вашу жизнь.

Вот это самое делал и я, делал *для вас!* Я изучал легочные болезни, которые вы получаете от угольной пыли в забоях. Все вы знаете, что, поработав в копах, вы начинаете кашлять, у вас болит грудь, а когда вы свалитесь, вам не дают пособия. За последние три года я почти каждую свободную минуту занимался этим вопросом. Я открыл такие вещи, которые послужат для улучшения условий вашего труда, увеличат заработок и сохраняют ваше здоровье лучше, чем бутылка какого-нибудь вонючего лекарства, о котором тут говорил Лен Ричардс. Что же такого, если я для этой цели использовал какой-нибудь десяток морских свинок?! Не находите ли вы, что это стоило сделать?

Вы мне, может быть, не верите. Вы настолько предубеждены, что считаете мои слова ложью. Может быть, вы все еще находите, что я без пользы тратил время, *ваше* время, как здесь говорили, на какие-то чудачества? — Эндрю был так взвинчен, что забыл о своем твердом намерении не впадать в драматический тон. Он полез в карман на груди, достал оттуда письмо, полученное в начале недели. — Так вот, вы сейчас увидите, что думают об этом другие люди, люди, имеющие больше права судить о моей работе.

Он подошел к Оуэну и протянул ему письмо. Это было извещение от секретаря совета Университета Сент-Эндрю, что за его диссертацию на тему о вдыхании пыли он удостоен степени доктора медицины.

Оуэн прочел письмо, напечатанное синими буквами на машинке, и лицо его вдруг просветлело.

Потом письмо пошло по рукам.

Эндрю надоело наблюдать эффект, произведенный письмом. При всем горячем желании доказать свою правоту, он теперь сожалел, что под влиянием внезапного порыва показал письмо. Если они ему не верили без этого официального

подтверждения, значит они были сильно против него пре-
дубеждены. Он чувствовал, что, несмотря на письмо, они
готовятся примерно его наказать.

Он с облегчением услышал, как Оуэн после нескольких
замечаний сказал:

— Может быть, вы теперь будете добры нас оставить,
доктор!

Ожидая за дверью, пока они голосовали, Эндрю так и ки-
пел от злости. Замечательная идея — контроль медицинско-
го обслуживания рабочих, осуществляемый их представите-
лями. Но этот комитет представителей далек от идеала. Они
слишком заражены предрассудками, слишком невежествен-
ны, чтобы с успехом проводить эту работу. Оуэн постоянно
тащил их на поводу. Но Эндрю был убежден, что на этот раз
даже Оуэн при всем желании не сможет его выручить.

Однако когда он снова вошел в комнату, где происходи-
ло заседание, то увидел, что секретарь улыбается и потира-
ет руки. Да и другие смотрели на него уже более благосклон-
но, во всяком случае не враждебно. Оуэн тотчас же поднял-
ся и объявил:

— Рад сообщить вам, доктор Мэнсон, — и, должен ска-
зать, я лично даже просто в восторге от этого, — что коми-
тет большинством голосов решил просить вас остаться.

Итак, победа, он таки убедил их! Но после первого ми-
нутного удовлетворения это не вызвало у него никакого
подъема. Он молчал.

Молчали и члены комитета, видимо ожидая от него вы-
ражений радости и благодарности. Но он не в силах был
это сделать. Он чувствовал, что ему надоела вся эта безоб-
разная история, комитет, Эберло, медицина, кремнеземная
пыль, морские свинки, что он устал от всего этого — и от
самого себя.

Наконец он заговорил:

— Благодарю вас, мистер Оуэн. Принимая во внимание
все мои труды здесь, я рад, что комитет не желает моего

ухода. Но, к сожалению, я не могу больше оставаться в Эберло. Предупреждаю комитет, что через месяц я уйду.

Он сказал это без всякого волнения, повернулся и вышел из комнаты. Некоторое время стояла гробовая тишина. Первый опомнился Эд Ченкин.

— Скатертью дорога! — крикнул он довольно вяло вслед Мэнсону.

Но тут Оуэн поразил всех вспышкой гнева — первой за все время его работы в комитете.

— Заткни свою дурацкую глотку, Эд Ченкин! — Он с пугающей яростью бросил линейку на стол. — Мы лишились лучшего из всех докторов, каких когда-либо имели.

XVI

Эндрю проснулся среди ночи и сказал со стоном:

— Ну не дурак ли я, Крис? Бросать прекрасную службу — единственный наш источник существования! Ведь у меня же последнее время начали появляться и частные пациенты. И Луэллин стал ко мне прилично относиться. Говорил я тебе, что он почти обещал допустить меня к работе в больнице? Да и в комитете — если не считать Ченкина с компанией — народ не плохой. Я думаю, в будущем, если бы Луэллин ушел, они, верно, назначили бы меня главным врачом на его место.

Кристин спокойно и рассудительно утешала его, лежа рядом с ним в темноте:

— Что же, ты хотел бы всю жизнь проторчать на работе среди уэльских шахтеров? Мы здесь были счастливы, но пора нам и двинуться отсюда,

— Однако послушай, Крис, — сокрушался Эндрю, — у нас же не хватит денег, чтобы откупить у кого-нибудь практику. Нам следовало еще подкоптить, прежде чем сниматься с якоря.

Она сонно возразила:

— При чем тут деньги? К тому же мы все равно истратим все или почти все на то, чтобы прокатиться куда-нибудь. Пойми, ведь вот уже скоро четыре года мы почти никуда не выезжали из этого старого городишки.

Она заразила его своим настроением. Наутро мир уже казался ему веселым местом, в котором можно жить без забот.

За завтраком, который он уписывал с аппетитом, он объявил:

— А ты неплохая девочка, Крис. Вместо того чтобы становиться на ходули и твердить мне, что ждешь от меня великих дел, что мне пора выйти в люди и создать себе имя и так далее, ты просто...

Кристин его не слушала. Она некстати возразила:

— Право, мой друг, тебе бы не следовало так мять газету! Я думала, что только женщины это делают. Ну, как я теперь прочту отдел садоводства?

— А ты его не читай. — По дороге к двери он, смеясь, поцеловал ее. — Ты лучше думай обо мне.

Теперь он был преисполнен отваги, готов вновь попытаться счастья на новом поприще. Вместе с тем, повинуясь природной осторожности, он невольно проверял итоги своих достижений: у него звание члена Королевского терапевтического общества, степень доктора медицины и свыше трехсот фунтов в банке. При наличии всего этого они с Кристин, конечно, голодать не будут.

Хорошо, что решение их было непоколебимо. Настроение в городе резко изменилось в его пользу. Теперь, когда он уходил по собственному желанию, все хотели, чтобы он остался.

Кульминационный момент наступил через неделю после заседания, когда в «Вейл Вью» явилась депутация во главе с Оуэном просить Эндрю, чтобы он пересмотрел свое решение, но ничего не добились. После этого озлобление против Эда Ченкина достигло крайних пределов. В рабочих кварталах ему улюлюкали вслед, из шахты дважды провожали домой «оркестром свистулек» — такому позору обычно подвергали только штрейкбрехеров.

После всех этих местных откликов на его работу Эндрю казалось удивительным, что диссертация его, по-видимому, легко завоевала мир за пределами Эберло. Она дала ему

степень доктора медицины. Она была напечатана в английском журнале «Производство и здоровье» и выпущена брошюрой в Соединенных Штатах Американским обществом гигиены. А кроме того, вскоре им были получены три письма.

Первое было от одной фирмы на Брик-лейн, сообщавшей, что ему посланы образцы их патентованного «Пульмо-сиропа», верного средства против легочных болезней, за которое они получили сотни благодарственных писем, в том числе и от нескольких известных врачей. Фирма выражала надежду, что доктор Мэнсон рекомендует своим пациентам-шахтерам «Пульмо-сироп», тем более что он вылечивает и от ревматизма.

Второе письмо было от профессора Чэллиса — с восторженными поздравлениями и комплиментами. Кончалось письмо вопросом, не может ли Эндрю как-нибудь на этой неделе побывать в Кардиффском институте. В постскрипуме Чэллис добавлял: «Постарайтесь заехать в четверг».

Но Эндрю в спешке последних дней не имел возможности это сделать. Он в рассеянности сунул куда-то письмо и забыл на него ответить.

Зато на третье письмо он ответил тотчас же, ему он искренне обрадовался. То было необычайное, волнующее письмо, и пришло оно из Орегона, через Атлантический океан. Эндрю читал и перечитывал напечатанные на машинке листки, потом в волнении пошел с ними к Кристин:

— Какое милое письмо, Крис! Это из Америки, от одного человека по имени Стиллман, от Ричарда Стиллмана. Ты, верно, никогда о нем не слышала, а я слышал. Он страшно хвалит мою работу о вдыхании пыли. Больше, гораздо больше, чем Чэллис. Ах, черт возьми, ведь я не ответил Чэллису на письмо!.. Этот малый — Стиллман — отлично понял мою мысль, он даже поправляет меня в двух-трех пунктах. По-видимому, активным разрушительным элементом в кремнеземе является серицит. Мне помешало до этого

додумать недостаточное знание химии. Но какое чудесное письмо, какое лестное — и от самого Стиллмана!

— Да? — Кристин вопросительно прищурилась. — А что, это какой-нибудь американский врач?

— Нет, то-то и любопытно. Он, собственно, физик. Но он заведует клиникой по легочным болезням вблизи Портленда, в Орегоне. Вот видишь, это здесь напечатано. Некоторые его не признают, но он в своем роде такая же крупная величина, как Шпалингер¹. Я тебе расскажу о нем как-нибудь, когда у меня будет время.

Уже одно то, что он сразу сел писать ответ Стиллману, показывало, как он ценил его внимание.

Оба они с Кристин были теперь поглощены приготовлениями к отъезду, сдачей мебели на хранение в Кардиффе, как наиболее удобном центре, и грустной процедурой прощальных визитов. Отъезд их из Блэнелли произошел неожиданно. Они разом оторвались от всего. Здесь же пришлось пережить много томительных волнений. Они были приглашены на прощальные обеды к Вонам, Болендам, даже к Луэллинам. Эндрю даже заболел «напутственным расстройством желудка», как он называл это, в результате столь многочисленных прощальных банкетов. А в самый день отъезда плачущая Дженни ошеломила их сообщением, что им собираются устроить торжественные проводы на вокзале.

В довершение всего после этого волнующего сообщения в последний момент примчался Вон.

— Простите, друзья, что опять вас беспокою. Но послушайте, Мэнсон, зачем это вы обидели Чэллиса? Я только что получил от старика письмо. Ваша статья страшно заинтересовала и его и, насколько я понял, Горнозаводской комитет патологии труда тоже. Во всяком случае, Чэллис просит меня переговорить с вами. Он хочет, чтобы вы

¹ Известный швейцарец (не врач), создавший собственный метод лечения туберкулеза легких.

непрерывно зашли к нему в Лондоне, говорит, что по очень важному делу.

Эндрю ответил немного ворчливо:

— Мы едем отдыхать, дружище. Это будет первый наш отдых за много лет. Как же я попаду в Лондон?

— Тогда оставьте мне свой адрес. Он, наверное, захочет вам написать.

Эндрю нерешительно взглянул на Кристин. Они говорились скрыть от всех, куда едут, чтобы избавить себя от всяких тревог, переписки и встреч со знакомыми. Но все-таки он сообщил Вону адрес.

Потом они поспешили на станцию, окунулись в толпу, ожидавшую их там. Им жали руки, окликали, похлопывали по спине, обнимали и наконец, когда поезд уже тронулся, толкнули их в купе. Когда они отъезжали, собравшиеся на перроне друзья грянули песню «Люди из Харлека».

— О боже! — промолвил Эндрю, разминая онемевшие пальцы. — Это была последняя капля! — Однако глаза у него блестели, и через минуту он добавил: — Но я бы ни на что не променял этой минуты, Крис. Как люди добры к нам! И подумать только, что еще месяц назад половина города жаждала моей крови! Да, нельзя не признать, что жизнь — чертовски странная штука! — Он весело посмотрел на сидевшую рядом с ним Кристин. — Итак, миссис Мэнсон, хоть вы сейчас уже старая женщина, а все же начинается ваш второй медовый месяц.

Они приехали в Саутгемптон к вечеру того же дня, заняли каюту на пароходе, перевозившем через Ла-Манш. На следующее утро они увидели восход солнца за Сен-Мало, а часом позже их приняла Бретань.

Наливалась пшеница, вишневые деревья стояли, осыпанные плодами, по цветущим лугам бродили козы. Это Кристин пришла идея ехать в Бретань, познакомиться с настоящей Францией — не с ее картинными галереями и двор-

цами, не с историческими развалинами и памятниками, не со всем тем, что настойчиво рекомендовали осмотреть путеводители для туристов.

Они приехали в Валь-Андре. В маленькую гостиницу, где они поселились, доходил и шум морского прибоя, и благоухание лугов. В спальне у них пол был из некрашенных досок, по утрам им подавали дымящийся кофе в больших синих фаянсовых чашках. Они целые дни проводили в блаженном безделье.

— О господи! — твердил Эндрю все время. — Не чудесно ли это? Никогда, никогда, никогда я не захочу больше и взглянуть на какую-нибудь пневмонию.

Они пили сидр, лакомились креветками, лангустами, пирожками и вишнями. По вечерам Эндрю играл в бильярд с хозяином на старинном восьмиугольном столе.

Все было «прелестно», «изумительно», «чудесно» — эти определения принадлежали Эндрю. «Все, кроме сигарет», — добавлял он. Так прошел целый месяц блаженства. А затем Эндрю уже чаще и с постоянным беспокойством начал вертеть в руках нераспечатанное письмо, испачканное вишневым соком и шоколадом, пролежавшее в кармане его пиджака две недели.

— Ну что же, — поощрила его наконец Кристин однажды утром. — Мы слово сдержали, а теперь ты можешь его распечатать.

Он старательно вскрыл конверт и, подняв лицо к солнцу, прочел письмо. Затем медленно сел и перечитал его. И молча передал Кристин.

Письмо было от профессора Чэллеса. Он писал, что, ознакомившись с диссертацией Эндрю, Комитет по изучению патологии труда в угольных и металлорудных копаниях решил заняться этим вопросом, сделать доклад в парламентской комиссии. Для этой цели при комитете учреждается постоянная должность врача. И, приняв во внимание

исследовательскую работу доктора Мэнсона, совет комитета единодушно и без колебаний решил предложить эту должность ему.

Прочтя это, Кристин радостно посмотрела на мужа:

— Ну, не говорила ли я, что место для тебя всегда найдется. — Она улыбнулась. — И такое прекрасное!

Эндрю быстро, нервно швырял камушки в стоявшую на берегу плетенку для ловли омаров.

— Клиническая работа, — размышлял он вслух. — Что ж, это естественно: они знают, что я клиницист.

Улыбка Кристин стала шире.

— Но ты, конечно, не забыл нашего уговора: минимум полтора месяца мы остаемся здесь, бездельничаем и не двигаемся с места. Ты ведь не согласишься ради этого прервать наш отдых?

— Нет-нет! — Он посмотрел на часы. — Мы свой отдых доведем до конца, но во всяком случае, — он вскочил и весело поднял на ноги Кристин, — это нам не помешает сбегать сейчас на телеграф. И интересно... интересно, найдется ли там расписание поездов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Комитет по изучению патологии труда в угольных и металлорудных копях, обычно называемый сокращенно К. П. Т., помещался в большом, внушительном на вид здании из серого камня на набережной, недалеко от Вестминстерских садов, откуда было удобное сообщение с Министерством торговли и Департаментом горной промышленности, которые то забывали о существовании комитета, то начинали яростно спорить, в чем ведении надлежит состоять комитету.

Четырнадцатого августа, в светлое, солнечное утро, Эндрю, пышущий здоровьем, полный огромного воодушевления, взлетел по лестнице этого дома с выражением человека, который собирается завоевать Лондон.

— Я новый врач комитета, — представился он курьеру в форме.

— Да-да, знаю, — сказал курьер отеческим тоном, и Эндрю заключил, что его, очевидно, уже ожидали. — Вам надо будет пройти к нашему мистеру Джиллу. Джонс! Проводи нашего нового доктора наверх в кабинет мистера Джилла.

Лифт медленно поднимался вверх, мимо коридоров, облицованных зеленым кафелем, многочисленных площадок, на которых мелькала все та же форма служащих министерства. Затем Эндрю ввели в просторную, залитую солнцем комнату, и не успел он опомниться, как ему уже жал руку

мистер Джилл, который встал из-за письменного стола и отложился в сторону «Таймс», чтобы поздороваться с ним.

— Я немного опоздал, — с живостью сказал Эндрю. — Прошу прощения. Мы только вчера приехали из Франции. Но я хоть сейчас готов приступить к работе.

— Прекрасно! — Джилл оказался веселым маленьким человечком в золотых очках, воротничке почти пасторского фасона, в темно-синем костюме, темном галстуке, схваченном гладким золотым кольцом. Он смотрел на Эндрю с чопорным одобрением. — Присядьте, прошу вас. Не угодно ли чашку чая или стакан горячего молока? Я обычно пью что-нибудь около одиннадцати. А сейчас... Да-да, уже почти время.

— Тогда... — начал Эндрю нерешительно и вдруг, повеселев, закончил: — Может быть, вы расскажете мне все относительно моей будущей работы, пока мы...

Через пять минут человек в форме внес чашку чая и стакан горячего молока.

— Думаю, сегодня оно придется вам по вкусу, мистер Джилл. Оно кипело, мистер Джилл.

— Благодарю вас, Стивенс.

И когда Стивенс вышел, Джилл с улыбкой обратился к Эндрю:

— Вы увидите, какой это полезный человек. Он восхитительно готовит горячие гренки с маслом. Нам здесь, в комитете, редко достаются действительно первоклассные служащие. У нас ведь штат весь откомандирован из разных ведомств: из Министерства внутренних дел, Департамента горной промышленности, Министерства торговли. Я лично, — Джилл кашлянул со скромным достоинством, — из Адмиралтейства.

Пока Эндрю пил горячее молоко и нетерпеливо ожидал разъяснений насчет своих будущих обязанностей, Джилл вел приятную беседу о погоде, Бретани, о новых пенсиях

гражданским чинам и пользе пастеризации. Затем встал и повел Эндрю в предназначенный ему кабинет.

Это была такая же просторная, уютная, солнечная комната, устланная теплым ковром, с чудесным видом на Темзу. Большая шпанская муха тоскливо и сонно жужжала и билась о стекло.

— Я выбрал для вас эту комнату, — сказал Джилл приветливо. — Пришлось немножко привести ее в порядок. А вот открытый камин для угля, видите? Зимой будет приятно сидеть подле него. Надеюсь, вам здесь нравится?

— Ну разумеется, комната чудесная, но...

— А теперь я вас познакомлю с вашим секретарем, мисс Мейсон. — Джилл постучал и открыл дверь в соседнюю комнату, где за маленьким письменным столом сидела мисс Мейсон, немолодая девица с приятным лицом, выдержанная, просто и изящно одетая. Мисс Мейсон встала и отложила газету.

— Доброе утро, мисс Мейсон.

— Доброе утро, мистер Джилл.

— Мисс Мейсон, это доктор Мэнсон.

— Здравствуйте, доктор Мэнсон.

У Эндрю слегка зашумело в голове от этого града приветствий, но он овладел собой и принял участие в разговоре.

Через пять минут Джилл ускользнул и на прощание ободряюще сказал Эндрю:

— Я пришлю вам несколько папок с делами.

Папки принес Стивенс, державший их с любовной бережностью. Стивенс был не только мастер готовить гренки и кипятить молоко, он был еще и лучшим во всем учреждении специалистом по раскладке бумаг. Каждый час он входил в кабинет Эндрю с папкой бумаг, которые заботливо укладывал в стоявшую на письменном столе лакированную коробку с надписью «Входящие», и в то же время жадно заглядывал в коробку с надписью «Исходящие», ища, нет ли

там бумаг. Стивенса глубоко огорчало, если «Исходящая» оказывалась пустой. В этих прискорбных случаях он уходил расстроенный.

Растерянный, ошеломленный, раздраженный, Эндрю перелистал папки: протоколы заседаний комитета, скучные, бессодержательные, написанные неудобоваримым языком. Затем он энергично атаковал мисс Мейсон. Но мисс Мейсон, перешедшая сюда, по ее словам, из отдела мороженого мяса Министерства внутренних дел, располагала очень ограниченным запасом сведений. Она сообщила ему, что часы работы здесь от десяти до четырех. Рассказала о хоккейной команде служащих их учреждения, в которой она была помощником капитана. Предложила ему свой экземпляр «Таймс». Глаза ее молили Эндрю уговориться.

Но Эндрю не мог уговориться. Отдохнув и набравшись свежих сил за время поездки во Францию, он стосковался по работе. Он принялся чертить узор на ковре, с раздражением посмотрел в окно на Темзу, по которой суетливо сновали буксирные пароходы и плыли против течения длинные ряды угольных барж, с шумом бороздя воду. Потом пошел к Джиллу:

— Когда я смогу приступить к делу?

Джилл даже подскочил, так отрывисто был задан вопрос.

— Вы меня просто поражаете, мой милый доктор. Я дал вам столько папок, что вам хватит на месяц. — Он посмотрел на часы. — Пойдемте. Пора завтракать.

За порцией вареной камбалы Джилл тактично пояснил Эндрю, трудившемуся над отбивной котлетой, что ближайшее собрание не состоится и не может состояться раньше восемнадцатого сентября, что профессор Чэллис в Норвегии, доктор Морис Гэдсби — в Шотландии, сэр Уильям Дьюэр, председатель комитета, — в Германии, а его, Джилла, прямой начальник, мистер Блейдс, отдыхает с семьей во Френтоне.

В полном смятении вернулся в этот вечер Эндрю домой к Кристин. Мебель свою они сдали на хранение и, чтобы иметь время осмотреться и найти подходящее жилье, сняли на месяц маленькую меблированную квартирку на Эрлс-Корт.

— Можешь себе представить, Крис, они еще ничего для меня не подготовили! Мне предстоит целый месяц пить молоко, читать «Таймс» и старые протоколы, да еще вести длинные интимные беседы о хоккее со старухой Мейсон.

— Ты бы лучше ограничился беседами с твоей собственной старухой. Как мне здесь все нравится, милый, каким прекрасным кажется после Эберло! Я сегодня уже проделала маленькую экскурсию — в Челси. Видела дом Карлейля и галерею Тейт. У меня составлен целый план того, что нам с тобой надо проделать. Можно поехать пароходиком вверх до Кью. Подумай, мы увидим там знаменитый парк! А в будущем месяце в Альберт-Холле концерт Крейсlera! Да, и мы должны посмотреть на памятник, чтобы узнать, почему все над ним смеются. И потом, здесь сейчас гастролирует нью-йоркская труппа... И было бы очень мило, если бы мы с тобой как-нибудь позавтракали вместе в ресторане. — Она протянула ему свою маленькую руку. Эндрю редко видел ее в таком веселом возбуждении. — Милый! Пойдем куда-нибудь обедать. На этой улице есть русский ресторан. Судя по виду — хороший. Потом, если ты не особенно устал, мы можем...

— Послушай! — запротестовал Эндрю, в то время как она тащила его к дверям. — Ведь ты, кажется, считалась единственным благоразумным человеком в нашем семействе! Впрочем, Крис, после тяжких трудов моего первого дня на службе я не прочь весело провести вечер.

На следующее утро он прочитал все бумаги на своем столе, подписал их и в одиннадцать часов уже слонялся без дела по кабинету. Но скоро ему стало слишком тесно в этой

клетке, и он устремился за дверь, решив обследовать все здание. Оно показалось ему столь же мало любопытным, как морг без трупов, пока, дойдя до самого верхнего этажа, он не очутился вдруг в длинном помещении, частично превращенном в лабораторию, где сидевший на ящике из-под серы молодой человек в длинном грязном белом халате с безутешно мрачным видом полировал себе ногти и курил сигарету, от которой табачное пятно на его верхней губе становилось все желтее.

— Привет! — сказал Эндрю.

Минутная пауза, затем незнакомый молодой человек ответил безучастно:

— Если вы заблудились, так лифт — направо, третья дверь.

Эндрю прислонился к опытному столу, вынул сигарету и спросил:

— А вы здесь чаем угощаете?

Тут молодой человек в первый раз поднял голову, угольно-черную, тщательно причесанную и странно не гармонирующую с поднятым воротником засаленного пиджака.

— Только белых мышей, — ответил он, оживляясь. — Листья чая для них весьма полезны.

Эндрю засмеялся, быть может, потому, что шутник был на пять лет моложе его. Он сказал в виде пояснения:

— Моя фамилия Мэнсон.

— Этого я и опасался. Так вы теперь включились в компанию забытых людей. — Он выдержал паузу. — А я доктор Хоуп. По крайней мере, раньше полагал, что я Хоуп. Теперь же я определенно бывший Хоуп.

— А чем вы здесь занимаетесь?

— Одному Богу известно и Билли Пуговичнику, то есть Дьюэру. Часть рабочего дня я сижу и размышляю. Но больше всего просто сижу. Иногда мне присылают куски разложившихся шахтеров и спрашивают о причинах взрыва.

— А вы отвечаете? — вежливо осведомился Эндрю.

— Нет! — резко возразил Хоуп. — Я... на них!

Это крайне неприличное выражение облегчило душу обоим, и они вместе отправились завтракать. Доктор Хоуп пояснил, что завтрак здесь — единственное занятие в течение рабочего дня, которое помогает ему сохранить рассудок. Хоуп изложил Мэнсону и многое другое. Он был сотрудником исследовательского отдела Кембриджского университета и попал сюда через Бирмингем, чем, вероятно, и объясняются, добавил, ухмыляясь, Хоуп, его частые выходки дурного тона. Его «ссудили» комитету благодаря настояниям профессора Дьюэра, чума его возьми! Он здесь выполняет чисто техническую работу, самые шаблонные обязанности, которые с тем же успехом мог бы выполнять любой сотрудник лаборатории. Хоуп говорил, что его просто сводят с ума бездеятельность и косность комитета, который он сжато и выразительно называл «Утеха маньяков». То, что делается в этом комитете, типично для всех исследовательских учреждений в Англии: ведают ими кворум влиятельных болванов, слишком поглощенных собственными теориями и слишком занятых взаимными распрями, чтобы двигать работу в каком-либо определенном направлении. Хоупа дергали то в одну, то в другую сторону, командовали, что делать, вместо того чтобы дать ему делать то, что он считал нужным, и ему не удалось еще хотя бы в течение полугода заниматься одной работой.

В разговоре с Эндрю он бегло охарактеризовал всех членов совета «Утеха маньяков». Председателя, сэра Уильяма Дьюэра, трясущегося от дряхлости, но неукротимого девяностолетнего старца, Хоуп называл Билли Пуговичник, намекая на склонность сэра Уильяма оставлять незастегнутыми некоторые весьма ответственные части туалета. Старый Билли, по словам Хоупа, состоял председателем почти всех научных обществ в Англии. К тому же он вел на радио

популярные беседы «Наука для детей», завоевавшие ему громадную известность.

Затем в совете состоял профессор Винни, которому его студенты дали удачное прозвище Лошадь, Чэллис, малый неплохой в тех случаях, когда он не изображает из себя какого-то Рабле-Пастера-Чэллиса, и, наконец, доктор Морис Гэдсби.

— Вы Гэдсби знаете? — спросил Хоуп.

— Да, пришлось раз с ним встретиться. — Эндрю рассказал об экзамене.

— Узнаю нашего Мориса, — с горечью произнес Хоуп. — И такой проклятый втируша! Повсюду пролезет. Умная бестия, между прочим. Но исследовательская работа его не интересует. Он занят только собственной персоной. — Хоуп неожиданно рассмеялся. — Роберт Эбби рассказывает о нем забавную историю. Гэдсби хотелось попасть в члены клуба «Рампстейк». Знаете, это один из тех лондонских клубов, куда главным образом ходят обедать, и очень приличные там обеды, между прочим. Ну, Эбби, старичок услужливый, обещал Гэдсби — бог его знает зачем — похлопотать за него. Неделю спустя они встречаются. «Ну что, я принят?» — спрашивает Гэдсби. «Нет, — отвечает Эбби, — не приняты». — «Боже милостивый, — кричит Гэдсби, — неужели вы хотите сказать, что я забаллотирован?» — «Забаллотированы, — подтверждает Эбби. — Послушайте, Гэдсби, а вы когда-нибудь в своей жизни видели тарелку с икрой?» — Хоуп откинулся на спинку стула и завыл от смеха. Через минуту он добавил: — Эбби тоже состоит у нас в комитете. Он человек почтенный. Но слишком умен, чтобы ходить сюда часто.

Этот завтрак послужил началом, и впоследствии Эндрю и Хоуп много раз завтракали вместе. Хоуп, при всем своем грубоватом студенческом юморе и легкомысленном, озорном характере, был человек с мозгами. В его непочтитель-

ной критике было нечто здоровое. Эндрю понимал, что этот человек способен сделать что-нибудь в жизни. В минуты серьезного настроения Хоуп часто высказывал страстное желание вернуться к настоящей работе и интересовавшим его исследованиям процесса выделения желудочных ферментов.

Иногда ходил с ними завтракать и Джилл. Хоуп определял Джилла словами «славный человечек». Засушенный тридцатилетней службой — он проделал путь от конторского мальчика до принцепала, — Джилл все же сохранил человеческий облик. В конторе он работал, как хорошо смазанная, маленькая, легкая на ходу машина. Каждое утро неизменно одним и тем же поездом приезжал из Санбери и каждый вечер, если его не «задерживали» на службе, уезжал одним и тем же поездом.

В Санбери у него была жена и три дочери, был садик, где он выращивал розы. По внешним признакам это был типичный образец обывателя из предместья. Но под этой внешней типичностью скрывался другой, настоящий Джилл, который любил Ярмут зимой и всегда проводил там в декабре свои свободные дни, которому заменяла Библию почти выученная им наизусть книга под названием «Хаджи Баба», который был влюблен в пингвинов Зоологического сада.

Как-то раз Кристин случилось быть четвертой за их общим завтраком. Джилл превзошел самого себя в любезности, поддерживая честь гражданского ведомства. Даже Хоуп вел себя с достойной восхищения светскостью. Он признался Эндрю, что, с тех пор как познакомился с миссис Мэнсон, он как будто меньше чувствует себя кандидатом на смирительную рубашку.

Дни мелькали один за другим. Пока все ожидали собрания комитета, Эндрю с Кристин знакомились с Лондоном. Ездили на пароходике в Ричмонд. Набрели на театр под названием «Старый шут». Видели, как колышется под ветром

вереск на Хэмпстедской пустоши, узнали прелесть маленьких кофеен, куда забегаешь ночью выпить кофе. Они гуляли по Рочестер-роу и катались на лодке по Серпентайн. Они открыли обманчивые обольщения Сохо. Когда же им уже больше не нужно было изучать маршруты подземки, прежде чем вверить себя ей, они начали чувствовать себя лондонцами.

II

Восемнадцатого сентября собрался совет комитета, и Эндрю наконец увидел всех. Сидя рядом с Джиллом и Хоупом и чувствуя на себе настойчивые взгляды последнего, Эндрю смотрел, как члены совета входили в длинный зал с золочеными карнизами: Винни, доктор Ланселот Додд-Кентербери, Чэллис, сэр Роберт Эбби, Гэдсби и последним сам Билли Пуговичник — Дьюэр.

Еще до прихода Дьюэра Эбби и Чэллис заговорили с Эндрю. Эбби сказал несколько спокойных слов, профессор излил на него поток любезностей, поздравляя со вступлением в должность. Дьюэр, войдя, повернулся к Джиллу и воскликнул своим странным, пронзительным голосом:

— А где наш новый врач, мистер Джилл? Где доктор Мэнсон?

Эндрю встал, изумленный внешностью Дьюэра, превосходившей даже описание Хоупа. Билли был низкого роста, сторблен и волосат. Костюм на нем был ветхий, жилет весь в пятнах, карманы позеленевшего пальто оттопыривались, набитые бумагами, брошюрами, протоколами десятка различных обществ. Неряшливость Билли ничем не оправдывалась, так как он был очень богат и имел дочерей, из которых одна была замужем за пэром, обладателем миллионов. А между тем Билли, теперь, как и всегда, походил на грязного старого павиана.

— Со мной вместе в Куинсе в тысяча восемьсот восьмидесятом был какой-то Мэнсон, — проскрипел он благосклонно вместо приветствия.

— Это он и есть, сэр, — тихонько произнес Хоуп, не устояв перед искушением.

Билли услышал.

— А вы как можете это знать, доктор Хоуп? — Он учтиво скосил глаза на Хоупа поверх пенсне в стальной оправе, сидевшего на кончике его носа. — Вы в ту пору еще и в пеленках не лежали. Хи-хи-хи!

И он, захлебываясь смехом, прошлепал к своему месту во главе стола. Никто из его коллег, уже сидевших за столом, не обратил на него внимания. В комитете высокомерное игнорирование окружающих было обычным приемом. Но это не смутило Билли. Выгрузив из кармана кучу бумаг, он налил себе воды из графина, поднял лежавший перед ним молоточек и с силой ударил по столу:

— Джентльмены, джентльмены! Мистер Джилл сейчас прочтет протокол.

Джилл, исполнявший обязанности секретаря комитета, стал быстро и нараспев читать вслух протокол последнего заседания, а Билли тем временем, не слушая его, то рылся в своих бумагах, то приветливо поглядывал на Эндрю, все еще смутно отождествляя его с Мэнсоном, которого знал в 1880-м.

Наконец Джилл закончил. Билли немедленно схватился за молоточек:

— Джентльмены! Мы чрезвычайно рады увидеть сегодня среди нас нашего нового врача. Помню, совсем недавно, в тысяча девятьсот четвертом, я указывал, что нам необходим штатный врач-клиницист, прикомандированный к комитету для основательной помощи патологам, которых мы время от времени похищаем, джентльмены, — хи-хи! — которых мы похищаем у исследовательского отдела. Я говорю это с полнейшим уважением к нашему молодому другу Хоупу, от великодушия которого — хи! хи! — от великодушия которого мы так сильно зависим. Помню, еще недавно, в тысяча восемьсот восемьдесят девятом...

Тут сэр Роберт Эбби перебил его:

— Я убежден, сэр, что и остальные члены комитета от всей души присоединятся к вашему поздравлению доктора Мэнсона с его работой о силикозе. Должен сказать, я нашел ее образцом терпеливого и оригинального клинического исследования, которое, как хорошо известно комитету, может иметь большое влияние на наши законы об охране труда.

— Слушайте, слушайте! — прогудел Чэллис, желая подержать своего протезе.

— Это самое я только что собирался сказать, Роберт, — ворчливо заметил Билли. Для него Эбби все еще был молодой человек, чуть не студент, которого следовало ласково пожуричь за то, что он перебивает старших. — Когда мы на прошлом заседании решили, что необходимо провести такое исследование, мне тотчас пришло на ум имя доктора Мэнсона. Он первый поднял этот вопрос, и ему надо дать широкую возможность продолжать его работу. Нам желательно, джентльмены, — тут он через стол посмотрел на Эндрю из-под косматых бровей, как бы давая ему понять, что это для его же пользы, — желательно, чтобы он посетил все антрацитовые шахты в нашей стране, а потом, может быть, можно будет говорить и обо всех вообще угольных копях. Мы желаем также предоставить ему полную возможность клинического наблюдения шахтеров на наших производственных предприятиях. Мы будем оказывать ему всяческое содействие, включая и помощь такого ученого-бактериолога, как наш молодой друг доктор Хоуп. Короче говоря, джентльмены, нет той вещи, которую бы мы не сделали, чтобы обеспечить нашему новому сотруднику возможность довести этот чрезвычайно важный вопрос о вдыхании угольной пыли до его окончательного научного и административного завершения.

Эндрю тихонько и быстро перевел дух. Замечательно, чудесно, лучше, чем он ожидал! Комитет предоставит ему свободу действий, поддержит своим громадным авторитетом,

даст широкую возможность проводить клинические исследования. Это не люди, а ангелы, все, все, а Билли — сам архангел Гавриил!

— Но, джентльмены, — пропищал неожиданно Билли, выгрузив новую партию бумажек из карманов пальто, — раньше, чем доктор Мэнсон займется этим вопросом, раньше, чем мы найдем возможным позволить ему сосредоточить на нем свои усилия, нам придется, я считаю, заняться другим, более неотложным делом.

Пауза. У Эндрю сердце сжалось и начало медленно падать, в то время как Билли продолжал:

— Доктор Бигсби из Министерства торговли указал мне на ужасающей разницей в деталях оборудования первой помощи на производстве. Существуют, конечно, официальные правила, но они весьма растяжимы и неудовлетворительны. Так, например, не имеется точных стандартов на размеры и толщину бинтов, на длину, форму и материал лубков. Так вот, джентльмены, это вопрос важный, и урегулировать его — прямая обязанность нашего комитета. Я решительно настаиваю, чтобы наш врач провел тщательное обследование и представил нам доклад раньше, чем он займется вопросом о пыли.

Молчание. Эндрю с отчаянием обвел глазами сидевших за столом. Додд-Кентербери, вытянув ноги, смотрел в потолок. Гэдсби чертил какие-то диаграммы на своем блокноте, Винни хмурился, Чэллис выпятил грудь, собираясь держать речь. Но заговорил Эбби:

— Право, сэр Уильям, это дело Министерства торговли или Департамента горной промышленности.

— Но мы находимся в распоряжении обоих этих учреждений, — проскрипел Билли. — Мы — хи-хи-хи! — так сказать, приемыш и того и другого.

— Да, я это знаю. Но в конце концов, этот... эти размеры бинтов — вопрос сравнительно маловажный, а доктор Мэнсон...

— Уверяю вас, Роберт, это вопрос далеко не маловажный. Он будет поднят в парламенте. Мне об этом не далее как вчера говорил лорд Ангер.

— О! — подхватил Гэдсби, насторожившись. — Если уж сам Ангер этим заинтересовался, нам не приходится раздумывать. — Гэдсби под маской грубой прямооты был подхалимом, и такому человеку, как лорд Ангер, особенно жаждал угодить.

Эндрю почувствовал, что ему необходимо вмешаться.

— Простите, сэр Уильям, — начал он, запинаясь. — Я... полагал, что приглашен сюда для клинической работы. Целый месяц я болтался без дела в своем кабинете, а теперь, если я... — Он не договорил и оглядел всех. Ему помог Эбби.

— Доктор Мэнсон совершенно прав. Четыре года он терпеливо трудился над своим открытием, а теперь, когда мы обещали ему всячески содействовать в разработке этого вопроса, мы посылаем его измерять бинты.

— Если доктор Мэнсон имел терпение четыре года, Роберт, — пропищал Билли, — то может потерпеть еще немножко. Хи! Хи!

— Верно-верно, — прогудел Чэллис, — после этого он сможет окончательно заняться своим силикозом.

Винни откашлялся.

— Ну, — пробормотал Хоуп на ухо Эндрю, — наша Лошадь готовится заржать.

— Джентльмены, — начал Винни, — я давно предлагал комитету заняться вопросом о зависимости между мускульным утомлением и действием горячего пара — вопросом, который, как вам известно, меня глубоко интересует и которому вы, смею сказать, до сих пор не уделяли такого внимания, какого он, несомненно, заслуживает. Теперь я полагаю, что если уж отвлечь доктора Мэнсона от вопроса о вдыхании пыли, то нам представляется прекрасный случай двинуть вперед этот крайне важный вопрос о мускульной усталости...

Гэдсби посмотрел на часы:

— У меня деловое свидание на Харли-стрит ровно через тридцать пять минут.

Винни сердито повернулся к Гэдсби. Его коллега Чэллис поддержал его сочным: «Недопустимая наглость!» Чувствовалось, что сейчас разразится скандал.

Но желтое лицо Билли, выглядывавшее из бакенбард, оставалось учтиво-спокойным. Он сорок лет вел такие собрания. Он знал, что его ненавидели и жаждали его ухода. Но он не уходил — никогда не уходил. Его большой череп, набитый проблемами, датами, очередными вопросами, какими-то неясными ему самому формулами, уравнениями, сведениями из физиологии и химии, действительными и вымышленными данными исследований, подобен был необозримому сводчатому склепу, населенному призраками котов с выпотрошенными мозгами, освещенному поляризованным светом, озаренному розовым сиянием великого воспоминания о том, как некогда, когда он, Билли, был еще мальчиком, сам Листер¹ погладил его однажды по голове. И Билли как ни в чем не бывало объявил:

— Должен вам сказать, джентльмены, что я уже почти обещал и лорду Ангеру, и доктору Бигсби, что мы им поможем покончить с этими затруднениями. Шести месяцев вам для этого будет достаточно, доктор Мэнсон. Ну, может быть, чуточку дольше. Дело это не такое уж неинтересное, как вы думаете, молодой человек. Оно даст вам возможность познакомиться ближе с людьми и жизнью. Вспомните слова Лавуазье относительно капли воды! Хи-хи! А теперь, переходя к вопросу о патологическом исследовании доктором Хоупом образца, поступившего к нам в прошлом июле из Уэндоверского рудника...

В четыре часа, когда все это закончилось, Эндрю со всех сторон обсудил вопрос с Джиллом и Хоупом в кабинете Джилла. Было то влияние комитета или, может быть, он

¹ *Листер* — знаменитый английский хирург.

просто стал старше, но он начинал обнаруживать сдержанность. Он не бесновался, не сыпал крепкими выражениями, довольствуясь тем, что казенным пером портил казенный стол, старательно выцарапывая на нем узоры.

— Дело обстоит не так уж плохо, — утешал его Джилл. — Придется вам, конечно, разъезжать повсюду, но ведь это имеет свою прелесть. Вы можете даже взять с собой миссис Мэнсон. Вот, например, вы побываете в Бакстоне, это центр всего Дербиширского угольного бассейна. А через полгода вы сможете приступить к своим исследованиям в антрацитовых копях.

— Никогда ему это не удастся, — рассмеялся Хоуп. — Ему теперь уже всю жизнь придется измерять бинты.

Эндрю схватился за шляпу:

— Беда в том, Хоуп, что вы *слишком молоды*.

Он отправился домой, к Кристин. И в следующий понедельник, так как Кристин категорически не желала упустить такое занятное приключение, они купили за шестьдесят фунтов подержанный автомобиль «моррис» и выехали вдвоем на великое обследование пунктов оказания первой помощи. Надо правду сказать, им было очень весело. Автомобиль мчался широкой дорогой на север, а Эндрю, имитируя Билли Пуговичника, говорил:

— Как бы там ни было, что бы ни говорил Лавуазье о капле воды в тысяча восемьсот тридцать втором году, а мы с тобой вместе, Крис!

Работа была идиотская. Она состояла в осмотре материалов на пунктах оказания первой помощи, имевшихся в различных копиях по всей стране: лубков, бинтов, ваты, антисептических средств, зажимов для артерии и так далее. На благоустроенных рудниках эти отделения были оборудованы хорошо, на неблагоустроенных — плохо. Обследования в подземных шахтах для Эндрю не были новостью. Он проделал сотни таких обследований, ползая целые мили на четвереньках по откаточным дорогам в забой только для того,

чтобы увидеть ящик с перевязочным материалом, заботливо доставленный туда за каких-нибудь полчаса до проверки. В маленьких рудниках ему приходилось иногда слышать, как какой-нибудь помощник зрителя на крепком йоркширском жаргоне бормотал за его спиной:

— Эй, Джорди, беги, скажи Алексу, чтобы он сходил в аптеку... — Затем громко: — Присядьте доктор, я через минуту буду к вашим услугам.

В Ноттингеме Эндрю порадовал трезвенников-санитаров, сказав им, что холодный чай — лучшее укрепляющее, чем бренди. В других местах он оказывался горячим поклонником виски. Но в большинстве случаев он выполнял свою задачу с устрашающей добросовестностью. Они с Кристин снимали комнаты в каком-нибудь удобном центре, и отсюда Эндрю объезжал район в своем автомобиле. Пока он осматривал рудники, Кристин сидела где-нибудь и вязала. У них бывали приключения — обычно с квартирными хозяйками. Они заводили друзей — главным образом среди инспекторов копей. Эндрю ничуть не удивляло, что его миссия вызывала безжалостный смех у этих трезвых, скупых на слова людей. С сожалением приходится констатировать, что он смеялся вместе с ними.

В марте они возвратились в Лондон, продали автомобиль всего на десять фунтов дешевле, чем заплатили за него, и Эндрю засел писать отчет о своей работе. Он намеревался, так сказать, дать комитету товар за деньги, вылить на него целый ушат статистики, целые страницы таблиц и диаграмм, показывающих, как поднимается кривая бинтов и падает кривая лубков. Он решил (так он говорил Кристин) показать им, как добросовестно выполнил задание и как блестяще все они тратили даром время.

К концу месяца, после того как он представил Джиллу схему доклада, он, к своему изумлению, узнал, что его вызывает доктор Бигсби в Министерство торговли.

— Бигсби в восторге от вашего отчета, — говорил в сильном волнении Джилл, провожая Эндрю по Белому залу. — Мне, конечно, не следовало разбалтывать это, но... Это удачное начало для вас, мой дорогой. Вы понятия не имеете, каким влиянием пользуется Бигсби. Все управление заводами у него в руках.

Прошло немало времени, пока им удалось добраться до Бигсби. Пришлось просидеть с шляпами в руках в двух передних, прежде чем их пустили в кабинет. Там они наконец увидели доктора Бигсби, коренастого приятного мужчину, полного суетливой энергии, в темно-сером костюме, таких же крагах и двубортном жилете.

— Присядьте, джентльмены. О вашем отчете, Мэнсон: я видел конспект и, хотя о нем еще рано судить, должен сказать, что он мне нравится. Высоконаучный подход. Превосходные диаграммы. Как раз то, что требуется нам здесь, в министерстве. Так вот, поскольку вам поручено стандартизировать оборудование по оказанию скорой помощи на рудниках и на заводах, вам следует ознакомиться с моей точкой зрения на этот вопрос. Прежде всего, я вижу из отчета, что вы рекомендуете бинты не шире трех дюймов. Я же считаю, что два с половиной дюйма — более подходящий максимум. Вы согласитесь со мной, не правда ли?

Эндрю злился. Может быть, в этом виноваты были краги.

— Я лично считаю, поскольку речь идет о рудниках, что чем шире бинты, тем лучше. Но я вообще не думаю, чтобы такая ерундовая разница имела какое-нибудь значение!

— Что? Как вы сказали? — Бигсби покраснел до ушей. — Разница не имеет значения?

— Никакого.

— Но неужели вы не видите... неужели не понимаете, что тут дело идет о принципе стандартизации? Если мы установим норму в два с половиной дюйма, а вы предложите три дюйма, могут возникнуть величайшие затруднения.

— Тогда я предложу три с половиной дюйма, — сказал хладнокровно Эндрю.

Доктор Бигсби так весь и ошетинился, явно обнаруживая готовность к бою.

— Ваша позиция в этом вопросе мне не совсем понятна. Мы годами добивались стандартной ширины в два с половиной дюйма. Разве вы не знаете, как это важно?..

— Еще бы! — Эндрю тоже вышел из себя. — Вы были когда-нибудь в шахтах? Я был. Я делал серьезную операцию, лежа на брюхе в луже, при одной рудничной лампочке, не имея возможности поднять голову, чтобы не удариться о кровлю. И я вам прямо заявляю, что все эти ваши кривлянья насчет полудюймовой разницы в ширине бинтов яйца выеденного не стоят!

Он вышел из здания министерства быстрее, чем вошел, а за ним Джилл, который ломал руки и причитал всю дорогу до набережной.

Эндрю вернулся в свой кабинет. Стоя у окна, он сурово глядел на движение судов по Темзе, на кипевшие суетой улицы, мчавшиеся мимо автобусы, звеневшие по мостам трамваи, на прохожих, на весь этот пестрый поток бьющей ключом жизни. «Не место мне здесь, — подумал он в приливе нетерпения. — Мне надо быть там, там, на воле».

Эбби перестал посещать заседания комитета. А Чэллис, пригласив Эндрю на завтрак, довел его чуть не до паники сообщением, что Винни усиленно хлопочет в кулуарах, желая навязать ему, Эндрю, исследование вопроса о мускульном утомлении раньше, чем он займется вопросом о силикозе. И теперь Эндрю размышлял с безнадежными потугами на юмор: «Если в довершение возни с бинтами мне навяжут еще и это, я с успехом могу стать постоянным посетителем Британского музея».

Возвращаясь домой из комитета, он поймал себя на том, что с вожделием поглядывает на медные дощечки на воротах тех домов, где жили врачи. Он останавливался, наблюдая, как какой-нибудь пациент поднимается по ступе-

ням, дергает звонок, как его впускают. Затем, в унынии продолжая путь, он рисовал себе все дальнейшее: вопросы врача, быстро доставшего стетоскоп, всю увлекательную процедуру постановки диагноза. Он тоже врач, не так ли? По крайней мере, когда-то был им...

В таком именно настроении как-то в конце мая он шел по Окли-стрит около пяти часов вечера и вдруг заметил толпу, обступившую человека, который лежал на мостовой. В канаве у обочины валялся его сломанный велосипед, и почти на нем стоял задержанный грузовик.

Не прошло и пяти секунд, как Эндрю очутился посреди толпы и увидел пострадавшего, над которым хлопотал стоявший на коленях полисмен. Человек истекал кровью от глубокой раны в паху.

— Пропустите! Я врач.

Полисмен, безуспешно пытаясь приладить турникет, обернул к Эндрю разгоряченное лицо:

— Не могу остановить кровотечение, доктор. Слишком глубоко!

Эндрю видел, что турникетом здесь ничего не сделаешь: рана слишком высоко в подвздошной области, и кровотечение может оказаться смертельным.

— Встаньте, — сказал он полисмену, — и уложите его на спину. — Затем он нагнулся над раненым, напряг мускулы и погрузил сжатую в кулак правую руку ему в живот, над нисходящей аортой. Нажав таким образом всей тяжестью своего тела на этот сосуд, он сразу прекратил кровотечение. Полисмен снял свою каску и отер лоб. Пять минут спустя прибыла карета «скорой помощи». Эндрю сам отвез раненого в больницу.

На другое утро он позвонил туда. Дежурный врач ответил коротко, как обычно отвечают врачи в таких случаях:

— Да-да, ему лучше. Поправится. Кто говорит?

— Да так... — пробормотал Эндрю. — Никто.

«Вот это верно, — с горечью подумал он затем. — Именно никто, — не делаю ничего и никуда не двигаюсь».

Он крепился еще неделю, потом спокойно, без лишних разговоров, подал Джиллу для передачи совету заявление об уходе.

Джилл был огорчен, но сознался, что с грустью предвидел это событие. Он произнес целую маленькую речь, заключив ее следующими словами:

— В конце концов, дорогой друг, я пришел к убеждению, что ваше место, если мне будет позволено употребить, так сказать, метафору военного времени, не в тылу, а... э... на передовых позициях, среди... э... солдат.

А Хоуп сказал:

— Не слушайте вы этого любителя роз и пингвинов! Вам везет. И я, если только не лишусь здесь рассудка, последую вашему примеру, когда отслужу свои три года.

Эндрю не знал, занимается ли комитет вопросом о вдыхании пыли, пока, через много месяцев, лорд Ангер не выступил в парламенте и в своей эффектной речи усиленно ссыался на медицинские данные, представленные ему доктором Морисом Гэдсби.

Гэдсби был прославлен прессой как филантроп и великий ученый. И силикоз в том же году был официально признан профессиональной болезнью горняков.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Начались поиски практики. Это было похоже на качели — бурные взлеты на вершину надежд сменялись еще более стремительным падением в бездну отчаяния. Мучимый мыслью о своих трех последовательных провалах (так по крайней мере расценивал он свой уход из Блэнелли, Эберло и Горнозаводского комитета патологии труда), Эндрю жаждал себя реабилитировать. Но весь их капитал, увеличенный строгой экономией за те месяцы, когда они были обеспечены жалованьем Эндрю, составлял всего шестьсот фунтов. Они ходили по всем комиссионным конторам, следили за объявлениями в «Ланцете», но всякий раз оказывалось, что шестисот фунтов недостаточно для покупки в Лондоне врачебной практики.

Они никогда не могли забыть первых переговоров. Некий доктор Brent, в Кадоган-Гарденс, уезжал и предлагал продать выгодное место высококвалифицированному врачу. На первый взгляд это казалось замечательной удачей. Не пожалев денег на такси из опасения, как бы их кто-нибудь не опередил и не выхватил лакомый кусочек из-под носа, Эндрю и Кристин примчались к доктору Brentу, который оказался приятным, почти застенчивым старичком с белоснежными волосами.

— Да, — сказал скромно доктор Brent, — это очень бойкое место. И дом отличный. Я прошу только семь тысяч фунтов за переуступку на сорок лет. За аренду участка вы будете платить триста в год. Ну а что касается практики,

то я передаю ее на обычных условиях — страховка на два года. Так, доктор Мэнсон?

— Конечно, — важно кивнул Эндрю. — И вы рекомендуете меня своим пациентам? Благодарю вас, доктор Brent. Мы с женой обсудим этот вопрос.

Они обсудили его за трехпенсовой чашкой чая на Бромптон-роуд.

— Семь тысяч за переуступку! — Эндрю отрывисто захохотал. Он сдвинул назад шляпу, обнажая наморщенный лоб, и оперся локтями о мраморный столик. — Это черт знает что, Крис! Эти старики крепко вцепились зубами в свою клиентуру и место: чтобы их оторвать, нужны большие деньги. Разве уж это одно не доказывает негодность всей существующей системы? Но как бы плоха она ни была, я к ней приспособлюсь. погоди только, увидишь! Отныне я принимаюсь добывать деньги!

— Надеюсь, что нет, — улыбнулась Кристин. — Мы и без них достаточно счастливы.

— Ты не так заговоришь, когда нам придется петь на улицах, — буркнул Эндрю.

Помня о том, что он доктор медицины, член Королевского терапевтического общества, он хотел не службы страхового врача, не работы врача-аптекаря, а ничем не ограниченной вольной практики. Он хотел быть свободным от тирании карточной системы. Но проходила неделя за неделей, и он уже готов был взять любую работу, все, что открывало хоть какие-нибудь перспективы. Он откликнулся на объявления врачей, желавших продать свою клиентуру в Талс-Хилл, Ислингтоне и Брикстоне, побывал даже в Камден-тауне, где в приемной врача протекал потолок. Он дошел уже до того, что советовался с Хоупом, не снять ли ему домик и на удачу повесить вывеску, но Хоуп убедил Эндрю, что при его скудных средствах это было бы просто самоубийством.

Но вот через два месяца, когда они с Кристин уже дошли до отчаяния, небо вдруг сжалилось над ними и позволило

тихо скончаться старому доктору Фою в Паддингтоне. Сообщение о смерти, четыре строки в «Медицинской газете», попало на глаза Эндрю. Они уже без всякого энтузиазма, так как энтузиазм давно иссяк, отправились в дом номер 9 на Чесборо-террас. Осмотрели дом, высокий, свинцово-серый, похожий на склеп, с пристроенной сбоку амбулаторией и кирпичным гаражом позади. Посмотрели приходные книги, из которых было видно, что доктор Фой зарабатывал фунтов пятьсот в год, главным образом приемом больных (с выдачей лекарств) по таксе три с половиной шиллинга за визит. Они поговорили с вдовой доктора, робко уверявшей их, что у доктора Фоя была верная практика и когда-то даже блестящая, так как «с улицы» приходило много «хороших пациентов». Они поблагодарили ее за сведения и ушли, по-прежнему не ощущая никакого энтузиазма.

— Все же я не знаю... — волновался Эндрю. — Отрицательных сторон много. Терпеть не могу готовить лекарства. И место неприятное. Заметила ты все эти убогие, точно изъеденные молью мебелишки по соседству? Впрочем, тут же рядом начинается приличный квартал. И дом этот на углу. И улица оживленная. И цена почти для нас приемлемая. И очень благородно с ее стороны, что она обещает оставить мебель в кабинете старика и в амбулатории, так что мы получим все готовое... Вот преимущества покупки дома по случаю смерти. Что ты скажешь, Крис? Теперь или никогда! Рискнем?

Кристин смотрела на него нерешительно. Для нее Лондон уже потерял прелесть новизны. Она любила деревенский простор провинции и среди мрачного однообразия окраин Лондона тосковала по ней всей душой. Но Эндрю так упорно хотел работать в Лондоне, что она не решалась отговаривать его. И в ответ на его вопрос она неохотно кивнула:

— Если тебе этого хочется, Эндрю...

На другой день он предложил поверенному миссис Фой шестьсот фунтов вместо семисот пятидесяти, которые она требовала. Предложение было принято, чек выписан. И десятого октября, в субботу, они перевезли со склада свою мебель и вступили во владение новым домом.

Только в воскресенье они наконец избавились от соломы и рогож и, пьяные от усталости, огляделись в своем новом жилище. Эндрю не преминул воспользоваться случаем и разразился одной из тех проповедей, редких, но ненавистных Кристин, во время которых он походил на какого-нибудь дьякона сектантской церкви.

— Мы здорово издержались на этот переезд, Крис. Истратили все, что у нас было, до последнего гроша. Теперь придется жить только на заработок. Один Бог знает, что из этого выйдет. Но надо как-нибудь приспособиться. Надо будет нам подтянуться, Крис, экономить и...

К его изумлению, Кристин вдруг побледнела и разрыдалась. Стоя в большой, мрачной комнате с грязным потолком и еще ничем не покрытым полом, она всхлипывала:

— Господи, чего еще тебе от меня надо? «Экономить»! Как будто я не экономлю постоянно на всем? Разве я тебе что-нибудь стою?

— Крис! — воскликнул он в ужасе.

Она порывисто бросилась ему на шею:

— Это дом виноват! Я не знала, что он такой ужасный... Этот нижний этаж... и лестница... и грязь...

— Но, черт возьми, ведь главное — практика!

— Ты мог бы иметь практику где-нибудь в деревне.

— Ну конечно! В коттедже с увитым розами крылечком! Да ну его к черту!..

В конце концов он извинился за свою проповедь. Все еще обнимая Кристин за талию, он отправился вместе с ней жарить яичницу в кухню, находившуюся в проклятом нижнем этаже. Здесь он старался развеселить ее, дурачась и уверяя, что это вовсе не подвал, а Паддингтонский туннель, через который каждую минуту проходят поезда. Кристин бледно

улыбалась его вымученным шуткам, но глядела не на него, а на разбитую раковину.

На другое утро, ровно в девять часов, — Эндрю решил не начинать слишком рано, чтобы не подумали, что он гоняется за пациентами, — он открыл прием. Сердце его билось от волнения гораздо сильнее, чем в то почти забытое утро, когда он начинал свой первый в жизни амбулаторный прием в Блэнелли.

Половина десятого. Он ждал с тревогой. Так как маленькая амбулатория, имевшая отдельный выход на боковую улицу, соединялась коротким коридором с домом, то Эндрю мог одновременно следить и за своим кабинетом — лучшей комнатой нижнего этажа, недурно обставленной, с письменным столом доктора Фоя, кушеткой и шкафом, — куда впускались с парадного хода «хорошие» пациенты, по терминологии миссис Фой. Таким образом были расставлены двойные сети. И он, насторожившись, как всякий рыболов, выжидал, какой улов принесут ему эти двойные сети.

Но они не принесли ничего, ровно ничего! Было уже около одиннадцати часов, а ни один больной не пришел. Шоферы такси по-прежнему стояли, болтая, у своих машин на противоположной стороне улицы. Медная дощечка с фамилией Эндрю сверкала на дверях под старой, выщербленной дощечкой доктора Фоя.

Вдруг, когда он уже почти утратил надежду, звонок у двери в амбулаторию резко звякнул, и вошла старуха в шали. «Хронический бронхит» — определил Эндрю сразу, раньше еще, чем она заговорила, по ее хриплому и тяжелому дыханию. Он сел и принялся ее выслушивать, бережно-бережно. Эта была давнишняя пациентка доктора Фоя. Он расспросил ее. Потом в крохотной каморке, заменявшей ему аптеку, настоящей норе, помещавшейся в коридоре между амбулаторией и кабинетом, он приготовил ей лекарство и принес его в амбулаторию. Тогда старуха, пока он смущенно готовился спросить у нее плату, вручила ему без разговоров три с половиной шиллинга.

Трепетная радость этой минуты, глубокое облегчение, принесенное этими несколькими серебряными монетами, зажатыми в его ладони, были невообразимы. Казалось, что это первые в жизни заработанные деньги. Он запер амбулаторию, побежал к Кристин и высыпал перед ней на стол серебро:

— Первый пациент, Крис! В конце концов здесь может оказаться неплохая практика. Во всяком случае на этот гонорар мы с тобой позавтракаем.

Ему не нужно было делать визитов, так как прежний доктор умер уже три недели назад и его больные за это время успели перейти к другим врачам. Оставалось ждать, когда будут новые вызовы. А пока, заметив, что Кристин предпочитает одна справляться со своими домашними делами, он употребил время до полудня на то, чтобы обойти квартал. Все осмотрел, видел дома с облупившейся штукатуркой, длинный ряд мрачных и грязных «частных» пансионов, скверы с унылыми, точно закопченными деревьями, узкие конюшни, превращенные в гаражи, а за неожиданным поворотом Норт-стрит — грязный квартал трущоб, ссудные кассы, тележки мелких торговцев-разносчиков, трактиры, витрины, в которых выставлены патентованные лекарства и изделия из резины ярких цветов.

Эндрю подумал, что квартал этот, вероятно, сильно захирел по сравнению с теми годами, когда к желтым шторкам подкатывали кареты. Теперь он был убог и грязен, но среди плесени прошлого кое-где уже пробивались ростки новой жизни: строился ряд новых домов, встречались различные магазины и конторы, а в конце Гладстон-плейс находился знаменитый магазин «Лорье». Даже Эндрю Мэнсон, ничего не понимавший в дамских модах, слышал о «Лорье», и если бы перед этим безупречно-белым каменным зданием без окон и не стояла длинная вереница щегольских автомобилей, все равно вид его убедил бы Эндрю в правдивости

того, что он слышал об этой знаменитой фирме. Ему показалось странным, что магазин «Лорье» находится в таком неподобающем месте, среди этих обветшавших домов. Но он находился здесь, это было так же несомненно, как полисмен, стоявший на тротуаре против него.

Эндрю завершил первый день визитами к врачам, жившим по соседству. Всего он посетил восемь человек. Только трое из них произвели на него более или менее глубокое впечатление: доктор Инс с Гладстон-плейс, человек еще молодой, Ридер, живший в конце Александра-стрит, и пожилой шотландец Маклин. Но его немного угнетал тон, которым все они говорили.

«О, так это к вам перешла практика бедного старика Фоя!»

С некоторым раздражением он твердил себе, что через полгода они переменят тон. Хотя Эндрю Мэнсону было уже тридцать лет и он научился ценить выдержку, но по-прежнему не терпел снисходительного к себе отношения, как кошка не терпит воды.

В этот вечер амбулаторию посетило трое больных, и двое из них уплатили по три с половиной шиллинга. Третий обещал прийти еще раз и расплатиться в субботу. Таким образом, Эндрю в первый день заработал десять с половиной шиллингов.

Но на следующий день он не заработал ничего. На третий — только семь шиллингов. Четверг был удачным днем, пятница — почти пустым. В субботу утром не пришел ни один человек, зато вечерний прием принес семнадцать с половиной шиллингов, хотя тот пациент, которого он лечил в долг, не сдержал обещания прийти в субботу и расплатиться.

В воскресенье Эндрю тайком от Кристин с мучительной тревогой подвел итоги за неделю. Он спрашивал себя, не было ли с его стороны ужасной ошибкой купить захудалую

практику, ухлопать все свои сбережения на этот мрачный, как могила, дом? Отчего ему так не везет? Ему уже за тридцать, у него степень доктора медицины, и он член Королевского терапевтического общества. Он способный клиницист, и им проделана большая исследовательская работа. А между тем он торчит тут и собирает по три с половиной шиллинга, которых едва хватает на то, чтобы прокормиться. «Во всем виновата наша система! — думал он с яростью. — Она устарела. Нужен другой, более разумный порядок, который дал бы всякому возможность работать. Ну, хотя бы... хотя бы государственный контроль! — Но тут он застонал, вспомнив доктора Бигсби и Комитет по труду. — Нет, это безнадежно, бюрократизм душит всякое проявление личности, я бы задохнулся в такой атмосфере. Нет, я должен один добиться успеха, черт возьми, и добьюсь!»

Никогда еще материальная сторона его врачебной деятельности не угнетала его до такой степени. И нельзя было придумать лучшее средство превратить его в материалиста, чем эти «муки аппетита» (так он сам смягченно определял свое состояние), не дававшие ему покоя.

Ярдах в ста от их дома, где проходил главный автобусный маршрут, находилась маленькая закусочная. Хозяйка была натурализованная немка, толстوشка, которая называла себя Смит, но настоящая фамилия которой, несомненно, была Шмидт, судя по ее ломаному английскому языку и резкому произношению буквы «с».

Маленькое заведение фрау Шмидт совершенно напоминало такие же лавки на континенте: узкий мраморный прилавок был уставлен всякими деликатесами. Были тут маринованная селедка, маслины в банках, квашеная капуста, разные колбасы, печенья, салями и замечательно вкусный сыр под названием «Липтауэр». К тому же здесь все было очень дешево. Так как в доме номер 9 на Чесборо-террас денег было в обрез, а кухонная плита представляла собой давно не чищенную и ветхую развалину, то Эндрю и Кристин

очень часто прибегали в закусную фрау Шмидт. В хорошие дни они лакомились горячими франкфуртскими сосисками и яблочным слоеным пирогом, в плохие — завтракали здесь маринованной селедкой и печеным картофелем. Частенько они поздно вечером заходили к фрау Шмидт, предварительно рассмотрев сквозь запотевшее окно всю ее выставку, и, сделав выбор, уходили домой с чем-нибудь вкусным в плетеной сумке.

Фрау Шмидт скоро стала относиться к ним как к старым знакомым. Она особенно полюбила Кристин. Ее пухлое, сдобное лицо, увенчанное высоким куполом белокурых волос, собиралось в морщинки, в которых почти прятались глаза, когда она улыбалась и, кивая, говорила Эндрю:

— У вас все пойдет хорошо. Заживете отлично. У вас хорошая жена. Она маленькая женщина, как и я. Но она молодчина. Потерпите немного — я буду посылать вам пациентов!

Почти сразу надвинулась зима, туман повис над улицами и, казалось, густел от дыма большой железнодорожной станции, расположенной совсем близко от Чесборо-террас. Эндрю и Кристин старались относиться ко всему легко, делали вид, что их борьба с нуждой — нечто забавное. Но никогда еще за все годы их совместной жизни они не знавали таких невзгод.

Кристин изо всех сил старалась сделать уютнее их холодные казармы. Она выбелила потолки, сшила новые занавески для приемной. Она оклеила новыми обоями спальню. Выкрасив филенки в черное с золотом, она преобразила старые двери, безобразившие гостиную на втором этаже.

В большинстве случаев (как ни редки были эти случаи) Эндрю звали в соседние пансионы. Получать гонорар от этих пациентов оказалось делом нелегким — многие из них были жалкие, опустившиеся, даже подозрительные люди, умевшие очень ловко увилывать от уплаты. Эндрю старался

понравиться изможденным хозяйкам пансионеров. Он заводил с ними беседу в мрачных передних. Он говорил: «Я не подозревал, что на улице такой холод! Иначе я бы надел пальто», или: «Очень неудобно ходить повсюду пешком. Но моя машина сейчас в ремонте». Он свел знакомство с полисменом, который обычно стоял на посту в центре движения, на перекрестке, перед лавкой фрау Шмидт. Полисмена звали Дональд Струзерс, и они с Эндрю очень скоро сочлись родством, так как Струзерсы, как и Мэнсоны, были родом из Файфа. Полисмен обещал сделать все возможное, чтобы помочь земляку, сказав с мрачной шутливостью:

— Если кого-нибудь переедут насмерть, доктор, я обязательно пошлю за вами.

Как-то днем, через месяц после их приезда, Эндрю, придя домой (он обходил всех аптекарей квартала, с беспечной веселостью осведомляясь, нет ли у них специального фоссовского шприца в десять кубических сантиметров, которого, как он был заранее уверен, ни в одной аптеке не имелось, да кстати представляясь всем как новый вольнопрактикующий врач на Чесборо-террас), застал Кристин в некотором возбуждении.

— В приемной сидит пациентка, — сказала она чуть слышно. — Пришла с парадного хода.

Лицо Эндрю просветлело. Первый «хороший» пациент! Может быть, это начало успеха! Переодевшись, он торопливо прошел в приемную:

— Здравствуйте, чем могу служить?

— Здравствуйте, доктор. Мне вас рекомендовала миссис Смит.

Она поднялась с места, чтобы пожать ему руку. Это была добродушная, густо накрашенная толстуха в короткой меховой жакетке и с большой сумкой в руке. Эндрю сразу увидел, что это одна из проституток, промышлявших в их квартале.

— Да? — спросил он, и радость ожидания несколько померкла.

— Видите ли, доктор, — начала она, неуверенно улыбаясь, — мой друг только что подарил мне пару красивых золотых сережек, и миссис Смит — я ее постоянная покупательница — сказала, что вы можете проколоть мне уши. Мой друг очень боится, чтобы я не пострадала от грязной иглки или чего-нибудь в этом роде, доктор.

Он глубоко перевел дух, стараясь сохранить спокойствие. Вот до чего, значит, дошло! Он сказал:

— Хорошо, я прокалю вам уши.

Сделал это тщательно, стерилизовав иглу, обмыл мочки хлористым этилом и даже собственноручно вдел ей сережки.

— О доктор, как хорошо! — Она посмотрелась в зеркало своей сумочки. — И ничуть не было больно. Мой друг будет доволен. Сколько, доктор?..

Для «хороших» пациентов доктора Фоя (хотя они пока были только в проекте) плата составляла семь с половиной шиллингов. Эндрю назвал эту сумму.

Женщина достала из сумочки десятишиллинговую бумажку. Новый доктор ей понравился, она нашла, что он любезный, благовоспитанный и очень красивый мужчина. Принимая от него сдачу, она подумала еще, что у него голодный вид.

Когда она ушла, Эндрю не стал бесноваться, как бесновался бы раньше, негодовать на то, что ему приходится prostituirовать свою профессию, унизившись до такого мелочного, ничтожного дела. Теперь он испытывал лишь какое-то новое для него смирение. Сжимая в руке смятую кредитку, он подошел к окну и следил, как посетительница уходила, покачивая бедрами, размахивая сумочкой и гордо выставляя напоказ новые серьги.

II

В этой суровой борьбе за существование Эндрю изголодался по общению с людьми своей профессии. Он был на собрании местного медицинского общества, но большого удовольствия это ему не доставило. Денни все еще был за границей, Тампико пришлось ему по вкусу, и он остался там, заняв место врача нефтепромышленной фирмы «Новый век». Так что пока он для Эндрю был потерян. Хоуп же находился в командировке в Камберленде, где, как он выразился в присланной им грубо раскрашенной открытке, считал кровавые шарики по поручению «Утехи маньяков».

Много раз Эндрю испытывал желание встретиться с Фредди Хэмптоном, и часто доходило уже до того, что он брался за телефонную книжку, но всякий раз его удерживало сознание, что он по-прежнему неудачник или, как он выражался про себя, «не устроен как следует». Фредди жил все там же, на Куин-Энн-стрит, но уже в другом доме. Эндрю чаще и чаще ловил себя на мысли о том, как живет Фредди, вспоминал старые приключения студенческих лет и наконец вдруг почувствовал, что искушение слишком сильно. Он позвонил Хэмптону.

— Ты, верно, совсем обо мне забыл, — ворчливо сказал он в телефонную трубку, наполовину готовый к тому, что его сейчас отчитают. — Это говорит Мэнсон, Эндрю Мэнсон. Я практикую в Паддингтоне.

— Мэнсон! Забыть о тебе! Ах ты, старая лошадь! — Фредди на другом конце провода был в явно лирическом

настроении. — Боже мой, дружище, почему ты мне до сих пор не звонил?

— Видишь ли... просто мы все устраивались. — Эндрю улыбнулся в трубку, согретый дружескими излияниями Фредди. — А до того, когда я служил в комитете, мы носились по всей Англии. Я ведь женат, ты знаешь?

— И я тоже. Послушай, старина, нам нужно с тобой встретиться! И поскорее! Нет, просто не верится... Ты здесь, в Лондоне! Чудесно! Где моя записная книжка?.. Послушай, ну вот, хотя бы в следующий четверг вы можете прийти к нам обедать? Да? Ну, великолепно! Значит, пока до свидания, я скажу жене, чтобы она написала твоей пару строк.

Кристин не выразила никакого энтузиазма, когда он сообщил ей о приглашении.

— Иди один, Эндрю, — помолчав, предложила она.

— Глупости! Фредди хочет, чтобы ты познакомилась с его женой. Я знаю, он тебе не очень нравится, но там будут и другие, — наверное, врачи. Наши дела могут принять новый оборот, дорогая. Потом, мы давно не развлекались... Он сказал «в черном галстуке»... Вот хорошо, что я купил тогда смокинг для обеда на Ньюкаслском руднике! Но как же ты, Крис? Тебе нужно какое-нибудь выходное платье.

— Мне нужна новая газовая плита, — ответила Кристин немного сердито.

Последние недели сильно сказались на ней. Она утратила часть той свежести, которая всегда составляла ее главное очарование. И порой, как, например, в эту минуту, в ее отрывистых репликах звучало изнеможение.

Но в четверг вечером, когда они отправились на Куин-Энн-стрит, Эндрю не мог не признать, что она была удивительно мила в белом платье, купленном когда-то по случаю того же званого обеда в Ньюкасле, но слегка переделанном, так что оно выглядело новее и наряднее. Причесана она была тоже по-новому: черные волосы гладко обрамляли бледный лоб. Эндрю заметил все это, пока она завязывала ему

галстук, хотел ей сказать, как она мила сегодня, но забыл, испугавшись вдруг, что они опоздают.

Они не только не опоздали, но явились рано, так рано, что прошло три неловких минуты, прежде чем Фредди весело вышел к ним, протягивая обе руки, извиняясь и здороваясь — все сразу, объясняя, что он только что вернулся из больницы, что жена через секунду сойдет вниз, предлагая выпить чего-нибудь, хлопая Эндрю по спине, прося их садиться. Фредди растолстел. Розовый валик жира на затылке говорил о полнейшем благополучии, но его маленькие глазки все так же блестели, и ни один желтый напомаженный волосок не сдвинулся с места. Он был таким вылощенным, что, казалось, излучал блеск.

— Честное слово! — Он поднял свой стакан. — Удивительно приятно видеть вас снова. Теперь мы должны встречаться постоянно. Как тебе нравится моя квартира, Эндрю? Ведь я же тебе говорил на обеде в Кардиффе — ну и обед был! Ручаюсь, что сегодня меню будет удачнее! — говорил, что добьюсь того, чего хочу. Весь дом — мой, куплен вместе с землей в прошлом году. Не спрашивай, во сколько это мне обошлось! — Он самодовольно поправил галстук. — Не стоит, конечно, об этом кричать, хотя бы у меня дела и шли хорошо. Но тебе-то можно это знать, старик.

Обстановка была бесспорно богатая: модная и нарядная мебель, глубокий камин, маленький концертный рояль, на котором в большой белой вазе стояли сделанные из перламутра цветы магнолии. Эндрю только что собирался выразить свое восхищение, когда вошла миссис Хэмптон, высокая, холодно-сдержанная, с темными волосами, разделенными прямым пробором, в туалете совершенно иного стиля, чем платье Кристин.

— А вот и ты, дорогая, — нежно, даже почтительно приветствовал ее Фредди и стремглав бросился к столу, чтобы налить и подать ей стакан хереса. Она не успела небрежно отстранить стакан, как доложили о приходе новых гостей —

мистера и миссис Айвори и доктора Пола Фридмана с женой. Последовало представление гостей друг другу, шумный разговор со смехом между четой Айвори, Фридманами и Хэмптонами. Затем — весьма вовремя — гостей пригласили в столовую.

Стол был убран богато и с большим вкусом. Столовый сервиз и канделябры представляли собой точную копию тех, которые Эндрю видел в витрине «Лэбина и Бенна», знаменитых ювелиров на Риджент-стрит. Блюда были приготовлены так, что нельзя было понять, мясо это или рыба, но все замечательно вкусно. Пили шампанское. После двух бокалов Эндрю ободрился. Он заговорил с миссис Айвори, сидевшей по левую руку от него, стройной дамой в черном, с невероятным количеством украшений и большими выпуклыми голубыми глазами, которые она время от времени поднимала на Эндрю с почти младенческим выражением.

Она была женой хирурга Чарльза Айвори. На вопрос Эндрю о ее муже она засмеялась, так как считала, что Чарльза знают все. Рассказала, что они живут на Нью-Кавендиш-стрит, за углом, в собственном доме, что она очень любит бывать у Фредди и его жены. Чарльз, Фредди и Пол Фридман так дружны, и все они члены клуба «Саквилл». Она удивилась, когда Эндрю признался, что он не член этого клуба. Она полагала, что все непременно должны быть членами клуба «Саквилл».

Обескураженный Эндрю занялся миссис Фридман, его соседкой справа, и нашел, что она приветливее, мягче и у нее красивый, почти восточный тон кожи. Он и ее навел на разговор о муже. Он думал: «Мне надо побольше узнать об этих людях, они так дьявольски богаты и так шикарны».

Миссис Фридман рассказала, что Пол — врач по внутренним болезням и что, хотя у них квартира на Портленд-плейс, Пол снимает еще комнаты на Харли-стрит. У него прекрасная практика (миссис Фридман говорила о муже с любовью, исключавшей всякое хвастовство), главным образом в отеле «Плаза», — он, конечно, знает этот большой

новый отель, окна которого выходят в парк. В час ланча ресторан там битком набит знаменитостями. Пол официально считается врачом отеля. Там останавливается такое множество богатых американцев и звезд экрана и... — миссис Фридман вдруг замолчала, улыбаясь, — ...да, все туда приезжают, и для Пола это очень выгодно.

Эндрю понравилась миссис Фридман. Он слушал ее, пока миссис Хэмптон не поднялась, а тогда галантно вскочил, чтобы отодвинуть стул миссис Фридман.

— Сигару, Мэнсон? — предложил Фредди с видом знатока, когда дамы ушли. — Вот эти тебе понравятся. И советую тебе обратить внимание на бренди. Тысяча восемьсот девяносто четвертого года! Тут уж никаких примесей!

С сигарой в зубах и пузатым стаканом бренди в руках, Эндрю придвинул свой стул поближе к остальным. Этому ему только и хотелось все время: живого и тесного общения с врачами, перехода к чисто профессиональным темам, и больше ничего. Он надеялся, что Хэмптон и его приятели заведут такой разговор. И надежда его оправдалась.

— Кстати, — начал Фредди, — я сегодня заказал себе у Гликкарта одну из этих новых ламп «Ирадиум». Они порядком дороги: что-то около восьмидесяти гиней. Но такая лампа стоит этих денег.

— Гм... — глубокомысленно протянул Фридман, худощавый, темноглазый, с умным еврейским лицом. — Она должна еще окупить уход и ремонт.

Эндрю, готовясь вступить в спор, затянулся сигарой:

— А я, знаете ли, не особенно высокого мнения об этих лампах. Читали вы в журнале статью Эбби о гелиотерапии? Эти лампы «Ирадиум» совершенно не излучают инфракрасных лучей.

Фредди уставился на него и захохотал:

— Зато они приносят черт знает сколько гонораров по три гиней. Кроме того, от них очень хорошо загорает тело.

— Нет, извини, Фредди, — вмешался Фридман. — Я не одобряю этих дорогостоящих аппаратов. Прежде чем они начнут давать доход, они должны еще окупить свою стоимость. Кроме того, они скоро выходят из моды, теряют свою популярность. Нет, если правду говорить, ничего нет лучше доброго старого средства — подкожных впрыскиваний.

— И вы, конечно, их применяете, — сказал Хэмптон.

В разговор вмешался Айвори. Он был старше остальных, громоздкий, с бледным, гладко выбритым лицом и непринужденными манерами столичного человека.

— Кстати, и я сегодня назначил одному пациенту курс впрыскиваний. Двенадцать марганцевых. И знаете, что я сделал? Я сказал этому субъекту: «Слушайте, вы же деловой человек. Курс лечения стоит пятьдесят гиней, но если вы уплатите мне сразу вперед, то я возьму с вас только сорок пять». Он мне выписал чек — и все.

— Ах вы, старый контрабандист! Я думал, вы хирург, а вы у нас хлеб отбиваете! — воскликнул Фредди.

— Я хирург, — подтвердил Айвори. — И завтра делаю операцию в лечебнице Иды Шеррингтон.

— «Бесплодные усилия любви», — с отсутствующим видом пробормотал Фридман своей сигаре, затем, возвращаясь к первоначальной теме, сказал вслух: — Да, без них никак не обойдешься. Ведь вот что любопытно: в высшем обществе лечение микстурами решительно вышло из моды. Если вы пропишете какие-нибудь порошки в отеле «Плаза», это не внушит пациенту ни малейшего доверия к вам. Но если то же самое лекарство вы впрыскиваете, предварительно обмыв кожу, прокипятив иглу и проделав всю прочую комедию, то ваш пациент считает, что вы на высоте науки.

Хэмптон энергично возразил:

— И очень хорошо для нас, врачей, что лечение микстурами сошло со сцены в Вест-Энде. Возьмите хотя бы тот

случай, о котором сейчас говорил Чарли. Допустим, что он прописал бы этому субъекту марганец или марганец с железом, доброе старое лекарство, которое, вероятно, принесло бы больному столько же пользы, сколько впрыскивания, — он бы получил за это дело не больше трех гиней. А он распределил лекарство в дюжину ампул и получил пятьдесят... Нет, извини, Чарли, я хотел сказать, сорок пять гиней.

— Минус двенадцать шиллингов, — поправил тихонько Фридман. — Стоимость ампул.

У Эндрю голова шла кругом. Этот аргумент в пользу упразднения лекарств потряс его своей новизной. Чтобы успокоиться, он опять выпил бренди.

— Все дело в том, — философствовал Фридман, — что они не знают, как дешевы эти вещи. Когда пациентка увидит на вашем столе ряд ампулок, у нее появляется инстинктивная мысль: «Боже, значит, лечение будет стоить больших денег!»

— Заметь, — Хэмптон подмигнул Эндрю, — заметь, наш Фридман, говоря о пациентах, всегда представляет себе особ женского пола... Да, между прочим, Пол, мне уже говорили вчера насчет охоты. Даммет согласен организовать все, если ты, Чарльз и я примем участие.

Минут десять они говорили об охоте, о гольфе, в который играли в окрестностях Лондона на площадках, куда вход стоит очень дорого, об автомобилях. А Эндрю слушал, курил свою сигару и прихлебывал бренди. Все выпили много бренди. Эндрю, чуточку опьянев, решил про себя, что все они удивительно славные ребята. Они не только не отстраняли его от участия в разговоре, но все время то каким-нибудь словом, то взглядом давали ему почувствовать, что он свой человек. Они как-то сумели заставить его забыть, что он завтракал одной лишь маринованной селедкой. И когда все поднялись, Айвори ударил его по плечу:

— Надо будет послать вам свою карточку, Мэнсон. Буду очень рад, если вы как-нибудь пригласите меня на консилиум к своему пациенту.

Когда мужчины воротились в гостиную, атмосфера там, в силу контраста, показалась Эндрю холодно-официальной, но Фредди, который был в чудесном настроении и сиял еще больше, чем всегда, засунув руки в карманы, выпятив ослепительную крахмальную грудь сорочки, объявил, что еще рано и вечер надо закончить всем вместе в «Эмбасси».

— К сожалению, — Кристин бросила неопределенный взгляд на Эндрю, — нам необходимо идти домой.

— Глупости, дорогая! — Эндрю блаженно улыбнулся. — И думать нельзя о том, чтобы так рано закончить этот вечер.

В «Эмбасси» Фредди, видимо, был известен. Его и его спутников с поклонами и улыбками усадили за стол у стены. Опять пили шампанское. Танцевали. «Эти люди умеют жить, — размышлял Эндрю восторженно и туманно. — Отличная музыка... Инт...тересно, хотела бы Крис потанцевать или нет?»

В такси, когда они наконец возвращались на Чесборо-террас, он объявил, захлебываясь от удовольствия:

— Замечательно симпатичные ребята! Вообще, вечер мы провели чудесно, правда, Крис?

Она отозвалась слабым, ровным голосом:

— Отвратительный вечер!

— Ч...что?

— Из твоих знакомых врачей, Эндрю, мне нравятся только Денни и Хоуп, но не эти... эти, пустые и чванные...

Но Эндрю прервал ее:

— Но послушай, Крис... что тебе не понравилось?

— Неужели же *ты* не почувствовал этого, — ответила она с холодным бешенством. — Да все! Еда, мебель, их манера разговаривать — только и слышишь все время: деньги, деньги. Ты не заметил, верно, как она, эта миссис Хэмптон, смотрела на мое платье. У нее на лице так и читалось, что она тратит в один вечер на косметику больше, чем я за целый год на туалеты. Было почти забавно наблюдать ее в гостиной после того, как она узнала, какой я ничтожный

маленький человек. Она ведь дочь Виттона — короля виски! Ты представить себе не можешь, какого сорта разговор велся в гостиной до вашего прихода. Светские сплетни насчет того, кто с кем проводит свободные дни, что ей сказал парикмахер, подробности последнего скандала в обществе — ни единого слова о чем-нибудь *настоящем*. Да что! Она ясно намекнула, что она, по ее выражению, увлечена дирижером оркестра в отеле «Плаза».

Тон Кристин был дьявольски саркастичен. Вообразив, что это зависть, Эндрю пьяно пролепетал:

— Я заработаю для тебя много денег, Крис. Накуплю тебе кучу дорогих туалетов.

— Не нужны мне деньги! — отрезала она, взвинченная до последней степени. — И я терпеть не могу дорогие туалеты.

— Но, дорогая... — Он пьяным жестом потянулся к ней.

— Не трогай меня! — ударил его голос Кристин. — Я тебя люблю, Эндрю, но не тогда, когда ты пьян.

Он отодвинулся в угол, оторопевший и разозленный. В первый раз Кристин оттолкнула его.

— Хорошо же, моя милая! — пробормотал он себе под нос. — Раз так, я...

Он расплатился с шофером и прошел в дом первый. Потом, не сказав ни слова, отправился спать в запасную комнату наверху. После только что покинутой роскоши все здесь казалось ему таким безобразным и убогим. Выключатель был в неисправности — вся электрическая проводка в доме никуда не годилась.

«Да провались оно все, — думал он, бросаясь на постель. — Я должен выбраться из этой ямы. Я ей докажу! Я буду загребать деньги. Что можно сделать без них?»

В первый раз с тех пор, как поженились, они эту ночь спали врозь.

III

На следующее утро за ранним завтраком Кристин держала себя так, словно весь вчерашний эпизод ею забыт. Эндрю видел, что она старается быть с ним особенно ласковой. Это удовлетворило его тщеславие и заставило еще больше надуться. «Женщине, — размышлял он, притворяясь, что углублен в чтение газеты, — время от времени надо указать ее место». Но после того как он в ответ на обращение к нему Кристин пробурчал несколько кислых реплик, она перестала с ним ласково заговаривать, ушла в себя и сидела за столом, сжав губы, не глядя на мужа, ожидая, пока он не закончит есть. «Упрямый чертенок! — подумал он, вставая и выходя из комнаты. — Я ее проучу».

Войдя в кабинет, он первым делом достал с полки «Врачебный указатель». Ему было и любопытно, и важно получить более точные сведения о тех, с кем он вчера провел вечер. Торопливо перелистывая книгу, он прежде всего отыскал Фредди. Да, вот он — Фредерик Хэмптон, Куин-Энн-стрит, бакалавр медицины, младший врач-экстерн в Уолтхэмвуде.

Эндрю в полном недоумении наморщил брови. Фредди много говорил вчера о своей службе в больнице, он утверждал, что ничто так не помогает врачу завоевать себе положение в Вест-Энде, как служба в больнице: зная, что он квартирный врач, публика ему больше доверяет. Однако в адрес-календаре указывалась не больница, а амбулатория для бедняков — и в Уолтхэмвуде, одном из новых предместьев Лондона. Ошибки быть не могло, указатель был новый,

последний, куплен всего месяц тому назад. Потом Эндрю отыскал Айвори и Фридмана, положил большую красную книгу на колени. Лицо его выражало странную задумчивость, даже растерянность. Пол Фридман был, как и Фредди, бакалавр медицины, но без отличий, имевшихся у Фредди. Фридман не был квартирным врачом. Ну а Айвори? Мистер Чарльз Айвори с Нью-Кавендиш-стрит не имел ни квалификации хирурга, ни службы в больнице. В сведениях о нем отмечен был лишь некоторый стаж во время войны в больницах пенсионной кассы. И больше ничего.

Углубленный в размышления, Эндрю встал и поставил книгу на место. Лицо его выражало внезапную решимость. Он говорил себе, что эти преуспевающие молодчики, с которыми он обедал вчера, не могут сравниться с ним по своей квалификации. И того, чего сумели добиться они, сумеет добиться и он. Нет, большего! Не обратив внимания на вспышку Кристин, он больше чем когда бы то ни было испытывал желание выдвинуться. Но сначала надо поступить на службу — конечно, не в уолтхэмвудскую или другую, ничего не стоящую амбулаторию для бедняков, а в одну из лондонских больниц. Да, в настоящую больницу. Это нужно сделать немедленно. Но как?

Три дня он раздумывал, потом в волнении отправился к сэру Роберту Эбби. Для него было самым тяжким испытанием на свете просить кого-нибудь об одолжении, а особенно Эбби, который принял его с веселой приветливостью:

— А! Как поживает наш специалист по измерению бинтов? И вам не стыдно смотреть мне в глаза?.. Говорят, доктор Бигсби заболел от перенапряжения. Ничего об этом не слышали? Зачем вы пришли — чтобы поспорить со мной или просить места в комитете?

— Нет, сэр Роберт. Я хотел... то есть... Вы не могли бы помочь мне получить место амбулаторного врача в какой-нибудь больнице?

— Гм... Это уже много труднее, чем устроить вас в комитет. Знаете ли вы, как много молодых врачей слоняется

без работы? И все дожидаются почетных мест. Вам, собственно, следовало бы специализироваться по легочным болезням. Да, и это тоже ограничивает выбор для вас больницы.

— Но... я думаю...

— Легочная больница имени Виктории — вот это для вас подходящее место! Одна из старейших больниц в Лондоне. Пожалуй, наведу справки. Ничего вам пока не обещаю, но буду иметь вас в виду.

Эбби заставил его выпить с ним чая. Он имел неизменную привычку в четыре часа выпивать в своем кабинете две чашки китайского чая без молока и без сахара, ничем не закусывая. Это был какой-то особенный чай, пахнувший померанцевым цветом. Эбби вел разговор, легко переходя от одной темы к другой, от чашек-пиал времен императора Канси до кожной реакции фон Пирке. Потом, провожая Эндрю, сказал:

— А вы все воюете с официальными учебниками? И правильно, не переставайте воевать. И даже если я вас устрою в больницу Виктории, умоляю вас, не превращайтесь в тактичного и покладистого любимца пациентов. — Он прищурил глаза. — Вот это самое меня и сгубило.

Эндрю был на седьмом небе. Он воротился домой в таком радужном настроении, что даже забыл о своем оскорбленном достоинстве и, увидав Кристин, выпалил:

— Я был у Эбби. Он хочет попробовать устроить меня в больницу Виктории! Это мне даст фактически положение консультанта.

При виде радости, вспыхнувшей в глазах Кристин, он почувствовал стыд за себя, за свою мелочность.

— Я был порядком несносен в последнее время, Крис. У нас не все было гладко. Давай забудем это, дорогая!

Она бросилась к нему, протестуя, уверяя, что во всем виновата она. Затем каким-то непонятным образом оказалось, что вина лежит всецело на Эндрю. И только где-то в уголке

его души сохранилось упорное решение поскорее ошеломить Кристин грандиозностью материального успеха.

С новыми силами набросился он на работу, убежденный, что скоро ему должно повезти. Тем временем практика его постепенно увеличивалась. Он твердил себе, что не такого сорта практика ему нужна, не эти приемы на дому по три с половиной шиллинга да пятишиллинговые визиты к больным. Тем не менее то была практика в настоящем смысле слова. Люди, приходившие к Эндрю или вызывавшие его к себе, были так бедны, что и думать не смели о том, чтобы обратиться к врачу, если они не были действительно больны. Поэтому, посещая непроветренные, убогие комнаты над бывшими конюшнями, он находил там дифтерит, в сырых подвальных помещениях, где ютилась прислуга, — острый суставной ревматизм, в мансардах меблированных комнат — воспаление легких. Из всех этих жилищ, где он сражался с болезнью, самыми трагичными были отдельные квартирки, где жили пожилые мужчины и женщины, одинокие, забытые друзьями и родственниками, готовя себе жалкую пищу на газовой горелке, заброшенные, опустившиеся люди, о которых никто не заботился. Таких было много. Как-то раз Эндрю попал к отцу известной актрисы, имя которой сияло огнями на Шафтсбери-авеню, — старику лет семидесяти, парализованному, жившему в грязи и нищете. Он лечил пожилую даму из высшего круга, худую, комичную, умирающую с голода. Она показала ему свою фотографию в парадном туалете, в котором представлялась ко двору. Рассказывала ему о тех временах, когда она проезжала по этим самым улицам в собственной карете. Как-то глубокой ночью он вернул к жизни (и потом презирал себя за это) несчастное существо, дошедшее до полного отчаяния, чело- века, который, не имея ни пени, предпочел смерть от газа рабочему дому.

Часто случаи бывали неотложные, требовавшие хирургического вмешательства и немедленного помещения в больницу. И тут Эндрю оказывался в величайшем затруднении.

Добиться приема в больницу даже в самых тяжелых и опасных случаях было труднейшей задачей. Чаще всего к таким больным его вызывали поздно ночью. Возвратившись от них, в пальто и куртке поверх пижамы, не снимая шляпы, торчавшей на затылке, не разматывая шарфа на шее, он стоял у телефона, звоня в одну больницу за другой, умоляя, убеждая, угрожая, но неизменно встречал отказ, лаконичный, часто грубый:

— Какой доктор? Кто? Нет, нет. К сожалению, у нас все занято.

Багровый, он шел к Кристин, отчаянно ругаясь:

— Все у них не занято. У них сколько угодно свободных коек, но для своих людей. А когда к ним обращается незнакомый врач, они его сразу замораживают. С удовольствием свернул бы шею этому щенку, который со мной разговаривал! Подумай, Крис, ведь это черт знает что! У больного ущемленная грыжа, а я не могу добиться койки в больнице. Некоторые, вероятно, и в самом деле переполнены. И это Лондон! Это центр проклятой Британской империи! Вот что делает наша система больниц, организованных на частные и благотворительные средства! А какой-нибудь ублюдок-филантроп, встав поутру после банкета, объявляет, что эта система — лучшая в мире... Значит, моего беднягу с грыжей придется помешать в рабочий дом. Начнется заполнение опросных бланков: «Сколько вы зарабатываете? Ваше вероисповедание? Рождена ли ваша мать в законном браке?» А у него уже перитонит! Будь хорошей девочкой, Крис, позвони вместо меня в попечительство о бедных.

Но какие трудности ни встречал Эндрю, как он ни проклинал грязь и нищету, с которыми ему часто приходилось сталкиваться, у Кристин всегда готов был один и тот же ответ:

— Но это-то и есть *настоящая* работа. И по-моему, тебе должно быть достаточно этого сознания.

— Его недостаточно, чтобы избавить меня от клопов, — ворчал он, уходя в ванную, чтобы обобрать их с себя.

Крис смеялась: она снова, как когда-то в Эберло, чувствовала себя счастливой. Борьба была ужасна, но в конце концов она справилась с этим домом. Порой он еще пытался встать на дыбы и лягнуть ее, но обычно лежал смирно, чистый, отполированный до блеска, покорный ее зоркому глазу. У нее появилась новая газовая плита, на лампах новые абажуры, обивка мебели была вычищена. Перила лестницы сверкали, как пуговицы гвардейца. После многонедельных поисков прислуги (в этом районе девушки предпочитали служить в пансионатах, где получали чаевые) Кристин удалось найти миссис Беннет, сорокалетнюю вдову, чистоплотную и работающую, которая, имея семилетнюю дочку, нигде не могла получить место прислуги, живущей в доме. Кристин и миссис Беннет вдвоем принялись за нижний этаж. Теперь прежний «железнодорожный туннель» преобразился в уютную жилую комнату с цветистыми обоями, с мебелью, купленной на толкучке и окрашенной Кристин в кремовый цвет. Здесь миссис Беннет и маленькая Флорри, теперь каждый день ходившая с ранцем в Паддингтонскую школу, чувствовали себя надежно. В благодарность за эту безопасность и комфорт (после многих месяцев нужды и неуверенности в завтрашнем дне) миссис Беннет не знала, как и угодить Кристин.

Первые весенние цветы, так украшавшие приемную, словно отражали радость, наполнявшую дом Кристин. Она покупала эти цветы на рынке за несколько пенсов, когда ходила по утрам за провизией. Многие уличные торговцы на Массельбург-роуд уже знали ее. Здесь можно было дешево купить и фрукты, и рыбу, и овощи. Ей бы следовало больше помнить о том, что она жена врача, но — увы! — она не считала нужным помнить об этом и часто несла с рынка покупки в своей плетеной сумке, останавливаясь по дороге у лавки фрау Шмидт, чтобы поболтать несколько минут и захватить кусок липтауэрского сыра, который Эндрю очень любил.

Часто перед обедом она прогуливалась по берегу Серпентайн. Здесь уже зеленели каштаны, и водяные птицы

скользили по воде, которую рябил ветер. Это место заменяло Кристин деревню, которую она так любила.

Иногда по вечерам Эндрю глядел на нее с выражением какой-то своеобразной ревности, означавшим, что он сердится, так как целый день не видел ее.

— Что ты делала сегодня весь день, пока я был занят? Если когда-нибудь у меня наконец будет свой автомобиль, то ты будешь шофером. Тогда ты всегда будешь подле меня.

Он все еще ожидал «хороших» пациентов, а они не приходили, жаждал получить от Эбби известие насчет службы в больнице, злился на то, что вечер, проведенный на Куин-Энн-стрит, не дал никаких результатов. Он втайне был задет тем, что ни Хэмптон, ни его друзья до сих пор не вспомнили о нем.

В таком настроении сидел он однажды вечером в конце апреля в своей амбулатории. Было уже около девяти, и он собирался закрывать амбулаторию, когда вошла молодая женщина. Она неуверенно посмотрела на него:

— Я не знала, куда идти — сюда или с парадного хода.

— Это все равно, — кисло усмехнулся Эндрю. — Только те, кто приходят сюда, платят половину. Присядьте. В чем дело?

— Я ничего не имею против того, чтобы уплатить полностью. — Она подошла с забавной серьезностью и села на стул.

Это была женщина лет двадцати восьми, как мысленно определил Эндрю, в темно-зеленом платье, с кривыми ногами и широким, некрасивым, серьезным лицом. При взгляде на нее являлась инстинктивная мысль: за этой никаких глупостей не водится!

Эндрю сказал, смягчившись:

— Не будем говорить о плате. Расскажите мне, на что вы жалуетесь.

— Видите ли, доктор, — она, видимо, хотела все же сначала откомендоваться, — мне посоветовала к вам обратиться

миссис Смит — знаете, у которой закусовая. Мы с ней старые знакомые. Я служу у «Лорье», совсем близко отсюда. Моя фамилия Крэмб. Должна вам сказать, что я побывала уже у очень многих докторов. — Она сняла перчатки. — Это из-за моих рук.

Он посмотрел на ее руки, ладони которых были покрыты красноватой сыпью, похожей на псориаз. Но это был не псориаз — края были не извилистые, а ровные. Неожиданно заинтересованный, Эндрю взял увеличительное стекло и стал внимательнее рассматривать ее ладонь. А женщина продолжала говорить серьезным, убеждающим тоном:

— И сказать вам не могу, как это мешает в моей работе. Я бы бог знает что дала, чтобы от этого избавиться. Каких только мазей я уже не перепробовала! Но ни одна ничуть мне не помогла.

— Нет, и не могла помочь. — Он отложил лупу, испытывая удовольствие врача, который ставит трудный, но несомненный для него диагноз. — Это несколько необычное состояние кожи, мисс Крэмб. И бесполезно лечить его мазями. Причина тут — в вашей крови, и единственное средство от этого избавиться — соблюдать диету.

— И никаких лекарств не надо? — Ее серьезное лицо выразило сомнение. — Ни один врач мне еще этого не говорил.

— А я вам это говорю. — Он засмеялся и, вырвав листок из блокнота, записал ей подробно, какую диету следует соблюдать, какие блюда ей абсолютно запрещены.

Она приняла бумажку как-то нерешительно:

— Что ж... я, конечно, попробую, доктор. Я все, что угодно, готова испробовать.

Она добросовестно расплатилась с ним, постояла, словно все еще мучимая сомнением, потом вышла. И Эндрю медленно забыл о ней.

Десять дней спустя она пришла снова, на этот раз с парадного хода, и вошла в кабинет с таким выражением плохо скрытого восторга, что Эндрю едва удержался от улыбки.

— Хотите посмотреть мои руки, доктор?

— Да. — Теперь он таки улыбнулся. — Надеюсь, вы не жалеете, что соблюдали диету?

— Жалею! — Она протянула к нему руки в страстном порыве благодарности. — Взгляните! Я совсем вылечилась. Ни единого пятнышка. Вы не знаете, как это для меня важно... Я и выразить вам этого не могу... Какой вы ученый!

— Полноте, полноте, — возразил Эндрю легким тоном. — Человеку моей профессии полагается знать эти вещи. Идите домой и не беспокойтесь больше. Только не ешьте той пищи, которую я вам запретил, и никогда у вас на руках больше не будет сыпи.

Она поднялась:

— А теперь позвольте вам уплатить, доктор.

— Вы мне уже уплатили, — возразил он, испытывая легкое эстетическое удовольствие от созерцания собственного благородства. Он очень охотно принял бы от нее еще три с половиной или даже семь шиллингов, но искушение завершить это торжество своего искусства красивым жестом было непобедимо.

— Но, доктор... — Она неохотно позволила ему проводить себя до дверей, здесь остановилась и сказала на прощание, все с той же серьезностью: — Может быть, я смогу чем-нибудь другим отблагодарить вас.

Эндрю поглядел в поднятое к нему лунообразное лицо, и у него на миг мелькнула непристойная мысль. Но он только кивнул, закрыл за женщиной дверь и опять забыл о ней. Он был утомлен, уже отчасти сожалел, что отказался от денег, и во всяком случае меньше всего склонен был предполагать, что какая-то продавщица может быть ему полезна. Но он не знал мисс Крэмб. Кроме того, он совершенно упустил из виду одну возможность, о которой говорит Эзоп, а ему, как плохому философу, следовало бы это помнить.

IV

«Молодежь» у «Лорье» называла Марту Крэмб Хавбек¹. Грубоватая, некрасивая, неженственная до того, что казалась каким-то бесполом существом, она как будто совсем не подходила для роли старшей продавщицы этого единственного в своем роде магазина, бойко торговавшего нарядными платьями, роскошным бельем и мехами настолько дорогими, что цены их исчислялись сотнями фунтов. Но Марта была замечательной продавщицей, чрезвычайно уважаемой покупателями. Фирма «Лорье», гордая своей славой, ввела у себя в магазине особую систему: каждая старшая продавщица создавала себе собственный круг клиенток, небольшую группу постоянных заказчиц, которых она одна обслуживала, изучив их вкусы, одевала, откладывала для них часть поступающих новых моделей. Между старшей и ее клиентками создавалась уже некоторая близость, часто на протяжении многих лет, и для этой роли Марта со своей честностью и серьезностью подходила как нельзя лучше.

Она была дочерью нотариуса в Кеттеринге. Многие служившие у «Лорье» барышни были дочерьми людей интеллигентных профессий из провинции или лондонских предместий. Считалось честью быть принятой на службу в магазин «Лорье», носить форму этого предприятия — темно-зеленое платье. Потогонная система и скверные бытовые условия, в которые поставлены иногда продавщицы других магазинов, совершенно отсутствовали у «Лорье», где деву-

¹ Или Полузащитник.

шек прекрасно кормили, предоставляли удобное помещение и следили за их поведением. Мистер Уинч, единственный мужчина в магазине, особенно следил за тем, чтобы девушек никуда одних не отпускали. Он весьма уважал Марту и часто имел с ней продолжительные совещания. Это был розовый, женоподобный старичок, сорок лет прослуживший в магазинах дамского платья. Его большой палец стал совсем плоским от постоянного щупания материй, спина была всегда согнута в почтительном поклоне. При всей своей женоподобности, мистер Уинч для всякого посетителя представлял собой единственную пару брюк в безбрежном и пенистом море женственности. Он не одобрял тех мужей, которые приходили сюда с женами смотреть манекены. Он знал в лицо членов королевской фамилии. Он представлял собой почти такую же крупную величину, как сам магазин «Лорье».

Исцеление мисс Крэмб вызвало тихую сенсацию среди персонала «Лорье». И непосредственным результатом было то, что просто из любопытства несколько младших продавщиц явилось к Эндрю с незначительными жалобами. Они, хихикая, поясняли одна другой, что им хотелось посмотреть, каков из себя этот доктор нашей Хавбек. Но постепенно все больше и больше служащих «Лорье» стало приходить в приемную на Чесборо-террас. Все девушки были застрахованы. По закону они обязаны были лечиться у страхового врача, но, с отличавшим всю фирму «Лорье» высокомерием, они не подчинялись этому правилу. К концу мая нередко можно было увидеть в приемной Эндрю с полдюжины барышень от «Лорье» — молодых, с накрашенными губами, в высшей степени элегантных, копирующих своих заказчиц. Доходы Эндрю значительно повысились. Кристин говорила смеясь:

— Что ты делаешь с этим хором красоток, мой друг? Уж не ошиблись ли они дверью и не приняли ли твою приемную за театр?

Но пылкая признательность мисс Крэмб — о восторг исцеления! — только еще начинала проявляться. До тех пор полуофициально врачом фирмы «Лорье» считался доктор Маклин, солидный, пожилой. Его вызывали во всех экстренных случаях — например, когда мисс Твиг из костюмного отдела сильно обожглась горячим утюгом.

Но доктор Маклин собирался уйти на покой, а его компаньон, которому он передавал практику, доктор Бентон, не был ни пожилым, ни солидным. Надо сказать, что не раз склонность доктора Бентона шнырять глазами по ножкам и слишком нежная заботливость его по отношению к хорошеньким младшим продавщицам заставляла мистера Уинча хмуриться и багроветь. Мисс Крэмб и мистер Уинч обсудили этот вопрос на одном из своих маленьких совещаний, и мистер Уинч, заложив руки за спину, важно кивал, когда мисс Крэмб напирала на то, что Бентон для них человек неподходящий и что на Чесборо-террас имеется другой врач, строгий и скромный, который достигает блестящих результатов, не принося жертв Таис. Пока ничего еще не было решено, мистер Уинч спешить не любил, но, когда он поплыл к дверям, чтобы встретить герцогиню, в глазах его был знаменательный блеск.

На первой неделе июня Эндрю, которому уже давно было стыдно за свое прежнее пренебрежение к мисс Крэмб, был потрясен новой неожиданной услугой с ее стороны.

Он получил письмо, написанное языком изысканным и вместе деловым, как он потом убедился, обыкновенный бесцеремонный вызов по телефону был совсем не в духе автора этого письма, с просьбой прийти во вторник, то есть на следующее утро, если возможно, к одиннадцати часам, на Парк-Гарденс, номер 9, к мисс Винифред Эверетт.

Закрыв пораньше амбулаторию, он в большом волнении отправился туда. В первый раз его звали к больному за пределами убогого квартала, которым до сих пор была ограничена его практика. Парк-Гарденс представлял собой краси-

вую группу домов не совсем современного стиля, но больших и солидных, с прекрасным видом на Гайд-парк. Эндрю позвонил у дома номер 9, в напряженном ожидании, неизвестно почему убежденный, что наконец пришла удача.

Ему открыл пожилой слуга. Комната, куда его ввели, была просторной, убрана старинной мебелью, книгами и цветами и напомнила ему гостиную миссис Вон. Как только он вошел, то понял, что предчувствие его не обмануло. Когда появилась мисс Эверетт, он повернулся к ней и поймал ее взгляд, спокойный, ясный, с одобрительным выражением устремленный на него.

Это была женщина лет пятидесяти, хорошо сложенная, темноволосая, с желтовато-смуглой кожей, одетая со строгой простотой и державшая себя в высшей степени самоуверенно. Она сразу заговорила с ним ровным, размеренным голосом:

— Я лишилась своего постоянного врача, для меня это несчастье, так как я очень ему доверяла. Моя мисс Крэмб рекомендовала мне вас. Она женщина честная и преданная, я на нее полагаюсь. Я смотрела в справочнике — у вас высокая квалификация.

Она помолчала, совершенно откровенно разглядывая его и точно взвешивая. У нее был вид женщины, которая хорошо питается, окружена хорошим уходом, которая никому не позволит пальцем себя коснуться, пока не осмотрит как следует его руки. Она продолжала с нарочитой сдержанностью:

— Пожалуй, вы мне подойдете. В это время года я всегда проделываю курс впрыскиваний. У меня сенная лихорадка. Вам, я полагаю, известно все об этой болезни?

— Да, — ответил он. — Что вам впрыскивали?

Она назвала известный препарат.

— Мой прежний врач посоветовал мне это средство. Я очень верю в него.

— Ах, вот что он вам впрыскивал!

Задетый ее тоном, он чуть не сказал ей, что верное средство ее хваленного доктора ничего не стоит, что оно стало популярным благодаря ловкому рекламированию фирмы, изготовляющей его, а помогает оно при сенной лихорадке только потому, что в Англии летом редко бывает в воздухе много той цветочной пылицы, которая вызывает эту болезнь. Но он сделал над собой усилие и промолчал. В нем происходила борьба между тем, во что он верил, и тем, чего он желал. Он подумал, подстрекая сам себя: «Дурак я буду, если упущу этот случай после стольких месяцев неудач», а вслух сказал:

— Полагаю, что смогу не хуже всякого другого делать вам эти впрыскивания.

— Прекрасно. А теперь относительно гонорара. Я никогда не платила доктору Синклеру больше гиней за визит. Могу я считать, что вы согласны на эти условия?

Гинеею за визит — втрое больше, чем он когда-либо получал! А еще важнее было то, что это — первый шаг к практике в высшем кругу, которой он жаждал столько месяцев. Снова подавил он в себе протестующий голос совести. Что же из того, если впрыскивания бесполезны? Это ее предложение, не его. Он устал от неудач, ему надоело тянуть лямку, получая по три с половиной шиллинга за визит. Он хочет пробить себе дорогу, добиться успеха. И добьется во что бы то ни стало.

Он пришел к ней опять на следующий день ровно в одиннадцать. Она свойственным ей строгим тоном предупредила его, чтобы он не опаздывал. Она не хотела менять часы своей обычной утренней прогулки. Он сделал ей первое впрыскивание. И стал приходить два раза в неделю, продолжая лечение.

Он был пунктуален, так же аккуратен, как она, и никогда не переходил границ, ею намеченных. Было почти забавно наблюдать, как она постепенно оттаивала. Она была чудачка, эта Винифред Эверетт, и особа весьма решительная. Несмотря на свое богатство (отец ее был крупным владельцем

заводов в Шеффилде, и все состояние, полученное ею в наследство, было вложено в надежные ценные бумаги), она старалась извлечь максимальную пользу из каждого пенни. То была не скупость, а скорее своеобразная форма эгоизма. Она поставила себя в центре своего мирка, чрезвычайно заботилась о своем все еще красивом и белом теле, интересовалась всеми видами ухода и лечения, какие, по ее мнению, могли ей быть полезны. Она желала непременно иметь все самое лучшее. Она была умеренна в пище, но ела только самое изысканное и дорогое. Когда на шестом визите она снизошла до того, что предложила Эндрю стакан хереса, он заметил, что это «Амонтильядо» 1819 года. Одевалась она у «Лорье». Нигде, ни у кого Эндрю не видел такого постельного белья, как у нее. А при всем том она принципиально никогда не тратила лишнего фартинга. Никак нельзя было себе представить, чтобы мисс Эверетт бросила полкроны шоферу такси, не посмотрев сперва внимательно на счетчик.

Эндрю такая женщина должна была бы внушать отвращение, а между тем он ничего подобного не испытывал. Она возвела свое себялюбие чуть не в степень философии. И она обладала большим здравым смыслом. Она удивительно напоминала Эндрю женщину с картины Терборха, одного из старых голландских мастеров, которую они с Кристин видели когда-то. То же пышное тело, нежно-матовый цвет лица, тот же рот, надменный и чувственный.

Когда мисс Эверетт заметила, что Эндрю — по ее собственному выражению — серьезно решил ей понравиться, она стала менее сдержанна. Для нее было неписанным законом, что визит врача должен продолжаться двадцать минут, иначе она считала бы, что получила недостаточно за свои деньги. Но к концу месяца Эндрю уже просиживал у нее по получасу. Они беседовали. Он говорил с ней о своем стремлении выдвинуться. Она это одобряла. Круг ее интересов был ограничен. Но круг ее родственников — неограничен, и говорила она главным образом о них. Она не раз упоминала о своей племяннице Кэтрин Саттон, которая жила

в Дербишире, но часто приезжала в Лондон, так как ее муж, капитан Саттон, был членом парламента от Барнуэлла.

— Доктор Синклер лечил и их тоже, — заметила она как-то раз осторожно, — не вижу, почему бы вам не стать их домашним врачом.

Когда он пришел в последний раз, она угостила его опять «Амонтильядо» и сказала очень любезно:

— Я терпеть не могу получать счета. Позвольте мне сейчас расплатиться с вами. — Она подала ему сложенный чек на двенадцать гиней. — Само собой разумеется, я скоро приглашу вас опять. Зимой я обычно делаю себе прививку против насморка.

Она даже проводила его до двери на лестницу и здесь постояла с минуту. Ее холодное лицо осветилось наиболее близким подобием улыбки, какое он когда-либо видел на этом лице. Но оно быстро исчезло, и, сурово глядя на него, она сказала:

— Хотите послушать совета женщины, которая годится вам в матери? Оденьтесь у хорошего портного. Сходите к портному капитана Саттона, Роджерсу, на Кондуит-стрит. Вы мне говорили, что очень хотите выдвинуться. Но в этом костюме вы ничего не добьетесь.

Он шел от нее и всю дорогу мысленно ругал ее с прежней своей необузданностью. Лицо его пылало от обиды. Старая сука! И чего она сует нос, куда ее не просят, какое ей дело до него! Какое право она имела учить его, как одеваться! Или она думает, что он будет играть при ней роль комнатной собачки? Вот где наихудший компромисс — в рабском подчинении условности. Его паддингтонские пациенты платили ему только три с половиной шиллинга, но зато они не предлагали ему превратиться в портновский манекен. Впредь он ограничится только этим кругом пациентов и никому не будет продавать свою совесть.

Но это настроение прошло как-то само собой. Правда, Эндрю никогда ни капельки не интересовался состоянием

своего туалета. Дешевый костюм из магазина готового платья всегда отлично служил ему, покрывал и защищал от холода, несмотря на свою незлегантность. Кристин тоже, хотя и была всегда одета мило и опрятно, никогда не огорчалась из-за отсутствия нарядов. Она лучше всего чувствовала себя в шерстяной юбке и связанном ею самой джемпере.

Эндрю украдкой оглядел себя, свои неопишуемые шерстяные брюки мешком, внизу забрызганные грязью. «Черт возьми, — подумал он с раздражением, — а ведь она совершенно права. Как я могу в таком виде завербовать пациентов высшего класса? И отчего Кристин мне до сих пор ничего не говорила? Это ее дело, а не старухи Винифред. Как фамилия того портного, которого она мне назвала? Да, Роджерс на Кондуит-стрит. Я, пожалуй, действительно обращусь к нему».

Пока он дошел до дому, к нему уже вернулось хорошее настроение. Он помахал чеком перед носом Кристин:

— Видала, моя милая? А помнишь, как я прибежал к тебе из приемной с первым жалким заработком в три шиллинга? Ба! Нет, вот это — деньги, настоящий гонорар, какой и полагается доктору медицины! Двенадцать гиней за любезные разговоры с дурой Винни и безвредные впрыскивания ей «Иптона» Гликкерта.

— Что это за «Иптон»? — спросила с улыбкой Кристин. Потом вдруг с недоумением посмотрела на него. — Да ведь это, кажется, тот препарат, который ты так высмеивал?

Эндрю переменялся в лице, насупился в сильном замешательстве. Кристин сказала именно то, что ему не хотелось услышать. И он вдруг рассердился, но не на себя, а на нее:

— Ах, пропади все пропадом! Никогда на тебя не угодишь, Крис! — Он повернулся и вышел, хлопнув дверью.

Весь этот день он дулся. Но на другой день опять повеселел. И отправился к Роджерсу на Кондуит-стрит.

V

Он был, как школьник, горд собой, когда через две недели спустился к Кристин в одном из своих двух новых костюмов. Костюм был темно-серый двубортный и, по указанию Роджерса, дополнялся воротничком с уголками и темным галстуком в тон. Без всякого сомнения, портной с Кондуит-стрит был мастер своего дела, а ссылка на капитана Саттона побудила его одеть Эндрю с особой тщательностью.

Как раз в это утро Кристин выглядела хуже обычного. У нее немного болело горло, и она закутала шею и голову старым шарфом. Она разливала кофе, когда Эндрю предстал перед ней в столь ослепительном виде. Она была так потрясена, что некоторое время не могла произнести ни слова.

— Ох, Эндрю! — ахнула она. — Замечательно! Ты куда-нибудь идешь?

— Иду? Конечно иду, на работу, к больным. — Он был так доволен собой, что держался почти вызывающе. — Ну как, нравится?

— Да, — ответила Кристин, но не так быстро, как ему хотелось. — Очень... страшно шикарно, но... — она усмехнулась, — но это точно не ты.

— Ты, кажется, предпочла бы, чтобы я всегда имел вид бродяги.

Она промолчала, но ее рука, державшая чашку, вдруг сжалась так, что заболели суставы. «Ага, — подумал Эндрю, — задело за живое!» Он закончил завтрак и пошел к себе в кабинет.

Через пять минут и она пришла туда, все в том же шарфе на шее. Глаза у нее были нерешительные, умоляющие.

— Милый, — сказала она, — пожалуйста, не перетолковывай моих слов. Мне ужасно приятно видеть тебя в новом костюме. Я хочу, чтобы у тебя было все, все самое лучшее. Ты извини, что я так выразилась давеча в столовой, но понимаешь, я привыкла считать тебя... ох, это ужасно трудно объяснить... Я всегда считала тебя человеком, который... — пожалуйста, не пойми меня опять превратно — которому решительно все равно, какой у него вид и что думают люди о его внешности. Помнишь, мы видели с тобой голову работы Эпштейна. Что ж, разве ей нужна полировка и отделка?

— Я не голова Эпштейна, — отрезал он.

Кристин ничего не ответила. В последнее время с ним трудно было ладить, и, огорченная этим недоразумением между ними, она не знала, что сказать. Все так же нерешительно она ушла из кабинета.

Три недели спустя, когда племянница мисс Эверетт приехала на несколько недель в Лондон, Эндрю был вознагражден за то, что мудро исполнил совет старой дамы. Мисс Эверетт под каким-то предлогом вызвала его в Парк-Гарденс и с суровым одобрением оглядела с ног до головы. Она явно проверяла, достоин ли он ее рекомендации. На другой день ему позвонила миссис Саттон, которая желала, как и тетка, предохранить себя от сенной лихорадки — очевидно, это была фамильная болезнь. Он без всяких угрызений совести согласился впрыскивать ей бесполезный «Иптон» изобретательной фирмы «Гликкерт». Он произвел на миссис Саттон прекрасное впечатление и в том же месяце был приглашен к знакомому мисс Эверетт, также жившему в Парк-Гарденс.

Эндрю был очень доволен собой. Он побеждал, преуспевал. В своем жадном стремлении к успеху он не замечал, что эта блестящая карьера противоречит всему тому, во что он до сих пор верил. В нем заговорило тщеславие. Он ощущал энергию и веру в себя. Он не задумывался над тем, что

этой растущей, как снежный ком, практике среди «высшего круга» положила начало толстая немка-лавочница, продававшая за прилавком ветчину и говядину по соседству с вульгарным рынком Массельбург. Он не успевал думать ни о чем. Снежный ком катился все дальше, новая, еще более головокружительная удача плыла к нему в руки.

Однажды в июньский день, в те мертвые часы между двумя и четырьмя, когда обычно никаких выдающихся событий не происходило, Эндрю сидел у себя в кабинете, подсчитывая заработок за месяц, как вдруг зазвонил телефон. В одну секунду он очутился подле аппарата.

— Да-да, у телефона доктор Мэнсон.

Донесся взволнованный, дрожащий голос:

— Ах, доктор Мэнсон, как я рад, что застал вас дома. Это говорит мистер Уинч. Мистер Уинч от «Лорье». У нас случилась маленькая неприятность с одной из наших покупательниц. Не можете ли вы прийти? Прийти сейчас же!

— Буду у вас через четыре минуты.

Эндрю повесил трубку и кинулся за шляпой. Автобус, в эту минуту громыхавший мимо дома, значительно ускорил его стремительную скачку. Через четыре с половиной минуты он был уже за вертящейся дверью магазина «Лорье». Его встретила испуганная мисс Крэмб и повела по гладко зеленого ковра мимо высоких золоченых зеркал и полированных панелей, на фоне которых будто случайно мелькали то дамская шляпка на подставке, то кружевной шарф, то горностаевый палантин. В то время как оба они торопливо и озабоченно шли вперед, мисс Крэмб объясняла Эндрию:

— Это из-за мисс Ле-Рой вас вызвали, доктор. Одной из наших заказчиц. Слава богу, она не моя заказчица, с ней всегда выходят неприятности, Да, видите ли, доктор, я говорила о вас мистеру Уинчу, и поэтому он...

— Благодарю, — резко оборвал ее Эндрю. Он еще в некоторых случаях бывал по-старому груб. — Но что случилось?

— Она, кажется... Ах, доктор, с ней как будто случился припадок в примерочной.

На верхней площадке широкой лестницы она сдала его с рук на руки красному, взволнованному мистеру Уинчу, который засуетился:

— Сюда, доктор, сюда. Надеюсь, вы нам поможете. Ужасная неприятность...

В примерочной, теплой, застланной чудесным ковром, также зеленым, но более светлого тона, на фоне зеленых с золотом стен, — толпа щебечущих между собой девушек. Тут опрокинутый золоченый стул, там брошенное полотенце, пролит стакан воды — словом, ад крошечный. А посреди комнаты — мисс Ле-Рой, та девушка, с которой случился припадок. Она лежала на полу, неподвижно вытянувшись, руки ее конвульсивно сжимались, ноги точно одеревенели. Время от времени из сжатого горла вырывалось какое-то жуткое карканье.

Когда вошли Эндрю и мистер Уинч, одна из пожилых продавщиц разразилась слезами.

— Я не виновата, — всхлипывала она, — я только сказала мисс Ле-Рой, что это тот самый рисунок, который она выбрала.

— О боже, о боже, — пробормотал мистер Уинч. — Это ужасно, ужасно! Не вызвать ли карету «скорой помощи»?

— Нет, пока не надо, — сказал Эндрю каким-то странным тоном и наклонился над мисс Ле-Рой. Это была еще очень молодая девушка, лет двадцати четырех, голубоглазая, с шелковистыми, словно выцветшими волосами, сбившимися под съехавшей набок шляпкой. Ее оцепенение и конвульсии все усиливались. С другой стороны подле нее стояла на коленях какая-то женщина с встревоженными черными глазами, очевидно ее подруга. Она все время шептала:

— Ах, Топпи, Топпи!

— Пожалуйста, освободите комнату, — сказал вдруг Эндрю. — Попрошу выйти всех, кроме, — он остановил взгляд на молодой брюнетке, — кроме этой дамы.

Девушки вышли немного неохотно, так как для них припадок мисс Ле-Рой был приятным развлечением. Удалились и мисс Крэмб, и даже мистер Уинч. Как только они вышли, конвульсии стали еще сильнее.

— Это очень серьезный случай — сказал Эндрю отдельно и ясно. Мисс Ле-Рой выкатила на него глаза. — Дайте, пожалуйста, стул.

Опрокинутый стул был поднят и поставлен посреди комнаты подругой мисс Ле-Рой. Тогда Эндрю осторожно и очень бережно, поддерживая ее, помог мисс Ле-Рой сесть на стул. Он выпрямил ей голову.

— Вот так, — сказал он еще ласковее.

Затем ладонью звонко ударил ее по щеке. Это был самый смелый его поступок за много месяцев, и — увы! — он оставался его единственным смелым поступком еще в течение долгого времени.

Мисс Ле-Рой перестала каркать и конвульсивно дергаться, глаза ее больше не закатывались и взглянули на Эндрю с удивлением, с каким-то детским огорчением. Чтобы предупредить новый припадок, он, не дав ей опомниться, ударил ее по другой щеке. Бац! Смешной испуг выразился на лице мисс Ле-Рой. Она задрожала. Казалось, она снова закричит, но она тихонько заплакала. И, плача, обратилась к подруге:

— Дорогая, я хочу домой.

Эндрю, словно извиняясь, посмотрел на брюнетку, которая в свою очередь уставилась на него со сдержанным, но необычайным интересом.

— Мне очень жаль, — пробормотал он, — но это единственный способ... У нее тяжелая форма истерии. Во время конвульсий она могла себе что-нибудь повредить, а у меня

нет с собой никакого наркотического средства. И во всяком случае, *это* средство подействовало.

— Да... подействовало.

— Пусть выплachtetся, — сказал Эндрю. — Слезы — хороший предохранительный клапан, через несколько минут она успокоится.

— Но вы не уходите, — попросила подруга и торопливо добавила: — Вам придется проводить ее домой.

— Хорошо, — согласился Эндрю самым деловым тоном.

Через пять минут Топпи Ле-Рой была уже в состоянии привести в порядок свое лицо — длительная операция, сопровождавшаяся последними прерывистыми всхлипываниями.

— У меня не слишком гадкий вид, дорогая? — осведомилась она у подруги.

На Эндрю она не обращала никакого внимания.

Они вышли из примерочной, и их проход через длинную приемную произвел настоящую сенсацию. Мистер Уинч чуть не онемел от изумления и радости. Он не знал, и ему не суждено было никогда узнать, каким образом все произошло, *как* только что извивавшаяся в корчах больная была поставлена на ноги. Он шел за ними, лепеча почтительные слова. Когда Эндрю выходил через главный подъезд позади обеих дам, мистер Уинч стиснул ему руку своей рыхлой рукой.

Такси помчалось по Бейсуотер-роуд в направлении Мраморной арки. Никто из троих и не пытался поддерживать разговор. Мисс Ле-Рой дулась, как избалованный ребенок, которого наказали, и все еще нервничала: по временам ее руки и мускулы лица произвольно дергались. Теперь ее можно было лучше рассмотреть, и она оказалась очень худенькой и почти красивой, несмотря на болезненный вид. И хотя она была прекрасно одета, Эндрю мысленно сравнил ее с оципаным цыпленком, периодически пронизываемым электрическим током. Он и сам нервничал,

чувствуя всю неловкость положения, но решил, что в его интересах использовать этот случай до конца.

Такси обогнуло Мраморную арку, проехало через Гайд-парк и, свернув налево, подкатило к дому на Грин-стрит.

Их впустили почти тотчас же. У Эндрю дух захватило. Никогда он и вообразить себе не мог такой роскоши: просторный холл с деревянными панелями, украшенная нефритом горка, оригинальная единственная картина в дорогой раме, красновато-золотистые лакированные стулья, широкие диваны, пушистые ковры блеклых тонов.

Топпи Ле-Рой, упорно не замечая Эндрю, села на диван, на котором были разбросаны атласные подушки, и, стащив с головы шляпку, швырнула ее на пол.

— Позвони, дорогая, мне хочется пить. Слава богу, отца нет дома.

Слуга тотчас принес коктейли. Когда он вышел, подруга Топпи внимательно поглядела на Эндрю и едва заметно улыбнулась:

— Думаю, следовало вам объяснить, в чем дело, доктор. Но все произошло так быстро, что я не успела... Я миссис Лоренс. Топпи — вот она, то есть мисс Ле-Рой, немного поскандалила из-за платья, которое она заказала специально к благотворительному балу. Она в последнее время слишком переутомилась и вообще слишком нервная девица и... Словом, хотя Топпи очень сердита на вас, мы все же страшно вам благодарны за то, что вы нас проводили... И я намерена выпить еще один коктейль.

— Я тоже, — сказала Топпи капризно. — Ух, и противная же баба эта примерщица у «Лорье»! Я скажу папе, чтобы он позвонил и приказал ее уволить... Нет, не скажу ничего! — Она залпом выпила второй коктейль, и довольная улыбка медленно разлилась по ее лицу. — Здорово я их всех напугала, а, Франсиз? Я просто взбесилась!.. Но до чего смешное лицо было у старой мамы Уинча! — Ее худенькое тело затряслось от смеха. Она уже без всякой враждебности встре-

тила взгляд Эндрю. — Что же вы не смеетесь, доктор? Это было неподражаемо!

— Нет, я нахожу это не слишком забавным. — Он заговорил быстро, спеша объясниться, упрочить свое положение, убедить ее, что она больна. — У вас был скверный припадок. Вы извините, что мне пришлось поступить с вами так, как я поступил. Будь у меня с собой какое-нибудь наркотическое средство, я бы дал вам его. Это было бы гораздо менее... менее неприятно для вас. И пожалуйста, не думайте, что я считаю этот припадок просто комедией с вашей стороны. Истерия — да, это именно истерия — такая же болезнь, как всякая другая. Напрасно люди относятся к ней не сочувственно. Это известное состояние нервной системы. Вы сильно переутомлены, мисс Ле-Рой, все ваши рефлексy обострены, вы в очень нервном состоянии.

— Это совершенная правда, — подхватила Франсиз Лоренс. — В последнее время ты слишком утомилась, Топпи.

— И вы бы действительно захлороформировали меня? — спросила Топпи с детским удивлением. — Вот было бы забавно!

— Будь же серьезна, Топпи, — сказала миссис Лоренс. — Тебе надо взять себя в руки.

— Ты точь-в-точь папа, — заметила Топпи, снова приходя в дурное настроение.

Наступило молчание. Эндрю допил коктейль и поставил стакан на резную деревянную полку камина. Ему явно здесь больше делать было нечего.

— Ну, мне надо возвратиться к своей работе, — сказал он важно. — Послушайте моего совета, мисс Ле-Рой. Съешьте что-нибудь, ложитесь в постель и — так как я больше ничем не могу вам быть полезен — вызовите завтра своего домашнего врача. Будьте здоровы.

Миссис Лоренс проводила его в переднюю, но двигалась так неторопливо, что ему не удалось уйти так быстро, как он

хотел. Миссис Лоренс была высокой и стройной, у нее были прямые плечи и маленькая изящная головка. Несколько седоватых прядей в темных, красиво завитых волосах придавали ей своеобразное благородство. Впрочем, она была еще совсем молода, Эндрю решил, что ей никак не более двадцати семи лет. При таком высоком росте она была хорошо сложена, особенно красивы были руки, и вся фигура производила впечатление гибкой и прекрасно тренированной, как у фехтовальщика. Она подала ему руку на прощание. Ее зеленовато-карие глаза улыбались все той же легкой, дружеской, спокойной улыбкой.

— Я хочу только сказать вам, что мне очень понравился ваш новый способ лечения. — Губы ее дрогнули. — Ни в коем случае не отказывайтесь от него. Я предвижу, что он будет иметь потрясающий успех.

Идя по Грин-стрит к стоянке автобуса, он увидел, к своему изумлению, что уже скоро пять. Он провел три часа в обществе этих женщин. Надо будет потребовать за это изрядный гонорар. Но, несмотря на такую утешительную мысль, столь симптоматичную для его нового мировоззрения, он испытывал смятение, странное недовольство собой. Использовал ли он в полной мере удачу? Миссис Лоренс он как будто понравился. Но об этих людях никогда ничего нельзя сказать наверняка. А какой чудесный дом! Он вдруг даже зубами закрипел от сердитого отчаяния: ведь он не только не догадался оставить свою визитную карточку, но и забыл им представиться! Садясь в переполненный автобус рядом со стариком-рабочим в засаленном комбинезоне, он горько клял себя за то, что упустил такой счастливый случай.

VI

На другое утро, в четверть двенадцатого, когда он собирался выйти из дому, чтобы сделать ряд «дешевых» визитов к больным в районе рынка Массельбург, раздался телефонный звонок. Мурлыкающий голос слуги говорил с серьезной убедительностью:

— Доктор Мэнсон, сэр! Мисс Ле-Рой желает знать, сэр, в котором часу вы ее сегодня навестите. Простите, сэр, одну минуту — миссис Лоренс сама хочет говорить с вами.

Эндрю с бурно стучавшим сердцем ждал, когда миссис Лоренс заговорит с ним. Она дружеским тоном сказала, что они ждут его визита и что он непременно должен приехать.

Отойдя от телефона, он, ликуя, твердил себе, что, значит, счастливый случай не упущен. Нет-нет, он все-таки не упустил его!

Он пропустил все другие визиты, даже неотложные, и направился прямо в дом на Грин-стрит. Здесь он на этот раз встретился с самим Джозефом Ле-Роем. Тот нетерпеливо дожидался его в нефритовой комнате. Лысый, приземистый, с большим кадыком, он свирепо курил сигару с видом человека, который не может терять даром время. Одну секунду он сверлил Эндрю глазами, но эта хирургическая операция, к удовольствию последнего, закончилась очень быстро. Ле-Рой заговорил убедительно, употребляя жаргон бывшего жителя колоний:

— Вот что, док, я тороплюсь. Миссис Лоренс стоило сегодня черт знает каких хлопот разыскать вас. Я так понимаю,

вы парень толковый и глупостей себе не позволите. И вы женаты, не правда ли? Это хорошо. Так вот... примитесь-ка за мою девчонку. Добейтесь, чтобы она стала крепкой, здоровой, выгоните из нее начисто эту проклятую истерию. Ничего не жалейте. У меня есть чем заплатить. До свидания.

Джозеф Ле-Рой был родом из Новой Зеландии. И несмотря на его богатство, дом на Грин-стрит и экзотическую дочку Топпи, не трудно было поверить, что прадедом его был Майкл Клири, безграмотный работник на ферме среди полей, окружающих гавань Греймута. Майкла Клири его товарищи, такие же маленькие люди, называли просто Лири. Джозеф Ле-Рой вступил в жизнь, конечно, под именем просто Джо Лири и мальчиком начал свою карьеру в качестве доильщика на одной из больших ферм в районе Греймута. Но Джо, по его собственному выражению, был рожден для того, чтобы доить не одних только коров. И тридцать лет спустя в конторе на верхнем этаже первого оклендского небоскреба Джозеф Ле-Рой подписал соглашение, по которому все молочные фермы острова объединялись в один большой комбинат по производству порошкового молока.

Это была грандиозная затея — комбинат «Кремоген». В те времена порошковое молоко было еще продуктом новым, производство его коммерчески не организовано. И Ле-Рой первым оценил скрытые здесь возможности, руководил выпуском этого продукта на мировой рынок, рекламировал его как «Богом данное питание для детей и больных». Залогом успеха служили не продукты Джо, а его безмерная наглость. Последнее снятое молоко, которое на сотнях новозеландских ферм выливали в сточную яму или скармливали свиньям, теперь продавалось во всех городах мира в красивых жестянках с пестрыми наклейками, под названиями «Кремоген», «Кремакс» и «Кремфэт», втрое дороже свежего молока.

Вторым директором комбината Ле-Роя, представителем английских пайщиков, являлся Джек Лоренс, который, как ни странно, был офицером гвардии до того, как стал ком-

мерсантом. Но не только то, что Лоренс и Ле-Рой были компаньонами, сблизило миссис Лоренс и Топпи. Франсиз, которая имела собственное состояние и вращалась в высшем лондонском свете гораздо больше, чем Топпи (та иногда еще обнаруживала черты своих лесных предков), питала слабость к этому забавлявшему ее *enfant gâté*¹. Когда после беседы с Ле-Роем Эндрю поднялся наверх, он застал ее у дверей комнаты Топпи. И в последующие дни во время его визитов Франсиз Лоренс всегда была рядом, помогала ему справляться с требовательной и своенравной пациенткой, готова была всегда найти улучшение в здоровье Топпи, настаивала на продолжении лечения, осведомлялась, когда ожидать следующего визита.

Испытывая к ней чувство признательности, Эндрю, все еще несколько неуверенный в себе, находил странным, что эта аристократка, которая самодовольно причисляла себя к избранной части человечества, которая казалась ему личностью исключительной еще до того, как ему стали попадаться ее портреты в иллюстрированных еженедельных журналах, могла питать хотя бы и такой слабый интерес к нему. Ее широкий, немного капризный рот обычно выражал враждебность по отношению к людям не ее круга, но почему-то она никогда не выказывала такой враждебности к Эндрю. У него появилось сильное желание — это было нечто большее, чем любопытство, — разгадать ее характер, ее душу. Он не знал настоящей миссис Лоренс. Наблюдать ее сдержанные движения, когда она ходила по комнате, было истинным наслаждением. Она была всегда ровна и покойна; все, что делала, делала неторопливо и обдуманно, за приветливой настороженностью ее глаз скрывались тайные мысли, несмотря на грациозную беспечность речей.

Вряд ли сознавая, что эта мысль внушена ею, Эндрю с некоторого времени, ничего не говоря Кристин, которая

¹ Балованный ребенок (*фр.*).

по-прежнему сводила свой хозяйственный бюджет в шиллингах и пенсах, ничуть не тяготясь этим, начал нетерпеливо задавать себе вопрос, как может врач завоевать практику в хорошем обществе, не имея элегантного автомобиля. Смешно подумать, что он ходит пешком на Грин-стрит, таща свою сумку, является в дом в запыленной обуви, вместо того чтобы приезжать в автомобиле, и ему неловко перед лакеем, встречающим его с легким высокомерием. За домом на Чесборо-террас имеется кирпичный гараж. Это значительно сократит стоимость содержания автомобиля. К тому же есть фирмы, специально занятые продажей автомобилей врачам, замечательные фирмы, которые готовы любезно рассрочить платежи.

Прошло три недели, и у дома номер 9 на Чесборо-террас остановился новенький коричневый, сверкающий темной лакировкой автомобиль с откидным верхом. Выскочив из машины, Эндрю взбежал по лестнице.

— Кристин! — позвал он, пытаясь не выдать голосом пожиравшую его радость. — Кристин! Поди сюда, ты что-то увидишь!

Он хотел ее поразить. И достиг цели.

— Боже! — Она стиснула его плечо. — Это наш? О! Какая прелесть!

— Правда? Осторожно, дорогая, не трогай руками, на лаке останется след! — Он улыбался ей, совсем как бывало. — Хорош сюрприз, а, Крис? Достал его и зарегистрировал, все сделал, а тебе ни словечка! Да, это не то что наш старый «моррис». Садитесь, сударыня, я вам продемонстрирую его ход. Летит, как птица!

Он помчал ее вокруг сквера, как она была, без шляпы, и Кристин не могла налюбоваться маленьким автомобилем. Через четыре минуты они уже воротились и стояли на тротуаре перед домом. Эндрю все не мог глаз отвести от своего сокровища.

Минуты близости между ними, взаимного понимания, общей радости были теперь такой редкостью, что Кристин ужасно хотелось продлить их. Она прошептала:

— Теперь тебе будет удобно навещать больных, милый. — Потом робко: — И если бы мы могли иногда ездить вдвоем за город, ну хотя бы по воскресеньям, в лес — как бы это было чудесно!

— Разумеется, — ответил он рассеянно. — Но автомобиль, собственно, куплен для моей практики. Мы не можем носиться в нем повсюду, иначе он быстро запачкается.

Главный эффект был впереди и оказался для него совершенно неожиданным. В следующий четверг он, выйдя из стеклянной двери дома номер 17-а на Грин-стрит, очутился лицом к лицу с Фредди Хэмптоном.

— Привет, Хэмптон, — сказал он небрежно.

Он не мог подавить радостного удовлетворения при виде физиономии Хэмптона. Сперва тот его не узнал, а когда узнал, лицо его, пройдя все степени изумления, выразило откровенную растерянность.

— Привет! — наконец отозвался он. — Что ты здесь делаешь?

— Был у пациента, — отвечал Эндрю, кивком указывая назад, на дом номер 17-а. — Я лечу дочь Джо Ле-Роя.

— Джо Ле-Роя!

Уже одно это восклицание много значило для Мэнсона. Он жестом хозяина положил руку на дверцу своего красивого нового автомобиля.

— Тебе в какую сторону? Не подвести ли тебя?

Фредди быстро пришел в себя. Терялся он редко и ненадолго. За какие-нибудь полминуты его мнение о Мэнсоне и о том, насколько этот человек может быть ему полезен, подверглось мгновенному и неожиданному превращению.

— Да, — дружески улыбнулся он. — Я шел на Бентинк-стрит, в лечебницу Иды Шеррингтон. Решил прогуляться, чтобы быть в форме. Но я, пожалуй, проеду с тобой.

Несколько минут, в течение которых они переезжали Бонд-стрит, оба молчали. Хэмптон усиленно размышлял. Он так радушно приветствовал Мэнсона в Лондоне, рассчитывая, что тот будет время от времени посылать к нему, на Куин-Энн-стрит, больных на консультацию по три гиней за визит. Но сейчас перемена в старом товарище, автомобиль, а главное — упоминание о Джо Ле-Рое (это имя ему говорило неизмеримо больше, чем Эндрю) показали ему его ошибку. Потом он подумал об ученых степенях Мэнсона. Это тоже могло быть полезно, весьма полезно. Предусмотрительно заглядывая в будущее, Фредди видел теперь лучшую, гораздо более солидную основу для сотрудничества с Эндрю. Но надо было подойти к делу осторожно, потому что Мэнсон чертовски обидчивый и ненадежный малый. И Фредди сказал:

— Почему бы тебе не заехать со мной к Иде? Знакомство с ней полезно, хотя ее лечебница — самая скверная в Лондоне. Ну да, впрочем, и другие, верно, не лучше. А цены у нее выше.

— Вот как?

— Зайдем со мной и посмотрим мою пациентку. Это безобидная старушка, миссис Реберн. Мы с Айвори проделываем над ней кое-какие исследования. Ты ведь, кажется, специалист по легочным болезням? Пойдем, выслушай ее. Она будет страшно довольна. А ты получишь пять гиней.

— Неужели... Ты хочешь сказать, что... Но что у нее с легкими?

— Да ничего особенного, — усмехнулся Фредди. — Не гляди так удивленно. Просто, вероятно, небольшой старческий бронхит. А она будет рада, если я привезу тебя. Мы всегда так устраиваемся — я, Айвори и Фридман. И тебе бы следовало вступить с нами в компанию, Мэнсон... Пока не будем об этом говорить... да, лечебница сейчас за углом! Но ты удивишься, когда я тебе расскажу, какой доход это дает.

Эндрю остановил машину у дома, который ему указал Хэмптон, обыкновенного на вид лондонского жилого дома, высокого и узкого, совершенно очевидно не предназначавшегося для его нынешних функций. Озирая шумную улицу, по которой грохотали и свистели автобусы, автомобили, трамваи, трудно было себе представить, чтобы какой-нибудь больной мог найти здесь покой. Это было как раз такое место, где можно скорее получить расстройство нервов, чем излечиться от него. Эндрю сказал это Хэмптону, когда они поднимались по ступеням подъезда.

— Знаю, дорогой мой, — с готовностью согласился Фредди, — но и другие лечебницы расположены не лучше. Этот уголок Вест-Энда кишит ими. Видишь ли, нам, врачам, нужно, чтобы они находились там, где нам удобно. — Он ухмыльнулся. — Идеальное место для них, конечно, было бы где-нибудь за городом, в тишине, но подумай, какой врач, например, захочет ездить за десять миль каждый день, чтобы пять минут побыть у больного! О, ты со временем все узнаешь относительно наших вест-эндских тихих заведений для больных. — Он остановился в узком вестибюле, по которому они проходили. — Они все пропитаны тремя запахами, — замечаешь? — эфира, кухни и человеческих испражнений — логическая последовательность... Извини, дружище! Ну а теперь — к Иде!

С видом человека, знающего, что делает, он привел Эндрю в тесную контору на нижнем этаже, где за маленьким письменным столом сидела маленькая женщина в форме красновато-лилового цвета и накрахмаленной белой наколке.

— Доброе утро, Ида! — воскликнул Фредди тоном, в котором звучало нечто среднее между лестью и фамильярностью. — Что, все подсчетами занимаетесь?

Она подняла глаза и, увидев его, приветливо улыбнулась. Ида была низенькая, полная и в высшей степени полнокровная женщина. Но ее веселое красное лицо было так

густо напудрено, что казалось сизо-лиловым, почти под цвет ее форменного платья. В ней чувствовалась грубая, неутомная жизненная энергия, смелость, понятливость, юмор. У нее были искусственные, притом плохо вставленные зубы, в волосах уже блестела седина. Легко было заподозрить ее в любви к крепким выражениям и вообразить в роли содержательницы второразрядного ночного клуба.

А между тем лечебница Иды Шеррингтон была самой модной в Лондоне. У Иды побывали половина пэров, светские дамы, любители скачек, знаменитые адвокаты и дипломаты. Стоило только развернуть утреннюю газету, чтобы прочесть, что еще кто-нибудь из блестящей молодежи, знаменитостей сцены или экрана благополучно оставил свой аппендикс в материнских руках Иды. Она одевала всех сиделок в форму светло-лилового цвета, платила дворецкому двести фунтов в год, а старшему повару — вдвое больше. С больных брала совершенно фантастические цены. Сорок гиней в неделю за комнату было довольно обычной здесь платой. А сверх того — отдельно за лекарства, часто эти счета исчислялись в фунтах, за специальную ночную сиделку, за операцию. А если с Идой пытались торговаться, у нее на все был один ответ, который она часто сдабривала вольным прилагательным. У нее имелись свои заботы. Надо было платить разные проценты и налоги, и она часто приходила к убеждению, что остается внакладе.

Ида питала слабость к молодым врачам и любезно поздоровалась с Мэнсоном, а Фредди пробормотал:

— Хорошенько посмотрите на него. Он скоро будет направлять к вам такое множество пациентов, что вы переберетесь в отель «Плаза».

— «Плаза» перебирается к нам, — многозначительно кивнула Ида.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Фредди. — Вот это хорошо. Надо будет рассказать Фридману. Пол это одобрит. Пойдем, Мэнсон, сейчас поднимемся наверх.

Слишком узкий лифт, в котором могли бы поместиться только одни носилки, поставленные косо, поднял их на четвертый этаж. Коридор был узок, у дверей стояли подносы и вазы с цветами, сникшими от жары. Эндрю и Хэмптон вошли в комнату миссис Реберн.

Женщина лет за шестьдесят сидела в постели, обложенная подушками, ожидая врача, и держала в руках бумажку, на которой были записаны некоторые симптомы, замеченные ею у себя этой ночью, а также вопросы, которые она хотела задать ему. Эндрю не ошибся, отнеся ее сразу к типу пожилых ипохондриков, тех *malade au petit morceau de papier*¹, о которых говорит Шарко.

Присев на кровать, Фредди заговорил с ней, ограничившись лишь тем, что пощупал ее пульс. Он выслушал все, что она сказала, и стал ее весело успокаивать. Сказал, что мистер Айвори сегодня днем придет к ней и сообщит результат своих высоконаучных исследований. Попросил разрешить его коллеге, доктору Мэнсону, осмотреть ее. Миссис Реберн была польщена. Все это было ей очень приятно. Из разговора выяснилось, что она вот уже два года лечится у Хэмптона. Она была богата, одинока, и жизнь ее протекала то в исключительно дорогих отелях, то в лечебницах Вест-Энда.

— Господи! — воскликнул Фредди, когда они вышли из комнаты. — Ты представить себе не можешь, какое золотое дно для нас эта женщина! Какие самородки мы извлекаем!

Эндрю ничего не ответил. Его слегка мутило от царившей здесь атмосферы. У старой дамы легкие были в порядке, и только трогательная благодарность, с которой она смотрела на Фредди, мешала Эндрю счесть все это дело гнусным и бесчестным. Он старался уговорить себя. С какой стати ему разыгрывать поборника справедливости? Он никогда

¹ Больной с бумажкой в руке (*фр.*).

не добьется успеха, если будет по-прежнему нетерпим и упрям. И Фредди ему добра желал, приглашая осмотреть свою пациентку.

Он довольно дружески простился с Хэмптоном и сел в свой автомобиль. А в конце месяца, когда он получил от миссис Реберн в благодарственном письме аккуратно подписанный чек на пять гиней, он уже смеялся над своими вздорными сомнениями. Теперь он очень любил получать чеки, и, к его великому удовлетворению, их поступало все больше и больше.

VII

Врачебная практика Эндрю после такого многообещающего начала стала быстро, чуть ли не молниеносно, расти и расширяться во всех направлениях, и Эндрю еще стремительнее поплыл по течению. Он был в некотором смысле жертвой собственной страстности. Он всегда был бедняком. В прошлом его упрямая независимость приносила ему одни лишь неудачи. Теперь он имел возможность наслаждаться поразительным материальным успехом.

Вскоре после экстренного вызова к «Лорье» он имел весьма приятный разговор с мистером Уинчем, после которого к нему стали обращаться большинство младших служащих «Лорье» и даже некоторые из старших. Приходили чаще всего с обычными жалобами, но, раз побывав у него, девушки до странности часто являлись снова, — доктор был так мил, такой веселый и живой. Цифра его доходов от приема больных на дому все летела вверх. Скоро у него появилась возможность выкрасить фасад дома, а при содействии одной из фирм, снабжающих врачей — ведь все они горят желанием содействовать молодым вольно практикующим врачам в увеличении их доходов, — заново обставить свой кабинет и приемную. Он купил новую кушетку, мягкое кресло-качалку, несколько шкафчиков элегантно-ученого вида из белой эмали и стекла.

Бьющее в глаза благополучие этого дома, свежеевыкрашенного в желтовато-белый цвет, автомобиль, ослепляющая

модная обстановка скоро обратили на себя внимание соседей и вернули многих «хороших» пациентов, которые когда-то лечились у доктора Фоя, но постепенно покинули его, по мере того как и старый доктор, и его приемная становились все запущеннее.

Дни ожидания, дни тягостного прозябания для Эндрю миновали. Во время вечерних приемов он едва успевал пропускать больных: дверь с улицы непрерывно хлопала, дверь приемной дребезжала, пациенты ожидали и в «черной», и в «парадной» приемной, так что ему приходилось метаться между амбулаторией и кабинетом. Он был вынужден для экономии времени придумать следующий выход.

— Послушай, Крис, — сказал он однажды утром. — Мне только что пришел в голову один план, который очень поможет в часы спешки. Ты знаешь, что, осмотрев больного в амбулатории, я бегу обратно в дом приготовить ему лекарство. Это обычно отнимает у меня пять минут. Неприличная потеря времени! Ведь я мог бы использовать его на то, чтобы отпустить одного из «хороших» пациентов, ожидающих в приемной. Ну, что же, поняла мою мысль? Отныне ты мой аптекарь!

Она посмотрела на него, испуганно сдвинув брови:

— Но я понятия не имею, как готовить лекарства.

Он успокоительно улыбнулся:

— Не беспокойся, дорогая. Я приготовил запасец микstur двух-трех сортов. Тебе придется только разливать их в бутылки, наклеивать ярлычки и завертывать.

— Но... — В глазах Кристин читалось замешательство. — Ах, Эндрю, я охотно тебе буду помогать, но только... Ты и в самом деле веришь, что...

— Как ты не понимаешь, что я вынужден так делать! — Он не смотрел ей в глаза. Сердито допил кофе. — Конечно, когда-то в Эберло я крепко горячился из-за системы выдачи лекарств. Все это теории! Теперь я... Я практик. К тому же

все эти барышни от «Лорье» малокровны. Хороший препарат железа им не помешает.

И прежде чем Кристин успела ответить, звонок у дверей амбулатории заставил Эндрю вскочить и уйти из столовой. В былое время она бы заспорила с ним, стала твердо отстаивать свое мнение. Теперь же только с грустью подумала о перемене в их отношениях. Она больше не имела влияния на Эндрю, не руководила им. Теперь верховодил он.

С этого дня Кристин в утомительные часы приема стояла в каморке, заменявшей аптеку, ожидая команды Эндрю во время его торопливых рейсов между кабинетом, где он принимал «хороших» пациентов, и амбулаторией: «Железо!», или «Белую!», или «Карминовую!». А иногда, когда она говорила, что микстура с железом вся вышла, раздавался напряженный и выразительный крик: «Что-нибудь! Черт побери! Что угодно!»

Часто прием затягивался до половины десятого. Потом они подсчитывали выручку по книге, толстой счетной книге доктора Фоя, которую они нашли исписанной только наполовину, когда переехали сюда.

— Боже! Какой день, Крис! — захлебывался Эндрю. — Помнишь эти первые жалкие три с половиной шиллинга, с которыми я носился, как школьник. Ну а сегодня, сегодня мы имеем свыше восьми фунтов наличными.

Он укладывал деньги, тяжелые столбики серебра и кредитки, в табачный кисет, который доктор Фой использовал в качестве кошелька, и запирал его в средний ящик письменного стола. Он сохранил этот старый мешок, как и гроссбух, на счастье.

Он забыл теперь обо всех былых колебаниях и хвалился своей дальновидностью, побудившей его купить практику Фоя.

— Дела у нас во всех отношениях блестящи, Крис, — радовался он. — Доходная амбулатория и прочная клиентура

среднего класса. И сверх того я создаю себе солидную практику консультанта. Ты увидишь, что еще будет, как мы далеко пойдем.

Первого октября он уже имел возможность предложить Кристин заново обставить их дом. После утреннего приема он с подчеркнутой небрежностью, какую усвоил себе в последнее время, сказал:

— Я бы хотел, Крис, чтобы ты сегодня съездила в Вест-Энд. Побывай у Хадсона или Остли, если предпочитаешь его. Обратись в самый лучший магазин. И выбери всю новую мебель, какую тебе нужно. Парочку новых гарнитуров для спален, гарнитур в гостиную, купи все.

Она молча посмотрела на него, а он улыбнулся, закуривая сигарету:

— Вот одно из удовольствий, которое приносят деньги, — иметь возможность дать тебе все, что захочется. Не думай, что я скуп. О господи, конечно нет! Ты была молодцом, Крис, все время, пока нам жилось трудно. Теперь начинается для нас счастливая жизнь, и мы будем ею наслаждаться...

— Заказывая дорогую мебель и... и гарнитуры у Остли.

Эндрю не заметил горечи ее тона. Он засмеялся:

— Верно, дорогая. Давно пора нам выкинуть старую нашу рухлядь от «Ридженси».

Слезы подступили к глазам Кристин. Она вспыхнула:

— В Эберло эти вещи тебе не казались рухлядью. Да они и не рухлядь. О, тогда была настоящая жизнь, тогда было счастье!

Всхлипнув, она отвернулась и вышла из комнаты.

Эндрю смотрел ей вслед с тупым удивлением. В последнее время с ней делалось что-то странное: настроение у нее было переменчивое, подавленное, перемежавшееся внезапными взрывами непонятной горечи. Эндрю чувствовал, что их точно относит друг от друга течением, что исчезает то единение, та скрытая товарищеская связь, которые всегда

существовали между ними. Что ж, это не его вина. Он делал для нее все, что мог, все, что было в его силах. Он подумал с раздражением: «Мой успех для нее ничего не значит, ровно ничего». Но ему некогда было раздумывать о безрассудстве и несправедливости поведения Кристин. Его ждал целый список визитов к больным, а так как был вторник, то и обычный визит в банк.

Он заезжал в банк аккуратно два раза в неделю, чтобы вносить деньги на свой текущий счет, так как считал, что неразумно держать их дома, в ящике стола. Он не мог не сравнивать эти приятные посещения с тем эпизодом в Блэнелли, когда его, плохо одетого помощника врача, оскорбил Эньюрин Рис. Мистер Уэйд, директор банка, всегда встречал его радушной и почтительной улыбкой и часто приглашал к себе в кабинет выкурить сигарету:

— Без всякой навязчивости осмелюсь сказать, доктор: дела ваши превосходны. У нас ценят передовых врачей, которые сохраняют надлежащую долю консерватизма. Вот как вы, доктор, осмелюсь сказать. Ну а что касается тех железнодорожных акций, о которых мы с вами на днях толковали, то...

Почтение, которое выказывал ему Уэйд, было лишь одним из множества доказательств широкой популярности, которую успел приобрести Эндрю. Другие врачи района теперь любезно кланялись ему, проезжая мимо в своих автомобилях. На осеннем собрании районного медицинского общества, в той самой комнате, где он при первом своем появлении чувствовал себя парией, его теперь приветствовали, ухаживали за ним, ему предлагал сигару сам доктор Ферри, вице-президент секции.

— Рад видеть вас среди нас, доктор, — суетливо говорил маленький краснолицый Ферри. — Понравилась вам моя речь? Нам ни в коем случае не следует уступать в вопросе о гонорах. Особенно когда дело касается ночных вызовов.

Тут я всегда твердо стою на своем. Недавно меня ночью разбудил мальчик, еще совершенный ребенок, лет двенадцати: «Скорее пойдемте, доктор, папа на работе, а маме вдруг стало очень плохо». Знаете, эти неизменные заявления в два часа ночи. И я этого мальчугана никогда раньше не видел. «Милый мальчик, — говорю я, — твоя мама не моя пациентка. Беги, принеси мне полгиней, тогда я поеду». И конечно, он больше не вернулся. Говорю вам, доктор, у нас район *ужасный...*

На следующей неделе после этого собрания Эндрю позвонила миссис Лоренс. Эндрю всегда доставляла удовольствие грациозная непоследовательность ее телефонных разговоров. Сегодня, упомянув о том, что ее супруг уехал на рыбную ловлю в Ирландию и она, быть может, попозже поедет к нему туда, она позвала его на ланч в пятницу, ввернув это приглашение как бы между прочим, таким тоном, словно оно не имело никакого значения.

— У меня будет Топпи. И еще два-три человека, менее скучных, по-моему, чем большинство тех, с кем обычно встречаешься. Вам, пожалуй, будет полезно с ними познакомиться.

Он повесил трубку со смешанным чувством удовольствия и непонятого раздражения. В глубине души он был задет тем, что не пригласили Кристин. Но потом пришел к заключению, что это визит не светский, а скорее деловой. Он должен бывать в обществе и заводить знакомства, в особенности среди такого сорта людей, которые будут на ланче у миссис Лоренс. И во всяком случае Кристин не следует ничего говорить обо всем этом. В пятницу он сказал ей, что во время ланча встречается с Хэмптоном, и с облегчением вскочил в автомобиль. Он забыл, что очень плохо умеет притворяться.

Франсиз Лоренс жила в Найтсбридже, на тихой улице между Хенс-плейс и Уилтон-Кресент. Дом не поражал великолепием, как дом Ле-Роя, но здесь все говорило о выдер-

жанном вкусе и богатстве хозяев. Эндрю приехал поздно, когда большинство гостей было уже в сборе: Топпи, Роза Кин, писательница, сэр Дадли Румбольд-Блэйн, доктор медицины, известный врач и член правления «Кремо продактс», Никол Уотсон, путешественник-антрополог, и несколько других, менее ошеломительных личностей.

За столом Эндрю оказался рядом с миссис Торнтон, которая, как выяснилось из разговора, жила в Лестершире и время от времени приезжала ненадолго в Лондон, в отель «Браун». Теперь Эндрю уже научился спокойно выдерживать церемонию представления новым людям, тем не менее он охотно спасся под прикрытие ее болтовни, возвращавшей ему уверенность, — материнского повествования о том, каким образом во время игры в хоккей ее дочь Сибил, ученица школы Роедин, ушибла ногу.

Одним ухом слушая миссис Торнтон, принимавшую его молчаливое внимание за интерес, он умудрялся в то же время ловить обрывки учтвого и остроумного разговора, который велся вокруг, едкие шутки Розы Кин, увлекательный рассказ Уотсона об экспедиции вглубь Парагвая, в которой он недавно участвовал. Эндрю любовался непринужденностью, с которой Франсиз поддерживала общую беседу, в то же время внимательная к неторопливым, обдуманым репликам сэра Румбольда, сидевшего рядом с ней. Раз или два Эндрю ловил на себе ее взгляд, полусмеющийся, вопросительный.

— Разумеется, — с подкупающей улыбкой заключил свой рассказ Уотсон, — самым ужасным из всех моих испытаний было то, что, приехав домой, я сразу схватил инфлюэнцу.

— Ага! — воскликнул сэр Румбольд. — Так и вы тоже попали в число ее жертв.

Торжественно откашлявшись и водрузив пенсне на свой внушительный нос, он овладел вниманием общества. Сэр Румбольд чувствовал себя в своей сфере, ведь в течение

многих лет он был в центре внимания широкой публики. Это именно он четверть века назад потряс человечество сообщением, что некоторая часть человеческих кишок не только бесполезна, но и определенно вредна. Сотни людей бросились сразу же удалять этот опасный отросток, и, хотя сэр Румбольд сам не был в их числе, слава об этой операции, которую хирурги назвали операцией «Румбольд-Блэйна», упрочила его репутацию врача-диетолога. С тех пор он не бросал оружия: подарил нации идею питания отрубями, бактерию молочной кислоты и «Иоргаут». Позднее он изобрел «румбольд-блэйновский способ жевания», а сейчас, помимо деятельности в качестве члена правления множества обществ, составлял меню для знаменитой сети ресторанов Рейли. «Приходите, леди и джентльмены, дайте сэру Румбольд-Блэйну, доктору медицины, члену Королевского терапевтического общества, выбрать для вас калории!» Многие «законные» целители человечества потихоньку ворчали, что сэра Румбольда давным-давно пора вычеркнуть из списка врачей. На это мог быть один ответ: что такое список врачей без сэра Румбольда?

Сэр Румбольд сказал, отечески глядя на Франсиз:

— Одной из самых любопытных особенностей последней эпидемии было резко выраженное терапевтическое действие «Кремогена». Я имел случай упомянуть об этом на заседании правления на прошлой неделе. Мы не знаем средств против инфлюэнцы. А при отсутствии лечебных средств единственный способ бороться с ее убийственным действием состоит в том, чтобы развить высокую сопротивляемость, естественную самозащиту организма против приступов болезни. Я говорил, и, льщу себя надеждой, говорил правильно, что мы неоспоримо доказали, и не на морских свинках — ха-ха-ха! — как наши друзья, лабораторные исследователи, а на *человеческих существах* феноменальное влияние «Кремогена», организующего и возбуждающего жизнеспособность и сопротивляемость организма.

Уотсон со своей непонятной усмешкой повернулся к Эндрю:

— А что *вы* думаете о кремо-продуктах, доктор?

Захваченный врасплох, Эндрю невольно ответил:

— Это такой же точно способ снимать сливки, как всякий другой.

Роза Кин, бросив на него украдкой быстрый одобрительный взгляд, имела жестокость расхохотаться. Улыбнулась и Франсиз. Сэр Румбольд поспешил перейти к описанию недавней своей поездки в Троссач в качестве гостя Северного медицинского объединения.

Во всем остальном ланч протекал гладко и приятно. Эндрю непринужденно принимал участие в общем разговоре. Прежде чем он вышел из гостиной, Франсиз сказала ему несколько слов.

— Вы, ей-богу, имеете блестящий успех, — шепнула она. — Миссис Торнтон забыла даже выпить кофе, говоря со мной о вас. Я почему-то уверена, что вы ее уже завербовали — так, кажется, говорят? — в пациентки.

Это замечание еще звучало у него в ушах, когда он возвращался домой. Он сказал себе, что сегодняшний визит принес ему много пользы, а Кристин ничем не помешал.

Но на другое утро, в половине одиннадцатого, его ожидал неприятный сюрприз. Позвонил Фредди Хэмптон и с живостью спросил:

— Ну, весело было вчера на ланче?.. Откуда я знаю? Ах ты, старый осел, разве ты не читал еще сегодня «Трибьюн»?

Эндрю в ужасе сразу же бросился к столу в приемной, куда он и Кристин клали газеты, прочитав их. Он вторично просмотрел «Трибьюн», одно из наиболее распространенных ежедневных иллюстрированных обозрений. И вдруг вздрогнул. Как это он не заметил в первый раз?

На странице, посвященной светской хронике, помещена была фотография Франсиз Лоренс и описание званого ланча, состоявшегося у нее накануне. Были указаны имена гостей, в том числе и его имя.

С расстроенным лицом он вырвал страницу, смял ее в комок и швырнул в огонь. Затем сообразил, что Кристин ведь уже прочла газету, и свирепо нахмурился. Хотя он почему-то был уверен, что она не видела этого проклятого столбца, все же он ушел к себе в кабинет в дурном настроении.

Но Кристин этот столбец прочтала. И минутное ошеломление сменилось чувством обиды, поразившим ее в самое сердце. Почему Эндрю не сказал ей ничего? Почему, почему? Ее бы ничуть не огорчило то, что он идет без нее на этот дурацкий ланч. Она пыталась успокоить себя мыслью, что из-за таких пустяков не стоит огорчаться. Но глухая боль в сердце говорила ей, что под этим кроются далеко не пустяки.

Когда Эндрю уехал на визиты, она пыталась делать обычную работу по дому. Но не могла. Прошла в его кабинет, оттуда — в амбулаторию все с той же тяжестью на душе. Принялась рассеянно вытирать пыль в амбулатории. Подле стола лежала его старая сумка для инструментов, первая, которая служила ему в Блэнелли, которую он таскал с собой по рабочим кварталам, брал в шахту, когда его экстренно туда вызывали. Кристин потрогала сумку со странной нежностью. Теперь у него была новая сумка, красивее этой. Она была частью того нового, той более выгодной практики, за которой он так лихорадочно гнался и к которой Кристин в глубине души относилась с таким недоверием. Она знала, что бесполезно говорить с Эндрю о своих опасениях. Он теперь стал таким вспыльчивым — признак того, что в нем происходила душевная борьба. И первое ее слово тотчас задело бы его, вызвало ссору. Надо действовать другим путем.

Она вспомнила, что сегодня суббота и она обещала Флорри взять ее с собой, когда пойдет за покупками. Флорри была веселой девочкой, и Кристин успела к ней привязаться. Она видела, что Флорри ждет ее на верхней ступеньке лест-

ницы, ведущей в подвальное помещение, чистенькая, в свежем платьице, в полной готовности. По субботам они часто ходили на рынок вдвоем.

У Кристин немного отлегло от сердца, когда она очутилась на воздухе и, держа девочку за руку, ходила по рынку, переговариваясь с знакомыми торговцами, покупая фрукты, цветы, стараясь придумать сегодня что-нибудь особенное, чтобы угодить Эндрю. Но рана все еще не затягивалась и болела. Почему, почему он ничего ей не сказал? И почему она не пошла с ним туда? Она вспомнила, как в Эберло они в первый раз были приглашены к Вонам и каких трудов ей стоило вытащить его туда. А теперь все так переменялось. Ее ли это вина? Не переменялась ли она сама, не замкнулась ли в себе и стала необщительной? Но нет, она этого не находила. Она по-прежнему любила знакомиться и встречаться с людьми, независимо от того, кто они. Ее дружба с миссис Вон продолжалась, и они аккуратно переписывались.

Но хотя Кристин было больно и она чувствовала себя обиженной, главная ее забота была не о себе, а о муже: она знала, что богачи, как и бедняки, могут быть скверными людьми, что Эндрю мог бы остаться таким же хорошим врачом на Грин-стрит, в Мейфэр, как на Сифен-роу в Эберло. Она вовсе не требовала сохранения таких героических аксессуаров, как гамаши или его старый красный мотоцикл. Но она сердцем чувствовала, что в те времена Эндрю был чистым и честным идеалистом, и это освещало их жизнь ясным белым пламенем. Теперь пламя пожелтело, абажур, сквозь который оно светит, загрязнен.

Направляясь к фрау Шмидт, она старалась разглядеть на лбу морщину заботы. Но старая немка зорко смотрела на нее. И вдруг принялась ее отчитывать:

— Вы мало кушаете, дорогая моя! У вас плохой вид! А ведь и автомобиль есть, и деньги, и все, что угодно. Смотрите!.. Я хочу, чтобы вы попробовали вот это. Вкусно?

Длинным тонким ножом, который она держала в руке, она отрезала ломтик своего шедевра — вареной ветчины — и заставила Кристин съесть его со свежей булкой. Флорри получила глазированное пирожное. Фрау Шмидт не переставая болтала:

— А теперь кусочек липтауэрского. Герр доктор съел уже много фунтов моего сыра, а он ему все же не надоел. Когда-нибудь попрошу его написать мне отзыв и выставлю этот отзыв в витрине. Этот сыр меня прославит... — Так фрау Шмидт смеялась и болтала, пока они не ушли.

На улице Кристин с Флорри остановились на тротуаре, ожидая, когда постовой полисмен — это был их старый приятель Струзерс — даст сигнал перехода. Кристин удерживала за руку нетерпеливую Флорри.

— Ты всегда должна быть осторожна здесь, — внушала она девочке. — Что сказала бы твоя мама, если бы тебя переехали!

Флорри, рот которой был набит остатками пирожного, это показалось забавнейшей шуткой.

Наконец они вернулись домой, и Кристин принялась разворачивать покупки. Прохаживаясь взад и вперед по комнате, ставя в вазу купленные ею на улице бронзовые хризантемы, она опять загрустила.

Вдруг зазвонил телефон. Она пошла в приемную с застывшим лицом, уголки ее губ были опущены. Минут пять она отсутствовала и воротилась в комнату преобразенная. Глаза сияли возбуждением. Она все поглядывала в окно, нетерпеливо ожидая возвращения Эндрю, забыв свое горе под влиянием хорошей вести, услышанной ею, вести, столь важной для Эндрю, для них обоих. В ней зрело радостное убеждение, что ничто не может быть благоприятнее этой новости. Нет лучшего противоядия от отравы легкого успеха. И это такой шаг вперед, такой *настоящий* шаг вперед! Она опять подбежала к окну.

Когда Эндрю приехал, она не могла утерпеть, чтобы не броситься в переднюю ему навстречу:

— Эндрю! Тебе звонил сэръ Роберт Эбби. Только что.

— Вот как? — Лицо его, при виде Кристин вытянувшееся под влиянием острых угрызений совести, теперь просветлело.

— Да. Он звонил, хотел говорить с тобой. Я сказала ему, кто я, и он был ужасно любезен... Ох, я все не то говорю! Дорогой, ты будешь назначен амбулаторным врачом больницы Виктории — немедленно!

В глазах Эндрю просыпалось волнение.

— Что же, это хорошая новость, Крис.

— Еще бы! Еще бы! — воскликнула она восторженно. — Опять твое любимое дело — возможность исследования, все, чего тебе тщетно хотелось в Комитете по труду... — Она обхватила руками его шею и прильнула к нему.

Он посмотрел на нее сверху, невыразимо тронутый этой любовью, этой великодушной самоотверженностью. Сердце сжалось мгновенной острой болью.

— Добрая ты душа, Крис! А я... какой же я скот!

VIII

С четырнадцатого числа следующего месяца Эндрю приступил к своим обязанностям в отделении для приходящих больных легочной больницы Виктории. Там по вторникам и четвергам он был занят от трех до пяти. Все было совсем так, как когда-то в Эберло, с той лишь разницей, что теперь к нему приходили больные только с болезнями легких и бронхов. И разумеется, теперь, к его тайной великой гордости, он не был больше младшим врачом страхового общества, а занимал почетное место врача одной из самых старых и известных больниц Лондона.

Больница Виктории была бесспорно стара. Находилась она в Бэттерси, среди сети убогих улиц, у самой Темзы, и даже летом сюда редко заглядывал луч солнца, зимой же ее балконы, на которые полагалось вывозить в креслах больных, бывали чаще всего окутаны густым речным туманом. На мрачном обветшалом фасаде красовался большой плакат красными и белыми буквами — воззвание, которое казалось излишним: «Больница Виктории разрушается!»

Отделение для амбулаторных больных, где работал Эндрю, казалось каким-то пережитком XVIII века. В вестибюле, в ящике под стеклом, красовались ступка и пестик, которыми пользовался доктор Линтел Ходжес, врач, работавший в этом отделении в 1761–1793 годах. Необлицованные стены были окрашены в темно-шоколадный цвет необычного оттенка, коридоры с неровным полом, хотя и идеально чис-

тые, так плохо проветривались, что стены потели и во всех помещениях царил затхлый запах старости.

В первый день Эндрю обошел отделение с доктором Юстасом Тарэгудом, старшим врачом, пожилым аккуратным мужчиной лет пятидесяти, ниже среднего роста, с седой эспаньолкой и любезными манерами, похожим скорее на церковного старосту, чем на врача. Доктор Тарэгуд имел в больнице свои палаты, и, по принятому здесь порядку, тоже пережитку старых традиций, которых он был великим знатоком, считался ответственным за Эндрю и за доктора Миллигана, второго младшего врача.

После обхода больницы он увел Эндрю в длинную комнату врачей, находившуюся на нижнем этаже. Несмотря на то что не было еще и четырех часов, здесь уже горели лампы. Жаркий огонь пылал за железной решеткой, на стенах висели портреты знаменитых врачей больницы, среди них, на почетном месте над камином, доктор Линтел Ходжес, очень важный в своем парике. Это была замечательная реликвия славного прошлого, и по тому, как слегка раздувались ноздри доктора Тарэгуда, видно было, что этот холостяк и церковный староста любит ее, как собственное детище.

Они приятно провели время за чаем и блюдом горячих гренков с маслом в компании других врачей больницы. Эндрю нашел, что интерны очень приятные молодые люди. Но, заметив их почтительность к доктору Тарэгуду и к нему самому, он не мог удержаться от улыбки, вспомнив свои столкновения с другими «наглыми щенками» еще не так давно, когда он пытался помещать в больницу своих пациентов.

Рядом с ним сидел молодой врач Валланс, который целый год работал в Соединенных Штатах в клинике братьев Майо. Они с Эндрю заговорили об этой знаменитой клинике и ее порядках, потом Эндрю с внезапным интересом осведомился, не слышал ли Валланс в Америке о Стиллмане.

— Слышал, конечно, — сказал Валланс. — Там его все очень высоко ценят. У него диплома нет, но неофициально он более или менее признан. Он достигает поразительных результатов в своей работе.

— Видели вы его клинику?

— Нет. — Валланс покачал головой. — Я не бывал дальше Орегона.

Некоторое время Эндрю молчал, не зная, следует ли говорить то, что ему хотелось.

— Мне думается, это — замечательнейшее учреждение, — наконец сказал он. — Я несколько лет переписывался со Стиллманом. Он первый написал мне по поводу моей статьи, которую напечатали в «Американском журнале гигиены». Я видел снимки его клиники. Нельзя и представить себе более идеальное место для лечения. Клиника расположена высоко, посреди соснового леса, в уединенном месте. Застекленные террасы, специальная система регулирования воздуха, которая обеспечивает полнейшую его чистоту и ровную температуру зимой. — Эндрю остановился было, смущенный своей горячностью, так как общий разговор вокруг прекратился и его слова слышали все за столом. — Как подумаешь об условиях лечения у нас в Лондоне, то такая клиника кажется недосягаемым идеалом.

Доктор Тарэгуд сухо и неприязненно усмехнулся:

— Однако наши лондонские врачи всегда очень хорошо справлялись со своим делом в этих самых условиях, доктор Мэнсон. Мы не располагаем теми экзотическими аксессуарами, о которых вы упоминали. Но смею думать, что наши хорошо испытанные и надежные методы, хотя, быть может, не такие эффектные, дают столь же удовлетворительные и, вероятно, более прочные результаты.

Эндрю молчал, потупив глаза. Он чувствовал, что с его стороны было нескромностью так открыто заявлять о своем мнении, пока он здесь еще новый человек. А доктор Тарэгуд,

чтобы показать, что он не хотел его одернуть, любезно пере­менил тему — заговорил об искусстве ставить банки. Исто­рия медицины давно была его коньком, и он собрал мас­су сведений относительно хирургов-цирюльников старого Лондона.

Когда они поднялись, он приветливо сказал Эндрю:

— У меня имеется старинный набор банок. Как-нибудь непременно покажу их вам. Право, просто срам, что банки теперь не ставят. Это был и есть отличный способ вызывать внешнее раздражение.

Если не считать этого первого легкого холодка между ни­ми, доктор Тарэгуд показал себя добрым товарищем, всегда готовым помочь. Он был дельным врачом. Почти безоши­бочно ставил диагноз и всегда охотно водил Эндрю по сво­им палатам. Но его упорядоченная душа восставала против вторжения какого бы то ни было новшества в лечении. Он и слышать не хотел о туберкулине, считая, что его терапев­тическое действие еще совершенно не доказано. Он очень скуп и неохотно применял пневмоторакс, а вливаний де­лал меньше, чем все другие врачи в больнице. Зато он весь­ма щедро применял рыбий жир и дрожжи. Он их прописы­вал всем своим пациентам.

Приступив к своей работе, Эндрю забыл о Тарэгуде. Он твердил себе, что чудесно после многомесячного ожидания снова приняться за любимое дело. Он проявлял очень близ­кое подобие былого пыла и энтузиазма.

Его прежняя работа над вопросом о туберкулезных по­вреждениях легких рудной пылью неизбежно привела его к изучению легочного туберкулеза в целом. У него зародился план, неясный еще ему самому: в связи с опытами фон Пир­ке изучить ранние физические признаки первичного разру­шения легких. В его распоряжении был богатый материал — худосочные дети, которых матери приносили в надежде на всем известную щедрость доктора Тарэгуда, раздававшего экстракт солода.

Но как ни старался Эндрю обмануть себя, душа его больше не лежала к этой работе. Он не мог вернуть себе прежнее непосредственное увлечение ею. Слишком много другого занимало его ум, слишком много серьезных случаев в практике, чтобы он мог сосредоточиться на каких-то неясных ему явлениях, которых еще, может быть, и не существует. Никто лучше его не знал, как много времени требуют исследования, а он теперь постоянно спешил. Этот аргумент был неопровержим. Скоро он стал находить его вполне логичным. Говоря попросту, он не способен был больше заниматься исследованиями.

Бедняки, приходившие в амбулаторию, требовали от него немного. Его предшественник, по-видимому, был грубый малый, и так как Эндрю щедро прописывал лекарства и порой шутил с больными, популярность его держалась прочно. Он ладил и с доктором Миллиганом и с некоторого времени усвоил его метод осмотра постоянных больных. Он вызывал всех сразу к столу в начале приема и на скорую руку заполнял их карточки. Нацарапывая на рецепте слово «повторить», он не имел времени вспомнить, как когда-то издевался над этой классической формулой. Он был на пути к тому, чтобы превратиться в превосходный образец известного врача.

IX

Прошло полтора месяца с тех пор, как Мэнсон был принят в больницу Виктории, когда однажды утром, сидя с Кристин за завтраком, он распечатал письмо с марсельской маркой. Недоумевая, пробежал его глазами и вдруг воскликнул:

— Это от Денни! Ему наконец надоела Мексика. Он возвращается, чтобы осесть где-нибудь окончательно. Так он пишет, но я поверю только, когда увижу его! А приятно будет увидеться с ним опять. Сколько времени он уже за границей? Кажется, целый век! Он едет домой через Китай. Газета у тебя, Крис? Взгляни, когда прибывает «Орета».

Кристин была не меньше его обрадована неожиданной новостью, но по другой причине. Она испытывала очень сильное материнское чувство к мужу, своеобразное стремление оберегать его. Она видела, что Денни и, в меньшей степени, Хоуп имели на него благотворное влияние. И в особенности теперь, когда она чувствовала в нем перемену, ее тревожная бдительность усилилась. Как только пришло письмо от Денни, она начала раздумывать, как свести вместе этих трех людей. Накануне того дня, когда «Орета» должна была прибыть в Тилбери, Кристин завела об этом разговор с Эндрю:

— Если ты ничего не имеешь против, Эндрю... мне пришло в голову, что можно устроить у нас на будущей неделе небольшой званый обед... только для Денни и Хоупа.

Эндрю посмотрел на нее с некоторым изумлением. Ему странно было, что она говорит о развлечениях теперь, когда между ними возникло глухое и тайное отчуждение. Он ответил:

— Хоуп, должно быть, в Кембридже. А Денни и я могли бы с тем же успехом пообедать вместе где-нибудь вне дома. — Но, увидев выражение ее лица, он тотчас смягчился. — Впрочем, отчего же... Тогда давай в воскресенье, это самый удобный вечер для всех нас.

И в следующее воскресенье Денни явился, еще более краснолицый и коренастый, чем раньше. Он постарел, но казался менее угрюмым, более благодушно настроенным. Впрочем, это был тот же Денни, и поздоровался он с ними следующим образом:

— Дом грандиозный! Уж не ошибся ли я адресом? — Он полуобернулся к Кристин и продолжил серьезно: — Этот щеголеватый джентльмен действительно доктор Мэнсон, да? Если бы я знал, я бы привез ему канарейку.

Когда его усадили, он не захотел ничего выпить.

— Нет, я теперь не употребляю ничего, кроме лимонного сока. Как ни странно это вам покажется, я намерен остепениться и крепко взять себя за шиворот. Я почти пресытился звездными просторами. Самое верное средство полюбить нашу всеми изруганную Англию — съездить за границу.

Эндрю смотрел на него с дружеским упреком.

— Вам в самом деле пора устроить свою жизнь, Филип, — сказал он. — В конце концов, вам под сорок. И при ваших способностях!

Денни метнул на него странный взгляд исподлобья:

— Не будьте так самоуверенны, профессор. Я еще, может быть, удивлю вас парочкой трюков в ближайшем будущем.

Он рассказал, что ему посчастливилось получить должность хирурга в Южном Хартфордшире; триста фунтов в год на всем готовом. Он, конечно, не смотрит на это как на нечто постоянное, но там придется делать много операций,

и это даст ему возможность снова овладеть техникой. Потом он посмотрит, что можно предпринять.

— Не понимаю, как они предоставили мне это место, — рассуждал он. — Должно быть, тоже ошибка.

— Нет, — возразил Эндрю веско. — Этим вы обязаны вашему званию магистра хирургии, Филип. Такое высокое звание откроет вам все двери.

— Что вы с ним сделали?! — простонал Денни. — Это совсем не тот неотесанный малый, который ходил со мной взрывать канализационную трубу!

Как раз в эту минуту вошел Хоуп. Он не был знаком с Денни. Но пяти минут не прошло, как эти двое поняли друг друга. Когда сели обедать, они уже дружески объединились и зло трунили над Мэнсоном.

— Конечно, Хоуп, — печально заметил Филип, развертывая салфетку, — вам нечего ожидать, что вас здесь хорошо накормят. О нет! Я эту пару знаю уже много лет. Знал профессора раньше, чем он превратился в завязатого вест-эндца. Их обоих выгнали из их прежнего жилища за то, что они морили голодом морских свинок.

— Я обычно на такой случай ношу с собой в кармане кусок грудинки, — сказал Хоуп. — Эту привычку я перенял у Билли Пуговичника во время последней экспедиции. Но, к несчастью, у меня вышли все яйца: куры моей матушки сейчас не несутся.

Такого рода шутки продолжались все время, пока они обедали. Присутствие Денни словно оттачивало остроумие Хоупа. Но мало-помалу они перешли к серьезной беседе. Денни описал некоторые свои приключения в Южной Америке, рассмешил Кристин двумя-тремя анекдотами о неграх, а Хоуп рассказывал подробности о деятельности комитета за последнее время. Винни удалось наконец добиться давно задуманных экспериментов для изучения мускульного утомления.

— Вот этим-то я и занят теперь, — сердито пояснил Хоуп. — Но, слава богу, через девять месяцев моя обязательная служба заканчивается. Тогда я начну делать что-нибудь настоящее. Мне надоело разрабатывать чужие идеи, позволять старикам командовать мной. — Он принялся непочтительно передразнивать членов комитета: — «Сколько мясомолочной кислоты вы нашли для меня на этот раз, мистер Хоуп?» Я хочу делать *собственную* работу. Как бы мне хотелось иметь свою маленькую лабораторию!

Затем, как и надеялась Кристин, разговор принял узко-медицинский характер. После обеда, за которым, вопреки меланхолическому прогнозу Денни, уничтожили пару уток, когда был подан кофе, она попросила разрешения остаться с мужчинами в столовой. И хотя Хоуп уверял ее, что разговор пойдет на языке, отнюдь не предназначенном для дамских ушей, она осталась и сидела, опершись локтями о стол, уткнув подбородок в руки, молча слушая, в самозабвении устремив серьезные глаза на Эндрю.

Сначала он был сдержан и холоден. Как ни рад он был свиданию с Филипом, он чувствовал, что его старый друг несколько пренебрежительно отнесся к его успеху — неодобрительно, даже с легкой насмешкой. В конце концов, разве он не сделал прекрасную карьеру? А что сделал Денни, да, что он сделал? Когда Хоуп начал вставлять свои шуточки, Эндрю едва удержался от того, чтобы в достаточно резкой форме осадить его.

Но когда они заговорили на медицинские темы, он невольно втянулся в разговор. Желал он этого или нет, но гости сразу заразили его интересом к этим вопросам, и он с чувством, довольно похожим на былой энтузиазм, разговорился тоже.

Речь шла о больницах, и он неожиданно высказал свое мнение о всей постановке дела в больницах.

— А я так смотрю на это... — Он закурил — теперь уже не дешевую сигарету, а сигару, которую с самодовольным видом взял из ящика, не замечая лукавых огоньков в глазах

Денни. — Вся система устарела. Ни в коем случае не хотел бы, чтобы вы подумали, что я критикую свою больницу. Я ее люблю и считаю, что мы делаем там большое дело. Но виновата система. Один только добрый, старый, ко всему равнодушный британский народ способен с ней мириться. И здесь, как, например, в нашем дорожном хозяйстве, безнадёжный хаос и отсталость. Больница Виктории разваливается. Больница Сент-Джонс — тоже. Половина лондонских больниц вопиет к небу, что они разрушаются! А что мы делаем? Собираем пени. Получаем немного мелочи за рекламы, которые наклеиваются на фасад больницы. «Пиво Брауна — лучшее в мире». Ну не прелесть ли? В больнице Виктории, если нам повезет, мы через десять лет начнем постройку нового флигеля или общежития для сестер. Кстати, вы бы видели, где наши сестры спят! Но что пользы класть заплату на старую развалину? И что толку в легочной клинике, которая стоит в центре такого шумного города, как Лондон, города туманов? Черт возьми, это все равно что отправлять больных воспалением легких в угольную шахту. И так же обстоит дело с другими больницами и лечебницами. Их шлепнули в самую гущу уличного движения, фундамент их сотрясается от подземки, даже койки больных дребезжат, когда мимо дома проезжают автобусы. Если бы я, *здоровый* человек, попал туда, мне понадобилось бы каждую ночь принимать десять таблеток веронала, чтобы уснуть. А вы подумайте о больных, лежащих среди этого гама и суеты после тяжелой операции брюшной полости или с температурой сорок градусов и менингитом.

— Ну хорошо, что же вы предлагаете? — Филип поднял одну бровь с этим своим новым, раздражающим выражением. — Учредить объединенный больничный попечительский совет и назначить вас главным директором?

— Не будьте ослом, Денни! — сердито возразил Эндрю. — Децентрализация — вот что помогло бы. Нет, это не просто вычитанные из книг слова, это мое убеждение, результат

всего того, что я наблюдал со времени приезда в Лондон. Почему бы нашим крупным больницам не стоять в зеленой полосе за городом, скажем, в пятнадцати милях от него? Возьмите такое место, как Бенхам, например: всего десять миль от Лондона, зеленые поля, свежий воздух, тишина. Не бойтесь затруднений с проездом. Подземка (а почему бы и не провести отдельную больничную ветку?) — прямой и бесшумный путь, доставит вас в Бенхам ровно через *восемнадцать* минут. Если принять во внимание, что самый быстрый санитарный автомобиль доставляет пострадавшего в среднем за *сорок* минут, то это уже шаг вперед. Вы скажете, что, переместив больницы, мы лишим районы медицинской помощи? Чепуха! Аптеки и врачи останутся на месте. А больницы можно переместить. Да и весь этот вопрос об обслуживании больницами районов — одна сплошная безнадежная неразбериха. Когда я только сюда переехал, то убедился, что единственное место, куда я мог отвезти больного из Вест-Энда, — больница в Ист-Энде. И в больницу Виктории тоже поступают больные откуда угодно — из Кенсингтона, Илинга, Масуэл-Хилла. Не делается никаких попыток разграничить участки, все стекается в центр города. Я вам прямо говорю, друзья: беспорядок в этом деле невообразимый. А какие меры принимаются против этого? Ничего, абсолютно ничего. Мы продолжаем старую-старую рутину, грохочем жестяными копилками, продаем на улицах флажки в пользу больных, печатаем воззвания, заставляем студентов кривляться в маскарадных костюмах, собирая пенсы. О молодых европейских странах можно сказать одно — там *дело делают!* Боже, если бы мне дали действовать! Я бы разрушил до основания больницу Виктории и поставил новую легочную больницу в Бенхаме, проведя туда прямое сообщение. И, видит Бог, я бы увеличил этим процент выздоравливающих!

Это было только вступление. Спор разгорался.

Филип сел на своего конька. Говорил о том, как глупо требовать от практикующего врача, чтобы он был мастером на все руки, заставляя его тащить на своих плечах каждого больного до того восхитительного момента, когда за плату в пять гиней является какой-нибудь специалист, которого он до тех пор никогда в глаза не видел, и заявляет ему, что уже слишком поздно.

Хоуп без всяких смягчений и сдержанности охарактеризовал положение молодого бактериолога, угнетенного духом торгашества и консерватизма, зажатого между фирмой химиков, которая платит ему жалованье за приготовление патентованных лекарств, и комитетом слабоумных стариков.

— Можете себе представить, — шипел Хоуп, — братьев Маркс, сидящих в расхлябанном автомобиле с четырьмя рулями и неограниченным числом рожков? Это наш комитет!

Они засиделись за полночь, а затем неожиданно перед ними на столе очутились сэндвичи и кофе.

— О миссис Мэнсон! — запротестовал Хоуп с учтивостью, которая показывала, что он, как насмешливо объявил Денни, в глубине души приличный молодой человек. — Мы уж, верно, здорово вам недоели... и отчего это, когда долго разговариваешь, непременно проголодаешься? Надо подать Винни новую идею: исследовать влияние утомления на желудочную секрецию. Ха-ха-ха! Это замечательная формулировка в стиле нашей Лошади!

Хоуп распрошался, горячо уверяя, что он чудесно провел вечер, а Денни по праву старого друга остался еще на несколько минут. Когда Эндрю вышел, чтобы вызвать по телефону такси, он смущенно извлек из кармана небольшую, очень красивую испанскую шаль.

— Профессор, вероятно, меня зарежет, — сказал он. — Но я привез вам эту штуку. Не говорите ему, пока я отсюда благополучно не уберусь. — Он не захотел слушать выражений благодарности, которые его всегда очень стесняли. —

Любопытно, что все эти шали привозятся из Китая. Они, собственно, не настоящие испанские. Эту я получил через Шанхай.

Наступило молчание. Слышно было, как Эндрю шел из передней, от телефона.

Денни поднялся. Его добрые глаза, окруженные морщинами, избегали взгляда Кристин.

— Я бы, знаете ли, на вашем месте не стал слишком тревожиться за него. — Он улыбнулся. — Но мы должны попросить вернуть его к прежним блэнеллийским настроениям.

Х

В начале пасхальных каникул Эндрю получил письмо от миссис Торнтон с просьбой приехать в отель «Браун» и осмотреть ее дочь. В письме она коротко сообщала, что нога у Сибил все еще болит, и так как при их встрече у миссис Лоренс он проявил большое участие, она очень хотела бы с ним посоветоваться. Польщенный этой данью уважения, Эндрю немедленно отправился к миссис Торнтон.

Осмотрев Сибил, он нашел, что случай очень простой, но требующий немедленной операции. Он выпрямился, улыбаясь толстушке Сибил, которая, сидя на краю кровати, натягивала длинный черный чулок на свою обнаженную ногу, и обратился к ее матери:

— Костная мозоль. Если запустить, то может образоваться молоткообразное искривление большого пальца. Вы, я думаю, уже об этом предупреждены.

— Да, то же самое говорил их школьный врач. — Миссис Торнтон не казалась пораженной. — Мы уже к этому готовы. Сибил можно поместить в какую-нибудь лечебницу здесь, в Лондоне. Но вот что: я чувствую к вам доверие, доктор. И хочу, чтобы вы все это взяли на себя. Кому лучше всего поручить операцию, как вы думаете?

Этот прямой вопрос поставил Эндрю в затруднительное положение. По роду своей работы он встречался со многими видными терапевтами, но из лондонских хирургов не знал никого. Вдруг он вспомнил об Айвори. И сказал с готовностью:

— Это мог бы сделать мистер Айвори, если он сейчас не занят.

Миссис Торнтон слышала о мистере Айвори. Ну разумеется! Ведь это тот хирург, о котором с месяц назад писали все газеты, так как он летал в Каир, чтобы спасти человека, с которым случился солнечный удар... Весьма известный человек! Миссис Торнтон очень понравилась идея поручить ему операцию дочери, но она поставила только одно условие: Сибил должна быть помещена в лечебницу мисс Шеррингтон. Там перебивало столько ее знакомых, что она ни за что не хотела отпустить дочь в какое-нибудь другое место.

Эндрю отправился домой и позвонил Айвори со всей осторожностью человека, делающего предварительную разведку. Но тон Айвори, дружеский, доверчивый, чарующий, его успокоил. Они уговорились вместе осмотреть больную на следующий день, и Айвори заверил Эндрю, что хотя, по его сведениям, лечебница Иды переполнена до самого чердака, он сумеет ее убедить найти место для мисс Торнтон, если это понадобится.

На другое утро, когда Айвори в присутствии миссис Торнтон веско подтвердил все, что нашел Эндрю, прибавив, что операцию нужно делать не откладывая, Сибил перевезли к мисс Шеррингтон, и через два дня, когда она там окончательно устроилась, оперировали.

Эндрю тоже присутствовал при операции. На этом самым серьезным и дружеским образом настоял Айвори.

Операция была нетрудная — в Блэнелли Эндрю, конечно, справился бы с ней один, — но Айвори, видимо вовсе не склонный торопиться, проделал ее с импонирующей торжественностью и мастерством. В длинном белом халате, четко выделявшем его массивное твердое лицо с сильно развитой челюстью, он представлял собой мощную фигуру. Никто в такой полной мере не отвечал представлению публики о великих хирургах, как Чарльз Айвори. У него были красивые тонкие руки, которыми народная фантазия всегда наделяет героя операционной. Красивый и самоуверенный, он был необыкновенно внушителен. Эндрю, также надевший

халат, наблюдал за ним, стоя с другой стороны стола, с невольным завистливым уважением.

Две недели спустя, когда Сибил Торнтон вышла из лечебницы, Айвори пригласил Эндрю на ланч в клуб «Саквилл». Это был приятный ланч. Айвори в совершенстве владел искусством разговора, легкого и занимательного, сдобренного запасом последних новостей, и умел сделать так, чтобы его собеседник почувствовал себя человеком одного с ним круга. Высокая столовая клуба с потолком работы Адама и хрустальными люстрами была полна знаменитостей — Айвори назвал их любопытными.

Эндрю все это очень льстило, как и рассчитывал, без сомнения, Айвори.

— Вы должны разрешить мне выставить вашу кандидатуру на следующем собрании членов клуба, — заметил он. — Здесь вы будете встречать кучу знакомых — Фредди, Пола, меня... Кстати, Джек Лоренс тоже член этого клуба... Любопытный брак: они большие друзья, но каждый живет своей жизнью. Да, честное слово, я очень хотел бы провести вас в члены клуба. Знаете, мне казалось, что вы относитесь ко мне с легким предубеждением. Шотландская осторожность, а? Я, как вам известно, в больницах нигде не работаю. Предпочитаю вольную практику. Кроме того, я слишком занят, дорогой мой. Некоторые из этих старомодных чудаков, что тянут лямку в больницах, не имеют и одного частного больного в месяц. А у меня их средним числом десять в неделю! Кстати, Торнтон, конечно, скоро с нами расплатятся. Это вы предоставьте мне. Они в высшей степени порядочные. Да, раз мы уже заговорили об этом: не находите ли вы, что следовало бы заняться гландами Сибил? Вы их смотрели?

— Нет... нет, не смотрел.

— А следовало, дружище. Они не в порядке. Я позволил себе — надеюсь, вы не взыщете? — сказать матери, что мы их ей удалим, когда наступит теплая погода.

Возвращаясь домой, Эндрю думал: «Айвори — обаятельный человек». Да, спасибо Хэмптону, что он их познакомил.

С лечением Сибил все прошло великолепно. Торнтоны были чрезвычайно довольны.

Прошло три недели, и однажды, когда они с Кристин сидели за чаем, с вечерней почтой пришло письмо от Айвори.

*Дорогой Мэнсон,
миссис Торнтон только что любезно расплатилась со мной. Так как я послал врачу, дававшему наркоз, его долю, то, кстати, посылаю и вам вашу за ценную для меня помощь при операции. Сибил придет к вам в конце этого семестра. Не забудьте о гландах. Миссис Торнтон очень довольна.*

Неизменно к вам расположенный, Ч. А.

К письму был приложен чек на двадцать гиней.

Эндрю с удивлением смотрел на чек: он ничего решительно во время операции не делал. Но затем мало-помалу в сердце его закралось то теплое чувство, которое теперь всегда вызывали в нем деньги. С довольной усмешкой он передал письмо и чек Кристин.

— Чертовски благородно со стороны Айвори, правда, Крис? Держу пари, что в этом месяце наш заработок достигнет рекордной цифры.

— Но я не понимаю... — Кристин растерянно смотрела на него. — Это — в уплату по твоему счету миссис Торнтон?

— Да нет же, глупенькая, — засмеялся Эндрю. — Это маленькая прибавка, просто за потерю времени, которое отняла у меня операция.

— Ты хочешь сказать, что мистер Айвори прислал тебе часть *своего* гонорара?

Эндрю покраснел и сразу подобрался, готовый к борьбе:

— О господи, вовсе нет! Это строжайше запрещено. Об этом мы и не думаем. Как ты не понимаешь, что я эти деньги заработал, получил их за присутствие на операции в качестве ассистента, точно так же, как получил свою долю и ане-

стезиолог. Айвори и то и другое поставил в счет Торнтонам. И ручаюсь тебе, что он получил немалый куш.

Кристин положила на стол чек, удрученная, несчастная:

— Сумма большая!

— Ну и что из того?! — отрезал Эндрю со вспышкой негодования. — Торнтоны страшно богаты. Для них уплатить ее не труднее, чем иному из наших амбулаторных больных — три с половиной шиллинга.

Он ушел, а она продолжала смотреть на чек с нервным ужасом. Она раньше не понимала, что Эндрю просто заключил деловой союз с Айвори. Все ее старые опасения вдруг разом нахлынули на нее. Тот вечер с Денни и Хоупом не дал никаких результатов. Как Эндрю теперь полюбил деньги! Его работа в больнице Виктории, видимо, больше не имела для него значения. Его снедала жажда материального успеха. Даже в амбулатории Кристин замечала, что он все чаще и чаще прописывал шаблонные лекарства и прописывал людям, ничем не больным, заставляя их ходить к нему много раз. Тревога сильнее омрачила лицо Кристин, как-то сразу сжавшееся и похудевшее. Она все сидела, глядя на лежавший перед ней чек Чарльза Айвори. Слезы медленно подступили к глазам. Она решила, что ей во что бы то ни стало следует поговорить с Эндрю.

И в тот же вечер, после приема, она робко подошла к нему:

— Эндрю, хочешь доставить мне удовольствие? Поедем в воскресенье за город на автомобиле! Ты ведь, когда купил его, обещал мне это. И за всю зиму нам не удалось ни разу съездить за город.

Он посмотрел на нее как-то странно:

— Что ж... ладно!

Воскресный день был такой, как мечтала Кристин, — теплый весенний день. К одиннадцати часам Эндрю уже закончил наиболее необходимые визиты, и, уложив в автомобиль коврик и корзинку с провизией, они выехали. Кристин повеселела, когда они оставили позади Хаммерсмитский мост

и помчались в Суррей по уединенной Кингстонской дороге. Скоро проехали Доркинг, свернули направо, на дорогу в Шир. Так давно они не были вместе за городом, что вся эта благодать вокруг — сочная зелень полей, пурпур зацветающих вязов, поникшие под тяжестью золотой пыльцы сережки, бледная желтизна первоцвета, росшего целыми полянками под откосом, — просто опьяняла Кристин.

— Не надо ехать так быстро, милый, — сказала она так ласково, как давно уже с ним не говорила. — Здесь чудесно.

Но Эндрю, казалось, задался целью обогнать все автомобили на дороге.

К часу дня они доехали до Шира. Селение — несколько домиков под красными крышами на берегу реки, тихо струившейся между лугами, поросшими водяным крессом, — еще не было потревожено наплывом летних туристов. Эндрю доехал до лесистого холма за деревней и оставил автомобиль у одной из узких дорожек для верховой езды, проложенных среди дерна. Здесь, на поляне, где они разостлали коврик, стояла певучая тишина, уединение разделяли с ними только птицы.

Они ели свои сэндвичи, греясь на солнце, пили кофе из термоса. Вокруг, в ольховых рощицах, росло множество первоцвета. Кристин ужасно захотелось нарвать его, зарыться лицом в прохладные и нежные лепестки. Эндрю лежал с полузакрытыми глазами, голова его была так близко от нее. Сладостное успокоение сошло на ее душу, измученную темной тревогой. Если бы им вместе всегда было так хорошо, как сейчас!

Эндрю сонным взглядом уже несколько минут смотрел на автомобиль и вдруг произнес:

— Неплохая машинка, а, Крис? Во всяком случае, тех денег, что я за нее заплатил, она стоит. Но нам понадобится новая. Присмотрим на выставке.

Кристин зашевелилась. В ней опять проснулось беспокойство при новом доказательстве его ненасытности.

— Но эта у нас так недавно. И по-моему, лучшей нам и желать невозможно.

— Гм... ход у нее неважный. Разве ты не заметила, как нас все время обгонял этот «бьюик»? Я хочу иметь автомобиль новой марки «Витесс».

— Но к чему?

— А почему нет? Мы можем это себе позволить. Дела у нас хороши, Крис. Да! — Он закурил сигарету и повернулся к Кристин с видом полного удовлетворения. — Если ты, может быть, этого не знаешь, моя дорогая маленькая учительница из Блэнелли, так знай, что мы быстро богатеем.

Она не ответила на его улыбку. Она чувствовала, что ее тело, так сладко разогретое солнцем, внезапно похолодело. Начала выдергивать травинки вокруг и зачем-то вплетать их в бахрому коврика. Сказала медленно:

— Милый, а разве нам действительно так уж необходимо богатство? Я знаю, что мне оно не нужно. К чему эти вечные разговоры о деньгах? Когда у нас их было в обрез, мы... ох, как безумно счастливы мы были! Тогда мы не говорили о них. А теперь мы ни о чем другом не говорим.

Эндрю снисходительно усмехнулся:

— Я столько лет шлепал пешком по грязи, питался колбасой и селедкой, терпел обиды от разных тупоголовых комитетчиков, лечил шахтерских жен в грязных комнатухах, что пора уже, для разнообразия, устроить жизнь получше. Есть возражения?

— Не шути этим, дорогой мой. Ты так не говорил когда-то. Ох, неужели ты не понимаешь, неужели не видишь, что становишься жертвой той самой системы, которую ты всегда ругал, всего того, что ненавидел? — Кристин так волновалась, что на нее жалко было смотреть. — Или ты забыл, как, бывало, говорил о жизни, что она должна быть подъемом вверх, словно штурмом крепости высоко на горе, крепости, которой не видно, но о которой знаешь, что она там и что ее нужно взять.

Эндрю недовольно пробурчал:

— Э-э, я тогда был молод... глуп. То были просто романтические бредни. Ты оглянись вокруг и увидишь, что все думают то же самое — берут от жизни, что могут. Это единственное, что остается.

Кристин мучительно вздохнула. Она чувствовала, что должна сказать все — теперь или никогда.

— Эндрю, милый, нет, это не единственное. Пожалуйста, выслушай меня. Ну прошу тебя! Я так несчастна из-за... из-за этой перемены в тебе. Денни тоже ее заметил. Она нас разделяет. Ты уже не тот Эндрю Мэнсон, за которого я выходила замуж. О, если бы ты был таким, каким был тогда!

— Да что я сделал? — раздраженно возразил он. — Что, я бью тебя, или пьянствую, или совершаю убийства? Назови мне хоть один мой *грех*.

Она отвечала с отчаянием:

— Дело не в каких-нибудь обыкновенных грехах, дело во всем твоём поведении. Вот хотя бы этот чек, что Айвори прислал тебе. Это, быть может, с виду пустяк, но если вникнуть глубже... Ох, это неблагородно, это некрасивая жадность, это нечестно...

Она почувствовала, что в Эндрю нарастает ожесточение. Он сел, оскорбленно глядя на нее:

— О господи! Опять за старое! Ну что дурного в том, что я этот чек принял?

— Да разве ты не понимаешь? — Все, что копилось в ее душе за последние месяцы, разом нахлынуло, помешало говорить, и она вдруг разрыдалась. Она истерически всхлипывала: — Ради всего святого, милый, не продавай себя!

Эндрю даже зубами закрипел от бешенства. Сказал с расстановкой, с обдуманной язвительностью:

— В последний раз тебя предупреждаю — перестань вести себя как неврастеничка и дура. Почему ты не можешь попытаться быть мне помощницей, а не помехой, и перестать грызть меня день и ночь?

— Я тебя не грызла, — плача возразила Кристин. — Я давно хотела с тобой поговорить, но не говорила.

— И не надо! — Он вспыхнул, и голос его перешел на крик. — Слышишь? *Не надо!* Ты говоришь со мной так, как будто я грязный жулик. А я хочу только выдвинуться. И деньги для меня — просто средство достигнуть цели. У нас судят о человеке по тому, что у него есть. Если он нищий, им помыкают. Ну а с меня этого хватит. В будущем я желаю сам командовать другими. Теперь понимаешь? Больше не смей говорить мне эти проклятые глупости!

— Ну хорошо, не буду, — плакала Кристин. — Но поверь мне, когда-нибудь ты сам пожалеешь...

День был испорчен для обоих, особенно для Кристин. Хотя она перестала плакать и собрала большой букет первоцвета, хотя они провели еще целый час на залитом солнцем пригорке, а потом, спускаясь вниз, сделали привал в «Лавендер леди», чтобы выпить чая, хотя они разговаривали внешне дружески на обычные темы, вся прелесть поездки пропала. Когда они ехали домой в рано наступивших сумерках, у Кристин было бледное застывшее лицо.

Гнев Эндрю понемногу перешел в возмущение. С какой стати именно Кристин нападает на него? Другие женщины, и женщины очаровательные, восторгаются его успехами!

Через несколько дней позвонила Франсиз Лоренс. Она провела зиму на Ямайке (Эндрю за эти два месяца получил от нее несколько писем), но сейчас возвратилась и жаждала видеть своих знакомых, излучая впитанное ею солнечное сияние. Она весело объявила Эндрю, что хочет его увидеть раньше, чем сойдет ее загар.

Он отправился к ней пить чай. Она действительно красиво загорела: руки, тонкие запястья, узкое лицо были золотисто-коричневого цвета. Удовольствие, которое испытал Эндрю, увидев ее, усилилось от приветливого выражения ее глаз, этих глаз, что смотрели равнодушно на столь многих людей, а на него — так дружески-ласково.

Да, они беседовали как старые друзья. Она рассказывала о своем путешествии, о коралловых садах, о рыбах, видных сквозь стеклянное дно лодок, о райском климате. Эндрю в свою очередь рассказал подробно о своих делах. Быть может, в словах его проскользнуло нечто от его тайных мыслей, потому что Франсиз заметила легким тоном:

— Вы полны священной серьезности и непозволительно прозаичны. Это с вами бывает всегда, когда я в отсутствии. Впрочем, нет. Откровенно говоря, я думаю, вы слишком много работаете. Разве так уж необходимы вам все эти приемы у себя на дому? Я того мнения, что вам пора бы уже снять комнату поближе к центру Вест-Энда, скажем на Уимпол-стрит или Уэлбек-стрит, — и открыть прием *там*.

В эту минуту вошел ее супруг, высокий, с ленивыми и изысканными манерами. Он кивком поздоровался с Эндрю, с которым теперь был уже довольно хорошо знаком, так как они раза два играли в бридж в клубе «Саквилл», и принял от жены чашку чая.

Хотя Лоренс весело объявил, что ни в коем случае не намерен им мешать, его приход помешал разговору принять серьезный оборот. Они, шутя и смеясь, начали вспоминать последнюю пирушку у Румбольд-Блэйна.

Но когда Эндрю через полчаса ехал домой на Чесборо-террас, совет миссис Лоренс крепко засел у него в голове. Почему бы ему и в самом деле не снять себе кабинет на Уэлбек-стрит? Время для этого явно назрело. Он сохранит целиком паддингтонскую практику, амбулаторный прием — слишком доходное дело, чтобы от него отказаться. Но он легко сможет совместить его с кабинетом в Вест-Энде и в своей корреспонденции и счетах будет указывать новый, более приличный адрес.

Эта идея воодушевила его на новые, еще большие победы. Какая Франсиз славная женщина, такая же полезная, как мисс Эверетт, но бесконечно более обаятельная, более соблазнительная. Однако он в прекрасных отношениях с ее

мужем. Он может спокойно смотреть ему в глаза. Ему нет надобности крадучись выходить из их дома, подобно какому-нибудь низкому будуарному герою. О, дружба — великая вещь!

Ничего не сказав Кристин, он стал присматривать удобное помещение. А когда, приблизительно через месяц, отыскал такое, то с большим удовлетворением, скрытым под маской безразличия, объявил об этом Кристин, выглядывая из-за утренней газеты:

— Да, между прочим, тебе, может быть, интересно будет узнать — я снял комнату на Уэлбек-стрит. Там я буду принимать пациентов высшего круга.

XI

Комната на Уэлбек-стрит, 57-а, вызвала в душе Эндрю новый прилив торжества. «Наконец-то, — тайно ликовал он, — наконец-то я здесь!» Комната, хотя и небольшая, хорошо освещалась окном с фонарем и расположена была на первом этаже — несомненное преимущество, так как больные большей частью терпеть не могут взбираться по лестницам. Кроме того, хотя приемной пользовалось еще несколько врачей, чьи красивые таблички сияли рядом с табличкой Эндрю на двери подъезда, но зато кабинет принадлежал ему одному.

Девятнадцатого апреля, когда подписано было условие о сдаче, он приехал в новый кабинет в сопровождении Хэмптона. Фредди был ему чрезвычайно полезен при всех предварительных хлопотах и нашел для него хорошую сестру милосердия для помощи во время приема. Это была подруга той сестры, которая служила у Фредди на Куин-Энн-стрит. Сестра Шарп была некрасивая женщина средних лет, с кислой физиономией, но явно знающая свое дело. Фредди коротко изложил Эндрю свою точку зрения:

— Врачу завести хорошенькую сестру милосердия — это самое гибельное дело. Понимаешь, старик, что я хочу сказать? Баловство баловством, а дело делом. Совмещать то и другое невозможно. Никто из нас этого никогда себе не разрешает. Ты, как чертовски трезвый человек, это должен одобрять... Я предвижу, что теперь, когда ты перебрался поближе ко мне, мы с тобой наладим тесную связь.

В то время как они с Фредди стояли и обсуждали вопросы устройства нового кабинета, неожиданно явилась миссис Лоренс. Она вошла веселая, объясняя, что заглянула мимоходом, решив посмотреть, хорош ли выбор Эндрю. У Франсиз была приятная манера приходить как бы случайно, не навязывая своего общества. Сегодня она была особенно очаровательна в черном костюме, с дорогим темным мехом на шее. Пробыла она недолго, но дала много советов насчет убранства комнаты, занавесей, портьер — идей, в которых было гораздо больше вкуса, чем в планах таких некомпетентных людей, как Фредди и Эндрю.

После ухода веселой гостьи комната показалась вдруг Эндрю пустой. Фредди излил свои чувства в следующей фразе:

— Первый раз встречаю такого счастливого, как ты. Она премилая бабенка. — Он завистливо ухмыльнулся. — Что сказал Гладстон в тысяча восемьсот девяностом году относительно самого верного способа сделать карьеру?

— Не знаю, к чему ты клонишь.

Когда комната была окончательно обставлена, Эндрю должен был согласиться с Фредди и Франсиз, что она производит именно такое впечатление, как надо: кабинет передового, но профессионально корректного врача. Плату в три гинеи за консультацию, принятую в этом районе, он нашел вполне приемлемой.

Вначале пациентов было немного. Но он написал всем докторам, направлявшим больных в легочную больницу, любезные письма, — разумеется, только по поводу этих больных и обнаруженных у них симптомов, — и благодаря этой уловке скоро раскинул сети, охватившие весь Лондон и начавшие приносить ему пациентов. В эти дни он был очень занят, носился в своем новом автомобиле марки «Витесс» с Чесборо-террас в больницу Виктории, из больницы — на Уэлбек-стрит, успевая сделать еще вдобавок кучу визитов к больным и управиться с битком набитой амбулаторией, где часто принимал чуть не до десяти часов вечера.

Успех ободрял его, был для него как бы тонизирующим средством, шумел в его крови, как чудесный эликсир. Он нашел время заехать к Роджерсу и заказать еще три костюма, потом в мастерскую сорочек на Джермин-стрит, которую рекомендовал Хэмптон. Популярность его в больнице росла. Правда, он теперь уделял меньше времени работе в амбулаторном отделении, но уверял себя, что это возмещается его опытностью. Даже с друзьями он усвоил себе отрывистый тон очень занятого человека, довольно, впрочем, подкупающий благодаря всегда готовой улыбке: «Ну, я должен уйти, дорогой мой! Я просто с ног сбился!»

Раз, в пятницу, через пять недель после того, как он водворился на Уэлбек-стрит, к нему пришла пожилая женщина посоветоваться относительно своего горла. У нее оказался простой ларингит, но это была мнительная и капризная особа, и она непременно хотела услышать мнение еще какого-нибудь врача. Слегка задетый этим, Эндрю раздумывал, к кому бы ее направить. Смешно было беспокоить по пустякам такого человека, как сэр Роберт Эбби. Вдруг лицо его прояснилось. Он вспомнил о Хэмптоне, жившем за углом. Фредди в последнее время очень мило относился к нему. Пускай лучше ему достанутся эти три гинеи, чем какому-нибудь неблагодарному чужому врачу. И Эндрю отправил женщину с запиской к Фредди.

Через три четверти часа она возвратилась в совершенно ином настроении, утешенная, примиренная, довольная собой, Фредди, а больше всего — Эндрю.

— Вы извините, что я пришла опять, доктор. Я только хочу вас поблагодарить за хлопоты. Я была у доктора Хэмптона, и он подтвердил все, что вы сказали. И он... он сказал, что лучшего средства, чем то, что вы прописали, не придумаешь.

В июне вышли на сцену гланды Сибил Торнтон. Они действительно до некоторой степени были увеличены, а неза-

долго перед тем в «Медицинском журнале» высказывалось предположение насчет связи между заболеванием желез и происхождением ревматизма. Айвори тщательно проделал вылушивание.

— Я предпочитаю не торопиться в тех случаях, когда дело идет о лимфоидных тканях, — сказал он Эндрю, когда они оба мыли руки. — Вы, конечно, видели, как некоторые врачи сразу их убирают. У меня метод другой.

Когда Эндрю получил от Айвори чек — опять по почте, — Фредди как раз сидел у него. Теперь они часто заходили друг к другу. Хэмптон очень скоро «вернул мяч», направив к Эндрю больного с хорошим гастритом в благодарность за ларингит. С тех пор уже не раз больные с записками ходили с Уэлбек-стрит на Куин-Энн-стрит, и наоборот.

— Знаешь, Мэнсон, — заметил Фредди, когда увидел чек Айвори. — Я рад, что ты перестал быть собакой на сене и корчить из себя святого. Даже и теперь, знаешь ли, ты не научился еще выжимать весь сок из апельсина. Держись меня, мой мальчик, и будешь есть более сочные плоды.

Эндрю невольно засмеялся.

В этот вечер, когда он возвращался домой в своем автомобиле, на душе у него было необыкновенно легко. Обнаружив, что у него нет сигарет, он остановился подле табачной лавки на Оксфорд-стрит. Здесь, проходя внутрь, он неожиданно обратил внимание на женщину, стоявшую у соседней витрины. Это была Блодуэн Пейдж.

Он узнал ее сразу, несмотря на то что шумливая хозяйка «Брингоуэра» сильно изменилась к худшему. Ее фигура утратила былую полноту и как-то вся вяло опустилась, а глаза, которые она обратила на Эндрю, когда он ее окликнул, смотрели апатично, в них было что-то пришибленное.

— Миссис Пейдж! — подошел к ней Эндрю. — Впрочем, мне бы следовало, вероятно, сказать «миссис Рис». Вы меня помните? Доктор Мэнсон.

Она оглядела его, хорошо одетого, сиявшего благополучием, и вздохнула:

— Да, я вас помню, доктор. Надеюсь, вы живете хорошо. — Затем, словно не решаясь дольше мешкать, она повернулась к тому месту, в нескольких ярдах от них, где ее нетерпеливо дожидался лысый и долговязый мужчина, и сказала испуганно: — Мне надо идти, доктор. Муж меня ждет.

Эндрю смотрел, как она торопливо уходила, видел, как тонкие губы Риса сложились в гримасу упрека: «Что это такое, заставляешь меня ждать!» — а она покорно опустила голову. На одно мгновение Эндрю ощутил на себе холодный взгляд директора банка. Затем оба ушли и потерялись в толпе.

У Эндрю не выходила из головы эта встреча. Приехав домой и войдя в первую комнату, он застал там Кристин за вязаньем, а на столе его уже ждал чай на подносе, так как, услышав шум автомобиля, она позвонила на кухню. Эндрю метнул на ее лицо быстрый, испытующий взгляд. Он собирался рассказать ей о встрече с Блoduэн, ему вдруг страшно захотелось положить конец размолвке между ними. Но когда он взял из ее рук чашку, Кристин, раньше чем он успел заговорить, сказала спокойно:

— Миссис Лоренс опять звонила тебе сегодня. Передать ничего не просила.

— О! — Он вспыхнул. — Что значит «опять»?

— Она звонит четвертый раз на этой неделе.

— Ну и что же тут такого?

— Ничего, я ведь ничего не говорю.

— Но твое лицо... А я-то при чем, если она мне звонит?

Кристин молчала, опустив глаза на вязанье. Если бы он знал, какое смятение в этом сердце, он не злился бы так, как злился в эту минуту.

— Ты держишь себя так, что можно подумать, будто я по меньшей мере двоеженец. Она превосходная женщина. А ее муж — один из моих лучших друзей. Оба они очарователь-

ные люди. *Они* не ходят вокруг меня с видом больной собачонки. О черт!..

Он залпом выпил чай и встал. Но не успел выйти из комнаты, как уже пожалел о своей выходке. Он стремительно прошел в амбулаторию, закурил сигарету и в отчаянии стал думать о том, что отношения между ним и Кристин становятся все хуже и хуже. Растущее между ними отчуждение угнетало и раздражало его. Это была единственная темная туча на ясном небе его успехов.

Они с Кристин были безмерно счастливы в своей семейной жизни. Неожиданная встреча с миссис Пейдж разбудила в нем поток нежных воспоминаний о начале их романа в Блэнелли. Он говорил себе, что больше не боготворит Кристин, как тогда, но любит ее. Пожалуй, в последнее время он раз-другой и обидел ее. И он почувствовал внезапную потребность помириться с Кристин, смягчить ее, загладить свою вину. Он усиленно ломал голову. И наконец глаза его засияли. Он посмотрел на часы, сообразил, что до закрытия магазина «Лорье» оставалось еще полчаса. Через минуту он уже сидел в автомобиле и мчался за советом к мисс Крэмб.

Мисс Крэмб, как только он объяснил, чего ему хочется, немедленно и горячо вызвалась ему помочь. Они серьезно обсудили все, потом пошли в отдел мехов, где доктору Мэнсону были показаны различные шкурки. Мисс Крэмб поглаживала их опытными пальцами, указывая Эндрю на блеск, на серебристый отлив, на все, чего надо требовать от того или иного меха. Раза два она мягко поспорила с ним, серьезно объясняя, что именно является ценным качеством, а что — нет. В конце концов Эндрю отобрал шкурки с ее полного одобрения. Затем она отправилась искать мистера Уинча и воротилась, сияя:

— Мистер Уинч сказал, что вы их получите по себестоимости. — (Никогда слова «по оптовой цене» не оскверняли губ ни одного служащего «Лорье».) — Значит, всего это

обойдется вам в пятьдесят пять фунтов, и можете мне поверить, доктор, они того стоят. Чудный мех! Ваша жена будет гордиться тем, что носит его!

В следующую субботу, в одиннадцать часов утра, Эндрю взял темно-зеленую коробку с оригинальной маркой «Лорье», артистически нарисованной на крышке, и вошел в гостиную.

— Кристин, — позвал он, — поди сюда на минутку.

Она была наверху с миссис Беннет — помогала ей убирать постели, — но тотчас же пришла вниз, немного запыхавшись, недоумевая, зачем он зовет ее.

— Взгляни, дорогая! — Сейчас, когда наступила решительная минута, он чувствовал ужасную неловкость. — Вот что я тебе купил. Я знаю... знаю, между нами не все шло гладко в последнее время. Но это тебе докажет, что... — Он замолчал и, как школьник, протянул ей коробку.

Кристин была очень бледна, когда открывала ее. Руки у нее дрожали, развязывая тесемку. Затем у нее вырвался тихий, подавленный крик:

— Какой чудный... чудный мех!

В папиросной бумаге лежали две чудесные шкурки серебристой лисы, соединенные вместе. Эндрю торопливо поднял мех, погладив его, как делала мисс Крэмб. В голосе его звучало возбуждение.

— Нравится тебе, Крис? Ну-ка, примерь! Добрая старая Хавбек помогла мне их выбрать. Они первейшего качества. Лучше не бывает. Видишь этот отлив и серебристые полосы на спине? Всегда нужно выбирать по этим признакам.

Слезы текли по щекам Кристин. Она в бурном порыве бросилась к мужу:

— Значит, ты меня еще любишь, да, милый? Мне ничего больше на свете не нужно.

Успокоившись наконец, она примерила мех. Он выглядел великолепно.

Эндрю не мог им налюбоваться. Ему хотелось полного примирения. Он улыбнулся:

— Послушай, Крис, почему бы нам не отпраздновать это? Давай сегодня вместе позавтракаем где-нибудь. Встретимся в час в ресторане «Плаза».

— Хорошо, милый. — Но в голосе ее было сомнение. — Только... я сегодня приготовила на завтрак картофельный пирог с мясом, ведь ты его так любишь.

— Нет! Нет! — Смех Эндрю уже много месяцев не звучал так весело. — Не будь старушкой-домоседкой. В час, не забудь. Свидание с красивым брюнетом у «Плаза». Можешь не прикалывать красной гвоздики. Он тебя узнает по меху.

Все утро он испытывал величайшее удовлетворение. Твердил себе, что глупо было так долго не оказывать никакого внимания Кристин. Все женщины любят, чтобы им оказывали внимание, вывозили их, развлекали. «Плаза» — самое подходящее место, там между часом и тремя можно встретить весь Лондон или во всяком случае большинство видных людей Лондона.

Кристин опоздала — необычайный случай, — и Эндрю немного сердился, сидя в маленьком холле ресторана и наблюдая сквозь стеклянную перегородку, как все быстро занимали лучшие столы. Он заказал себе второе мартини. Было уже двадцать минут второго, когда торопливо вошла Кристин, взбудораженная шумом, множеством людей, нарядными ливреями лакеев и тем, что полчаса она простояла в другом холле, куда попала по ошибке.

— Ради бога, извини, мой друг, — сказала она, запыхавшись. — Право же, я спрашивала. Жду, жду. И вдруг сообщила, что мне нужно в холл ресторана.

Им дали неудобный столик, втиснутый за колонной, рядом с буфетной. Ресторан был битком набит, столы расставлены так тесно, что казалось, будто люди сидят друг у друга на коленях. Лакеи двигались как акробаты. Жара стояла тропическая. Шум то рос, то утихал, как крик в какой-нибудь школе.

— Ну, Крис, что ты будешь есть? — спросил решительно Эндрю.

— Выбирай ты, мой друг, — сказала она тихо.

Он заказал роскошный и дорогой завтрак: икру, суп «принц Уэльский», цыплят, спаржу, землянику в сиропе. И бутылку «Либфраумильха» 1929 года.

— Не много мы знали обо всех этих вещах в Блэнелли, — засмеялся Эндрю, решив быть веселым. — Главное — добиться возможности хорошо пожить, не так ли, моя старушка?

Кристин честно старалась не портить ему хорошего настроения. Хвалила икру, делала геройские усилия съесть жирный суп. Притворялась заинтересованной, когда он указывал ей то на Глена Роско, звезду экрана, то на Марвис Йорк, американку, известную тем, что у нее было шесть мужей, и других международных знаменитостей. Нарядная пошлость этого места была ей ненавистна. Мужчины были нестерпимо вылощены, выгужены, напомажены. Все женщины, сколько их тут ни было, — блондинки в черных туалетах, элегантные, накрашенные, беспечно-равнодушные.

Неожиданно у Кристин закружилась голова. Выдержка начала ей изменять. Она всегда держала себя естественно и просто. Но в последнее время нервы ее были слишком взвинчены. И, сидя в ресторане, она вдруг остро почувствовала несоответствие между ее новым мехом и дешевым платьем. Почувствовала на себе взгляды других женщин. Она понимала, что она здесь так же неуместна, как ромашка среди орхидей.

— Что с тобой? — спросил вдруг Эндрю. — Разве тебе здесь не нравится?

— Ну конечно нравится, — возразила она, тщетно пытаясь улыбнуться. Но губы ее не слушались. Она с трудом, не ощущая никакого вкуса, жевала куски цыпленка, лежавшего перед ней на тарелке.

— Ты совсем меня не слушаешь! — возмущенно пробормотал Эндрю. — И ты даже не дотронулась до вина. Черт возьми, когда человек идет куда-нибудь со своей женой...

— Нельзя ли мне немного воды? — попросила она шепотом.

Ей хотелось громко заплакать. Нет, здесь ей не место. Волосы у нее не выкрашены перекисью водорода, лицо не нарумянено, — неудивительно, что даже лакеи глазают на нее. Нервным движением она подняла палочку спаржи. Но головка сломалась и упала, забрызгав соусом новый мех.

Металлическая блондинка за соседним столом с насмешливой улыбкой повернулась к своему кавалеру. Эндрю заметил эту улыбку. Он перестал делать вид, что ему весело. Они закончили есть в мрачном молчании.

Еще более мрачным было возвращение домой. Эндрю скоро уехал к больным. Они с Кристин еще больше отошли друг от друга. Сердце у Кристин болело невыносимо. Она начинала терять веру в себя, сомневаться, подходящая ли она жена для Эндрю. В эту ночь она обвила руками его шею и целовала его, снова благодарила за мех и за завтрак в «Плазе».

— Рад, что он доставил тебе удовольствие, — сказал Эндрю ровным голосом и ушел к себе в спальню.

XII

Вскоре произошло событие, отвлекшее внимание Эндрю от домашних неурядиц. Он наткнулся в «Трибьюн» на сообщение о том, что мистер Ричард Стиллман, известный американский врач из Портленда, штат Орегон, прибыл на «Империале» и остановился в отеле «Брукс».

В былые времена он бы взволнованно бросился к Кристин с газетой в руках: «Смотри, Крис, Ричард Стиллман приехал! Помнишь, я с ним переписывался много месяцев. Интересно, навестит ли он меня. Честное слово, мне бы очень хотелось с ним увидеться».

Теперь же он отвык делиться всем с Кристин. И спокойно сидел с газетой, размышляя, довольный, что встретится со Стиллманом уже не младшим страховым врачом, а консульгантом с Уэлбек-стрит. Он напечатал на машинке письмо, в котором напоминал о себе американцу и приглашал его позавтракать с ним в «Плазе» в среду.

На другое утро Стиллман позвонил ему по телефону. У него был приветливый, бодрый голос.

— Рад, что могу с вами поговорить, доктор Мэнсон. Очень приятно будет завтракать вместе с вами, но давайте не в «Плазе». Я уже успел это место возненавидеть. Почему бы вам не приехать сюда и не позавтракать со мной?

Эндрю застал Стиллмана в его гостиной, в тихом и аристократическом отеле «Брукс», посрамившем шумный отель «Плаза». День был жаркий, утро у Эндрю выдалось хлопотливое, и при первом взгляде на американца он почти

пожалел о том, что приехал. Американец был человек лет пятидесяти, низенький, худощавый и легкий, с непропорционально большой головой. Цвет лица у него был, как у ребенка, бело-розовый, светлые волосы редки и причесаны на пробор. Только увидев его глаза, неподвижные, точно стеклянные, бледно-голубые, Эндрю угадал, почти ощутил огромную силу, скрытую под незначительной внешностью этого человека.

— Надеюсь, вы ничего не имеете против того, что я пригласил вас сюда, — сказал Ричард Стиллман спокойным тоном человека, к которому всегда охотно приходит множество людей. — Я знаю, здесь у вас принято думать, что американцы любят отель «Плаза». — Он улыбнулся тепло и просто. — Но туда приезжает все публика вшивая. — Он помолчал. — Да, теперь, при личном свидании, я хочу от души поздравить вас с вашей замечательной статьей по поводу дыхания пыли. Вы не в претензии на мое замечание относительно серицита? А чем вы заняты теперь?

Они спустились вниз, в ресторан, где старший из множества официантов бросился принимать заказ Стиллмана.

— Вы что закажете? Я — апельсиновый сок, — сказал Стиллман сразу, не поглядев на длинное меню, написанное по-французски. — И две бараньи котлеты с горошком. Потом кофе.

Эндрю в свою очередь дал указания официанту и со все возрастающим почтением обратился к Стиллману. Находясь в обществе Стиллмана, нельзя было не почувствовать властного обаяния его личности. История его жизни, в общих чертах известная Эндрю, была единственной в своем роде.

Ричард Стиллман происходил из старого массачусетского рода, представители которого в течение многих поколений были юристами в Бостоне. Но молодой Ричард, вопреки фамильной традиции, возымел сильное желание заняться медициной и в восемнадцать лет убедил наконец отца

отпустить его учиться в Гарвард. Два года он пробыл на медицинском факультете, но вдруг скоростижно скончался его отец, оставив Ричарда, его мать и единственную сестру в неожиданно бедственном положении.

Надо было искать какой-нибудь способ прокормить семью, и старый Джон Стиллман, дед Ричарда, настоял, чтобы внук бросил медицинский факультет и пошел по традиционному пути Стиллманов. Все доводы были тщетны — старик оставался неумолим, и пришлось Ричарду вместо диплома врача, о котором он мечтал, получить после трех утомительно скучных лет учения диплом юриста. Затем в 1906 году он начал работать в Бостоне и работал там четыре года.

Но профессия юриста была ему не по душе. С первых лет студенчества он увлекался бактериологией, в особенности микробиологией, и в мансарде их дома в Бикон-Хилле устроил себе маленькую лабораторию, взял в помощники своего клерка и всякую свободную минуту посвящал своей страсти. Лаборатория на чердаке, собственно, была началом знаменитого Института Стиллмана. Ричард не был любителем. Он обнаружил не только величайшие технические способности, но и оригинальность мысли, почти граничившую с гениальностью. И когда зимой 1908 года сестра его Мэри, к которой он был привязан, умерла от скоротечной чахотки, он сосредоточил все свои силы на борьбе с бациллой туберкулеза. Он заинтересовался старыми исследованиями Пьера Луи и его американского ученика Джеймса Джексона-младшего. Ознакомившись с работой по вопросу о выслушивании больных, которой посвятил всю жизнь Лаэннек, он пришел к физиологическому исследованию легких. Изобрел новый тип стетоскопа. Имея в своем распоряжении очень ограниченную аппаратуру, он предпринял первые попытки получения сыворотки крови.

В 1910 году, когда умер старый Джон Стиллман, Ричард уже добился исцеления морских свинок от туберкулеза. Результаты этих двух событий не замедлили сказаться. Мать

Стиллмана всегда сочувствовала его увлечению научной работой. Теперь ему не понадобилось много настойчивости, чтобы выйти из сословия юристов и на деньги, полученные в наследство от старика, купить вблизи Портленда, в Орегоне, ферму, где он сразу же весь отдался настоящему делу — делу своей жизни.

Так много ценных лет было уже потеряно, что он не хотел теперь терять еще время на получение медицинского диплома. Он стремился идти вперед, видеть плоды своей работы. Скоро он приготовил лошадиную сыворотку, его коровья вакцина дала успешные результаты при массовой иммунизации стада джерсейских коров. В то же время он использовал важные наблюдения Гельмгольца и Уилларда Гиббса и физиков последующих поколений, как, например, Бисайона и Зинкса, для лечения пораженных легких путем прекращения их деятельности. Отсюда он перешел непосредственно к терапии.

Опыты лечения в новом институте скоро принесли ему громадную славу, бóльшие триумфы, чем лабораторные победы. Его пациентами стали многие чахоточные, лечившиеся амбулаторным путем, скитавшиеся из одной больницы в другую и признанные безнадежными. Успехи, достигнутые в этих случаях Стиллманом, немедленно вызвали решительную вражду к нему врачей-профессионалов, пренебрежительные отзывы и всякие обвинения.

Теперь началась иная и более длительная борьба — борьба за признание его работы. Он истратил все, что имел, до последнего доллара, на устройство своего института, а содержать его стоило очень дорого. Стиллман презирал рекламу и противился всяким уговорам поставить свое учреждение на коммерческую ногу. Часто казалось, что материальные затруднения и злоба противников его непременно потопят. Но Стиллман с великолепным мужеством переживал каждый кризис — даже кампанию, затеянную против него крупной газетой.

Период клеветы и гонений остался позади, буря полемики утихла. Мало-помалу Стиллман добился того, что все его противники неохотно признали его. В 1925 году комиссия из Вашингтона посетила институт и дала восторженный отзыв о его работе. Стиллман начал получать крупные пожертвования от частных лиц, от трестов и даже от общественных организаций. Эти вклады он использовал на расширение и улучшение своего института. И институт, с его прекрасным оборудованием и местоположением, стадами джерсейских коров и чистокровных ирландских лошадей, от которых брали сыворотку, стал достопримечательностью штата. Хотя у Стиллмана еще имелись враги — так, например, в 1929 году происки уволенного им лаборанта создали новый громкий скандал, — но он по крайней мере обеспечил себе некоторую неприкосновенность, дававшую ему возможность продолжать дело своей жизни. Успех его не испортил, он оставался все тем же спокойным, сдержанным человеком, который почти двадцать пять лет тому назад разводил первые культуры на чердаке дома в Бикон-Хилле.

А сейчас, сидя в ресторане отеля «Брукс», он смотрел через стол на Эндрю со спокойным дружелюбием.

— Очень приятно, — сказал он, — очутиться в Англии. Мне нравится ваша страна. У нас летом не так прохладно, как здесь.

— Вы, вероятно, приехали читать лекции? — спросил Эндрю.

— Нет, — усмехнулся Стиллман. — Я больше не читаю лекций. Не знаю, покажется ли вам это тщеславием, если я скажу, что результаты моей работы говорят сами за себя? Как бы там ни было, я приехал сюда не для лекций. Вышло так, что ваш мистер Кренстон — я имею в виду Герберта Кренстона, который выпускает такие прелестные маленькие автомобили, — примерно год назад приехал ко мне в Америку. Он всю жизнь был мучеником астмы, и мне... нам в институте удалось его вылечить. С тех пор он все время приставал ко мне, чтобы я приехал в Англию и открыл здесь

маленькую клинику, наподобие нашей портлендской. И полгода назад я дал согласие. Мы разработали план, и сейчас эта клиника — мы ее назвали «Бельвью» — уже почти закончена. Она — в районе Чилтернских холмов, вблизи Хай-Уикома. Я должен ее открыть, затем передам ее Марленду — одному из моих ассистентов. Откровенно говоря, я смотрю на это как на эксперимент, очень многообещающий опыт применения моих методов в новых климатических условиях. Финансовая сторона меня не интересует.

Эндрю наклонился вперед:

— Все это очень интересно. Я бы хотел осмотреть вашу клинику.

— Вы приезжайте, когда у нас все будет готово. У нас будет проводиться радикальное лечение астмы. Этого хочет Кренстон. Кроме того, я сделал своей специальностью несколько форм первичного туберкулеза. Я говорю — несколько, — он улыбнулся, — видите ли, я не забываю, что я, в сущности, только биофизик, мало знакомый с дыхательной системой. Да, так насчет ранних форм туберкулеза. Это вам будет интересно. Я применяю новый метод пневмоторакса. Это подлинное достижение.

— Вы говорите о способе Эмиля-Вейля?

— Нет-нет. Мой гораздо лучше. — Лицо Стиллмана просветлело. — Вы знаете, как неудобны аппараты с неподвижной бутылкой в тот момент, когда внутривенное давление уравнивает давление жидкости и совершенно прекращается выход газа. Так вот, у нас в институте мы устроили камеру добавочного давления — я вам ее покажу, когда вы приедете в Америку, — через которую мы можем вводить газ при определенном отрицательном давлении сразу же, с самого начала.

— Но как насчет прибавления газа? — спросил Эндрю быстро.

— Мы полностью устраняем риск. Вот слушайте. Это замечательно ловко придумано. Вводя маленький бромформовый манометр у самой иглы, мы устраняем разрежение.

Колебание в минус четырнадцать сантиметров дает только один кубический сантиметр газа у острия иглы. Наша игла имеет четырехходовое приспособление, которое действует лучше, чем зангмановское.

Эндрю был увлечен против воли.

— Вот оно что! Так вы хотите свести к нулю действие на плевру. Знаете, мистер Стиллман... мне странно, меня просто поражает, что все это исходит именно от вас. О, простите меня, я не так выразился, но вы поймете, что я хочу сказать. Столько врачей, работая старым способом...

— Милый мой доктор, — ответил Стиллман с веселым огоньком в глазах, — не забывайте, что Карсон, первый человек, отстаивавший пневмоторакс, был только физиологом, писавшим популярные очерки.

Затем они погрузились в обсуждение технических подробностей, и это продолжалось до тех пор, пока Стиллман не посмотрел на часы и не воскликнул, что он уже на полчаса опоздал на свидание с Кренстоном.

Эндрю ушел из отеля «Брукс» возбужденный, заряженный энергией. Но вслед за этим пришла непонятная реакция, смутнение, недовольство своей работой. «Я поддался влиянию этого человека», — говорил он себе с раздражением.

На Чесборо-террас он вернулся в не слишком приятном настроении, но, когда подъехал к дому, сделал спокойное лицо. Новые отношения с Кристин требовали этой маски безразличия, так как у нее теперь всегда было такое покорное и замкнутое выражение лица, что Эндрю, как бы он ни кипел внутренне, чувствовал себя вынужденным отвечать тем же.

Казалось, Кристин ушла в себя, живет какой-то своей внутренней жизнью, в которую ему нет доступа. Она много читала, писала письма. Раза два он, входя, заставал ее играющей с Флорри в какую-то детскую игру цветными фишками. Она начала довольно часто ходить в церковь. И это больше всего злило Эндрю.

В Блэнелли она каждое воскресенье ходила с миссис Уоткинс в приходскую церковь, но тогда это его не возмущало. Теперь же, враждебный, чужой ей, он видел в этом только лишнее доказательство пренебрежения к нему, не набожность, но жест, направленный против него.

В этот вечер он, войдя в гостиную, застал ее одну. В очагах, которые она недавно стала носить, Кристин сидела, опершись локтями о стол, над лежавшей перед ней книгой, погруженная в чтение, маленькая, похожая на школьницу за уроками. Злое, ревнивое чувство охватило Эндрю. Наклонясь через ее плечо, он схватил книгу, которую она слишком поздно пыталась спрятать от него. На первой странице Эндрю прочел: «Евангелие от Луки».

— О господи! — Он был поражен, даже взбешен. — Вот до чего ты уже дошла? Библией увлекаешься?

— А почему бы и нет? Еще до знакомства с тобой я часто ее читала.

— Вот как?

— Да. — Странное выражение муки было в глазах Кристины. — Наверное, твои друзья из «Плазы» не одобрили бы этого. Но это во всяком случае хорошая литература.

— Знаешь, что я тебе скажу: ты превращаешься в настоящую психопатку.

— Возможно. Это, конечно, тоже всецело моя вина? Но разреши сказать тебе, что лучше быть психопаткой, но сохранить живую душу, чем быть карьеристом и дойти до духовной смерти! — Она вдруг резко оборвала, закусив губу, борясь со слезами. С большим усилием овладела собой. И, пристально глядя на него, все с той же мукой в глазах, произнесла тихим сдавленным голосом: — Эндрю! Как ты думаешь, не лучше ли будет для нас обоих, если я на время уеду? Миссис Вон меня приглашает погостить у нее две-три недели. Они сняли на лето дом в Ньюквее. Не находишь ли ты, что мне следует съездить к ней?

— Да! Поезжай! Будь оно все проклято! Поезжай! — Он круто повернулся и вышел.

XIII

Отъезд Кристин в Ньюквей принес Эндрю облегчение, чудесное чувство свободы. На целых три дня. Потом он начал томиться, размышлять, что она делает и скучает ли по нему, начал ревниво беспокоиться, когда же она приедет. Хотя он твердил себе, что теперь он свободный человек, у него появилось точно такое ощущение пустоты, какое мешало ему работать в Эберло, когда Кристин уехала в Бридлингтон, а он остался, чтобы готовиться к экзаменам.

Образ ее вставал перед ним, но то было уже не юное свежее лицо прежней Кристин, а лицо бледное, более зрелое, с немного втянутыми щеками и близорукими глазами за круглыми стеклами очков. Оно не было красиво, это лицо, но в нем было что-то, не дававшее ему покоя.

Он много бывал в обществе, играл в бридж в клубе с Айвори, Фредди и Фридманом. Несмотря на осадок, который остался у него в душе после первой их встречи, он часто виделся со Стиллманом, который постоянно ездил из отеля в почти отстроенную клинику в Уикоме и обратно. Эндрю написал Денни, приглашая его приехать в Лондон, но Филип, только что вступивший в должность, не мог уехать. Хоуп был в Кембридже и недосыгаем.

Эндрю лихорадочно пытался сосредоточиться на клинических исследованиях, которые проводил в больнице. Но ничего не выходило. Он слишком нервничал. С тем же беспокойным усердием занялся своими денежными делами с директором банка Уэйдом. Все было прекрасно, все

в порядке. У него возникла мысль о покупке дома на Уэлбек-стрит — очень выгодное помещение денег — и продаже дома на Чесборо-террас, причем амбулаторию он хотел оставить себе. Он просыпался в тихие жаркие ночи, в голове у него бурлили планы, мысли о практике, нервы были взвинчены, ему не доставало Кристин, но ее не было, — и рука его машинально тянулась к ночному столику за сигаретами.

В разгаре этих настроений он позвонил Франсиз Лоренс.

— Я остался совсем один. Не хотите ли прокатиться куда-нибудь вечером? В городе так жарко.

Голос Франсиз звучал хладнокровно и как-то успокоил его:

— Это было бы ужасно мило. Я чувствовала, что вы позвоните. Вам знаком Кроссвейс? Совершенно елизаветинский стиль. И река там великолепна.

На следующий день он в течение трех четвертей часа успел принять всех больных. Задолго до восьми заехал за Франсиз в Найтсбридж, и они помчались по дороге в Чертси.

Они ехали на запад мимо ровной ленты огородов, а впереди потопом разливался закат. Франсиз сидела рядом с Эндрю, говорила мало, но заполняла все холодным очарованием своего присутствия... Она была в костюме из какой-то тонкой светло-коричневой материи, темная шапочка гладко охватывала маленькую голову. Эндрю был весь под впечатлением ее грации, изумительного лоска, отличавшего ее. Лежавшая близко от него рука без перчатки была так бела, так тонка. Каждый тонкий палец венчался безукоризненной алой миндалиной ногтя.

Кроссвейс, как и говорила Франсиз, представлял собой замечательный елизаветинский дом, стоявший у Темзы, среди прекрасных садов с подстриженными деревьями и очаровательно старомодными прудами, на которых плавали водяные лилии. Так как этот особняк превратили в место увеселений, то все здесь было осквернено современными

удобствами и позорным джаз-бандом. Когда Эндрю и Франсиз въехали во двор, уже загроможенный нарядными автомобилями, к ним подскочил ловкий лакей. Древние камни пылали под вьющимся виноградом, а высокие трубы четко вырисовывались на фоне неба.

Они прошли в ресторан. Ресторан был наряден, полон публики, столики расставлены по краям свободного квадрата полированного паркета, а старший официант мог бы сойти за родного брата великого визиря из «Плазы». Эндрю до сих пор не выносил и побаивался старших официантов. Но это потому, что он никогда еще не являлся в ресторан с такой дамой, как Франсиз. Один быстрый взгляд — и их проводили с поклоном к лучшему столику в зале, их окружила целая армия официантов, один развернул салфетку Эндрю и благоговейно разостлал ее у него на коленях.

Франсиз заказала очень немного: салат, гренки Мельба, вместо вина только воду со льдом. Старший официант ничуть не смутился, как будто в этой умеренности он увидел доказательство ее принадлежности к касте избранных. Эндрю с внезапным тошнотворным ощущением испуга подумал, что, приди он в это святилище с Кристин и закажи такой банальный ужин, его бы с презрением выгнали вон.

Он опомнился, заметив, что Франсиз с улыбкой смотрит на него:

- А ведь мы с вами уже очень давно знакомы, и сегодня вы в первый раз пригласили меня на прогулку.
- Вы об этом жалеете?
- Надеюсь, я не дала вам повода так думать.

Снова чарующая интимность ее легкой улыбки взволновала его. Он казался остроумнее, непринужденнее, значительнее. Это была не претенциозность, не глупый снобизм. Каким-то неведомым путем аристократизм Франсиз распространился и на него. Он сознавал, что люди за соседними столами с интересом поглядывают на них. Мужчины гля-

дели на Франсиз с восхищением, которого она спокойно не замечала. Эндрю невольно подумал о том, какой волнующей радостью было бы для него постоянное общение с ней.

— А что, — начала она, — вы были бы очень польщены, если бы я вам сказала, что ради прогулки с вами отказалась от ранее полученного приглашения в театр? Никол Уотсон — помните его? — звал меня на балет, один из моих любимых балетов — что вы скажете о моих детских вкусах? — это «Лавка чудес» с участием Массина.

— Я помню Уотсона и его рассказ об экспедиции в Парагвай. Дельный малый.

— Он удивительно мил.

— Но вы боялись, что в театре будет слишком душно?

Она улыбнулась, не отвечая, взяла сигарету из плоской эмалированной коробочки, на которой бледными красками была нарисована прелестная миниатюра Буше.

— Да, я слышал, что Уотсон за вами ухаживает, — настаивал Эндрю с внезапной горячностью. — А что же думает об этом ваш муж?

Она и на этот раз промолчала, только подняла одну бровь, словно желая мягко предупредить следующее неделикатное замечание. Через минуту она сказала:

— Вы, конечно, понимаете... Джеки и я — лучшие друзья. Но каждый из нас имеет своих *собственных* друзей. Он сейчас в Жуэне. И я у него не спрашиваю зачем... Потанцуем с вами разок? — прибавила она небрежно.

Они танцевали. Франсиз двигалась все с той же обворожительной грацией, такая легкая в его объятиях, такая бесстрастная.

— Я не очень-то ловок, — сказал Эндрю, когда они сели на место.

Он уже усваивал ее лексикон. Прошли те дни, когда он говорил ворчливо: «Черт возьми, Крис, я не мастер прыгать!»

Франсиз не отвечала. Это тоже было характерной ее особенностью. Другая женщина сделала бы ему комплимент, возразила бы или дала почувствовать его неуклюжесть. И, движимый внезапным порывом любопытства, он воскликнул:

— Пожалуйста, ответьте мне на один вопрос! Почему вы так добры ко мне? Почему так много помогли мне все это время?

Она посмотрела на него с таким видом, точно этот вопрос ее немного позабыл, но не уклонилась от ответа.

— В вас есть что-то, что очень привлекает женщин. И главное ваше очарование в том, что вы этого не сознаете.

— Нет, серьезно... — запротестовал он, краснея. Затем пробормотал невнятно: — Нет, это просто потому, что я ведь, как-никак, врач.

Она засмеялась, медленно отгоняя рукой дым сигареты:

— Вас не убедишь. И пожалуй, не стоило говорить вам этого. Ну конечно, вы отличный врач. Мы только недавно говорили об этом на Грин-стрит. Ле-Рою уже начинает надоедать наша компания врачей-диетологов. Бедный Румбольд! Ему неприятно было бы услышать, как Ле-Рой лаял: «Пора выставить нашего старикашку». Но Джеки с ним согласен. Они хотят иметь в правлении врача помоложе, поэнергичнее... как это говорится? — «восходящее светило». Они, кажется, затевают большую кампанию в медицинских журналах, хотят заинтересовать врачей нашими продуктами с научной точки зрения, так выразился Ле-Рой. А, разумеется, Румбольд — только предмет шуток среди своих коллег. Но к чему я говорю обо всем этом? Терять время на эту прозу в такой вечер, как сегодня! Ну-ну, не хмурьтесь так свирепо, точно вы собираетесь убить меня, или официанта, или руководителя оркестра... а его бы следовало убить, он противный, правда? Вы сейчас точно такой, как тогда, в первый день, когда вошли в примерочную: надменный, нервный

и даже чуточку смешной. Бедная Топпи! Собственно, не мне, а ей полагалось бы быть здесь с вами.

— Я очень рад, что ее нет, — сказал он, не поднимая глаз от стола.

— Пожалуйста, не считайте меня банальной. Мне это было бы нестерпимо. Надеюсь, мы достаточно интеллигентны, и мы... во всяком случае... не верим в великую страсть. Этим все сказано, не так ли? Но я нахожу, что жить гораздо веселее, если имеешь... друга, с которым можно пройти вместе кусочек пути. — В глазах Франсиз снова засверкали огоньки смеха. — Ну вот, я заговорила совершенно языком Россетти. Нет, это слишком ужасно! — Она потянулась за своим портсигаром. — К тому же здесь душно, и я хочу поглядеть на луну над рекой.

Эндрю расплатился и вышел за ней через высокие стеклянные двери, варварски пробитые в красивой старой стене. На террасу слабо доносилась танцевальная музыка. Перед их глазами расстилалась просторная зеленая лужайка, спускавшаяся к реке между темными рядами подстриженных тисов. Франсиз была права: над Темзой уже взошла луна, ее бледное мерцание переливалось на щитах для стрельбы, стоявших на нижних площадках, от тисов брызнули длинные черные тени. А дальше, за лужайкой, лежала серебряная гладь реки.

Они спустились к берегу, сели на скамью, стоявшую у самой воды. Франсиз сняла шляпу и молча глядела на медленно текущую реку, вечный ропот которой сливался с глухим гудением автомобилей, проезжавших где-то вдалеке.

— Как странно слышать эти ночные звуки, — сказала она. — Старое и новое. Луна и прожекторы. Это наш век.

Он поцеловал ее. Она не шевельнулась. Ее губы были теплы и сухи. Через минуту она сказала:

— Это было очень приятно. И очень неумело.

— Я умею и лучше, — пробормотал он, глядя прямо перед собой и не двигаясь.

Он был неловок, пристыжен, нервен. Он сердито говорил себе, что чудесно в такую ночь быть здесь с красивой, обаятельной женщиной. Согласно всем канонам лунного света и романов, ему следовало бешено сжать ее в своих объятиях. А он чувствовал только, что ему неудобно сидеть в такой скрюченной позе, что хочется курить, что укус, которым был приправлен салат, растревожил его большой желудок.

А в воде, на которую он смотрел, чудилось ему лицо Кристин, исхудалое, полное тревоги, с грязным пятном на щеке от кисти, которой она красила дверь, когда они только что переехали на Чесборо-террас. Лицо это волновало его, вызывало ожесточение. Он связан силой обстоятельств. Но ведь он мужчина, не так ли, а не какой-нибудь кандидат на лечение у Воронова¹. И с чувством, похожим на вызов, он снова поцеловал Франсиз.

— А я думала, вам понадобится по крайней мере еще год, чтобы решиться на это. — В глазах Франсиз был все тот же ласковый смех. — Ну а теперь не думаете ли вы, что нам пора возвращаться, доктор? Ночной воздух, пожалуй, несколько опасен для пуританской души.

Он помог ей встать, а она удержала его руку и слегка опиралась на нее, пока шла к автомобилю. Эндрю направил машину по дороге в Лондон. В красноречивом молчании Франсиз было счастье.

Но Эндрю не чувствовал себя счастливым. Он казался себе презренным глупцом, ненавидел себя и, разочарованный испытанными ощущениями, в то же время боялся возвращения в свою душную комнату, боялся одинокой постели, в которой не находил покоя. В сердце его был холод, в мозгу кипели ранящие мысли. Перед ним вставали воспоминания о мучительном блаженстве его первой любви

¹ Известный парижский врач, специалист по омолаживанию путем пересадки желез.

к Кристин, всепобеждающем упоении первых дней в Блэнелли. Но он яростно отгонял их.

Они были уже у дома Франсиз, а в душе его все еще шла борьба. Он вышел из автомобиля и открыл дверцу, помогая Франсиз выйти. Оба стояли на мостовой, пока она вынимала ключ из сумочки:

— Вы зайдете, да? Боюсь, слуги все уже спят.

Он колебался. Пробормотал, запинаясь:

— Уже очень поздно, кажется...

Франсиз словно не слышала его и с ключом в руке поднялась по каменным ступеням. Он покорно шел за ней, а перед глазами его мелькнуло и рассеялось видение — фигура Кристин, идущей по рынку со своей старой плетеной корзиной в руке.

XIV

Три дня спустя Эндрю сидел в своем кабинете на Уэлбек-стрит. День был жаркий, и сквозь штору открытого окна проникал докучливый шум уличного движения. Эндрю слушал, он был переутомлен, его страшило возвращение Кристины в конце недели, он и ждал, и боялся каждого телефонного звонка, устал оттого, что за час принял шестерых «трехгинеинных» пациентов, и от мысли, что надо поскорее закончить прием, чтобы повезти Франсиз куда-нибудь ужинать. Он нетерпеливо поднял глаза, когда вошла сестра Шарп с еще более кислым, чем всегда, выражением на некрасивом лице.

— Вас хочет видеть какой-то мужчина, ужасный субъект. Он не больной и говорит, что не коммивояжер. Визитной карточки у него нет. Его фамилия Боленд.

— Боленд? — повторил рассеянно Эндрю. И вдруг лицо его просветлело. — Уж не Кон ли Боленд? Впустите его, сестра. Скорее!

— Но вас дожидается пациент. А через десять минут придет миссис Робертс.

— Ну и пускай приходит! — бросил он с раздражением. — Делайте то, что я сказал!

Шарп вспыхнула от его тона. У нее просился на язык ответ, что она не привыкла, чтобы с нею так разговаривали. Она фыркнула и вышла с высоко поднятой головой. Через минуту онапустила Боленда.

— О, Кон! — сказал Эндрю, вскакивая с места.

— Привет, привет, привет! — прокричал Кон, прыгнув вперед с широкой, веселой улыбкой. Это был рыжий дантист собственной персоной, ничуть не изменившийся, такой же неряшливый в своем слишком широком лоснящемся синем костюме и расхлябанных коричневых башмаках, как будто он только что вышел из своего деревянного гаража, может быть чуточку постаревший, но такой же бурный, некротимый, взлохмаченный, сыпавший восклицаниями. Он крепко ударил Эндрю по плечу. — Ей-богу, Мэнсон, страшно приятно увидеть вас опять! Выглядите вы замечательно, замечательно! Я бы вас узнал среди миллиона людей. Да-да, подумать только! А шикарно вы тут устроились! — Он, сияя, посмотрел на кислую Шарп, которая презрительно наблюдала за ним. — Эта леди не хотела меня пускать, пока я не сказал ей, что я тоже причастен к медицине. Святая правда, сестрица! Этот франт, у которого вы служите, не так давно работал в том же жалком Обществе медицинской помощи, где и я. В Эберло. Если когда-нибудь очититесь проездом в наших местах, загляните к нам, и мы вас угостим чашкой чая. Всякий друг моего старого друга Мэнсона для нас желанный гость!

Шарп только посмотрела на него и вышла из кабинета. Но на Кона это не произвело никакого впечатления. Он продолжал сыпать словами, захлебываясь чистой и простодушной радостью. Когда Шарп вышла, он, повернувшись к Эндрю, воскликнул:

— Красавицей ее назвать нельзя, Мэнсон, дружище! Но приличная женщина, головой ручаюсь. Ну-ну, как же вы поживаете? Как поживаете?

Он не выпускал руки Эндрю, тряс ее и весь расплывался в улыбке.

Эндрю очень обрадовало появление Боленда в этот гнетущий день. Освободившись наконец из объятий Кона, он бросился в кресло, чувствуя, что снова становится человеком. Он пододвинул Кону сигареты, и тот, сунув большой

палец одной руки под мышку, а другой сжимая зажженную сигарету, изложил причину своего приезда.

— Мне полагался небольшой отпуск, Мэнсон, и, кроме того, у меня кое-какие дела тут, так что жена велела мне собираться и ехать. Видите ли, я работал над изобретением пружины для закрепления ослабевших тормозов. Трудился над этим все ночи напролет. Но черт бы их побрал, никто не хотел и взглянуть на мое изобретение! Ну да ничего, мы его продвинем. Однако это дело не такое важное, как второе. — Кон стряхнул пепел на ковер, и лицо его приняло серьезное выражение. — Слушайте, Мэнсон: тут речь идет о Мэри. Вы, наверное, помните Мэри, потому что, должен вам сказать, она не забывает вас. Она очень плохо себя чувствует в последнее время, совсем неважно. Мы ее водили к Луэллину, но ни черта не вышло, ничем он ей не помог. — Кон вдруг разгорячился, заговорил хриплым голосом. — Представьте себе, Мэнсон, он имел нахальство заявить, что у нее начальная стадия туберкулеза, как будто бы с этим не покончено раз и навсегда в нашей семье с тех пор, как мой дядя Дэн пятнадцать лет тому назад уехал в санаторий. Теперь слушайте, Мэнсон, хотите вы сделать что-нибудь во имя нашей старой дружбы? Мы слыхали, что вы стали большим человеком, ведь в Эберло только и говорят о вас. Не осмотрите ли вы Мэри? Вы не можете себе представить, как эта девочка в вас верит, мы и сами верим — миссис Боленд и я. Ну вот, она мне и говорит: «Сходи к доктору Мэнсону, если его разыщешь. И если он согласен осмотреть нашу девочку, мы ее отправим в Лондон в любое время, когда ему удобно». Ну что же, Мэнсон? Если вы слишком заняты, вам стоит только сказать, и я могу убраться восвояси.

На лице Эндрю выразилось огорчение.

— Не говорите таких вещей, Кон. Разве вы не видите, как я вам рад? И Мэри... бедная девочка... вы знаете, что я сделаю для нее все, все, что смогу.

Не замечая многозначительных появлений в кабинете сестры Шарп, он тратил драгоценное время на разговор с Коном, пока она наконец не выдержала.

— Вас ждут уже пять пациентов, доктор Мэнсон. И вы больше чем на час задержали всех, кому назначено определенное время. Я больше не могу придумывать предлоги, и я не привыкла так обращаться с пациентами.

Даже и после этого Эндрю никак не мог расстаться с Коном и проводил его до двери на улицу, навязывая ему свое гостеприимство.

— Я не намерен вас так скоро отпустить домой, Кон. На сколько времени вы приехали? Три-четыре дня? Отлично. А где вы остановились? В «Вестленде»? Почему бы вам не перебраться ко мне, это же близко. И у нас места сколько угодно. В пятницу вернется Кристин. Она вам будет очень рада, Кон, очень. И мы поболтаем втроем о старых временах.

На другой день Кон со своим мешком перебрался на Чесборо-террас. После вечернего приема они с Эндрю отправились в мюзик-холл. В обществе Кона все доставляло удовольствие. Он охотно смеялся, и смех его сперва отпугивал, а потом заражал соседей. Люди оборачивались и сочувственно улыбались Кону.

— О господи! — Кон ерзал на месте. — Заметили этого парня? С велосипедом!

Во время антракта они стояли в буфете, Кон — сдвинув шляпу на затылок, с пеной на усах, широко расставив ноги в коричневых башмаках.

— Не могу вам передать, какое удовольствие вы мне доставили, Мэнсон! Вы — сама любезность!

Простодушная благодарность Кона заставила Эндрю почувствовать себя грязным лицемером.

Потом они ели бифштекс и пили пиво в «Кадеро». Возвращаясь домой, развели огонь в камине и уселись беседовать. Они говорили и курили и опять пили пиво, бутылку

за бутылкой. Эндрю забыл на время обо всех сложностях своего существования. Нервное напряжение, которого требовала его большая практика, перспективы работы в предприятии Ле-Роя, надежды на выдвижение в больнице Виктории, состояние его вкладов, нежное тело Франсиз Лоренс, страх перед обвиняющим взглядом Кристин — все, все потеряло остроту, отошло на задний план, когда Кон выкрикивал:

— А помните, как мы воевали с Луэллином? Уркхарт и остальные пошли против нас — Уркхарт все тот же и шлет вам привет, — и тогда мы с вами засели вдвоем и выпили все пиво.

Но прошел еще день, и неумолимо приблизился момент встречи с Кристин. Эндрю потащил ничего не подозревавшего Кона в конец перрона, внутренне злясь на то, что недостаточно владеет собой, и видя в Боленде свое спасение. Сердце его билось от болезненного нетерпения, когда поезд подошел к станции. Он пережил потрясающую минуту испуга и раскаяния при виде знакомого худого лица среди толпы чужих, с жадным ожиданием обращенного к нему. Затем все заслонило усилием изобразить сердечность.

— Привет, Крис! Мне уже казалось, что ты никогда не вернешься. Да-да, посмотри на него. Это Кон, и никто другой! И ни на один день не постарел. Он гостит у нас, Крис. Мы тебе все расскажем по дороге. Автомобиль мой на улице. Ну, хорошо провела время? Ох, что же это я! Зачем ты сама тащишь свой чемодан!

Взволнованная неожиданностью этой встречи на вокзале (а она боялась, что ее никто не встретит), Кристин не казалась уже такой измученной, и нервный румянец залил ей щеки. Она тоже страшилась встречи с Эндрю, была взвинчена, жаждала нового примирения. Теперь в ней ожили надежды. Сидя в автомобиле рядом с Коном, она оживленно болтала, украдкой поглядывая на профиль Эндрю, сидевшего впереди.

— Как хорошо очутиться дома! — сказала она, войдя в комнату, и глубоко вдохнула. Затем спросила торопливо и жадно: — А ты скучал по мне, Эндрю?

— Еще бы! Все мы скучали. Правда, миссис Беннет? Правда, Флорри? Кон! Какого черта вы там застряли с багажом?

Он выбежал из комнаты под предлогом помочь Кону, затеял ненужную суету с чемоданами. Потом, прежде чем что-нибудь еще было сказано или сделано, наступило время ехать по визитам. Он настаивал, чтобы они ждали его к чаю. А очутившись в автомобиле, простонал:

— Слава богу, это позади! Она выглядит ничуть не лучше, чем прежде. О ад!.. Но я уверен, она ни о чем не догадалась. А это теперь главное.

Вернулся он поздно, но такой же неестественно веселый и суетливый. Кон был очарован:

— Господи боже мой, да в вас теперь больше жизни, чем когда-либо в прежние годы, Мэнсон, дорогой мой.

Раза два он ловил на себе взгляд Кристин, моливший о каком-нибудь знаке душевной близости. Он видел, что болезнь Мэри ее расстроила, встревожила. В разговоре выяснилось, что она просила Кона телеграфировать Мэри, чтобы она выехала завтра же, если возможно. Кристин высказала надежду, что можно будет немедленно сделать что-нибудь, вернее — все, для Мэри.

Все вышло лучше, чем ожидал Эндрю. Мэри ответила телеграммой, что приедет завтра утром, и Кристин занялась приготовлениями к ее приезду. Суета и возбуждение, царившие в доме, помогли Эндрю скрыть неискренность его веселости.

Но когда приехала Мэри, он вдруг опять стал самим собой. С первого взгляда видно было, что она нездорова. Превратившись за эти годы в высокую, худенькую, слегка сутулую двадцатилетнюю девушку, она поражала тем почти неестественно красивым цветом лица, в котором Эндрю сразу увидел грозное предостережение.

Мэри была утомлена ездой, и хотя ей хотелось посидеть и поболтать с Кристин и Эндрю, которых она была очень рада увидеть снова, ее убедили лечь в постель уже около шести. Когда она легла, Эндрю пошел наверх выслушать ее.

Он оставался наверху не больше четверти часа, и, когда потом спустился в гостиную к Кону и Кристин, лицо его выражало глубокое огорчение.

— Боюсь, тут нет никаких сомнений. Левая верхушка. Луэллин был совершенно прав, Кон. Но не тревожьтесь. У нее первая стадия. Можно кое-что сделать.

— Вы думаете... — сказал Кон уныло и испуганно. — Вы думаете, это излечимо?

— Да. Беру на себя смелость это утверждать. За ней надо постоянно наблюдать, окружить ее наилучшим уходом. — Он хмуро размышлял. — Мне кажется, Кон, что Эберло для нее самое неподходящее место, и туберкулез в первичной стадии дома всегда лечить трудно. Почему бы вам не согласиться, чтобы я устроил ее в больницу Виктории? Доктор Тарэгуд ко мне хорошо относится, и мне, несомненно, удастся поместить ее к нему в палату. А я бы за ней присматривал.

— Мэнсон! — прочувствованно воскликнул Кон. — Вот это истинная дружба! Если бы вы только знали, как эта девочка верит в вас. Если ее кто-нибудь может вылечить, так только вы!

Эндрю сразу же пошел переговорить по телефону с Тарэгудом. Он вернулся через пять минут с известием, что Мэри примут в больницу Виктории в конце недели. Кон заметно повеселел и уже со свойственным ему оптимизмом решил, что лечение в специальной больнице для легочных больных под наблюдением Эндрю и доктора Тарэгуда обещает верное выздоровление.

Два дня прошли в усиленных хлопотах. В субботу, когда Мэри была отвезена в больницу, а Кон сел на поезд в Паддингтоне, Эндрю сохранял еще самообладание, чтобы держать себя по крайней мере подобающим образом. Он еще

был способен, уходя в амбулаторию, сжать руку Кристин и беззаботно воскликнуть:

— Приятно опять очутиться вдвоем, Крис! Боже, что это была за неделя!

Это звучало совершенно естественно. Но хорошо, что он не видел лица Кристин. Оставшись одна, она сидела, опустив голову, уронив руки на колени, не шевелясь. В первый день приезда она была полна надежд. Теперь же в ней росло жуткое предчувствие. «О боже милосердный, когда же и как все это закончится?»

XV

Все выше и выше вздымался прилив его успеха, и вечно шумящий, вечно растущий поток, прорвав плотину, непреодолимо нес его вперед.

Связь его с Хэмптоном и Айвори стала еще теснее, еще выгоднее для него. Фридман, уезжая на неделю играть в гольф в Ле-Туке, предложил ему заменять его в отеле «Плаза», а доход разделить пополам. Обычно Фридмана замещал Хэмптон, но с недавнего времени Эндрю подозревал, что отношения между ними испортились.

Как льстило Эндрю сознание, что он может войти без церемоний в спальню какой-нибудь припадочной звезды экрана, сидеть на ее шелковом одеяле, ощупывать уверенными руками ее бесполое тело, выкурить иной раз сигарету в ее обществе, если у него было свободное время.

Но еще более лестно было покровительство Джозефа Ле-Роя. За последний месяц Эндрю дважды завтракал с ним. Он знал, что в голове Ле-Роя зреют важные для него планы. В их последнюю встречу Ле-Рой сказал ему испытующим тоном:

— Знаете, док, я давно к вам присматриваюсь. Я затеваю большое дело, и мне понадобится уйма дельных медицинских советов. Я больше не желаю связываться с двуличными, надутыми знаменитостями. Старый Румбольд не стоит собственных калорий, и мы намерены дать ему отставку. И вообще, мне не нужно, чтобы вокруг толпилась целая свора так называемых экспертов. Мне достаточно одного врача-

консультанта с трезвой головой, и я начинаю думать, что вы подходящий для нас человек. Видите ли, мы снабжаем нашими продуктами множество народа. Но, по правде говоря, я считаю, что пора расширить сферу нашей деятельности и придать ей научную окраску. Расщепляйте составные части молока, обрабатывайте их электричеством, светом, приготавливайте из них таблетки «Кремо» с витамином В, «Кремофакс» и летицин против малокровия, рахита, истощения, бессонницы. Вы меня понимаете, док? И затем, я полагаю, что если мы будем действовать в духе ортодоксальной медицины, то можем рассчитывать на поддержку и сочувствие всех людей вашей профессии и, так сказать, каждого врача сделать нашим комиссионером. Значит, нужна научная реклама, док, научный подход, и вот тут-то, я полагаю, молодой и ученый врач, работая в нашем предприятии, может нам быть полезен. Я хочу, чтобы вы меня поняли правильно: дело тут вполне чистое и научное. Мы в самом деле поднимаем наше производство на новую высоту. И если вспомнить ничего не стоящие экстракты, рекомендуемые врачами, например «Марробин С», и «Вегатог», и «Бонибрен», так, мне думается, мы, повышая общую норму здоровья, делаем большое общественное дело, служим нации.

Эндрю не задумывался над тем, что в одной зеленой горошине, вероятно, больше витаминов, чем в нескольких жестянках «Кремофакса». Он был взволнован мыслью не о жалованье, которое будет получать, а о доходах Ле-Роя.

Франсиз объяснила ему, как извлечь пользу из рыночных операций Ле-Роя. Приятно было заезжать к ней на чай, видеть, что у этой обворожительной и многоопытной женщины есть для него особый взгляд, беглая и дразнящая улыбка интимности! Общение с ней придало и ему опытности, уверенности в себе, отполировало его. Он незаметно для себя проникся ее философией. Под ее руководством он учился ценить внешние, поверхностные красоты жизни и пренебрегать более глубокими.

Его больше не смущала Кристин. Он теперь умел, приходя домой после того, как провел часок с Франсиз, держать себя совершенно естественно. Он не задумывался над этой поразительной переменой в себе. А если и задумывался иной раз, то лишь затем, чтобы успокоить себя, что он не любит миссис Лоренс, что Кристин ничего не знает, что в жизни каждого мужчины бывают такие затруднения. Почему он должен быть исключением?

Как бы желая загладить свою вину перед Кристин, он старался изо всех сил угодить ей, разговаривал с ней предупредительно, даже делился своими планами. Ей было известно, что он рассчитывает весной купить дом на Уэлбек-стрит и, как только все приготовления будут закончены, переехать с Чесборо-террас. Теперь она никогда с ним не спорила, не делала ему никаких упреков, и если у нее и бывало скверное настроение, Эндрю ничего не знал об этом. Она казалась спокойной и равнодушной. А для Эндрю жизнь неслась слишком быстро, не оставляя времени для размышлений. Ее темп опьянял его. Создавал обманчивое ощущение силы. Он чувствовал, что полон жизненной энергии, что становится все более видным человеком, господином своей судьбы.

И вдруг с ясного неба грянул гром.

Вечером пятого ноября в амбулаторию на Чесборо-террас пришла жена одного мелкого торговца с соседней улицы.

Миссис Видлер была маленькая, похожая на воробья женщина, немолодая, но живая и яркоглазая, коренная жительница Лондона, за всю свою жизнь ни разу не бывавшая дальше Маргейта. Эндрю хорошо знал Видлеров, он лечил их мальчика от одной из детских болезней, когда только поселился в этом квартале. В те времена он отдавал им чинить обувь, так как Видлеры, почтенные и трудолюбивые люди, имели в начале Паддингтон-стрит мастерскую из двух отделений под довольно громким названием «Обновление». В одном отделении чинили обувь, во втором — чистили

и утюжили платье. Хотя в лавке имелось двое подмастерьев, самого Гарри Видлера, плотного, бледного мужчину, часто можно было увидеть сидящим без пиджака и воротничка над зажатой между колен колодкой или за гладильной доской, если в другом отделении была спешная работа.

Вот об этом самом Гарри и пришла поговорить миссис Видлер.

— Доктор, — начала она со свойственной ей живостью, — мой муж нездоров. Он давно уже чувствует себя нехорошо. Я ему сколько раз твердила, чтобы он сходил к вам. А он не хотел. Вы можете приехать к нам завтра, доктор? Я уложу его в постель.

Эндрю обещал приехать. На следующее утро он застал Видлера в постели и выслушал жалобу на боль внутри и на то, что он толстеет. За последние несколько месяцев живот его необыкновенно увеличился, и, как большинство людей, всю жизнь обладавших крепким здоровьем, Гарри объяснял свою болезнь различными причинами, например, тем, что он любил выпить лишнюю каплю эля, или, может быть, всему виной был его сидячий образ жизни.

Но Эндрю, осмотрев его, вынужден был опровергнуть эти предположения. Он убедился, что у Гарри киста, хотя не опасная, но требующая операции. Он постарался успокоить Видлера и его жену, объяснил, что такая киста может расти и вызывать бесконечный ряд неприятных явлений, а если ее удалить, все будет в порядке. Он ничуть не сомневался в благополучном исходе операции и посоветовал Видлеру сразу же лечь в больницу.

Но миссис Видлер протестующе подняла руки:

— Нет, сэр, я не пушу Гарри в больницу. — Она с трудом подавляла волнение. — Чужало мое сердце, что так будет, когда я видела, как много он работает в лавке. Но, раз беда пришла, — мы, слава богу, еще в состоянии обойтись без больницы. Вы знаете, доктор, мы люди небогатые, но у нас кое-что отложено на черный день. И теперь пришло время

эти деньги употребить. Я не допущу, чтобы Гарри ходил кланчить рекомендательные письма у жертвователей и стоял в очередях и лег в бесплатную больницу, как нищий.

— Но, миссис Видлер, я могу устроить...

— Нет-нет! Вы можете поместить его в частную лечебницу, сэр. Таких повсюду сколько угодно. И вы позовите частного врача сделать ему операцию. Говорю вам, сэр, пока я жива, ни в какой благотворительной больнице Гарри Видлер лежать не будет.

Эндрю видел, что решение ее твердо. Да и Видлер сам был согласен с женой. Он хотел, чтобы все было сделано наилучшим образом.

В тот же вечер Эндрю позвонил Айвори. Он теперь уже привык обращаться первым делом к Айвори, и тем естественнее это было сейчас, когда он хотел просить об одолжении.

— У меня к вам просьба, Айвори. Один мой пациент нуждается в операции брюшной полости. Это честные труженики и небогатые, понимаете? Боюсь, для вас тут пользы будет мало. Но вы бы меня очень обязали, если бы сделали ему операцию — ну, скажем, за треть обычной цены.

Айвори отнесся к этому весьма милостиво. Объявил, что ничто не может быть ему приятнее, чем возможность оказать его другу Мэнсону любую услугу, какая только в его силах. Они несколько минут обсуждали вопрос, и затем Эндрю позвонил миссис Видлер:

— Я только что переговорил с мистером Чарльзом Айвори, хирургом из Вест-Энда, моим приятелем. Завтра он придет со мной посмотреть вашего мужа, миссис Видлер. В одиннадцать часов. Это вам удобно? И он говорит — вы слушаете, миссис Видлер? — он говорит, что, если придется делать операцию, он ее сделает за тридцать гиней. Обычно он берет сто гиней, а то и больше, так что я считаю, что это удача.

— Да-да, доктор. — В голосе миссис Видлер звучала тревога, хотя она и делала усилия казаться обрадованной. — Очень любезно с вашей стороны. Думаю, мы как-нибудь сумеем заплатить эти деньги.

На другое утро Айвори приехал с Эндрю, а еще через день Гарри Видлера поместили в частную лечебницу на Брансленд-сквер.

Это была чистенькая старомодная лечебница, недалеко от Чесборо-террас, каких множество в том районе, с умеренной платой и убогим оборудованием. Здесь лежали главным образом люди, ждущие операций, хронические сердечные больные, прикованные к постели старые женщины, которых нужно было предохранять от пролежней. Как и все другие лондонские лечебницы, в которых приходилось бывать Эндрю, лечебница на Брансленд-сквер вовсе не была приспособлена для нынешнего своего назначения. Здесь не было лифта, а в качестве операционной служила бывшая оранжерея. Но мисс Бакстон, хозяйка, имела аттестат сестры милосердия и была женщина работящая. При всех своих недостатках эта лечебница была безупречно асептической, вся, до самого дальнего уголка своих покрытых линолеумом сверкающих полов.

Операция была назначена на пятницу, а так как Айвори утром приехать не мог, на необычно позднее время — два часа дня.

Эндрю приехал первый, но и Айвори явился точно. Он привез своего анестезиолога, и пока шофер вносил большую сумку с инструментами, стоял, следя, чтобы все было как следует. Хотя он явно был невысокого мнения об этой лечебнице, но не изменил своей обычной учтивости. За десять минут он сумел успокоить миссис Видлер, ожидавшую в приемной, пленил мисс Бакстон и сиделок, затем в жалком подобии операционной облачился в халат, надел перчатки и с невозмутимым видом приготовился действовать.

Больной вошел, стараясь казаться веселым, снял халат, который унесла сиделка, и влез на узкий стол. Решив, что надо пройти через это испытание, Видлер хотел встретить его мужественно. Прежде чем ему надели маску, он с улыбкой обратился к Эндрю:

— Как только все это закончится, я поправлюсь.

Он закрыл глаза и чуть не с жадностью, глубокими глотками, стал втягивать в себя эфир. Мисс Бакстон сняла бинты. Смазанный йодом живот, неестественно вздутый, высился блестящим холмиком. Айвори приступил к операции.

Он начал с глубоких впрыскиваний в поясничные мышцы. Затем сделал широкий средний надрез, и сразу же, невероятно быстро, обнаружилась опухоль. Киста торчала в отверстиях, как мокрый надутый резиновый мяч. Диагноз Эндрю оправдался, и это прибавило ему самомнения. Он подумал, что Видлер, освобожденный от этой неприятной штуки, легко поправится, и, занятый уже мыслью о предстоящем визите к другому больному, украдкой поглядел на часы.

Между тем Айвори мастерски играл этим футбольным мячом, спокойно стараясь обхватить его руками и нащупать место его прикрепления, и сохранял ту же невозмутимость, несмотря на то что ему это не удавалось. Каждый раз, как он пытался захватить опухоль, она скользила под его руками. Он пробовал опять, пробовал двадцать раз.

Эндрю раздраженно смотрел на Айвори, думая: «Что он делает?» В брюшной полости было немного места для манипуляций, но все же достаточно. Эндрю приходилось видеть, как Луэллин, Денни, десяток других врачей в старой больнице орудовали в таких случаях — ловко и с гораздо меньшей размашистостью. И вдруг ему пришло в голову, что ведь это в первый раз Айвори делает при нем операцию в брюшной полости. Он бессознательно спрятал в карман часы и, цепенея, придвинулся ближе к столу.

Айвори все еще пытался подвести руки под кисту, такой же спокойный, невозмутимый, сосредоточенный. Мисс Бакстон и молоденькая сестра милосердия стояли рядом, мало разбираясь в том, что происходит, и с полным доверием следили за ним. Врач, дававший наркоз, пожилой, седоватый мужчина, с созерцательным видом поглаживал большим пальцем пробку закупоренной бутылочки. В пустой маленькой операционной под стеклянным потолком царила безмятежная атмосфера, не чреватая никакими событиями. Не ощущалось никакого острого напряжения, никакого драматизма. Айвори, подняв одно плечо, лавировал руками в перчатках, пытаясь подsunуть их под гладкий резиновый мяч. Но у Эндрю почему-то похолодело внутри.

Он хмурился, напряженно смотрел. Чего он страшился? Бояться было нечего, решительно нечего. Операция простая, через несколько минут она будет закончена.

Айвори с легкой усмешкой, как бы удовлетворенный, перестал искать точку прикрепления кисты. Он спросил нож у молоденькой сестры. Он теперь больше, чем когда-либо, походил на великого хирурга из романов. Взяв нож, он, раньше чем Эндрю сообразил, каково его намерение, сделал глубокий прокол в блестящей поверхности кисты. После этого все произошло сразу, в одно мгновение.

Киста лопнула, извергая в воздух большой сгусток венозной крови, выплевывая свое содержимое в полость живота. Секунду назад она была тугим шаром, теперь же стала похожа на плоскую сумку, лежащую в массе булькающей крови. Миссис Бакстон принялась лихорадочно доставать тряпки из барабана. Врач, дававший наркоз, не сел, а упал на стул. Молодая сестра, казалось, была близка к обмороку. Айвори сказал важно:

— Зажимы, пожалуйста.

Прилив ужаса охватил Эндрю. Он видел, что Айвори, не сумев найти ножку кисты и перевязать ее, слепо, бессмысленно вскрыл кисту. А киста была геморрагическая.

— Тампоны, пожалуйста, — скомандовал Айвори своим бесстрастным голосом. Он ковырялся в крови, пытаясь зажать ножку кисты, осушая переполненную кровью полость, не умея остановить кровоизлияние. Ослепляющей молнией пронизала Эндрю догадка. Он твердил мысленно: «Всемогущий Боже! Да он *не умеет* оперировать, совсем не умеет!»

Анестезиолог, прижав палец к шейной артерии Видлера, пробормотал тихим голосом, точно извиняясь:

— Боюсь... он, кажется, кончается, Айвори.

Айвори, бросив зажим, затампонировал вскрытую полость окровавленной марлей. Начал накладывать швы на широкий разрез. Вздутия больше не было. Живот Видлера представлял собой вогнутую, безжизненно белую поверхность, потому что Видлер был мертв.

— Да, он скончался, — сказал врач.

Айвори наложил последний шов, методически обрезал конец и повернулся к подносу с инструментами, чтобы положить ножницы. Эндрю, точно парализованный, не мог шевельнуться. Миссис Бакстон — с желтым, как глина, лицом машинально клала горячие бутылки поверх одеяла. Видимо, ей стоило больших усилий владеть собой. Она вышла. Служитель, не зная о том, что случилось, внес носилки. Через минуту тело Гарри Видлера было отнесено наверх, в его палату.

Айвори наконец заговорил.

— Какая неудача, — сказал он обычным, спокойным тоном, снимая халат. — Я полагаю, это шок, как вы думаете, Грей?

Грей что-то невнятно пробормотал в ответ. Он был занят укладкой своих принадлежностей.

Эндрю все еще не мог говорить. В сумбуре ощущений он вдруг вспомнил о миссис Видлер, ожидавшей внизу. Айвори точно прочел его мысли. Он сказал:

— Не беспокойтесь, Мэнсон. Я сам скажу его жене. Пойдемте. Я вас от этого избавлю.

Бессознательно, как человек, утративший всякую способность к сопротивлению, Эндрю пошел за Айвори вниз, в приемную. Он все еще был как оглушенный, ощущал слабость и тошноту и не мог себе представить, как он скажет правду миссис Видлер. Дело это взял на себя Айвори — и оказался на высоте.

— Дорогая моя, — сказал он сострадательно и покровительственно, ласково кладя ей руку на плечо, — боюсь... боюсь, что новости для вас плохие.

Она сжала руки в поношенных коричневых перчатках. Ужас и мольба смешались в ее глазах.

— Что?!

— Ваш бедный муж, миссис Видлер, несмотря на все наши старания...

Она рухнула на стул с посеревшим, как пепел, лицом, все еще конвульсивно сжимая руки в перчатках.

— Гарри! — зашептала она раздирающим душу голосом. Потом опять: — Гарри!

— От имени доктора Мэнсона, доктора Грея, миссис Бакстон и моего могу вас уверить только в одном, — продолжал печально Айвори, — что никакими силами на свете нельзя было его спасти. И если бы даже он и пережил операцию... — Айвори выразительно пожал плечами.

Она подняла на него глаза, поняв, что он хочет сказать, и даже в эту страшную для нее минуту тронутая его снисходительностью и сочувствием.

— Это самое доброе слово, какое вы мне могли сказать, доктор, — промолвила она сквозь слезы.

— Я сейчас пришлю к вам сестру. Крепитесь. И благодарю вас за мужество.

Он вышел из комнаты, и Эндрю опять пошел за ним. В конце коридора находился пустой кабинет, и дверь в него стояла открытой. Нащупывая в кармане портсигар, Айвори вошел туда. Здесь он вынул сигарету и закурил, жадно затягиваясь. Лицо его, быть может, было чуточку бледнее

обычного, но губы спокойно сжаты, рука не дрожала, в нем не чувствовалось никакого нервного напряжения.

— Ну, все позади, — сказал он хладнокровно. — Мне очень жаль, Мэнсон. Я не думал, что эта киста геморрагическая. Но знаете, такие вещи случаются у самых лучших специалистов.

Кабинет был маленький, в нем стоял только один-единственный стул у письменного стола. Эндрю тяжело опустился на обитую кожей каминную решетку. Он смотрел, как безумный, на папоротник в желто-зеленом горшке, стоявшем на пустой каминной полке. Он чувствовал себя больным, разбитым, близким к полному изнеможению. Он не мог забыть, как Гарри Видлер сам, без чьей-либо помощи, подошел к столу. «Когда все это закончится, я сразу поправлюсь». А потом, десять минут спустя, он лежал, как мешок, на носилках, искалеченный, убитый рукой мясника. Эндрю заскрежетал зубами, закрыл лицо рукой.

— Конечно, — Айвори разглядывал кончик своей сигареты, — он умер не на столе. Я закончил операцию раньше, так что все в порядке. Вскрывать не понадобится.

Эндрю поднял голову. Он дрожал, он злился на себя за слабость, проявленную им в этом ужасном положении, которое Айвори переносил так хладнокровно.

Он сказал с чувством, похожим на бешенство:

— Замолчите, вы, ради бога! Вы знаете, что это вы его убили. Вы не хирург. Вы никогда не были и не будете хирургом. Вы самый скверный мясник, какого я когда-либо видел в своей жизни.

Пауза. Айвори бросил на Эндрю жесткий и непонятный взгляд:

— Я бы не советовал вам разговаривать со мной таким тоном, Мэнсон.

— Да, я знаю... — мучительное истерическое рыдание вырвалось у Эндрю, — я знаю, что вам это не нравится. Но это правда. Все те операции, которые я вам до сих пор пере-

давал, были детской игрой. А эта... Это первый серьезный случай. И вы... О боже! Мне следовало знать... Я виноват не меньше вас.

— Возьмите себя в руки, вы, истерический болван! Вас могут услышать.

— Так что же? — Новый приступ бессильного гнева охватил Эндрю. Он сказал, задыхаясь: — Вы знаете так же хорошо, как и я, что это правда. Вы копались столько времени и так неумело... Это почти убийство.

Одно мгновение казалось, что Айвори свалит его на землю ударом. При его силе и тяжеловесности он, хотя и был старше Эндрю, мог бы легко это сделать. Но он с большим трудом овладел собой. Ничего не сказал, просто повернулся и вышел из кабинета. На его холодном и суровом лице было неприятное выражение, говорившее о ледяной, непрощающей злобе.

Эндрю не помнил, сколько времени просидел, прижавшись лбом к холодному мрамору камина. Но в конце концов встал, смутно сознавая, что его ждут больные. Страшная неожиданность случившегося ударила в него с разрушительной силой бомбы. Ему казалось, что и он тоже выпотрошен и пуст. Но он автоматически двигался, шел, как тяжело раненный солдат, побуждаемый механической привычкой, идет выполнять то, что от него требуется.

В таком состоянии он кое-как умудрился объехать своих больных. Потом, с свинцовой тяжестью в душе, с головной болью, воротился домой. Было уже поздно, около семи часов. Он пришел как раз вовремя, чтобы начать вечерний прием.

Парадная приемная была полна, амбулатория набита до самых дверей. Через силу, словно умирающий, занялся он этими людьми, пришедшими сюда, несмотря на чудный летний вечер. Больше всего было тут женщин, главным образом служащих «Лорье», людей, ходивших к нему неделями,

людей, которых ободряла его улыбка, его такт, его советы держаться того или иного лекарства. «Все то же, — подумал он тупо, — все та же старая игра!»

Он опустился на свою вертящуюся табуретку и с похожим на маску лицом начал обычный вечерний ритуал.

— Ну, как вы себя чувствуете? Да, я нахожу, что выглядите вы уже чуточку лучше. Да. И пульс гораздо лучше. Лекарство вам помогает. Надеюсь, оно вам не слишком надоело, моя дорогая!

Из амбулатории — к стоящей наготове Кристин, передать ей пустую склянку, потом по коридору в кабинет, здесь нанизывать те же самые вопросы, выражать напускное сочувствие, говорить банальные фразы. Затем — опять по коридору, взять у Кристин налитую бутылочку. Назад в амбулаторию. Верчение в заколдованном круге, на которое он сам себя обрек.

Вечер был душным. Эндрю страдал ужасно, но продолжал работу, то мучаясь, то впадая в мертвое бесчувствие. Продолжал, потому что не мог остановиться. Шагая из кабинета в амбулаторию и обратно, он в оцепенении спрашивал себя: «Куда я иду? Куда я иду, Господи?»

Наконец, позднее обычного, без четверти десять, прием закончился. Он запер входную дверь амбулатории, прошел в кабинет, где, по заведенному обычаю, его ожидала Кристин, готовясь сверить с ним списки, помочь ему записать все в книгу и подсчитать.

В первый раз за много недель он посмотрел на нее внимательно, пристально взглянул ей в лицо, когда она с опущенными глазами просматривала список, который держала в руке. Перемена в ней потрясла его, несмотря на то онемение души, в котором он находился. Лицо у нее было застывшее, сосредоточенное, углы рта опустились. Она не глядела на него, но он угадывал смертельную грусть в этих глазах.

Сидя за столом перед толстой счетной книгой, он ощущал ужасную тяжесть в груди. Но его тело, непроницаемая

внешняя оболочка, не давало смятению души пробиться наружу. Прежде чем он успел что-нибудь сказать, Кристин начала читать вслух список.

Дальше, дальше. Он делал отметки в книге, крестик означал визит, кружок — прием на дому. Он подводил итоги своей несправедливой жизни.

Когда он закончил, Кристин спросила тоном, в котором он только сейчас почувствовал судорожную насмешку:

— Ну, сколько сегодня?

Он не ответил, не мог ответить. Кристин вышла. Он слышал, как она шла вверх, к себе в комнату, слышал тихий стук двери, которая закрылась за ней. Он остался наедине со своей пораженной ужасом, растерянной душой. «Куда я иду? Куда я иду, о господи?» Вдруг взгляд его упал на старый кисет, полный денег, раздутый от выручки сегодняшнего дня. Новый истерический порыв овладел им. Он схватил мешок и швырнул его в угол. Мешок упал с глухим стуком.

Эндрю вскочил с места. Что-то душило его, он не мог вздохнуть. Из кабинета он выбежал во дворик позади дома — маленький колодец мрака под звездным небом. Здесь бессильно прислонился к каменной стене, дергаясь всем телом, как человек в приступе рвоты.

XVI

Всю ночь он беспокойно метался в постели и уснул только в шесть часов. Встал поздно, сошел вниз в десятом часу, бледный, с опухшими веками. Кристин уже позавтракала и ушла из дому. В другое время его бы это не огорчило. Сегодня же он с острой болью почувствовал, какими чужими они стали друг другу.

Когда миссис Беннет принесла ему хорошо поджаренный бекон с яйцами, он не смог проглотить ни кусочка, в горле был спазм. Он выпил чашку кофе, потом под влиянием внезапного побуждения смешал виски с содовой и выпил. Надо было приступать к рабочему дню.

Машина еще держала его, но движения уже были менее автоматичны, чем раньше. Слабое мерцание, неверный луч света начинал проникать в темную путаницу его чувств. Он понимал, что стоит на краю какого-то крутого, глубокого обрыва. Знал, что, раз сорвавшись в эту пропасть, уже из нее не выберется.

Он отпер гараж и выкатил автомобиль. От этого усилия у него даже вспотели ладони.

Прежде всего нужно было ехать в больницу Виктории. Он договорился с доктором Тарэгудом, что тот осмотрит сегодня Мэри Боленд. И этого пропустить никак не хотел. Он медленно поехал в больницу. В автомобиле он чувствовал себя лучше, чем во время ходьбы пешком. Он так привык к нему, что правил уже автоматически.

Он доехал до больницы и пошел вверх в палату. Кивнув сестре, подошел к кровати Мэри, взяв по дороге ее темпера-

турный листок. Затем сел на край постели, покрытой красным одеялом, охватив взглядом все сразу — и ее радостную улыбку, и большой букет роз подле кровати, — в то же время просматривая листок. Температура Мэри ему не понравилась.

— Доброе утро, — сказала Мэри, — Правда, красивые цветы? Их вчера принесла Кристин.

Он посмотрел на нее. Щеки ее уже не пылали румянцем, но она немного похудела за эти дни в больнице.

— Да, красивые. Как вы себя чувствуете, Мэри?

— О, хорошо. — Глаза ее сначала опустились, затем снова поднялись на него, полные теплого доверия. — Во всяком случае я знаю, что теперь буду недолго хворать. Вы меня живо вылечите.

Вера, звучащая в этих словах, а больше всего — сиявшая во взгляде Мэри, острой болью отозвалась в сердце Эндрю. Он подумал: если и здесь случится беда, это будет для него окончательным ударом.

В эту минуту доктор Тарэгуд пришел делать обход палаты. Войдя и увидав Эндрю, он сразу направился к нему.

— Доброе утро, Мэнсон, — сказал он приветливо. — Но что это с вами? Вы больны?

Эндрю встал:

— Я вполне здоров, благодарю вас.

Доктор Тарэгуд посмотрел на него как-то странно, потом повернулся к постели:

— Очень хорошо, что вы хотите вместе со мной осмотреть больную. Дайте ширму, сестра.

Они минут десять выслушивали Мэри, затем Тарэгуд прошел к нише дальнего окна, где они могли поговорить, не будучи услышанными.

— Итак? — начал он.

Эндрю, как в тумане, услышал собственный голос:

— Не знаю, какого вы мнения, доктор Тарэгуд, но мне кажется, что течение болезни не совсем удовлетворительно.

— Да, есть две-три вещи, которые... — Тарэгуд подергал узкую бородку.

— Мне показалось, что имеется небольшое расширение.

— О, этого я не думаю, Мэнсон.

— Температура очень неустойчива.

— Гм... пожалуй.

— Извините мое вмешательство... Я прекрасно помню о разнице наших положений, но эта больная мне очень дорога. Не найдете ли вы возможным при данных обстоятельствах применить пневмоторакс? Помните, я очень настаивал на этом, когда Мэри... когда больная поступила к вам.

Тарэгуд покосился на Мэнсона. Лицо его изменилось, собралось в упрямые складки.

— Нет, Мэнсон, я не вижу в данном случае необходимости в пневмотораксе. Тогда не находил — и теперь не нахожу.

Последовала пауза. Эндрю не мог больше произнести ни одного слова. Он знал Тарэгуда, его своенравие и упрямство. Он чувствовал такое физическое и душевное изнеможение, что не в силах был затевать спор, явно бесполезный. Он слушал с неподвижным лицом, как Тарэгуд важно излагал свое мнение о болезни Мэри. Когда тот закончил и стал обходить остальных больных, Эндрю вернулся к Мэри, сказал ей, что завтра придет опять навестить ее, и ушел из палаты. Прежде чем уехать из больницы, он попросил швейцара позвонить к нему домой и передать, что не приедет к ланчу.

Было около часа. Эндрю, по-прежнему расстроенный, погруженный в мучительный самоанализ, почувствовал слабость от голода. Неподалеку от Баттерси-Бридж он остановился перед маленькой дешевой чайной. Здесь заказал кофе и горячие гренки с маслом, но смог только выпить кофе, кусок не шел ему в горло. Он видел, что официантка с любопытством смотрит на него.

— А что, разве гренки нехороши? — спросила она. — Я переменю тогда.

Эндрю отрицательно покачал головой. Спросил счет. Пока девушка писала его, он поймал себя на том, что бессмысленно считает блестящие черные пуговицы на ее платье. Когда-то давно, в классе блэнеллийской школы, он вот точно так же не мог оторвать глаз от трех перламутровых пуговиц. За окном, над Темзой, навис гнетущей тяжестью желтый туман огней. Как во сне, Эндрю вспомнил, что сегодня ему надо быть в двух местах на Уэлбек-стрит. Он медленно поехал туда.

Шарп злилась, как всегда, когда он просил ее прийти в субботу. Но даже она осведомилась, не болен ли он. Затем, смягчив голос, так как Фредди пользовался у нее особым уважением, сообщила, что доктор Хэмптон звонил ему сегодня утром два раза.

Она вышла из кабинета, а Эндрю продолжал сидеть за столом, глядя в одну точку перед собой. Первый пациент явился к половине третьего. Это был больной с пороком сердца, молодой клерк из Департамента горной промышленности, которого направил к нему Джилл и который действительно страдал от болезни сердечных клапанов. Эндрю посвятил ему много времени и внимания, задержал молодого человека, тщательно и подробно объясняя, как ему следует лечиться. Под конец, когда тот полез в карман за своим тощим бумажником, он поспешно сказал:

— Нет, пожалуйста, не платите сейчас, подождите, пока я не пошлю вам счет.

Сознание, что никогда он этого счета не пошлет, что он утратил жажду денег и снова способен презирать их, принесло ему странное утешение.

Потом вошла вторая посетительница, женщина лет сорока пяти, мисс Басден, одна из его самых верных поклонниц. У Эндрю при виде этой женщины упало сердце. Богатая, себялюбивая, склонная к ипохондрии, она представляла собой более молодую и более эгоистичную копию той миссис

Реберн, которую он когда-то вместе с Хэмптоном навестил в лечебнице Иды Шеррингтон.

Он устало слушал, подперев лоб рукой, как она, улыбаясь, подробно излагала все, что происходило в ее организме за те несколько дней, которые прошли со времени ее последнего визита к нему.

Неожиданно он поднял голову:

— Зачем вы ко мне ходите, мисс Басден?

Она оборвала начатую фразу, верхняя часть ее лица еще хранила довольное выражение, но рот медленно раскрылся.

— Да, знаю, это я виноват, — продолжал Эндрю, — я велел вам прийти. Но вы, собственно, ничем не больны.

— Доктор Мэнсон!.. — ахнула она, не веря ушам.

Это была правда. Он с жестокой проникательностью объяснял все симптомы болезни лишь ее богатством. Она никогда в своей жизни не работала, тело у нее было нежное, раскормленное, пресыщенное. Она плохо спала, потому что не упражняла своих мускулов. Она и мозга своего не упражняла. У нее в жизни только и было дела, что стричь купоны, да размышлять о дивидендах, да бранить свою горничную, да придумывать меню для себя и любимой собачонки. Эндрю думал: если бы она могла вот сейчас выйти отсюда и заняться каким-нибудь настоящим делом, перестать принимать все эти пилюли, и болеутоляющие, и снотворные, и всякую другую ерунду, отдать часть своих денег беднякам, помогать другим людям и перестать думать о самой себе! Но она никогда, никогда этого не сделает, бесполезно и требовать этого от нее. Она духовно мертва и — Господи помоги! — он сам тоже.

Он с трудом произнес:

— Вы меня извините, мисс Басден, но я больше ничем не могу быть вам полезен. Я... я, может быть, уеду. Но вы, без сомнения, найдете сколько угодно других врачей, которые более чем охотно будут вам угождать.

Она несколько раз открыла рот, затем на лице ее выразился настоящий ужас. Она была уверена, твердо уверена, что Эндрю сошел с ума. Она не стала с ним спорить. Поднялась, торопливо собрала свои вещи и поспешила уйти.

Эндрю, готовясь идти домой, с решительным видом хлопнул ящики стола. Но не успел он встать, как в комнату влетела повеселевшая сестра Шарп.

— К вам доктор Хэмптон. Он сам пришел, вместо того чтобы звонить.

Через минуту вошел Фредди, с беспечным видом закурил сигарету и бросился в кресло. По глазам видно было, что он пришел с какой-то специальной целью. Никогда еще он не был так дружески приветлив.

— Извини, старик, что беспокою тебя в субботу! Но я знал, что ты здесь, так что гора пришла к Магомету. Слушай, Мэнсон, мне известно все относительно вчерашней операции, и не скрою от тебя, что я чертовски доволен. Давным-давно пора тебе открыть глаза на милейшего Айвори. — В голосе Хэмптона неожиданно прозвучала злоба. — Ты, конечно, знаешь, что в последнее время у меня испортились отношения и с Айвори, и с Фридманом. Они со мной нечестно поступали. Между нами тремя было заключено кое-какое соглашение, и оно было очень выгодно, но теперь я убежден, что оба они надували меня и забирали в некоторых случаях мою долю дохода. Да и, кроме того, мне до тошноты надоела дурацкая важность Айвори. Он не хирург. Ты совершенно прав. Он специалист по абортам — и больше ничего. Ах, ты этого не знал? Ну, можешь мне поверить, это святая истина. Милях в ста, не больше, от этого дома есть несколько лечебниц, которые только для этого и существуют, все там весьма парадно и совершенно открыто, разумеется, — и Айвори там главный скоблильщик. Фридман тоже немногим лучше. Он просто сладенький мелочный торговец наркотиками, и он не так ловок, как Айвори. Теперь вот

что, старина. Я с тобой говорю ради твоей же пользы. Я решил, что ты узнаешь всю подноготную об этих господах, потому что хочу, чтобы ты бросил их и действовал только со мной заодно. Ты слишком зеленый новичок в этих делах. И ты до сих пор не получал того, что тебе следовало. Разве ты не знаешь, что, когда Айвори получает за операцию сто гиней, он отдает пятьдесят тому, кто его рекомендовал. Вот потому-то его и рекомендуют, понимаешь? А что он давал тебе? Жалкие пятнадцать-двадцать гиней! Это безобразие, Мэнсон! И после того как он вчерашнюю операцию сделал как сапожник, я бы на твоём месте с ним больше не связывался. Я ещё им не говорил ничего, но вот у меня какой план, Мэнсон. Давай порвём с ними со всеми и будем действовать вдвоем — небольшой, но тесной компанией. В конце концов, мы с тобой старые университетские товарищи, не так ли? Ты мне нравишься. Ты мне всегда нравился. И я могу научить тебя множеству вещей. — Фредди остановился, чтобы закурить новую сигарету, потом улыбнулся Эндрю, ласково, широко, как бы желая показать свои достоинства будущего компаньона. — Ты не поверишь, какие выгодные дела я проводил. Да вот, например, последнее: три гиней за впрыскивание стерилизованной воды! Раз больная приходит для впрыскивания вакцины, а я забыл распорядиться, чтобы мне приготовили эту проклятую штуку. Ну, чтобы её не разочаровывать, я ей и впрыснул H_2O . На другой день она опять приходит сказать, что чувствует себя лучше, чем после всех прежних впрыскиваний. Я стал продолжать. Почему нет? Все сводится к вере больного и бутылке подкрашенной воды. Уверяю тебя, я могу, если понадобится, напичкать их всей фармакопеей. Я не какой-нибудь неуч, о нет! Но я мудр, и, если мы с тобой, Мэнсон, будем действовать сообща — ты с твоими знаниями, а я со своей ловкостью, — мы попросту будем снимать сливки. Всегда, понимаешь ли, нужны два человека, чтобы один мог сослаться на мнение другого. И я уже присмотрел одного модного моло-

дого хирурга — в сто раз лучше Айвори! — можно будет потом и его привлечь. Может быть, даже открыть свою лечебницу. А уж это будет просто Клондайк!

Эндрю не шевелился, точно одеревенев. Хэмптон не возбуждал в нем негодования, одно лишь горькое омерзение. Ничто не могло яснее показать ему, в каком он положении, что сделал и к чему идет. Наконец, видя, что от него ждут ответа, он сказал неохотно:

— Я не могу работать с тобой, Фредди. Я... Мне все вдруг опротивело. Я, пожалуй, все брошу. И так слишком много здесь шакалов. Есть хорошие люди, которые стараются делать настоящее дело, работают честно, добросовестно, но остальные попросту шакалы. Так я называю тех, кто проделывает ненужные впрыскивания, вырезает гланды и аппендиксы, которые человеку не мешают, тех, которые перебрасываются между собой пациентами, как мячом, а потом делают барыши, делают аборт, рекомендуют псевдонаучные средства в вечной погоне за гинейми.

Лицо Хэмптона медленно наливалось кровью.

— Какого черта!.. — прошипел он. — Ну а ты-то сам лучше?

— Я знаю, Фредди, — с усилием произнес Эндрю, — что я не лучше. Не будем ссориться. Ты когда-то был моим лучшим другом.

Хэмптон вскочил с места:

— Ты что, рехнулся?

— Может быть. Но я хочу попробовать не думать больше о деньгах и материальном успехе. Не это дорога честного врача. Если врач зарабатывает пять тысяч фунтов в год, значит с ним неблагополучно. И как... как можно использовать для наживы человеческие страдания?

— Проклятый идиот! — воскликнул Хэмптон, повернулся и вышел из кабинета.

А Эндрю продолжал сидеть за столом, одинокий, безутешный. Наконец он встал и отправился домой.

Подъезжая к Чесборо-террас, он почувствовал, что у него сильно бьется сердце. Был уже седьмой час. Все пережитое за этот трудный день сказалось в нем разом большой усталостью. Рука его сильно тряслась, когда он поворачивал ключ в замке.

Кристин была в гостиной. При виде ее бледного, застывшего лица Эндрю пронизала дрожь. Он жаждал, чтобы она спросила его о чем-нибудь, проявила хоть какой-нибудь интерес к тому, как он провел эти часы вдали от нее. Но она только произнесла тем же ровным, невыразительным голосом:

— Поздно ты сегодня. Не выпьешь ли чая перед приемом?

— Сегодня приема не будет, — ответил он.

Она посмотрела на него:

— Но ведь сегодня суббота — твой самый большой приемный день!

В ответ он только попросил ее написать объявление, что сегодня амбулатория закрыта. Это объявление он сам приколот на дверях. Сердце у него колотилось так сильно, точно готово было разорваться. Когда он шел обратно по коридору, Кристин стояла в кабинете, бледнее прежнего... В глазах ее читалась безумная растерянность.

— Что случилось? — спросила она не своим голосом.

Эндрю поглядел на нее. Тоскливый ужас рванулся из сердца, хлынул безудержным потоком, лишил его последнего самообладания.

— Кристин! — Все, что он чувствовал, вложил он в это одно слово. И, зарыдав, упал к ее ногам.

XVII

Это примирение было самым чудесным из всего пережитого ими со времени первых дней их любви. На другое утро, в воскресенье, Эндрю лежал рядом с Кристин, как когда-то в Эберло, и говорил, говорил без умолку, словно и не было всех этих лет, изливал перед ней всю душу. За окнами стояла тишина воскресного дня, доносился колокольный звон, мирный, успокаивающий. Но в душе Эндрю не было покоя.

— Как я мог дойти до этого? — стонал он. — С ума я сошел, Кристин, что ли? Как вспомню все — не верится самому. Мне... мне связаться с такой компанией... после Денни, после Хоупа. О боже! Меня повесить мало.

Кристин утешала его:

— Все это произошло так быстро, милый. Кого угодно могло сбить с ног.

— Нет, честно говорю тебе, Крис. Когда я об этом думаю, мне кажется, что я схожу с ума. И какое ужасное время, должно быть, пережила ты! Боже! Какая пытка!

Она улыбалась, да, на самом деле улыбалась! Как чудесно было видеть ее лицо, уже не отсутствующее, не застывшее, а нежное, счастливое, полное заботы о нем! Он подумал: «Мы оба снова *живем*».

— Остается сделать только одно. — Он решительно сдвинул брови. Несмотря на нервность и сумятицу мыслей, он теперь чувствовал себя сильным, освобожденным от тумана иллюзий, готовым действовать. — Отсюда мы должны уехать. Слишком глубоко я завяз, Крис, слишком глубоко.

Здесь мне на каждом шагу все напоминало бы о том, как я обманывал людей. И может быть, меня бы потянуло опять... Нам легко будет продать практику. И, о Крис, у меня есть одна замечательная идея!

— Какая, любимый?

Хмурое лицо Эндрю осветилось нежной и робкой улыбкой.

— Как давно ты не звала меня так! А я люблю, когда ты меня так называешь. Да, я знаю, что сам виноват... Ох, Крис, не напоминай мне об этом опять! Да, эта новая идея меня осенила сегодня, как только я проснулся. Я лежал и думал все о том же — о Хэмптоне, который приглашал меня работать с ним в компании, и вдруг мне пришло в голову: почему бы не учредить настоящее сообщество? Так делают врачи в Америке. Стиллман постоянно хвалит эту систему, хотя сам он не врач. Но у нас в Англии она еще как-то не привилась. Понимаешь, Крис, даже в самом маленьком городке можно открыть клинику, подобрать небольшую группу врачей, где каждый делал бы свое дело. Теперь слушай, дорогая: вместо того чтобы связываться с Хэмптоном, Айвори и Фридманом, почему бы мне не привлечь Денни и Хоупа и образовать настоящую честную компанию? Денни возьмет на себя всю хирургическую часть — ты знаешь, какой он отличный хирург! — я — терапевтическую, а Хоуп будет нашим бактериологом. Здесь выгодно то, что каждый из нас будет специализироваться в своей области и, так сказать, вносить свои знания в общий фонд. Ты, может быть, помнишь все, что говорил Денни, — и я тоже — относительно нашей бессмысленной системы «вольной практики», о том, что такой врач предоставлен самому себе, должен один ковылять своей дорогой, неся все на своих плечах. Ведь это невысказано! Ответ один — и ответ совершенно правильный: коллектив врачей. Это будет звеном между государственным лечением и практикой врачей-одиночек. Потому только, что наши крупные врачи желают все удер-

жать в своих руках, у нас до сих пор еще нет коллективов. Но разве не замечательно было бы, если бы нам удалось учредить такой коллектив пионеров, который, составляя одно научное и духовное целое, будет бороться с предрассудками, сбрасывать старых идолов с пьедестала, а может быть, и начнет полнейший переворот во всей постановке врачебного дела?

Прижавшись щекой к подушке, Кристин глядела на мужа сияющими глазами:

— Ты говоришь совсем как в старые времена. Если бы ты знал, как я люблю тебя таким! Мы точно все начинаем сначала. Я счастлива, мой милый, счастлива!..

— Мне многое надо искупить, — мрачно сказал Эндрю. — Я был глупцом. Нет, еще кое-чем похуже. — Он сжал лоб руками. — Не выходит у меня из головы бедный Гарри Видлер. И я не хочу о нем забывать, пока не сделаю чего-нибудь во искупление этой своей вины. — Он вдруг застонал. — Да, Крис, я виноват не меньше Айвори. Слишком легко я выпутался. Это несправедливо. Но я буду работать как вол, Крис. И я надеюсь, что Денни и Хоуп согласятся работать вместе со мной. Ты знаешь их взгляды. Денни до смерти хочется ринуться снова в треволения практики. А Хоуп — если бы ему предоставили небольшую лабораторию, где он, изготавливая для нас сыворотки, сможет между делом заниматься и своей собственной работой, — он пойдет за нами куда угодно.

Эндрю вскочил с постели и с прежней порывистостью начал ходить взад и вперед, обуреваемый и радужными надеждами на будущее, и стыдом за прошлое, на все лады анализируя в уме случившееся, волнуясь, надеясь, строя планы.

— У меня будет столько всяких хлопот, Крис! — воскликнул он. — Но одно я должен сделать сегодня же. Вот что, дорогая. После того как я напишу несколько писем и мы позавтракаем, не прокатись ли ты со мной за город, а?

Она посмотрела на него вопросительно:

— Но раз ты занят...

— Для этого я урву время. Честное слово, Крис, меня ужасно заботит Мэри Боленд. Она не поправляется в больнице, и я уделял ей слишком мало внимания. Тарэгуд очень неуступчив и плохо разбирается в ее болезни, по крайней мере, мы с ним не сходимся во мнении. Господи, если, после того как я взял на себя перед Коном ответственность за нее, с Мэри что-нибудь случится, я просто сойду с ума. Страшно говорить о больнице, где работаешь, то, что я скажу, но Мэри там никогда не выздоровеет. Ей надо быть за городом, на чистом воздухе, в хорошем санатории.

— Ну и что же?

— Вот потому-то я хочу съездить с тобой вместе к Стиллману. «Бельвью» — самое чудесное местечко, какое ты когда-либо видела. Если я сумею убедить Стиллмана принять Мэри... О, я не только буду доволен, я почувствую, что сделал что-то настоящее!

Кристин сказала решительно:

— Мы поедем, как только ты будешь готов.

Одевшись, Эндрю сошел вниз, написал длинное письмо Денни и второе — Хоупу. У него было сегодня только три необходимых визита, и по дороге он отправил письма. Затем, после легкого завтрака, они с Кристин поехали в Уиком.

Несмотря на то что нервы у Эндрю все еще были взвинчены, поездка его развеселила. Он более чем когда-либо чувствовал, что счастье внутри нас и, что бы ни говорили циники, не зависит от мирских благ. Все те месяцы, когда он гнался за богатством и положением в свете и всеми видами материального успеха, он воображал себя счастливым. Но он не был счастлив. Он жил в какой-то лихорадке и чем больше имел, тем большего жаждал. «Деньги, — думал он сейчас с горечью, — все из-за этих грязных денег». Сначала он уверял себя, что хочет зарабатывать тысячу фунтов в год.

Когда же добился такого заработка, он тотчас удвоил наменную себе цифру. Но когда и этот предел был достигнут, он им не удовольствовался. И так продолжалось все время. Он хотел все большего и большего. Это в конце концов погубило бы его.

Он посмотрел украдкой на Кристин. Как она, должно быть, страдала по его вине! Но если он нуждался в подтверждении того, что теперь принял здоровое решение, ему стоило только посмотреть на ее преображенное, сияющее лицо. Оно больше не было красиво, потому что на нем лежал след жизненных тревог: темные круги под глазами, легкая впалость щек, когда-то таких крепких и румяных. Но это лицо всегда оставалось ясным и правдивым. А оживление, которым оно горело теперь, было так трогательно-прекрасно, что новый взрыв раскаяния больно ударил Эндрю по сердцу. Он поклялся себе, что никогда в жизни больше ничем не огорчит Кристин.

Они приехали в Уиком около трех часов, направились вверх по проселочной дороге, которая шла по гребню гор за Лейси-Грин. Клиника «Бельвью» была расположена в очень живописном месте, на небольшом плоскогорье, несмотря на то что с севера его защищали горы, отсюда открывался вид на обе долины.

Стиллман принял их сердечно. Этот сдержанный, замкнутый человек редко выражал энтузиазм, но в доказательство того, что приезд Эндрю ему приятен, он показал им свое создание во всей его красоте.

Клиника был небольшой, но, несомненно, образцовой. Два боковых крыла соединялись средним зданием, где помещалось управление. Над вестибюлем и конторой расположен был прекрасно оборудованный лечебный кабинет, южная стена которого вся была из специального стекла. Такое же стекло было во всех окнах; отопление и вентиляция представляли собой последнее слово техники. Эндрю

осматривал здание с его новейшими усовершенствованиями и невольно сравнивал с ветхими, построенными сотни лет назад лондонскими больницами и теми старыми, плохо оборудованными жилыми домами, которые изображали собой лечебницы.

Показав все гостям, Стиллман угостил их чаем. И за чаем Эндрю стремительно изложил свою просьбу.

— Я терпеть не могу беспокоить людей просьбами, мистер Стиллман. — (Кристин не могла не улыбнуться, услышав эту почти забытую фразу.) — Но мне бы хотелось знать, не можете ли вы поместить здесь одну мою больную. Начальная стадия туберкулеза. Вероятно, потребуется пневмоторакс. Видите ли, это дочь моего большого приятеля, дантиста, и там, куда я ее устроил, она не поправляется.

Что-то вроде улыбки засветилось в бледно-голубых глазах Стиллмана.

— Неужели вы хотите направить ко мне свою пациентку? *Здесьние* врачи этого не делают, не в пример их американским коллегам. Вы забываете, что здесь я шарлатан, открывший мнимый санаторий, что-то вроде знахаря, который заставляет своих больных ходить босиком по росе, а на завтрак есть одну только тертую морковь.

Но Эндрю не улыбнулся.

— Я вовсе не шучу, мистер Стиллман. Я очень серьезно прошу вас об этой девушке. Я... я очень тревожусь за нее.

— Но боюсь, у нас все занято, мой друг. Несмотря на антипатию ко мне вашей медицинской братии, у меня имеется длинный список ожидающих очереди. Странно... — Стиллман наконец усмехнулся. — Люди, не слушая докторов, желают у меня лечиться.

— Жаль, — пробормотал Эндрю, для которого отказ Стиллмана был большим разочарованием. — А я надеялся... Если бы я мог поместить сюда Мэри, это было бы для меня большим облегчением. Здесь у вас лучшее во всей Англии место для лечения. Я не лшу, а говорю то, что знаю.

Как подумаю об этой старой палате в больнице Виктории, где она теперь лежит и слушает, как тараканы скребутся за панелями...

Стиллман наклонился вперед и взял с тарелки, стоявшей перед ним, тонкий сэндвич с огурцом. У него была своеобразная, почти брезгливая манера дотрагиваться до вещей, как будто он только что самым тщательным образом вымыл руки и боялся их запачкать.

— О! Вы, кажется, ударились в иронию... Нет-нет, мне не следовало, конечно, говорить с вами таким образом. Вы огорчены, я это вижу. И я вам помогу. Хотя вы и врач, я приму вашу больную. — У Стиллмана дрогнули губы, когда он увидел выражение лица Эндрю. — Вы видите, я великодушен. Я, когда это нужно, не отказываюсь иметь дело с людьми вашей профессии. Почему вы не смеетесь моей шутке? Ну хорошо. Хотя вы и лишены чувства юмора, вы много просвещеннее, чем большинство ваших коллег. Сейчас подумаем, как быть. На этой неделе у меня нет свободных комнат. Привезите свою больную в среду на будущей неделе, и я вам обещаю сделать для нее, что могу.

Эндрю даже покраснел от радости:

— Я... я не знаю, как вас и благодарить.

— Так и не благодарите. И не будьте слишком вежливы. Вы мне больше нравитесь, когда у вас такой вид, как будто вы сейчас начнете швырять в людей чем попало. А что, миссис Мэнсон, он когда-нибудь швыряет в вас посудой? У меня есть в Америке один большой приятель, владелец шестнадцати газет, так он всякий раз, когда выходит из себя, разбивает пятицентовую тарелку. Ну и однажды случилось, что... — Стиллман начал рассказывать длинную и, по мнению Эндрю, ничуть не занимательную историю.

Когда они ехали домой по вечерней прохладе, Эндрю сказал Кристин:

— Ну, по крайней мере, одно дело улажено, Крис, с моей души свалился большой камень. Я убежден, что здесь самое

подходящее место для Мэри. Молодец этот Стиллман! Он мне страшно нравится. На вид невзрачен, но внутри — закаленная сталь. А интересно, могли бы мы — Хоуп, Денни и я — открыть такую клинику в миниатюре? Безумная мечта, да? Но знаешь, что мне приходит в голову? Если Денни и Хоуп согласятся работать со мной и мы махнем в провинцию, мы можем устроиться вблизи одного из угольных районов, и я опять займусь своими исследованиями. Как ты думаешь, Крис?

Вместо ответа она наклонилась к нему и, угрожая безопасности на проезжей дороге, крепко его поцеловала.

XVIII

На другой день Эндрю встал рано, основательно выспавшийся, бодрый и хорошо настроенный. Сразу позвонил по телефону в посредническое бюро «Фулджер и Тернер» на Адам-стрит и поручил им продать его практику. Мистер Джеральд Тернер, глава этой давно существующей фирмы, сам подошел к телефону и в ответ на просьбу Эндрю сразу же приехал на Чесборо-террас. После внимательного просмотра книги доходов, продолжавшегося все утро, он уверил Эндрю, что его практику можно будет продать очень скоро, без малейших затруднений.

— Разумеется, доктор, нам в объявлениях надо будет указать причину, — добавил мистер Тернер, постукивая по зубам наконечником своего карандаша. — Каждый покупатель непременно подумает: почему это врач отказывается от такого золотого дна? Я уже давно нигде не встречал таких больших поступлений наличными деньгами. Так что же мы напишем? Продается по случаю болезни?

— Нет, — резко возразил Эндрю. — Сообщите правду. Напишите, — он запнулся, — ну, напишите, что по личным обстоятельствам.

— Очень хорошо, доктор. — И мистер Джеральд Тернер записал на черновике объявления: «Передается по причинам чисто личного свойства, не имеющим ничего общего с практикой».

В заключение Эндрю сказал:

— И помните, я не требую целого состояния за это, только приличную цену.

За ланчем Кристин отдала ему две телеграммы. Он просил и Денни, и Хоупа телеграфировать в ответ на письма, посланные им накануне.

В первой телеграмме, от Денни, было сказано только: «Убедили. Ждите завтра вечером».

Вторая была написана в типичном для Хоупа легком тоне:

«С какой стати я должен всю жизнь проводить среди сумасшедших? Провинциальные города Англии — это трактиры, соборы и свиные рынки. Вы говорите — лаборатория? Подписано: Негодующий налогоплательщик».

После завтрака Эндрю поехал в больницу Виктории. Так рано Тарэгуд в палатах у больных не бывал, но это как раз и было Эндрю на руку. Он хотел избежать шума и неприятностей, меньше всего ему хотелось огорчить старшего товарища, который, при всем своем упрямстве и отсталости, всегда относился к нему хорошо.

Сев у постели Мэри, он тихонько изложил ей свое намерение.

— Прежде всего, я виноват перед вами. — Он ласково погладил ее руку. — Мне следовало предвидеть, что эта больница для вас не вполне подходящее место. «Бельвью» — совсем другое дело, Мэри. Но здесь все были к вам очень добры, и не стоит их обижать. Вы просто заявите, что хотите в среду выписаться. Если вам неприятно самой это сделать, я устрою так, чтобы Кон написал сюда, что просит отправить вас домой. Это будет легко, потому что здесь всегда столько людей ждут свободной койки. И в среду я сам отвезу вас в своем автомобиле в «Бельвью». Со мной будет сиделка и все, что нужно. Ничего не может быть проще и лучше для вас.

Он возвратился домой с сознанием, что еще кое-что сделано, что он начинает наводить порядок в своей жизни. Вечером на приеме он начал сурово отделяваться от пациен-

тов-хроников, безжалостно разрушая чары, которыми удерживал их раньше. За час он доброму десятку человек объявил твердо:

— Сегодня ваш последний визит. Вы давно ходите ко мне, и вам теперь гораздо лучше. Не следует постоянно принимать лекарства.

Покончив с этим, он испытал большое облегчение. Честно и прямо говорить людям то, что думаешь, было для него роскошью, в которой он так долго себе отказывал. Он прибежал к Кристин, как мальчик.

— Теперь я уже чувствую себя в меньшей степени торгашом. — И вдруг простонал: — Боже, как я мог сказать это! Я забыл, что случилось... забыл о Видлере... обо всем, что я наделал!

В эту минуту раздался телефонный звонок. Кристин пошла к телефону, и ему показалось, что она очень долго там оставалась и что, когда вернулась, у нее было странное, натянутое выражение лица.

— Тебя зовут к телефону.

— Кто? — И вдруг он понял: это Франсиз Лоренс. В комнате некоторое время царило молчание. Затем он торопливо произнес: — Скажи ей, что меня нет дома. Скажи, что я уехал... Нет, погоди! — Он сделал резкое движение к двери. — Я сам с ней поговорю.

Через пять минут он воротился и застал Кристин за работой в ее любимом углу, где было светлее. Он украдкой посмотрел на нее, потом отвел глаза, подошел к окну и остановился, хмуро глядя на улицу и засунув руки в карманы. Спокойное звяканье спиц Кристин заставляло его чувствовать себя невообразимым глупцом, жалким псом, который виновато приполз домой, поджав хвост, весь в грязи после непозволительного приключения. Наконец он не выдержал. Продолжая стоять спиной к Кристин, сказал:

— С этим тоже кончено. Может быть, тебе интересно будет знать, что тут виновато только мое глупое тщеславие...

и расчетливый эгоизм. А любил я всегда только тебя. — Он вдруг заскрипел зубами. — О, будь я проклят, ведь это я один во всем виноват! Эти люди другой жизни не знают, а я знал. Я слишком легко отделался, слишком легко. Но, послушай: я только что заодно уже позвонил Ле-Рою. Крем-продукты меня больше не интересуют. Я покончил и с этим тоже, Крис. И постараюсь впредь держаться от таких людей подальше.

Кристин не отвечала, но спицы щелкали в тишине комнаты весело и быстро. Долго Эндрю стоял так, пристыженный, глядя в окно на уличное движение, на огни, вспыхивавшие в летнем мраке. Когда он наконец отвернулся от окна, стущавшиеся сумерки уже успели заползти в комнату. А Кристин все сидела в углу, почти невидимая в окутанном тенями кресле, маленькая, легкая фигурка, склонившаяся над вязаньем.

Этой ночью Эндрю проснулся весь в поту, в тревоге и инстинктивно потянулся к Кристин, еще не придя в себя от снявшихся ему ужасов.

— Где ты, Крис? Мне так совестно. Мне ужасно совестно. Я буду изо всех сил стараться не обижать тебя больше. — Потом, успокоенный, уже полусонный: — Когда продадим все здесь, устроим себе каникулы. О боже! Нервы мои никуда не годятся. И подумать только, что я когда-то называл *тебя* неврастеничкой!.. Когда мы поселимся где-нибудь в новом месте, Крис, у тебя будет сад. Я знаю, как ты это любишь. Помнишь... помнишь «Вейл Вью», Крис?

Наутро он принес ей большой букет хризантем. Со всей прежней пылкостью он старался доказать ей свою любовь — не той хвастливой щедростью, которая была ей ненавистна (воспоминание о ланче в «Плазе» до сих пор приводило ее в содрогание), а скромными знаками внимания.

Когда он пришел домой к чаю с тем именно пирожным, которое она любила, и в довершение всего еще молча принес ей из шкафа в конце коридора ее домашние туфли, Кристин, смурясь, мягко запротестовала:

— Не надо, милый, не надо. Я боюсь, что наступит расплата за счастье. Через неделю ты будешь рвать на себе волосы и вымещать на мне плохое настроение, как бывало в старые времена.

— Крис! — воскликнул Эндрю, больно задетый. — Неужели ты не понимаешь, что теперь все по-другому? Отныне я начинаю искупать свою вину перед тобой.

— Хорошо, хорошо, милый. — Она, смеясь, отерла глаза. Затем сказала с неожиданной силой, которой он никогда в ней не подозревал: — Мне ничего не надо, только бы мы были *вместе*. Мне не нужно, чтобы ты ухаживал за мной. Все, чего я прошу, — это чтобы ты не ухаживал за другими.

В этот вечер приехал Денни, как и обещал, к ужину. Он привез вести от Хоупа, который звонил ему из Кембриджа, что сегодня не может приехать в Лондон.

— Говорит, его задерживают дела, — пояснил Денни, выколачивая трубку. — Но я сильно подозреваю, что наш друг Хоуп в ближайшее время женится. Романтическое событие — спаривание бактериолога!

— А говорил он что-нибудь относительно моей идеи? — быстро спросил Эндрю.

— Да, он увлечен ею. Но это не важно, все равно мы бы могли забрать его с собой. И я тоже увлечен, должен вам сказать. — Денни развернул салфетку и принялся за салат. — Не могу понять, как это такой замечательный план мог родиться в вашей глупой голове. В особенности теперь. Ведь я воображал, что вы окончательно превратились в вест-эндского торговца мылом. Ну, рассказывайте!

Эндрю стал рассказывать подробно и со все возрастающим увлечением. Потом они обсудили, как практически осуществить план. Неожиданно для себя они поняли, что зашли далеко, когда Денни сказал:

— По-моему, нам следует выбрать не особенно большой город, тысяч до двадцати жителей. Вот это будет идеально. В таком городе мы разовьем энергичную деятельность.

Обратите внимание на Уэст-Мидлендс. Там вы найдете десятки промышленных городов, обслуживаемых четырьмя-пятью врачами, которые под маской вежливости готовы перегрызть друг другу горло. Там какой-нибудь добрый старый доктор медицины сегодня выковыривает половину миндалина, завтра намешивает помои под названием «*mixtura alba*». Вот там мы сможем показать, чего стоит наша идея сообщества специалистов. Мы не будем покупать практику. Мы просто явимся в город. Боже! Хотел бы я видеть, какие мины скорчат все эти доктора Брауны, Джонсы и Робинсоны. Нам придется вытерпеть целые вагоны обид, а чего доброго, и линчевать нас могут... Нет, будем говорить серьезно: нам нужна центральная клиника, как вы и предполагали, и лаборатория для Хоупа. Пожалуй, не мешает завести и пару коек наверху. Сначала не будем особенно широко развертывать дело, но я предчувствую, что мы пустим крепкие корни. — Он вдруг поймал сияющий взгляд Кристин, которая сидела тут же и слушала их разговор, и улыбнулся. — А вы, мэм, что думаете об этом? Безумие, нет?

— Да, — откликнулась она чуточку хрипло. — Но только ради таких безумств и стоит жить.

— Вот это верно, Крис. Честное слово! Ради этого стоит жить.

Эндрю стукнул кулаком по столу так, что подскочили ножи и вилки.

— План хорош. Но главное — идея, которая в нем воплощена. Новое толкование клятвы Гиппократата. Абсолютная верность науке. Никакого эмпиризма, никаких избитых методов, шаблонных лекарств, не гнаться за гонораром, не прописывать всякой патентованной дряни, не ублажать ипохондриков, не... Ох, ради всего святого, дай попить! Мои голосовые связки не выдерживают, тут надо иметь барабан.

Они разговаривали до часу ночи. Даже такого стойка, как Денни, заразило пылкое воодушевление Эндрю. Последний поезд давно ушел. Эту ночь Денни ночевал в гостевой ком-

нате на Чесборо-террас. И наутро после завтрака спешно умчался, обещав снова приехать в Лондон в следующую пятницу, а до того — повидаться с Хоупом и — последнее доказательство его энтузиазма — купить большую карту Уэст-Мидлендс.

— Действует, Крис, действует! — торжествуя, крикнул Эндрю, возвращаясь от двери. — Филип весь загорелся. Он не говорит, но я вижу.

В тот же день к ним обратились по поводу продажи практики. Приехал покупатель, за ним другие. Джеральд Тернер самолично являлся с наиболее солидными претендентами. Он обладал даром изысканного красноречия и пускал его в ход даже по поводу архитектуры гаража. В понедельник приезжал дважды доктор Ноэль Лоури — утром один, а днем в сопровождении агента. Потом Тернер позвонил Эндрю и сказал любезно-конфиденциальным тоном:

— Доктор Лоури заинтересован, доктор, сильно заинтересован, могу сказать. Он очень настаивал, чтобы мы не продавали, пока его жена не посмотрит дом. Она с детьми за городом и приедет в среду.

В среду Эндрю должен был отвезти Мэри в «Бельвью» и решил, что в деле продажи можно положиться на Тернера. С больницей все вышло так, как он предполагал. Мэри должна была выйти в два часа. Он уговорился с миссис Шарп, что она поедет с ними.

Лил дождь, когда он в половине второго заехал на Уэлбек-стрит за миссис Шарп. Она была в злобном настроении и, хотя и ожидала его, поехала неохотно. Неустойчивость ее настроения в последнее время объяснялась предупреждением Эндрю, что в конце месяца он вынужден будет отказаться от ее услуг. Она очень сухо поздоровалась с ним и села в автомобиль.

Все прошло гладко. Они подъехали к больнице как раз тогда, когда Мэри прошла через швейцарскую, и в одно мгновение она уже сидела в автомобиле рядом с Шарп, тепло

укутанная пледом, с горячей бутылкой в ногах. Очень скоро Эндрю пожалел, что взял с собой недобрую и подозрительную миссис Шарп. Очевидно, она находила, что эта поездка выходит далеко за пределы ее обязанностей. Эндрю удивлялся про себя, как он мог столько времени терпеть у себя эту особу.

В половине четвертого они были уже в «Бельвью». Дождь перестал, и, когда они ехали по аллее к дому, сквозь тучи пробилось солнце. Мэри, нагнувшись вперед, нервно, немного испуганно присматривалась к месту, от которого она теперь так много ожидала.

Эндрю застал Стиллмана в конторе. Ему очень хотелось, чтобы тот сразу же при нем посмотрел больную и решил вопрос о пневмотораксе, который не давал ему покоя. За сигаретой и чашкой кофе он высказал Стиллману свое желание.

— Ладно, — кивнул тот. — Мы с вами сейчас сходим наверх.

Он повел Эндрю в комнату Мэри. Она уже лежала в постели, бледная от усталости, все еще робевшая, и смотрела, как миссис Шарп в глубине комнаты складывала ее платье. Когда Стиллман подошел к постели, она слегка вздрогнула.

Он тщательно осмотрел ее. Этот спокойный, безмолвный, в высшей степени добросовестный осмотр был для Эндрю откровением. Стиллман не ублажал больного. Не принимал внушительного вида. Он держал себя совсем не так, как обычно держат себя врачи у постели больного. Он походил на делового человека, занятого разборкой испортившейся машины. Он хотя и пользовался стетоскопом, но больше всего выстукивал пальцами, и казалось, эти ровные тонкие пальцы знают правду о состоянии живых, дышащих, невидимых легочных клеток.

Кончив осмотр, он ничего не сказал Мэри и вызвал Эндрю за дверь.

— Пневмоторакс, — сказал он. — Тут сомнений быть не может. Это легкое давно следовало вывести из употребления. Я сделаю это сразу. Подите скажите ей.

Он пошел приготовить аппаратуру, а Эндрю воротился в палату и сообщил Мэри их решение. Он говорил со всей беспечностью, на какую был способен, тем не менее Мэри заметно встревожилась.

— А это *вы* мне будете делать? — спросила она с беспокойством. — Мне бы хотелось, чтобы вы!

— Да это такие пустяки, Мэри. Вы не почувствуете ни малейшей боли. Я буду при этом. Буду помогать ему. И присмотрю, чтобы все было хорошо.

Он сначала хотел предоставить Стиллману проделать одному всю процедуру пневмоторакса. Но Мэри была так нервна, так трепетно цеплялась за него, и, кроме того, он чувствовал себя ответственным за ее пребывание здесь. Поэтому он пошел в операционную и предложил свои услуги Стиллману.

Через десять минут все было подготовлено. Когда Мэри привезли, Эндрюс делал ей местную анестезию. Потом стал у манометра, а Стиллман ловко ввел иглу, регулируя в то же время струю стерильного азота, впускаемого в плевру. Аппарат у Стиллмана был замечательный, и сам Стиллман, бесспорно, мастер своего дела. Он очень умело действовал канюлей¹, двигая ее вперед, и, устремив глаза на манометр, ожидал окончательного «скачка», который возвестит о проколе пристеночной плевры. У него был собственный метод предупреждения эмфиземы.

После первого сильного волнения страх Мэри постепенно рассеялся. Она с большим доверием позволяла все проделывать над собой и в конце улыбнулась Эндрю, совсем уже успокоенная. Когда ее привезли обратно в ее палату, она сказала:

— Вы были правы. Это пустяк. Как будто мне ничего не делали.

— Ничего? — Эндрю поднял одну бровь, потом засмеялся. — Вот как надо делать операции — без суеты, чтобы

¹ Кран, на который насажена игла.

у человека не было ощущения, что с ним происходит что-то страшное. Хорошо, если бы все операции можно было так проделывать. Ну, как бы там ни было, а мы ваше легкое сдавили, теперь оно отдохнет. А когда опять начнет дышать, поверьте мне, оно будет здорово.

Глаза Мэри остановились на нем, потом, оглядев уютную палату, устремились в окно, из которого открывался вид на долину.

— А мне тут нравится... Он не старается быть ласковым, этот мистер Стиллман, но чувствуется, что он славный. Как вы думаете, можно мне попросить чая?

XIX

Было уже около семи часов, когда Эндрю уехал из «Бельвью». Он задержался дольше, чем думал, разговаривая со Стиллманом на нижней веранде, наслаждаясь прохладой и спокойной беседой. Уезжал он с удивительным ощущением ясного спокойствия. Этим он обязан был Стиллману. Обаяние его личности, его уравновешенность, его равнодушные к обыденным сторонам жизни благотворно влияли на бурную натуру Эндрю. Кроме того, теперь он был спокоен за Мэри. Своему первому шагу — слишком поспешному отправлению ее в устаревшую больницу — он противопоставил все то, что сделано было для нее сегодня. Это трудно было организовать, стоило ему больших хлопот. Хотя он не говорил со Стиллманом относительно платы, он понимал, что цены «Бельвью» Кону не по карману и, следовательно, уплатить придется ему, но все это были мелочи по сравнению с наполнявшим его чудесным сознанием победы. Впервые за много месяцев он чувствовал, что сделал сегодня нечто настоящее. Это было начало искупления.

Он ехал медленно, наслаждаясь вечерней тишиной. Миссис Шарп сидела позади, но молчала, и, занятый своими мыслями, он почти забыл о ней. Когда они приехали в Лондон, он вспомнил о ней, спросил, куда ее отвезти, и, получив ответ, высадил ее у станции подземки «Ноттинг-Хилл». Он рад был избавиться от этой женщины. Она хорошо знала свое дело, но у нее был жуткий характер. И к Эндрю она

всегда питала антипатию. Он решил завтра отослать ей по почте месячное жалованье, чтобы больше ее не видеть.

Когда он добрался до Паддингтон-стрит, настроение у него изменилось. Ему всегда тяжело было проходить мимо лавки Видлера. Уголком глаза он видел вывеску «Обновление». Один из подмастерьев опускал железные шторы. В этом простом действии Эндрю увидел что-то символическое, дрожь пробежала по его телу. Угнетенный, приехал он на Чесборо-террас и, поставив автомобиль в гараж, вошел в дом со странной тяжестью на сердце.

Кристин весело выбежала в переднюю ему навстречу. Глаза ее сияли от радости.

— Продано! — объявила она. — Продано *все* целиком. Они тебя ждали, ждали — только недавно ушли. Доктор и миссис Лоури. Он так взволновался оттого, что ты опоздал на прием, и сам стал принимать больных, — добавила Кристин со смехом. — Потом я их накормила ужином. Мы поболтали. Я заметила, что миссис Лоури втайне беспокоится, не случилось ли с тобой несчастье, и тоже начала тревожиться. Наконец-то ты здесь, милый! Он просил тебя прийти в контору к мистеру Тернеру в одиннадцать часов, чтобы подписать контракт. И... да, он дал мистеру Тернеру задаток.

Эндрю прошел за ней в столовую, где со стола уже было убрано. Он, разумеется, был доволен, что практика продана, но сейчас не ощутил никакой особенной радости.

— Это отлично, правда, что все так скоро устроилось, — продолжала Кристин. — Не думаю, чтобы Лоури тебя задержал здесь надолго. Я тут, пока тебя не было, размечталась о том, как хорошо было бы опять поехать ненадолго в Валь-Андре, раньше, чем ты начнешь работать на новом месте! Там так красиво, помнишь, милый... И мы чудесно провели тогда время. — Она замолчала и поглядела на него. — Да что это с тобой, Эндрю?

— Ничего, право, — улыбнулся он ей, садясь за стол. — Просто устал немного. Вероятно, оттого, что не обедал...

— Что?! — вскрикнула она в ужасе. — А я была уверена, что ты перед отъездом пообедаешь в «Бельвью». — Она оглядела стол. — И все убрала и отпустила миссис Беннет в кино.

— Это пустяки.

— Как так пустяки? Неудивительно, что ты не запрыгал от радости, когда я тебе сказала о продаже. Ну, посиди минутку, я принесу тебе чего-нибудь поесть. Чего бы тебе хотелось? Я могу разогреть суп... или хочешь яичницу-болтунью? Скажи, что тебе приготовить.

Эндрю подумал:

— Пожалуй, яичницу, Крис. Но ты не хлопочи! Ну, хорошо, пускай яичницу и кусочек сыра.

Она мигом воротилась с подносом, на котором стояла тарелка с яичницей, стакан сельдерейного сока, хлеб, печенье и закрытая тарелка, на которой обычно лежал сыр. Поставив поднос на стол, принесла еще бутылку эля из буфета.

Пока Эндрю ел, она заботливо смотрела на него и улыбалась:

— Знаешь, милый, я всегда думала: если бы мы жили на Сифен-роу, в квартирке из спальни и кухни, мы бы отлично там себя чувствовали. Богатая жизнь нам не на пользу. Теперь, когда мне предстоит опять стать женой рабочего человека, я ужасно счастлива.

Эндрю продолжал трудиться над яичницей. Утолив голод, он почувствовал себя лучше.

— Знаешь, милый, — продолжала Кристин, сидя в своей любимой позе, опершись подбородком на руки, — я столько передумала за последние дни! Раньше у меня голова не работала, все внутри точно было наглухо заперто. Но с тех пор как мы вместе, с тех пор как мы опять стали прежними, все как-то прояснилось у меня в мыслях. Знаешь, только

то, что достается нам тяжело, после борьбы, становится дорого по-настоящему. А то, что просто падает в руки, не дает удовлетворения. Помнишь нашу жизнь в Эберло — я сегодня весь день не переставала о ней думать, — когда нам приходилось так трудно? Теперь я предчувствую, что та же жизнь начнется для нас снова. Для нее мы с тобой и созданы, милый. В этом — мы! И до чего же я счастлива, что мы *так* будем жить с тобой.

Он поднял на нее глаза:

— Ты и в самом деле счастлива, Крис?

Она коснулась губами его щеки:

— Никогда в жизни не была счастливее, чем сейчас.

Наступило молчание. Эндрю намазал маслом бисквит и поднял крышку блюда, чтобы отрезать себе сыру. Но на блюде оказался не его любимый липтауэрский, а засохший кусочек чеддера, который миссис Беннет употребляла для стряпни. Увидев это, Кристин покаянно охнула:

— Ох, я забыла сегодня зайти к фрау Шмидт!

— Да ну, пустяки, Крис, и этот хорош.

— Нет, не хорош. — Она схватила блюдо раньше, чем он успел дотронуться до сыра. — Я тут размечталась, как сентиментальная школьница, вместо того чтобы накормить тебя обедом, когда ты пришел усталый. Голодом тебя морю! Хорошая жена для рабочего человека, нечего сказать! — Она вскочила, бросила взгляд на часы. — Я еще успею добежать до лавки, прежде чем она закроется.

— Да не стоит, Крис...

— Нет, пожалуйста, милый, не мешай, — весело отмахнулась она. — Я хочу это сделать. Хочу, потому что ты любишь сыр фрау Шмидт... а я люблю тебя.

И, прежде чем Эндрю успел что-нибудь возразить, она выбежала из столовой. Он слышал ее быстрые шаги в передней, легкий стук двери на улицу. В его глазах все еще светилась улыбка. Это было так похоже на Кристин. Он нама-

зал маслом второй бисквит, ожидая появления знаменитого «Липтауэра», ожидая возвращения Кристин.

В доме стояла полная тишина. «Флорри спит внизу, — подумал он, — а миссис Беннет ушла в кино...» Он был рад, что миссис Беннет едет вместе с ними... Стиллман сегодня был великолепен. Теперь Мэри будет здорова, бодрa и свежа, как дождик... а дождик славно освежил все сегодня, было так приятно возвращаться полями, тихо и прохладно. Слава богу, у Кристин скоро опять будет сад... Пускай пятерка докторов в каком-нибудь городишке линчует его, и Денни, и Хоупа, а у Крис должен быть сад!

Он рассеянно начал есть один из намазанных бисквитов. Подумал, что у него пропадет аппетит, если она не вернется скоро. Наверное, болтает с фрау Шмидт. Хорошая старая фрау... Первых пациентов послала ему она. Если бы он после этого вел себя как порядочный человек, вместо того чтобы... Ну ладно, это позади, слава богу! Они снова вместе, Кристин и он, и счастливее, чем когда-либо. Каким блаженством было услышать это от нее минуту назад!.. Он закурил сигарету.

Вдруг у двери раздался резкий звонок. Эндрю поднял глаза, отложил сигарету и вышел в переднюю. Звонок успели дернуть вторично. Он отпер дверь.

Тотчас же он увидел суматоху на улице, толпу народа на мостовой, лица, головы, точно вотканые в темноту. Но, прежде чем он успел взглядеться в этот сложный узор, полисмен, позвонивший у дверей, встал перед ним неясной громадой. Это был Струзерс, его старый приятель из Файфа, постовой. Странно белели в темноте его широко открытые глаза.

— Доктор, — сказал он чуть слышно, с трудом, как человек, запыхавшийся от быстрого бега. — Ваша жена пострадала. Она бежала... Ох, господи!.. Выбежала из лавки — и угодила прямо под автобус.

Большая ледяная рука сжала ему сердце. Он не успел опомниться, как улица надвинулась на него. Внезапно передняя наполнилась людьми. Плачущая фрау Шмидт, кондуктор автобуса, второй полисмен, какие-то чужие люди, все напирала, оттесняя его назад, в кабинет. А затем сквозь толпу двое мужчин пронесли тело его Кристин. Голова на тонкой белой шее запрокинулась назад. На левой руке все еще висел на веревочке, обмотанной вокруг пальцев, пакетик от фрау Шмидт. Ее положили на высокую кушетку в кабинете. Она была мертва.

XX

Он был совершенно убит и много дней точно не в своем уме. Бывали проблески сознания, когда он замечал Денни, миссис Беннет, а раз или два — Хоупа. Но все остальное время он жил, выполняя то, что от него требовалось, весь уйдя в себя, в один бесконечный кошмар отчаяния. Его истерзанные нервы обостряли безмерность утраты, жуть раскаяния, болезненный бред, от которого он просыпался весь в поту, с криком ужаса.

Он смутно помнил допрос, следствие, проведенное без лишних формальностей, показания свидетелей, такие обстоятельные, такие ненужные. Он неподвижно смотрел на приземистую фигуру фрау Шмидт, по пухлым щекам которой слезы текли и текли без конца.

— Она смеялась, все время смеялась, когда пришла ко мне в лавку. «Скорее, пожалуйста, — твердила она мне, — я не хочу заставлять мужа ждать...»

Услышав, что следователь выражает ему сочувствие по поводу тяжелой утраты, он понял, что процедура окончена. Машинально встал, потом, очнувшись на минуту, увидел себя на улице идущим рядом с Денни по серым камням тротуара.

Он не знал, кто и как позаботился о похоронах, все прошло каким-то непонятным, таинственным образом, без участия его сознания. Когда он ехал на кладбище Кенсал-Грин, мысли его разбегались, метались туда-сюда, уходили назад в далекое прошлое. Стоя на унылом, грязном кладбище, он

вспоминал простор овечьих ветром горных лугов за «Вейл Вью», где носились, разметав спутанные гривы, маленькие горные пони. Кристин любила гулять там, любила, когда свежий ветер ласкал ей щеки. А теперь она будет лежать на этом унылом и грязном городском кладбище.

Вечером, в безумной муке, он пробовал напиться до бесчувствия. Но виски как будто еще сильнее растравило в нем гнев на себя. До глубокой ночи он шагал из угла в угол, громко разговаривая сам с собою.

— Ты думал, что сможешь убежать от этого! Думал, что уже убежал. Нет, клянусь Богом! Преступление и наказание, преступление и наказание за него! Это ты виноват в ее смерти. Ты *должен* страдать.

Он вышел на улицу, забыв надеть шляпу, шатаясь, и безумными глазами уставился в наглухо закрытые окна лавки Видлера. Потом воротился в дом, лепеча сквозь горькие пьяные слезы: «С Богом шутить нельзя! — когда-то сказала Крис. — С Богом шутить нельзя, мой милый».

Спотыкаясь, он побрел наверх. Постояв у дверей, вошел в спальню Кристин, безмолвную, холодную, опустевшую. На туалетном столике лежала ее сумочка. Он поднял ее, прижал к щеке, потом открыл неловкими пальцами. Внутри было немного серебра и медяков, маленький носовой платочек, счет от бакалейщика. А в среднем отделении — какие-то бумажки: выцветшая моментальная фотография его, Эндрю, снятая в Блэнелли, и — да, он узнал их сразу с острой болью — те записочки, что он получил в Эберло к Рождеству вместе с подарками от своих пациентов. «С сердечной благодарностью». Так Кристин их хранила все эти годы! Тяжкое рыдание вырвалось у него. Он упал на колени у постели в страстном отчаянии.

Денни не мешал ему пить. Эндрю казалось, что Денни почти каждый день бывал в доме. Это он делал не ради того, чтобы заменить Эндрю на приеме, так как теперь больных принимал доктор Лоури. Лоури жил пока где-то в другом

месте, но приходил на амбулаторный прием и ездил по визитам. А Эндрю ничего не знал, не хотел знать о том, что происходило вокруг него. Он прятался от Лоури. Нервы его были вконец разбиты. Звонок у двери заставлял его сердце бешено колотиться. При внезапном звуке чьих-либо шагов у него потели ладони. Он сидел у себя в комнате наверху, комкая в руках носовой платок, вытирая время от времени мокрые ладони, тупо глядя в огонь, зная, что, когда наступит ночь, его ждет призрак бессонницы.

В таком состоянии находился Эндрю, когда однажды утром к нему вошел Денни и сказал:

— Слава богу, наконец-то я свободен! Теперь мы можем уехать.

Эндрю и не пробовал отказываться: способность к сопротивлению в нем была окончательно сломлена. Он даже не спросил, куда они едут. В молчаливой апатии наблюдал, как Денни укладывал его чемодан. Через час они уже были на пути к Паддингтонскому вокзалу.

Они ехали целый день через юго-западные графства, пересели в Ньюпорте и направились дальше, через Монмутшир. В Абергавенни сошли с поезда, и у вокзала Денни нанял автомобиль. Когда они выбрались из города и ехали мимо реки Аск, через поля и леса, пестревшие пышными красками осени, Денни произнес:

— Мы едем в одно местечко, куда я когда-то ездил удить рыбу. Аббатство Лантони. Думаю, оно нам подойдет.

Сетью проселочных дорог, окаймленных орешником, они к шести часам вечера добрались до места. На покрытом густым зеленым дерном лугу стояли развалины монастыря, гладкие серые камни. Кое-где высились уцелевшие еще монастырские своды. А рядом — гостиница, вся построенная из камней обрушившихся стен. Успокоительно журчал протекавший неподалеку ручей. Дымок от горящего дерева ровной синей лентой поднимался в тихом вечернем воздухе.

На другое утро Денни потащил Эндрю на прогулку. День был сухой и звенящий, но Эндрю ослаб от бессонной ночи, его вялые мускулы изменили ему на первом же подъеме в гору, и он захотел вернуться назад после того, как они прошли совсем небольшое расстояние. Однако Денни был неумолим. Он заставил Эндрю в этот день пройти восемь миль, на следующий день — десять. К концу недели они уже делали до двадцати миль в день, и Эндрю, добравшись к вечеру до своей комнаты, сразу валялся на постель и засыпал.

Здесь их никто не беспокоил. В поселке осталось только несколько рыбаков, так как сезон ловли форели уже кончался. Они обедали в бывшей трапезной с каменным полом, за длинным дубовым столом, перед открытым очагом, в котором трещали поленья. Кормили их просто, но вкусно.

Во время прогулок они не разговаривали. Часто за целый день перекидывались только двумя-тремя словами. Вначале Эндрю совершенно не замечал местности, по которой они бродили. Но шли дни, и красота этих лесов и рек, извилистой цепи холмов, поросших папоротником, мало-помалу, незаметно проникала в его онемевшую душу.

Выздоровление его шло медленно, однако к концу первого месяца он уже легко переносил длительные прогулки, к нему вернулись нормальный аппетит и сон, он каждое утро купался в холодной воде и без страха смотрел в лицо будущему. Он видел, что для его выздоровления нельзя было выбрать лучшего места, чем этот уединенный уголок, лучшего средства, чем этот спартанский образ жизни. Когда первые морозы крепко сковали землю, он ощутил в крови инстинктивную радость.

И неожиданно он начал разговаривать с Денни. Вначале их разговоры были отрывочны, несвязны. Душа Эндрю, подобно атлету, проделывающему простые упражнения перед большим выступлением, осторожно возвращалась к жизни. Незаметным для себя образом он узнавал от Денни о ходе событий.

Практика его была продана доктору Лоури, правда, не за ту цену, которую назначил сперва Тернер, так как после всего случившегося Эндрю не мог ввести нового врача в курс дела и рекомендовать больным, но за сумму, довольно близкую к ней. Хоуп наконец закончил свою стажировку и уехал к родным в Бирмингем. Денни тоже был свободен. Он отказался от места перед отъездом в Лантони. Вывод напрашивался сам собой. И Эндрю вдруг поднял голову:

— К началу года я *должен* снова стать работоспособным.

Теперь они с Денни начали уже говорить об этом серьезно, и через неделю от упорного безучастия Эндрю не осталось и следа. Ему казалось странным и печальным, что душа человека способна оправиться от такого смертельного удара, как тот, который поразил его. Но выздоровление было налицо, надо было с этим мириться. Сначала он брел вслед за Денни со стоическим равнодушием ко всему окружающему, как хорошо действующий автомат. Теперь он с настоящей жадностью вдыхал резкий воздух холмов, сбивал палкой папоротник, брал из рук Денни свою корреспонденцию и ругал почту, если вовремя не приходил «Медицинский журнал».

По вечерам они с Денни погружались в изучение большой карты. С помощью справочника они составили список городов, потом, постепенно вычеркивая, оставили только восемь названий. Два города из этих восьми находились в Стаффордшире, три — в Нортгемптоншире и три — в Уорикшире.

В следующий понедельник Денни уехал и отсутствовал неделю. За эти семь дней Эндрю почувствовал, что к нему быстро возвращается прежняя потребность работать, делать собственное, настоящее дело вместе с Хоупом и Денни. Им овладело громадное нетерпение. В субботу он прошел пешком всю дорогу до Абергавенни, чтобы встретить поезд — последний на этой неделе. Денни не приехал. Возвращаясь домой разочарованный, так как предстояло ожидать еще две

ночи и целый день, Эндрю неожиданно увидел у ворот гостиницы маленький темный «форд». Он ринулся в дом. Здесь, в освещенной лампой трапезной, сидели Денни и Хоуп за чаем и яичницей с ветчиной, а на буфете стояли взбитые сливки и жестянки с компотом из персиков.

Последние два дня они были совершенно одни в Лантони. Рассказ Филипа о его поездке был вступлением к горячим дебатам. Снаружи ливень и град барабанили в стекла. Погода окончательно испортилась. Но им было все равно.

Два города из тех, где побывал Денни, — Френтон и Стенборо, — как выразился Хоуп, «созрели для медицинского обслуживания». Это были солидные сельскохозяйственные центры, где недавно стала развиваться новая отрасль промышленности. В Стенборо был только что построен завод по производству подшипников, во Френтоне — большой сахарный завод. Население увеличивалось, на окраинах, как грибы, вырастали дома. Но медицинское обслуживание отставало. Во Френтоне имелась только сельская больница, в Стенборо — не было никакой. Если требовалась неотложная помощь, больных везли в Ковентри, за пятнадцать миль.

Этих подробностей было достаточно, чтобы они настожились, как собаки, учуяв след. Но у Денни были в запасе еще более обнадеживающие сведения. Он вытащил план Стенборо, вырванный из путеводителя, и сказал:

— К сожалению, не могу скрыть от вас, что я стащил его из гостиницы в Стенборо. Хорошее начало, а?

— Живее! — нетерпеливо перебил его Хоуп. — Что означает вот этот крестик?

— Это — рыночная площадь, — объяснял Денни, когда все трое склонились над планом. — По крайней мере, она примыкает к рынку. Она в самом центре города, высоко на холме, и оттуда очень красивый вид. Вам знакомы такого рода города: кольцо домов, лавок, контор, особняки и старые, много лет существующие предприятия, архитектура,

пожалуй, георгианская, низкие окна и портики. Самый главный врач в городе — не человек, а настоящий кит. Я его видел: внушительная багровая физиономия, вроде бараньей отбивной. У него два помощника и собственный дом на площади. — Денни говорил с мягкой иронией. — А как раз напротив, по другую сторону чудесного гранитного фонтана, посреди площади, стоят два пустующих дома — большие комнаты, полы в исправности, хороший фасад. И дома эти продаются. Я думаю...

— И я тоже, — подхватил Хоуп, не переводя дыхания, — я вам сразу говорю, что мне ничего так не хочется, как маленькой лаборатории напротив этого фонтана.

Они продолжали толковать между собой. Денни рассказывал новые любопытные подробности.

— Право, — сказал он в заключение, — мы все трое, должно быть, совсем рехнулись. Такие затеи осуществляются с успехом в больших городах Америки, где все великолепно организовано и имеются огромные капиталы. Но тут — в Стенборо! И ни у кого из нас нет больших денег! Потом мы, наверное, будем адски ссориться друг с другом. Но все же...

— Ну и достанется же бедной бараньей отбивной! — воскликнул Хоуп, вставая и потягиваясь.

В воскресенье они сделали еще шаг: отправили Хоупа в объезд с тем, чтобы он на обратном пути, в понедельник, заехал в Стенборо. Решено было, что Денни и Эндрю приедут туда в среду, встретятся с ним в гостинице и один из них осторожно наведет нужные справки у местных агентов по продаже домов.

Хоуп уехал рано утром, умчался, разбрызгивая грязь, в своем «форде» раньше, чем остальные кончили завтракать. Небо по-прежнему было сплошь покрыто тучами, но день вставал ветреный и бодрящий. После завтрака Эндрю вышел на часок пройтись. Было радостно чувствовать себя

снова пригодным к жизни, работа манила его, мысль о клинике увлекала своей новизной. До сих пор он не сознавал, как эта затея ему дорога. Теперь она была близка к осуществлению.

Когда он вернулся домой в одиннадцать часов, привезли почту — целую пачку писем, пересланных из Лондона. Эндрю сел за стол, предвкушая удовольствие. Денни у очага читал утреннюю газету.

Первое письмо было от Мэри Боленд. Он разбирал убористо исписанные странички. Лицо его потеплело от улыбки. Письмо начиналось выражениями сочувствия и надежды, что он совсем теперь оправился. Дальше Мэри коротко сообщала о себе. Ей лучше, гораздо лучше, она почти здорова. Вот уже пять недель у нее нормальная температура. Она ходит и занимается гимнастикой. Она так пополнела, что он ее, наверное, не узнает. Она спрашивала, не может ли Эндрю приехать навестить ее. Мистер Стиллман уехал обратно в Америку на несколько месяцев и оставил вместо себя своего ассистента, мистера Марленда. Мэри писала, что не знает, как и благодарить Эндрю, поместившего ее в «Бельвью».

Эндрю дочитал письмо, повеселев от известия о выздоровлении Мэри. Затем, отложив несколько циркуляров и реклам в дешевых конвертах с полупенсовыми марками, взял следующее письмо. Конверт был длинный, казенного типа. Он вскрыл его, вынул плотный листок бумаги.

Улыбка исчезла с его лица. Он смотрел на письмо, точно не веря глазам. Зрачки его расширились. Он побелел как мел. Целую минуту он оставался неподвижным и все смотрел, смотрел на письмо.

— Денни, — наконец сказал он тихо, — взгляните!

XXI

Два месяца назад, когда Эндрю довез миссис Шарп до станции «Ноттинг-Хилл», она доехала затем подземкой до «Оксфорд-серкус», а оттуда торопливо пошла по направлению к Куин-Энн-стрит. Она договорилась со своей приятельницей, сестрой Трент, служившей у доктора Хэмптона, пойти вместе в Королевский театр, где Луи Савори, которым обе они восторгались, выступал в «Герцогине». Но так как было уже четверть девятого, а спектакль начинался без четверти девять, то у миссис Шарп оставалось очень мало времени на то, чтобы зайти за своей знакомой и добраться до верхнего яруса театра. Теперь, вместо того чтобы на досуге вкусно пообедать в «Корнер-Хаусе», как она рассчитывала, ей оставалось только перехватить по дороге сэндвич, а то и вовсе ничего не поесть. Поэтому миссис Шарп, шагая по Куин-Энн-стрит, чувствовала себя горько обиженной. Перебирая в памяти все события дня, она так и кипела негодованием и возмущением. Поднявшись на крыльцо дома номер 17-с, она поспешно нажала кнопку звонка.

Дверь отперла сестра Трент с выражением кроткого упрека на лице. Но прежде чем она успела заговорить, миссис Шарп схватила ее за руку.

— Дорогая моя, — сказала она скороговоркой, — извините, пожалуйста, что опоздала. Но какой у меня сегодня был день, если бы вы знали! Я вам все потом расскажу. Дайте мне только войти и оставить у вас свои вещи. Если я не буду переодеваться, то мы, я думаю, можем сразу же выйти.

В ту минуту, когда обе женщины стояли в коридоре, с лестницы сошел Хэмптон, нарядный, сияющий, в вечернем костюме. При виде их он остановился. Фредди никогда не упускал случая очаровать кого-нибудь. Его тактика отчасти в том и состояла, чтобы нравиться людям и извлекать из их расположения все, что возможно.

— Привет, сестра Шарп! — сказал он очень весело, доставая сигарету из золотого портсигара. — У вас усталый вид. И почему вы обе здесь так поздно? Я как будто слышал от сестры Трент, что сегодня вы собираетесь в театр?

— Да, доктор, — ответила миссис Шарп. — Но я... Меня задержал доктор Мэнсон из-за одной своей больной.

— Вот как? — В тоне Фредди послышалось что-то вроде вопроса.

Этого было достаточно для Шарп. Глодавшая ее обида, неприязнь к Эндрю и чары Хэмптона вдруг развязали ей язык.

— Никогда в жизни еще не переживала такого дня, как сегодня, доктор Хэмптон. Никогда! Забрать из больницы Виктории больную и потихоньку увезти ее в это «Бельвю»? И там доктор Мэнсон меня задержал на целый день, пока он делал ей пневмоторакс вместе с каким-то человеком, который вовсе не врач... — С трудом удерживая злые слезы раздражения, миссис Шарп изложила Хэмптону всю историю.

Когда она закончила, наступила пауза. Глаза Фредди приняли странное выражение.

— Это все возмутительно, сестра, — наконец сказал он. — Но я надеюсь, что вы не опоздаете в театр. Вот что, сестра Трент, наймите за мой счет такси, включите эту сумму в запись ваших расходов. Ну а теперь вы извините, мне пора идти.

— Вот это джентльмен! — пробормотала сестра Шарп, провожая его восхищенным взглядом. — Ну скорее, дорогая, вызывайте такси.

Фредди ехал в клуб, погруженный в размышления. Со времени ссоры с Эндрю он в силу необходимости спрятал самолюбие в карман и опять сошелся с Фридманом и Айвори. В этот вечер они обедали втроем в клубе, и во время обеда Фредди не столько по злобе, сколько желая заинтересовать собеседников, снова теснее сблизиться с ними, сказал небрежно:

— А Мэнсон-то, оказывается, проделывает недурные штуки с тех пор, как с нами порвал. Я слышал, он начал поставлять пациентов этому субъекту — Стиллману.

— Что?! — Айвори отложил вилку.

— И работает с ним в доле, насколько я понимаю. — Хэмптон изложил свою версию всей истории.

Когда он закончил, Айвори спросил неожиданно резко:

— Это правда?

— Ну, милый мой! — ответил Фредди оскорбленным тоном. — Я слышал это от его медицинской сестры не далее как полчаса тому назад.

Последовало молчание. Айвори опустил глаза и опять принялся за еду. Но под этим спокойствием крылась свирепая радость. Айвори не мог простить Мэнсону его последнего замечания после операции Видлера. Не отличаясь чувствительностью, Айвори был адски самолюбив, как человек, знающий свое слабое место и ревниво скрывающий его от чужих глаз. В глубине души он знал, что плохой хирург. Но никто еще не говорил ему этого с такой резкостью, как Мэнсон, не давал ему почувствовать в полной мере его невежество. И за эту горькую истину он возненавидел Мэнсона.

Хэмптон и Фридман несколько минут разговаривали между собой, пока Айвори не поднял голову. Тон его был бесстрастен.

— Не можете ли вы узнать адрес этой сестры милосердия?

Фредди прервал разговор и уставился через стол на Айвори:

— Конечно могу.

— Мне кажется, — хладнокровно размышлял вслух Айвори, — что тут следует что-нибудь предпринять. Между нами говоря, Фредди, у меня до сих пор не было времени особенно заниматься вашим Мэнсоном, но то, что я услышал, уже переходит всякие границы. Я говорю из чисто этических соображений. Только на днях Гэдсби как раз говорил со мной об этом Стиллмане. О нем начинают шуметь газеты. Какой-то невежественный болван с Флит-стрит составил список бесспорных случаев исцеления Стиллманом больных, от которых отказались врачи. Знаете, эти обычные басни. Гэдсби здорово взбешен. Кажется, Крэнсон одно время лечился у него, раньше чем обратился к этому шарлатану... Да... Что же будет, если и врачи-профессионалы начнут поддерживать этого мерзкого чужака? Чем больше я думаю об этом, тем меньше мне это нравится. И я намерен немедленно переговорить с Гэдсби. — Он подозвал официанта. — Узнайте, здесь ли сейчас доктор Морис Гэдсби. Если нет, скажите швейцару, чтобы он узнал по телефону, дома ли он.

Хэмптону сразу стало не по себе. Он не был злопамятен и не питал никакой вражды к Мэнсону, которого всегда любил по-своему, поверхностно и эгоистично. Он пробормотал:

— Меня в это дело не впутывайте.

— Не будьте ослом, Фредди. Что же, вы допустите, чтобы этот субъект безнаказанно обливал нас грязью, а ему все сходило с рук?

Лакей воротился с известием, что доктор Гэдсби дома. Айвори поблагодарил его.

— Боюсь, в бридж мне уже сегодня не удастся поиграть, друзья. Разве только, если Гэдсби окажется занят.

Но Гэдсби оказался свободен, и в этот вечер Айвори побывал у него. Они не были близкими друзьями, но достаточно хорошими знакомыми, так что хозяин поставил на стол

свой почти самый лучший портвейн и коробку приличных сигар. Знал или нет доктор Гэдсби о репутации Айвори как врача — он, во всяком случае, был осведомлен о положении, которое Айвори занимал в обществе, а этого было достаточно, чтобы Морис Гэдсби, жаждавший успехов в свете, предупредительно отнесся к нему.

Когда Айвори упомянул о цели своего визита, Гэдсби не понадобилось притворяться: он действительно был живо заинтересован. Он нагнулся вперед, устремив маленькие глазки в лицо Айвори, и внимательно слушал то, что рассказывал гость.

— Ах, черт побери! — воскликнул он с несвойственной ему горячностью, когда тот закончил. — Я этого Мэнсона знаю. Он короткое время служил у нас в Горнозаводском комитете патологии труда, и, уверяю вас, мы были очень рады, когда от него избавились. Это человек совершенно не нашего круга, манеры у него хуже, чем у любого рассыльного. И неужели вы серьезно говорите, что он увез из Виктории больную? Это, верно, кто-нибудь из больных Тарэгуда. Посмотрим, что скажет на это Тарэгуд! И передал ее Стиллману?

— Более того, он сам помогал Стиллману при операции.

— Если это правда, — осторожно заметил Гэдсби, — то это уголовное дело.

— Видите ли, — Айвори сделал приличную случаю паузу, — такова и моя точка зрения. Но я воздерживаюсь от каких-либо выступлений против него, так как одно время я был с этим господином знаком ближе, чем вы. Мне бы не хотелось подавать заявление от своего имени.

— Тогда я подам его, — заявил Гэдсби авторитетным тоном. — Если то, что вы мне сообщили, подтвердится, я самолично подам жалобу. Я бы считал, что изменяю долгу, если бы не сделал этого немедленно. Вопрос очень важный, Айвори. Этот Стиллман опасен не столько для публики,

сколько для нашей профессии. Я уже, кажется, рассказывал вам недавно на обеде то, что мне о нем известно. Он угроза нашему положению, нашей квалификации, нашим традициям. Он угрожает всему, за что мы стоим. Единственный исход для нас — изгнать его из нашей среды. Тогда он рано или поздно попадет в беду из-за отсутствия у него диплома. Слава богу, решение этого вопроса еще в наших руках. Мы можем ему подписать смертный приговор. Но если этот субъект и ему подобные сумеют обеспечить себе сотрудничество врачей-профессионалов, то мы погибли, так и знайте. К счастью, в этих случаях Медицинский совет до сих пор всегда обрушивался, как тонна кирпича, на голову виновных. Помните историю с Джарвисом, который несколько лет назад помогал в качестве анестезиолога какому-то неучу? Его немедленно убрали. Чем больше я думаю об этом нахале Стиллмане, тем больше укрепляюсь в своем решении примерно его проучить. Если разрешите вас оставить на минуту, я сейчас же переговорю по телефону с Тарэгудом. А завтра придется опросить сестру милосердия.

Он позвонил доктору Тарэгуду, а на другой день в присутствии последнего опросил миссис Шарп и заставил подписать ее показания. Они были настолько убедительны, что Гэдсби немедленно снесся со своими поверенными — фирмой «Бун и Эвертон» на Блумсбери-сквер. Разумеется, он терпеть не мог Стиллмана. Но, кроме того, он уже с удовольствием предвидел блага, уготованные такому борцу за врачебную этику, каким он себя выкажет в этом случае.

Пока Эндрю искал забвения в Лантони, процесс против него неуклонно разворачивался обычным порядком. Правда, Фредди, в ужасе прочитавший в газете заметку о смерти Кристин, позвонил Айвори и сделал попытку прекратить дело. Но было уже слишком поздно. Заявление было подано.

Комиссия по уголовным делам рассмотрела это заявление, и Эндрю было послано письмо с предложением явиться

на ноябрьское заседание совета и дать объяснения по поводу предъявленного ему обвинения. Это-то письмо Эндрю теперь и держал в руках, побелев от ужаса перед угрозой, скрытой в официальных выражениях письма.

...что вы, Эндрю Мэнсон, добровольно и сознательно 15 августа сего года помогли некоему Ричарду Стиллману, не зарегистрированному в качестве лица медицинской профессии, заниматься врачебной практикой и что вы, таким образом, являетесь его сообщником в этом деле. И в силу этого вы обвиняетесь в поступках, позорящих вас как лицо данной профессии.

XXII

Дело должно быть разбираться десятого ноября, но Эндрю вернулся в Лондон на целую неделю раньше. Он был один, так как просил Хоупа и Денни всецело предоставить его самому себе. И поселился в отеле «Музеум», вызывавшем в нем чувство горькой меланхолии.

Внешне спокойный, он был, однако, в ужасном состоянии. Он переходил от приступов беспросветного отчаяния к душевному смятению, причиной которого была не только неуверенность в будущем, но и воспоминания обо всех этапах его жизни. Полтора месяца назад этот новый удар застал бы его душевно парализованным смертью Кристин, безучастным, ко всему равнодушным. Теперь же, когда он выздоровел и жаждал снова приступить к работе, он почувствовал этот удар с жестокой силой. С тяжелым сердцем говорил он себе, что все его возродившиеся было надежды снова умерли и что лучше было бы и ему самому умереть.

Эти и другие мучительные мысли постоянно теснились у него в мозгу, временами приводя его в состояние какой-то дикой растерянности. Не верилось, что он, Эндрю Мэнсон, очутился в таком ужасном положении, лицом к лицу с тем, чего, как кошмара, боится каждый врач. За что его вызывают в совет? За что хотят исключить? Он не совершил ничего постыдного. Не виновен ни в каком преступлении. Все, что он сделал, он сделал затем, чтобы вылечить от чахотки Мэри Боленд.

Вести свое дело он поручил фирме «Хорнер и К°», которую усиленно рекомендовал ему Денни. На первый взгляд адвокат Томас Хорнер был невзрачен — низенький, краснолицый, суетливый мужчина в золотых очках. Вследствие какого-то дефекта кровообращения у него бывали приливы крови, лицо багровело, и вид его не внушал доверия. Тем не менее Хорнер весьма решительно проводил свою точку зрения во время подготовки к процессу. Когда Эндрю в первом порыве мучительного негодования хотел мчаться к сэру Роберту Эбби, его единственному влиятельному знакомому в Лондоне, Хорнер, поморщившись, заметил ему, что Эбби — член совета. Так же неодобрительно суетливый маленький адвокат отверг дикую мысль Эндрю телеграфировать Стиллману, чтобы он немедленно приехал из Америки. У них имелись все те свидетельские показания, которые мог бы дать в их пользу Стиллман, а личное присутствие этого врача без диплома могло бы только раздражить членов совета. Из тех же соображений не следовало вызывать свидетелем и Марленда, нынешнего директора «Бельвью».

Мало-помалу Эндрю стало ясно, что юристам дело его представляется в совершенно ином свете, чем ему самому. Когда в беседе с Хорнером он доказывал свою невиновность, его гневные доводы заставили адвоката недовольно наморщить лоб. В конце концов Хорнер был вынужден сказать:

— Об одном прошу вас, доктор Мэнсон: не вздумайте на суде в среду изъясняться в таких выражениях. Уверяю вас, ничто не могло бы более роковым образом повлиять на исход нашего дела.

Эндрю круто оборвал речь, сжал руки и горящими глазами посмотрел на Хорнера:

— Но я хочу, чтобы они узнали *правду*. Хочу доказать им, что исцеление этой девушки — лучшее мое дело за много лет. После того как я столько времени работал безобразно, кое-как, ради денег, я сделал нечто прекрасное. И за это они хотят меня судить!

Глаза Хорнера под очками приняли крайне озабоченное выражение. От раздражения кровь прилила к его лицу.

— Пожалуйста, успокойтесь, доктор Мэнсон. Вы не понимаете всей серьезности нашего положения. Кстати, должен откровенно вам сказать: я считаю, что наши шансы на успех в лучшем случае слабы. В тысяча девятьсот девятом году — Кент, в тысяча девятьсот двенадцатом году — Лауден, в тысяча девятьсот девятнадцатом году — Фоулджер, — все были исключены за сотрудничество с непрофессионалами. И на знаменитом процессе Хексема в тысяча девятьсот двадцать первом году он был осужден за то, что давал общий наркоз при операциях костоправа Джарвиса. Умоляю вас об одном: отвечайте на вопросы «да» или «нет», а там, где этого недостаточно, — возможно короче. Потому что я серьезно предупреждаю вас: если вы пуститесь в такие рассуждения, как здесь со мной, мы, несомненно, проиграем дело и вас лишат возможности работать. Это так же верно, как то, что меня зовут Томас Хорнер.

Эндрю смутно понял, что надо будет держать себя в узде. Как больной, положенный на операционный стол, он должен покориться официальной процедуре суда. Но ему было трудно сохранять такую пассивность. Мысль, что он вынужден отказаться от всяких попыток реабилитации и отвечать лишь «да» и «нет», выводила его из себя.

Во вторник вечером, девятого ноября, когда лихорадочное ожидание того, что принесет ему завтрашний день, достигло апогея, он незаметно для себя очутился в Паддингтоне. Побуждаемый темным подсознательным импульсом, он шел к лавке Видлера. Где-то в глубине его души скрывалась болезненная фантазия, будто все несчастья последних месяцев — кара за смерть Гарри Видлера. Его непреодолимо тянуло к вдове Видлера, как будто уже один вид ее мог помочь ему каким-то образом.

Вечер был темный, дождливый, и на улицах встречалось мало прохожих. Со странным ощущением нереальности всего вокруг шагал Эндрю, никем не узнанный, по этим улицам,

где его так хорошо знали. Его темная фигура словно стала тенью среди других теней, спешивших, несшихся сквозь густую сеть дождя. Он пришел к лавке как раз перед ее закрытием, помедлил в нерешительности, затем, когда оттуда вышла какая-то покупательница, поспешно вошел внутрь.

Миссис Видлер стояла одна за прилавком в отделении чистки и утюжки, складывая дамское пальто, которое ей только что оставили. На ней была черная юбка и старенькая блузка, перекрашенная в черный цвет, с небольшим вырезом у шеи. В трауре она казалась еще миниатюрнее. Вдруг она подняла глаза и увидела Эндрю.

— О, доктор Мэнсон! — воскликнула она, и лицо ее просветлело. — Как поживаете, доктор?

Он с трудом ответил. Он видел, что она ничего не знает о его нынешних неприятностях. Он все еще стоял на пороге, неподвижно глядя на нее, а с полей его шляпы медленно стекала вода.

— Входите же, доктор. Да вы совсем промокли. Ужасная погода...

Он перебил ее напряженным, неестественным голосом:

— Миссис Видлер, мне давно хотелось вас повидать. Я часто думал, как вы тут одна живете.

— Помаленьку, доктор. Не так уж плохо. В сапожной мастерской у меня новый помощник. Хороший работник. Но войдите же и позвольте предложить вам чашку чая.

Он покачал головой:

— Нет-нет, я только мимоходом зашел. — И продолжал чуть не с отчаянием: — Вам, должно быть, сильно недостает Гарри?

— Да, конечно, особенно вначале не доставало. Но просто удивительно, — она даже улыбнулась, говоря это, — как со всем свыкаешься.

Он сказал торопливо, смущенно:

— Я себя упрекаю... Все это случилось так неожиданно для вас, и я часто думал, что вы, верно, меня считаете виноватым.

— Вас — виноватым? — Она покачала головой. — Да за что же? Вы сделали все, даже лечебницу рекомендовали и самого лучшего хирурга...

— Но, видите ли, — настаивал он хрипло, чувствуя, как цепенеет от холода все тело, — если бы вы поступили иначе, если бы Гарри лег в больницу, то, быть может...

— Я не могла поступить иначе, доктор. Мой Гарри получил все самое лучшее, что можно было достать за деньги. Даже похороны. Жаль, что вы не видели, какие были венки! А вас осуждать! Да я сколько раз говорила вот в этой самой лавке, что для Гарри нельзя было выбрать доктора умнее, добрее и лучше вас.

Она продолжала говорить, и Эндрю уже было ясно, что, хотя он только что сделал прямое признание, эта женщина никогда ему не поверит. Она утешалась иллюзией, что смерть Гарри была неизбежна и для него было сделано все, что можно. Было бы жестокостью отнять у нее эту веру, которая так ее поддерживала. И Эндрю, помолчав, сказал:

— Очень рад, что повидал вас, миссис Видлер. Я нарочно для этого зашел.

Он пожал ей руку, простился и вышел.

Это свидание не только не успокоило и не утешило его — он почувствовал себя еще несчастнее. Чего он ожидал? Прощения в духе лучших литературных традиции? Осуждения? Он с горечью подумал, что теперь миссис Видлер, вероятно, будет о нем еще более высокого мнения, чем прежде. Бредя обратно по грязным улицам, он вдруг ощутил уверенность, что непременно завтра проиграет дело. Уверенность эта росла с ужасающей быстротой.

Неподалеку от его гостиницы, на тихой боковой улице, он прошел мимо открытых дверей какой-то церкви. Повинуясь внезапному побуждению, он остановился, повернул обратно и вошел. В церкви было темно, пусто и тепло. Кажется, служба недавно закончилась. Эндрю эта церковь была незнакома, но ему было все равно. Он сел на последнюю

скамью и вперил неподвижный усталый взгляд в темный свод за хорами. Он вспоминал, как Кристин, когда они отошли друг от друга, стала вдруг набожна. И он никогда не бывал в церкви, а вот теперь зашел в эту, незнакомую. Людей сюда приводило горе, здесь люди приходили в себя, здесь они обращались к Богу.

Так он сидел, склонив голову, как человек, отдыхающий в конце путешествия. Его мысли текли неспешно, но он не молился, а изливал в тоске свою душу. Господи! Не позволяй им исключить меня. О Боже! Не позволяй им исключить меня. Погруженный в размышления, он просидел в церкви с полчаса, потом встал и пошел прямо в гостиницу.

Он заснул тяжелым сном, но наутро проснулся с еще более острым ощущением тошнотворного страха. Когда одевался, руки у него немного дрожали. Он бранил себя мысленно за то, что поселился в этой гостинице, где все напоминало ему о тех днях, когда он приезжал держать экзамен. То, что он сейчас испытывал, было очень похоже на волнение перед экзаменом, но во сто раз сильнее.

Энрю спустился к завтраку, но кусок не лез ему в горло. Дело было назначено на одиннадцать часов, и Хорнер просил его прийти пораньше. Он рассчитал, что до Холлэм-стрит не больше двадцати минут езды, и просидел до половины одиннадцатого в гостиной отеля, делая вид, что читает газеты. Когда же он наконец выехал, его такси надолго застряло в ряду других из-за какой-то задержки движения на Оксфорд-стрит. Когда он добрался до здания Медицинского совета, пробило одиннадцать часов.

Он поспешил в зал совета и только смутно успел заметить, что зал большой, что за высоким столом уже расположились все члены совета, а на председательском месте — сэр Дженнер Халлидей. Эндрю остановился в дальнем конце зала, где уже сидели все участники процесса с видом актеров, ожидающих своего выхода. Здесь были Хорнер, Мэри Боленд с отцом, сестра Шарп, доктор Тарэгуд, мистер Бун,

палатная сестра Майлс из больницы Виктории. Эндрю обвел глазами весь ряд. Затем торопливо сел подле Хорнера.

— Я, кажется, просил вас прийти пораньше, — сказал адвокат недовольным тоном. — Первое дело уже заканчивается. Опоздать на заседание совета было бы фатально.

Эндрю ничего не ответил. Хорнер был прав — председатель уже читал приговор по предыдущему делу. Приговор был неблагоприятный: исключение из состава врачей. Эндрю не мог отвести глаз от осужденного, виновного в каком-то неблагоприятном поступке. Это был жалкий, обтрепанный субъект, вид которого говорил о тяжелой борьбе за существование. Выражение полнейшей безнадежности на лице этого человека, осужденного высоким собранием его коллег, пронизало Эндрю дрожью.

Но он не успел ни о чем подумать, только почувствовал мимолетный порыв сострадания. В следующую минуту вызвали его. Со сжавшимся сердцем слушал он, как читали официальное обвинительное заключение.

Затем выступил мистер Джордж Бун, представитель обвинения. Худая, подтянутая фигура во фраке, гладко выбритое лицо, пенсне на широкой черной ленте. Он заговорил неторопливо, размеренно:

— Господин председатель и вы, господа, дело, которое вам предстоит рассмотреть, не имеет ничего общего ни с одной из систем лечения, предусмотренных разделом двадцать восьмым Акта о врачевании. Напротив, оно является явным примером связи лица медицинской профессии с лицом, не числящимся в списках врачей, и позволю себе напомнить, что совет совсем недавно имел случай осудить аналогичный поступок.

Факты таковы. Больная Мэри Боленд, страдающая туберкулезом верхушек легких, была принята в палату доктора Тарэгуда больницы Виктории восемнадцатого июля сего года. Там она находилась под наблюдением доктора Тарэгуда до четырнадцатого сентября, когда выписалась из боль-

ницы под предлогом, что желает вернуться домой. Я говорю «под предлогом», так как в день ее выхода пациентка домой не уехала, а была встречена у сторожки привратника доктором Мэнсоном, который тотчас отвез ее в лечебное заведение, именуемое «Бельвью» и предназначенное, насколько я знаю, для лечения легочных заболеваний.

По приезде в место, именуемое «Бельвью», пациентка была уложена в постель и осмотрена доктором Мэнсоном совместно с владельцем предприятия мистером Ричардом Стиллманом, не имеющим диплома врача и... э-э... надо добавить, чужестранцем. После осмотра на консилиуме — прошу совет запомнить эту фразу — на консилиуме доктора Мэнсона с мистером Стиллманом было решено подвергнуть больную операции, то есть привести ее в состояние пневмоторакса. После этого доктор Мэнсон сделал местную анестезию, а вдвухание было произведено доктором Мэнсоном и мистером Стиллманом.

Теперь, господа, после краткого изложения фактов я, с вашего разрешения, вызову свидетелей. Доктор Юстас Тарэгуд, пожалуйста. — Доктор Тарэгуд встал и вышел вперед, сняв очки и держа их наготове. Бун начал опрос: — Доктор Тарэгуд, я не хотел вас беспокоить. Нам прекрасно известна ваша репутация, можно даже сказать, ваша слава специалиста по легочным болезням, и я не сомневаюсь, что вами руководила лишь снисходительность к младшему коллеге. Но скажите, доктор Тарэгуд, верно ли, что в субботу утром, десятого сентября доктор Мэнсон настоял на вашей с ним консультации по поводу больной Мэри Боленд?

— Да.

— И верно ли также, что во время этой консультации он настаивал на методе лечения, который вы находили неподходящим?

— Он хотел, чтобы я сделал ей пневмоторакс.

— Совершенно верно. И в интересах больной вы отказались?

- Отказался.
- А после вашего отказа не заметили ли вы чего-нибудь странного в поведении доктора Мэнсона?
- Как вам сказать... — замялся Тарэгуд.
- Смелее, смелее, доктор Тарэгуд. Мы понимаем ваше естественное колебание...
- Он в то утро был не совсем такой, как всегда. Кажется, он был не согласен с моим решением.
- Благодарю вас, доктор Тарэгуд. А скажите, ничто не давало вам повода предполагать, что больная недовольна своим лечением в больнице, — при одной мысли об этом по чопорному лицу Буна скользнула бледная усмешка, — что она имеет какие-либо основания жаловаться на вас или младший персонал больницы?
- Ровно ничего. Она всегда казалась довольной, веселой и счастливой.
- Благодарю вас, доктор Тарэгуд. — Бун взял со стола другую бумагу. — А теперь сестра Майлс, пожалуйста.
- Доктор Тарэгуд сел на свое место. Сестра его палаты выступила вперед. Бун продолжал:
- Сестра Майлс, в понедельник утром, двенадцатого сентября, на третий день после консилиума доктора Тарэгуда и доктора Мэнсона, приходил ли доктор Мэнсон навестить больную Боленд?
- Приходил.
- А он обычно бывает в этот час в больнице?
- Нет.
- Что же, он осматривал больную?
- Нет. Он не просил у нас ширмы. Он просто сидел и разговаривал с ней.
- Совершенно верно, сестра. Имел с ней долгий и серьезный разговор, как сказано в вашем формальном заявлении. Но теперь расскажите нам своими словами, сестра, что произошло сразу по уходе доктора Мэнсона.
- Приблизительно через полчаса номер семнадцатый, то есть Мэри Боленд, обратилась ко мне: «Сестра, знаете,

я все обдумала и решила ехать домой. Вы очень хорошо за мной ухаживаете, но я все-таки хочу выписаться в будущую среду».

Бун поспешно перебил ее:

— В среду. Так. Благодарю, сестра. Это я и хотел установить. Это все. Вы свободны пока.

Сестра Майлс вернулась на место. Адвокат сделал учтиво-довольный жест своим пенсне на ленте.

— Теперь сестра Шарп, пожалуйста. — (Пауза.) — Сестра Шарп, вы можете подтвердить заявление относительно действий доктора Мэнсона в среду, четырнадцатого сентября?

— Да, я была там.

— По вашему тону, сестра Шарп, я заключаю, что вы были там против воли.

— Когда я узнала, куда мы отправляемся и что этот Стиллман вовсе не доктор, я была...

— Возмущена, — подсказал Бун.

— Да, возмущена, — затараторила Шарп. — Я всегда, всю жизнь работала только у настоящих докторов, у подлинных специалистов.

— Так-так, — промурлыкал Бун. — Теперь, сестра Шарп, имеется еще один пункт, который я попрошу вас вторично осветить перед советом. Действительно ли доктор Мэнсон помогал мистеру Стиллману при выполнении операции?

— Помогал, — мстительно подтвердила Шарп.

В эту минуту Эбби наклонился вперед и через председателя мягко задал ей вопрос:

— А скажите, сестра Шарп, когда происходили эти события, вы уже были предупреждены доктором Мэнсоном об увольнении?

Шарп сильно покраснела, растерялась и пробормотала:

— Да.

Через минуту она села на место. На Эндрю повеяло теплом. Эбби во всяком случае остался ему другом.

Бун, немного рассерженный этим вмешательством, повернулся к столу, за которым заседал совет:

— Господин председатель, господа, я бы мог продолжать вызов свидетелей, но не хочу отнимать у совета драгоценное время. Кроме того, я считаю, что дал исчерпывающие доказательства. Нет ни малейшего сомнения в том, что больная Мэри Боленд была исключительно благодаря пособничеству доктора Мэнсона увезена из палаты видного специалиста в одной из лучших больниц Лондона в сомнительное учреждение, что уже само по себе является серьезным нарушением профессиональной этики. И здесь доктор Мэнсон с заранее обдуманной намерением произвел совместно с неквалифицированным владельцем этого предприятия опасную операцию, которая была больной противопоказана, по заявлению доктора Тарэгуда, специалиста, морально ответственного за ее лечение. Господин председатель и вы, господа, разрешите мне почтительно указать, что здесь мы имеем дело не с единичным явлением, как может показаться на первый взгляд, не со случайным проступком, а с сознательным, заранее обдуманым и почти систематическим нарушением закона.

Мистер Бун, очень довольный собой, сел на место и принялся протирать очки. Некоторое время стояла тишина. Эндрю упорно смотрел в пол. Для него было пыткой слушать такое тенденциозное изложение дела. Он с горечью подумал, что с ним обращаются как с каким-нибудь уголовным преступником. Его поверенный выступил вперед и приготовился говорить.

Хорнер, как всегда, был красен, возбужден и растерянно рылся в своих бумагах.

Но странно — это как будто расположило совет в его пользу. Председатель сказал:

— Итак, мистер Хорнер?

Хорнер откашлялся:

— Господин председатель и вы, господа, я не стану оспаривать свидетельские показания, собранные мистером Бунном. Я вовсе не желаю плестись в хвосте фактов. Но то, как их здесь истолковали, нас весьма огорчает. Кроме того, имеются некоторые добавочные обстоятельства, которые показывают все дело в свете, более благоприятном для моего клиента.

Здесь не было отмечено, что мисс Боленд лечилась сначала у доктора Мэнсона, что, прежде чем обратиться к доктору Тарэгуду, она еще одиннадцатого июля советовалась с доктором Мэнсоном. Далее, доктор Мэнсон был лично заинтересован в излечении этой больной: мисс Боленд — дочь его близкого друга. Таким образом, он считал, что на нем лежит ответственность за состояние ее здоровья. Надо прямо сказать: доктор Мэнсон сделал ложный шаг. Но я позволю себе почтительно заметить, что в его поступке не было ничего бесчестного и ничего предумышленного.

Мы слышали сейчас о небольшом расхождении во мнениях между доктором Тарэгудом и доктором Мэнсоном по вопросу о лечении больной. Принимая в ней горячее участие, доктор Мэнсон, естественно, стремился снова взять ее лечение в свои руки. Но так же естественно, что он не хотел обижать старшего коллегу. Только это и побудило его действовать тайно, как здесь подчеркивал мистер Бун. — Хорнер сделал паузу, вынул носовой платок и откашлялся. У него был вид человека, который приближается к самому трудному барьеру. — А теперь переходим к вопросу о сообществе, о мистере Стиллмане и «Бельвью». Я полагаю, что членам совета имя мистера Стиллмана небезызвестно. Хотя он и не имеет диплома врача, но пользуется определенной репутацией, и о нем даже писали, что он первый добился излечения некоторых трудных больных.

Председатель важно перебил его:

— Мистер Хорнер, что можете вы, юрист, знать об этих вещах?

— Вы правы, сэр, — поспешно согласился мистер Хорнер. — Я только хотел указать, что мистер Стиллман — человек известный. Много лет назад он познакомился с доктором Мэнсоном, написав ему письмо по поводу исследовательской работы Мэнсона в области легочных болезней. Позднее они встретились уже просто как знакомые, когда мистер Стиллман приехал сюда открывать свою клинику. Таким образом, со стороны Мэнсона было хотя и неосмотрительно, но вполне естественно то, что он, ища места, где бы можно было лечить мисс Боленд, воспользовался удобствами, которые предоставили ему в «Бельвью». Мой друг, мистер Бун, назвал «Бельвью» сомнительным учреждением. Пожалуй, совету будет интересно выслушать мнение об этом свидетелей. Мисс Боленд, прошу вас!

Когда Мэри поднялась, взгляды всех членов совета обратились на нее с заметным любопытством. Несмотря на то что она волновалась и не сводила глаз с Хорнера, ни разу не взглянув на Эндрю, у нее был вид вполне здорового человека.

— Мисс Боленд, — обратился к ней Хорнер, — прошу вас сказать нам откровенно, были ли вы чем-нибудь недовольны во время своего лечения в «Бельвью»?

— Нет, напротив, очень была довольна.

Эндрю сразу понял, что Мэри предварительно научили, как надо отвечать. Она говорила с настороженной сдержанностью.

— Вам не стало хуже?

— Наоборот. Мне лучше.

— Что же, вас там лечили именно так, как обещал вам доктор Мэнсон во время первого разговора между вами, происходившего... постоит... да, одиннадцатого июля?

— Да.

— Разве это существенно? — спросил председатель.

— Я больше не имею вопросов к свидетельнице, сэр, — быстро сказал Хорнер. И, когда Мэри села на место, он уми-

лостивляющим жестом протянул обе руки к судьям за столом. — Джентльмены, я беру на себя смелость утверждать, что лечение, проведенное в «Бельвью», являлось, собственно, идеей доктора Мэнсона, осуществленной другими лицами. Я считаю, что профессионального сотрудничества в том смысле, в каком предусматривает его закон, между Стиллманом и доктором Мэнсоном не было. Я прошу, чтобы вы выслушали показания доктора Мэнсона.

Эндрю встал, остро сознавая, что все глаза устремлены на него. Он был бледен, лицо у него вытянулось. Он ощущал внутри холод и пустоту.

Хорнер обратился к нему:

— Доктор Мэнсон, вы не извлекли никакой материальной выгоды из сотрудничества с мистером Стиллманом?

— Ни пенни.

— У вас не было при этом никаких тайных мотивов, никакой корыстной цели?

— Нет.

— Вы не имели намерения подорвать авторитет вашего старшего товарища, доктора Тарэгуда?

— Нет. Мы с ним были в хороших отношениях. Просто... в этом случае наши мнения не совпали...

— Понятно, — перебил его Хорнер с несколько излишней поспешностью. — Итак, вы можете заверить совет честно и искренно, что у вас не было намерения нарушить закон и вы не имели ни малейшего представления, что поступок ваш сколько-нибудь позорит вас как врача?

— Совершенная правда.

Хорнер подавил вздох облегчения и кивком отпустил Эндрю. Считая себя обязанным вызвать его для показаний, он все время боялся необузданности своего подзащитного. Но все прошло благополучно, и Хорнер решил, что если теперь в краткой речи суммировать факты, то есть еще слабая надежда на успех. Он заговорил с покаянным видом:

— Не хочу больше отнимать у совета время. Я старался доказать, что со стороны доктора Мэнсона здесь была

просто несчастная ошибка. Я взываю не только к справедливости, но и к милосердию совета. И в заключение хотел бы обратить внимание совета на заслуги моего клиента. Такой биографией всякий мог бы гордиться. Всем нам известны случаи, когда люди знаменитые совершали одну-единственную ошибку, — и так как не встретили к себе милосердия, слава их навсегда затмилась. Я молю Бога, чтобы с этим человеком, которого вам предстоит судить, не произошло то же самое.

Смирение и сокрушенный тон Хорнера произвели прекрасное впечатление на совет. Но сразу же опять встал Бун и обратился к председателю:

— Разрешите, сэр, задать два-три вопроса доктору Мэнсону. — Он повернулся и, взмахнув очками, подозвал Эндрю. — Доктор Мэнсон, ваш последний ответ мне не совсем ясен. Вы сказали, будто не имели понятия о том, что поведение ваше сколько-нибудь бесчестно. А между тем вы *знали*, что мистер Стиллман не профессионал.

Эндрю исподлобья смотрел на Буна. Тонем своим этот чопорный адвокат как бы давал ему понять, что он виновен в чем-то позорном. И в холодной пустоте его души медленно начало разгораться пламя. Он сказал отчетливо:

— Да, я знал, что он не врач.

Неприязненная усмешка скользнула по лицу Буна. Он язвительно произнес:

— Так-так. Но даже это вас не остановило.

— Даже это, — повторил Эндрю с внезапной злобой. Он чувствовал, что его покидает самообладание. Глубоко перевел дух. — Мистер Бун, вы тут задавали множество вопросов. Но позвольте ли мне задать вам один? Слышали вы когда-нибудь о Луи Пастере?

— Да, — ответил Бун с удивлением, — кто же о нем не слышал?

— Вот-вот, совершенно верно. Кто же о нем не слышал! Но вам, вероятно, неизвестно, мистер Бун, так разрешите

вам сказать, что Луи Пастер, величайшая фигура в научной медицине, не был врачом. Не был им и Эрлих, человек, подаривший нам лучшее и наиболее специфическое средство лечения, какое знает история медицины. Не был им и Хавкин, который боролся с чумой в Индии успешнее, чем все врачи-профессионалы. Не был врачом и Мечников, слава которого уступает только славе Пастера. Простите, что я напоминаю вам такие элементарные факты, мистер Бун. Да убедят они вас, что далеко не всякий, кто борется с болезнями человеческими, не имея на то диплома, непременно мошенник или невежда!

Молчание, словно насыщенное электричеством.

До этого момента заседание проходило в атмосфере мрачно-торжественной, избитой рутины уголовного суда. Теперь же все члены совета выпрямились, насторожились. Эбби до странности пристально смотрел на Эндрю.

Хорнер, прикрывая лицо рукой, даже застонал от ужаса. Он был уверен, что дело проиграно. Бун, сильно обескураженный, сделал, однако, попытку исправиться:

— Да-да, все эти славные имена нам известны. Но вы, конечно, не станете равнять Стиллмана с такими людьми?

— А почему бы и нет? — стремительно отпарировал Эндрю в бурном негодовании. — Они знамениты потому, что уже умерли. А при жизни Коха Вирхов высмеивал и поносил его. Теперь мы Коха больше не оскорбляем, мы оскорбляем таких людей, как Шпалингер и Стиллман. Да, вот еще пример: Шпалингер, великий и оригинальный ученый мыслитель. Он не врач. У него нет диплома. Но для медицины он сделал больше, чем тысячи людей с дипломами, людей, разъезжающих в автомобилях, собирающих гонорары, свободных как ветер, тогда как на Шпалингера клеветают, его позорят и обвиняют, ему дали истратить все его состояние на исследования и лечение людей, а затем оставили одного бороться с нищетой.

— Что же, прикажете нам думать, — фыркнул Бун, — что вы так же точно восхищаетесь мистером Стиллманом?

— Да! Он большой человек, всю жизнь отдавший на пользу человечеству. Ему тоже пришлось воевать с завистью, и предрассудками, и клеветой. У себя на родине он из этой борьбы вышел победителем. Ну а у нас, очевидно, нет. И все же я убежден, что он больше сделал для излечения туберкулеза, чем кто-либо в нашей стране. Он не принадлежит к людям нашей профессии. Но среди этих людей слишком много таких, которые всю жизнь лечили больных от туберкулеза и не принесли им ни одного атома пользы.

В длинном высоком зале царило волнение.

Глаза Мэри Боленд, теперь устремленные на Эндрю, сияли восторгом, в котором сквозила тревога. Хорнер медленно и уныло собирал бумаги и укладывал их в портфель.

Председатель остановил Эндрю:

— Вы понимаете, что говорите?

— Да. — Эндрю крепко ухватился за спинку стула. Он сознавал, что увлекся и сделал большую оплошность, но решил отстаивать свои взгляды. Он учащенно дышал, нервы его были натянуты до последней степени, какой-то задор овладел им. Если они намерены его исключить — пускай, по крайней мере, получат к тому основания. И он стремительно продолжил: — Я слушал обвинения, которые здесь сегодня высказывались по моему адресу, и все время спрашивал себя: что я сделал дурного? Я не желаю работать с шарлатанами. Я не верю в шарлатанские средства. Вот потому-то я не читаю половины тех «высоконаучных» реклам, которые дождем сыплются в мой ящик с каждой почтой. Я знаю, что говорю резче, чем следует, но иначе не могу. Мы недостаточно терпимы. Если мы будем упорно считать все, что внутри нашей корпорации, правильным, а за всем, что в нее не входит, будем отрицать право на существование, — это будет гибелью прогресса в науке. Мы превратимся в тесное и замкнутое монопольное предприятие. Нам давно пора начать наводить у себя порядок. Я имею в виду не поверхностные недочеты. Начнем сначала: вспомним, какую никуда не годную подготовку получают врачи. Когда я окончил уни-

верситет, то был угрозой для общества. Названия нескольких болезней и лекарств, которые полагалось прописывать против них, — вот все, что я знал. Я не умел даже закрыть акушерские щипцы. Всему, что я знаю, я научился потом. А много ли врачей осваивает что-либо, кроме тех элементарных знаний, которые дает им практика? Им некогда, беднягам, они с ног валяются. Вот где корень зла. Мы должны организовать в научные коллективы. Нужны обязательные курсы повышения квалификации врачей. Должно быть сделано могучее усилие двинуть науку вперед, покончить со старой системой «бутылок микстуры», дать каждому практикующему врачу возможность учиться, объединяться с другими в исследовательской работе. А как быть с торгашескими тенденциями? Бесполезное лечение в погоне за гинеями пациентов, ненужные операции, множество недостойных псевдонаучных фокусов и стяжательских замашек — не время ли кое с чем распрощаться? Вся наша корпорация чересчур нетерпима и самодовольно-ограничена. В силу ее структуры она косна. Мы никогда не думаем о движении вперед, об изменении системы. Мы обещаем что-то сделать, но не делаем. Годами вопим об эксплуататорских условиях работы наших сестер и сиделок, о жалких грошах, которые они получают. И что же? Их по-прежнему эксплуатируют, платят все те же ничтожные гроши. Это только так, первый попавшийся пример. А главное вот что: мы не даем хода нашим пионерам. Доктор Хексем, человек, осмелившийся давать наркоз при операциях косто-права Джарвиса, был в самом начале своей работы исключен за это из списка врачей. Десять лет спустя, после того как Джарвис спас сотни людей, перед болезнями которых оказались бессильны лучшие хирурги Лондона, когда ему пожаловали титул, когда все «светила» объявили его гением, тогда мы пошли на попятный и дали Хексему почетное звание доктора медицины. Но к этому времени Хексем уже умер от разбитого сердца. Я знаю, что в своей практике

врача наделал много ошибок, и скверных ошибок. Я о них, конечно, сожалею. Но в Ричарде Стиллмане я не ошибся. И не жалею, что работал с ним. Об одном вас прошу: посмотрите на Мэри Боленд. У нее был туберкулез верхушек, когда ее привезли к Стиллману. Теперь она здорова. Если вы требуете, чтобы я оправдался в моем недостойном врача поведении, так вот оно, мое оправдание, — здесь перед вами.

Он резко оборвал речь и сел. Станный свет появился в глазах Эбби, сидевшего за высоким столом совета. Бун все еще стоял и смотрел на Мэнсона со смешанным чувством. Затем, злорадно подумав, что он во всяком случае довел это-го выскочку до того, что тот сам сломал себе голову, он поклонился председателю и сел на место.

С минуту в зале стояло непонятное безмолвие, потом председатель объявил, как обычно:

— Прошу посторонних удалиться.

Эндрю вышел из зала вместе с остальными. Задор его исчез, голова, все тело дрожали, как перегруженная машина. Он задыхался в атмосфере зала. Он не мог видеть Хорнера, Боленда, Мэри, других свидетелей. Особенно нестерпимо было меланхолически-укоризненное выражение на лице адвоката. Эндрю находил теперь, что вел себя как дурак, жалкий дурак, склонный к декламации. Теперь честность его представлялась ему чистейшим безумием. Да, безумием было разглагольствовать перед советом так, как сделал он. Ему не врачом быть, а агитатором в Гайд-парке. Ладно! Не-долго еще ему быть врачом, его сейчас вычеркнут из списка.

Он пошел в туалет, испытывая лишь потребность быть одному, и сел на край умывальника, машинально нащупывая в кармане сигареты. Но пересохший язык не ощутил вкуса табака, и он бросил сигарету, потушив ее каблуком. Несмотря на жестокие истины, которые он высказал о своей корпорации несколько минут назад, он чувствовал себя до странности несчастным при мысли, что будет исключен из нее. Он знал, что может работать у Стиллмана. Но не этого

ему надо было. Нет! Он хотел вместе с Денни и Хоупом следовать своему призванию, вогнуть копьё своей идеи в толстую шкуру консерватизма и косности. Но все это надо делать не извне, а внутри корпорации, в Англии это никогда, никогда не удастся человеку вне корпорации. Теперь Денни и Хоупу придется одним управлять троянским конем. Волна горечи затопила душу. Будущее расстиралось перед ним унылой пустыней. Он уже переживал мучительнейшее из чувств — чувство оторванности от своей среды и сознание, что он конченный человек, что это — гибель.

Шум двигавшейся по коридору толпы заставил его с трудом встать. Входя с остальными в зал, он сурово твердил себе, что ему остается только один исход. Не надо пресмыкаться. Только не выказать слабости, ни следа заискивания! Решительно уставив глаза в пол, он не видел никого, не бросил ни единого взгляда на стол там наверху. Все обычные звуки в зале мучительно отдавались в его ушах: скрип стульев, кашель, шепот, даже чье-то ленивое постукивание карандашом.

Но вдруг наступила тишина. Судорожное оцепенение сковало Эндрю. «Вот! — подумал он. — Вот начинается!» Раздался голос председателя. Он говорил медленно, внушительно:

— Эндрю Мэнсон, совет, внимательно рассмотрев предъявленное вам обвинение, а также показания свидетелей, находит, что, несмотря на некоторые особенности этого дела и наше крайне неуместное изложение их, вы действовали с добрыми намерениями, искренно желая поступать в духе закона, требующего от врачей верности высоким идеалам их профессии. Я должен вам сообщить, таким образом, что совет не счел нужным исключать ваше имя из официальных списков.

Одну ошеломительную минуту он не понимал. Затем трепетная радость овладела им. Не исключен! Свободен, чист, оправдан!

Он поднял голову и, как в тумане, посмотрел на членов совета. Из всех лиц, странно расплывавшихся перед его глазами, повернутых к нему, он видел ясно только лицо Роберта Эбби. Сочувствие в его глазах еще больше взволновало Эндрю. Молнией мелькнула уверенность, что это Эбби выручил его. Притворное безучастие мигом слетело с него. Эндрю пробормотал тихо, обращаясь к председателю, но мысленно говоря это Эбби:

— Благодарю вас, сэр.

Председатель сказал:

— Дело считается законченным.

Эндрю встал, его тотчас обступили друзья — Кон, Мэри, потрясенный мистер Хорнер, люди, которых он никогда раньше не видел и которые теперь горячо жали ему руку. Он не помнил, как очутился на улице. Кон все еще хлопал его по плечу, мчавшиеся мимо автобусы странно успокаивали нервное смятение, обычная жизнь улицы будила радость, невообразимый восторг свободы. Он вдруг посмотрел на Мэри и встретил ее глаза, полные слез.

— Если бы они сделали вам что-нибудь худое, после того как вы были так добры ко мне... О, я бы убила этого старого председателя!

— Господи помилуй, Мэри! — закричал Кон. — Не понимаю, чего вы все беспокоились. В ту минуту, как старина Мэнсон заговорил, я уже знал, что он из них вышибет все, чем их начинили!

Эндрю улыбнулся — слабо, радостно, неуверенно.

Они втроем пришли в отель «Музеум» около часу дня. Здесь ожидал Денни. Он пошел им навстречу, серьезно усмехаясь. Хорнер уже сообщил ему новость по телефону. Денни не делал никаких комментариев, только сказал:

— Я голоден. Но здесь есть не стоит. Пойдемте все куда-нибудь. Я угощу вас хорошим ланчем.

Они поели в ресторане «Коннот». Хотя на лице Филипа не было и следа волнения и он говорил больше всего с Коном об автомобилях, ланч вышел очень веселый.

Потом Денни сказал Эндрю:

— Наш поезд отходит в четыре. Хоуп — в Стенборо, ожидает нас в гостинице. Мы можем дешево купить тот дом, о котором говорили. Ну а теперь мне нужно сделать кое-какие покупки. Встретимся на вокзале Юстон без десяти четыре.

Эндрю смотрел на Денни, думая о его дружбе, обо всем, чем ему обязан с той первой их встречи в маленькой амбулатории Блэнелли. И неожиданно заинтересовался:

— А что, если бы меня исключили?

— Но вас же не исключили, — качнул головой Филип. — И я уж позабочусь о том, чтобы этого с вами никогда не могло произойти.

Денни ушел за покупками, а Эндрю проводил Кона и Мэри на Паддингтонский вокзал. Когда они, молчаливые теперь, ждали на перроне поезда, он повторил свое приглашение:

— Непременно приезжайте к нам в Стенборо погостить.

— Приедем, — обещал Кон. — Весной, когда я приведу в порядок свой автомобильчик.

После того как они уехали, у Эндрю оставался в распоряжении еще целый час. Он инстинктивно сел в автобус и скоро очутился у Кенсал-Грин. Прошел на кладбище и долго стоял у могилы Кристин, думая о многом. Был ясный солнечный день со свежим ветерком — такой, как любила Кристин. Над его головой, на ветке унылого, темного от копоти дерева, весело чирикал воробей. Когда Эндрю наконец пошел с кладбища, боясь опоздать на поезд, перед ним в высоком небе плыла сияющая гряда облаков, своей формой напоминавшая зубчатые стены крепости.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	131
Часть третья	271
Часть четвертая	295

Кронин А.

К 83 Цитадель : роман / Арчибальд Кронин ; пер. с англ. М. Абкиной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 512 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-13428-7

«Цитадель» — возможно, самая известная книга Кронина, это замечательный злободневный роман-притча о жизненном пути человека от его становления и развития до разложения и упадка личности под гнетом суровой реальности.

Эндрю Мэнсон приезжает на первую в своей жизни практику с благородной целью: помочь как можно большему количеству людей. Он искренне хочет стать одним из тех, кто сможет по-настоящему прославить медицину. Все начинается с малого, но Эндрю не отступает перед трудностями: в захолустном городке молодой человек числится помощником доктора, но на самом деле он сам — доктор. Такова жизнь и Эндрю принимает вызов!

Мало-помалу, меняя одну больницу за другой, Эндрю делает головокружительную карьеру. Однако за взлетами в один момент становится трудно обрести самого себя. Успешный доктор теперь гораздо реже задается глобальными вопросами о том, как изменить медицинскую систему.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРЧИБАЛЬД КРОНИН

ЦИТАДЕЛЬ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Татьяна Бородулина, Маргарита Ахметова

Подписано в печать 09.02.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 32. Заказ № 0942/21.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-ILN-21611-06-R

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

АЗБУКА-АТТИКУС

В состав Издательской Группы
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».

Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, non-fiction, художественные
и развивающие книги для детей,
иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям
знаний, историко-биографические издания.

Узнать подробнее о наших сериях и новинках
вы можете на сайте

www.atticus-group.ru

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг,
узнать о различных мероприятиях и акциях,
а также заказать наши книги через интернет-магазины.

 ИНОСТРАНКА

 АЗБУКА

 КоЛибри

 Machaon

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/

Один из лучших английских романов XX века.

Кронин — первоклассный писатель
с честной любовью к простому человеку.

Time Magazine

Роман, полный жизни, людей и красок.

Harper's Magazine

Арчибальд Джозеф Кронин (1896–1981) — шотландский писатель, врач. Его наиболее известные российскому читателю романы: «Замок Броуди», «Звезды смотрят вниз», «Цитадель», «Юные годы», «Путь Шеннона», «Памятник крестоносцу».

Уже будучи студентом, он выигрывал конкурсы сочинительства. Благодаря исключительным способностям, Кронин был награжден стипендией для изучения медицины в Университете Глазго и блестяще его окончил. В качестве корабельного хирурга будущий писатель совершил путешествие в Индию. В 1924 году Кронин был назначен медицинским инспектором рудников Великобритании. В общей сложности он работал врачом более десяти лет, прежде чем целиком посвятил себя литературе.

Свой первый роман «Замок Броуди» Кронин написал всего лишь за три месяца. Этот роман имел сенсационный успех и принес автору заслуженное признание в литературных кругах. Многие из его книг были бестселлерами и переводились на множество языков. Сила писательского дара Кронина заключалась в сочетании хорошего повествования, острых диалогов, тонких наблюдений и ярких образов героев. Кроме романов, Арчибальд Кронин написал большое количество рассказов и эссе.

© Diomedia.com / National Gallery London UK

www.azbooka.ru